

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дневникъ писателя
за 1877 г.

Бесплатное приложение къ журналу „НИВА“ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1895.

098280

Дозволено цензурою. СПБ. 23 іюня 1895 г.

ЯНВАРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Три идеи.

Я начну мой новый годъ съ того самаго, на чёмъ остановился въ прошломъ году. Послѣдняя фраза въ декабрьскомъ „Дневнике“ моемъ была о томъ, „что почти всѣ наши русскія разъединенія и обособленія основались на однихъ лишь недоумѣніяхъ, и даже прегрубѣйшихъ, въ которыхъ пѣтъ ничего существеннаго и непереходимаго“. Повторю опять: всѣ споры и разъединенія наши произошли лишь отъ ошибокъ и отклоненій ума, а не сердца, и вотъ въ этомъ-то опредѣленіи и заключается все существенное нашихъ разъединеній. Существенное это довольно еще отрадно. Ошибки и недоумѣнія ума исчезаютъ скопрѣ и безслѣднѣе, чѣмъ ошибки сердца; излѣчиваются же не столько отъ споровъ и разъясненій логическихъ, сколько неотразимою логикою событий живой, дѣйствительной жизни, которая весьма часто, сами въ себѣ, заключаютъ необходимый и правильный выводъ и указываютъ прямую дорогу, если и не вдругъ, не въ самую минуту ихъ появленія, то во всякомъ случаѣ въ весьма быстрые сроки, иногда даже и не дождалась слѣдующихъ поколѣній. Не то съ ошибками сердца. Ошибка сердца есть вещь страшно важная: это есть уже зараженный духъ иногда даже во всей націи, несущій съ собою весьма часто такую степень слѣпоты, которая не излѣчивается даже ни передъ какими фактами, сколько бы они ни указывали на прямую дорогу;

напротивъ, перерабатывающая эти факты на свой ладъ, ассиимилирующая ихъ съ своимъ зараженнымъ духомъ, при чмъ происходит даже такъ, что скорѣе умретъ вся нація, сознательно, т. е. даже понявъ слѣпоту свою, но не желая уже излѣчиваться. Пусть не смѣются надо мной заранѣе, что я считаю ошибки ума слишкомъ легкими и быстро изгладимыми. И ужъ смѣшиѣ всего было бы, даже кому бы то ни было, а не то что мнѣ, принять на себя въ этомъ случаѣ роль изглаживателя, твердо и спокойно увѣренного, что словами проймешь и перевернешь убѣжденія данной минуты въ обществѣ. Я это все сознаю. Тѣмъ не менѣе стыдиться своихъ убѣжденій нельзя, а теперь и не надо, и кто имѣеть сказать слово, тотъ пусть говоритъ, не боясь, что его не послушаютъ, не боясь даже и того, что надѣ нимъ насмѣются и что онъ не произведетъ никакого впечатлѣнія на умъ своихъ современниковъ. Въ этомъ смыслѣ „Дневникъ писателя“ никогда не сойдетъ съ своей дороги, никогда не станетъ уступать духу вѣка, силѣ властивущихъ и господствующихъ вліяній, если сочтетъ ихъ несправедливыми, не будетъ подлаживаться, льстить и хитрить. Послѣ цѣлаго года нашего изданія намъ кажется уже позволительно это высказать. Вѣдь мы очень хорошо и вполнѣ сознательно понимали и въ прошломъ году, что многимъ изъ того, о чмъ писали мы съ жаромъ и убѣжденiemъ, мы въ сущности вредили только себѣ, и что гораздо болѣе получили бы, напротивъ, выгоды, если бы съ такимъ же жаромъ попадали въ другой унисонъ.

Повторяемъ: намъ кажется, что теперь надо какъ можно откровеннѣе и прямѣй вслѣдъ высказываться, не стыдясь наивной обнаженности иной мысли. Дѣйствительно нась, т. е. всю Россію, ожидаютъ, можетъ быть, чрезвычайныя и огромныя события. „Могутъ вдругъ наступить великие факты и застать наши интеллигентныя силы врасплохъ и тогда не будетъ ли поздно?“ — какъ говорилъ я, заканчивая мой декабрьскій „Дневникъ“. Говоря это, я не одни политическія события разумѣль въ этомъ „ближайшемъ будущемъ“, хотя и они не могутъ не поражать теперь вниманіе даже самыхъ скучныхъ и самыхъ „животворящихъ“ умовъ, которымъ ни до чего кромѣ себя дѣла нѣть. Въ самомъ дѣлѣ, что ожидаетъ міръ не только въ остальную четверть вѣка, но даже (кто знаетъ это?) въ нынѣшнемъ, можетъ быть, году? Въ Европѣ не спокойно,

и въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но не временное ли, минутное ли это беспокойство? Совсѣмъ нѣтъ: видно подошли сроки ужъ чему-то вѣковѣчному, тысячелѣтнему, тому, что приготовлялось въ мірѣ съ самаго начала его цивилизациіи. Три идеи встаютъ передъ міромъ и, кажется, формулируются уже окончательно. Съ одной стороны,—съ краю Европы—идея католическая, осужденная, ждущая въ великихъ мукахъ и недоумѣніяхъ: быть ей иль не быть, жить ей еще или пришелъ ей конецъ. Я не про религию католическую одну говорю, а про всю *идею католическую*, про участіе націй, сложившихся подъ этой идеей въ продолженіе тысячелѣтія, проникнутыхъ ею насквозь. Въ этомъ смыслѣ, Франція, напримѣръ, есть какъ бы полнѣйшее воплощеніе католической идеи въ продолженіе вѣковъ, глава этой идеи, унаслѣдованной, конечно, еще отъ римлянъ и въ ихъ духѣ. Эта Франція, даже и потерявшая теперь, *почти вся*, всякую религию (іезуиты и атеисты тутъ все равно, все одно), закрывавшая не разъ свои церкви и даже подвергавшая однажды баллотировкѣ собранія самого Бога, эта Франція, развившая изъ 189 года свой особенный французскій соціализмъ, т. е. успокоеніе и устройство человѣческаго общества уже безъ Христа и внѣ Христа, какъ хотѣло да не сумѣло устроить его во Христѣ католичество,—эта самая Франція и въ революціонерахъ конвента, и въ атеистахъ своихъ, и въ соціалистахъ своихъ, и въ теперешнихъ комунарахъ своихъ,—все еще въ высшей степени есть и продолжаетъ быть націей католической вполнѣ и всепрѣдѣло, вся зараженная католическимъ духомъ и буквой его, провозглашающая устами самыхъ отъяленныхъ атеистовъ своихъ: *Liberté, Egalité, Fraternité—ou la mort*, т. е. точь-вѣ-точь какъ бы провозгласилъ это самъ папа, если бы только принужденъ былъ провозгласить и формулировать *liberté, égalité, fraternité* католическую—его слогомъ, его духомъ, настоящимъ слогомъ и духомъ папы среднихъ вѣковъ. Самый теперешній соціализмъ французскій,—повидимому горячій и роковой протестъ противъ идеи католической всѣхъ измученныхъ и задушенныхъ ею людей и націй, желающихъ во чѣмъ бы то ни стало жить и продолжать жить уже безъ католичества и безъ боговъ его,—самый этотъ протестъ, начавшійся фактически съ конца прошлаго столѣтія (но въ сущности гораздо раньше), есть не что иное, какъ лишь вѣрнѣйшее и неуклонное продол-

женіе католической идеи, самое полное и окончательное завершеніе ея, роковое ея послѣдствіе, выработавшееся вѣками! Ибо соціализмъ французскій есть не что иное, какъ *насильственное единеніе* человѣка — идея еще отъ древняго Рима идуцая, и потомъ всецѣло въ католичествѣ сохранившаяся. Такимъ образомъ идея освобожденія духа человѣческаго отъ католичества облеклась тутъ именно въ самыя тѣсныя формы католической, заимствованныя въ самомъ сердцѣ духа его, въ буквѣ его, въ материализмѣ его, въ деспотизмѣ его, въ нравственности его.

Съ другой стороны, возстаетъ старый протестантизмъ, протестующій противъ Рима вотъ уже девятнадцать вѣковъ, противъ Рима и идеи его, древней языческой и обновленной католической, противъ міровой его мысли владѣть человѣкомъ на всей землѣ, и нравственно и материально, противъ цивилизаціи его,—протестующій еще со временемъ Арминія и Тевтобургскихъ лѣсовъ. Это—германецъ, вѣрящий слѣпо, что въ немъ лишь обновленіе человѣчества, а не въ цивилизаціи католической. Во всю исторію свою онъ только и грезилъ, только и жаждалъ объединенія своего для провозглашенія своей гордой идеи,—сильно формулировавшейся и объединившейся еще въ Лютерову ересь; а теперь, съ разгромомъ Франціи, передовой главнѣйшей и христіанѣйшей католической націи, пять лѣтъ назадъ,—германецъ увѣренъ уже въ своемъ торжествѣ всецѣло и въ томъ, что никто не можетъ стать вмѣсто него въ главѣ міра и его возрожденія. Вѣритъ онъ этому гордо и неуклонно; вѣритъ, что выше германскаго духа и слова нѣтъ иного въ мірѣ и что Германія лишь одна можетъ изречь его. Ему смѣшно даже предположить, что есть хоть что-нибудь въ мірѣ, даже въ зародышѣ только, что могло бы заключать въ себѣ хоть что-нибудь такое, чего бы не могла заключать въ себѣ предназначенная къ руководству міра Германія. Между тѣмъ очень не лишнее было бы замѣтить, хотя бы только въ скобкахъ, что во всѣ девятнадцать вѣковъ своего существованія Германія, только и дѣлавшая, что протестовавшая, сама своего *новаго слова* совсѣмъ еще не произнесла, а жила лишь все время однимъ отрицаніемъ и протестомъ противъ врага своего, такъ что, напримѣръ, весьма и весьма можетъ случиться такое странное обстоятельство, что когда Германія уже одержитъ побѣду окончательно и разрушить то, противъ чего девятнадцать вѣковъ про-

тестовала, то вдругъ и ей придется умереть духовно са-
мой, вслѣдъ за врагомъ своимъ, ибо не для чего будетъ
ей жить, не будетъ противъ чею протестовать. Пусть это
покамъстъ моя химера, но зато Лютеровъ протестантизмъ
уже фактъ: вѣра эта есть протестующая и лишь *отрицатель-
ная*, и чуть исчезнетъ съ земли католичество, исчезнетъ за-
нимъ вслѣдъ и протестантство навѣрно, потому что не про-
тивъ чею будетъ протестовать, обратится въ прямой атеизмъ
и тѣмъ кончится. Но это положимъ пока еще моя хи-
мера. Идею славянскую германецъ презираетъ такъ же,
какъ и католическую, съ тою только разницею, что по-
слѣднюю онъ всегда цѣнилъ какъ сильнаго и могуще-
ственнаго врага, а славянскую идею не только ни во что
не цѣнилъ, но и не признавалъ ее даже вовсе до самой
послѣдней минуты. Но съ недавнихъ поръ онъ уже на-
чинаетъ коситься на славянъ весьма подозрительно. Хоть
ему и до сихъ поръ смѣшно предположить, что у нихъ
могутъ быть тоже хоть какія-нибудь цѣль и идея, ка-
кая-то тамъ надежда тоже „сказать что-то миру“, но,
однакоже, съ самаго разгрома Франціи мнительная подо-
зрѣнія его усилились, а прошлогоднія и текущія события
ужъ, конечно, не могли облегчить его недовѣрчивости.
Теперь положеніе Германіи нѣсколько хлопотливое: во
всякомъ случаѣ и прежде всякихъ восточныхъ идей ей
надо кончить свое дѣло на Западѣ. Кто станетъ отри-
цать, что Франція, недобитая Франція, не беспокоитъ и
не беспокоила германца во всѣ эти пять лѣтъ послѣ своего
погрома именно тѣмъ, что онъ не добилъ ее. Въ семиде-
сятъ пятомъ году это беспокойство достигло въ Берлинѣ
чрезвычайного даже предѣла, и Германія навѣрно рину-
лась бы, пока есть еще время, добивать исконнаго своего
врага, но помѣшили нѣкоторыя чрезвычайно сильныя об-
стоятельства. Теперь же, въ этомъ году, сомнѣнія нѣтъ,
что Франція, усиливающаяся материально съ каждымъ го-
домъ, еще страшнѣе пугаетъ Германію, чѣмъ два года
назадъ. Германія знаетъ, что врагъ не умретъ безъ борьбы,
мало того, когда почувствуетъ, что оправился совершенно,
то самъ задастъ битву, такъ что черезъ три года, черезъ
пять лѣтъ, можетъ-быть, будетъ уже очень поздно для
Германіи. И вотъ, въ виду того, что Востокъ Европы
такъ всецѣло проникнуть своей собственной, вдругъ воз-
ставшей, идеей, и что у него слишкомъ много теперь
дѣла и у себя самого—въ виду того вѣсма и вѣсма мо-

жетъ случиться, что Германія, почувствовавъ свои руки на время развязанными, бросится на западнаго врага окончательно, на страшный кошмаръ ее мучающій и — все это даже можетъ случиться въ слишкомъ и слишкомъ недалекомъ будущемъ. Вообще же можно такъ сказать, что если на Востокѣ дѣла натянуты, тяжелы, то чутъ ли Германія не въ худшемъ еще положеніи. И чутъ ли у ней еще не болѣе опасеній и всякихъ страховъ въ виду, несмотря на весь ея непомѣрно гордый тонъ, — и это по крайней мѣрѣ намъ можно взять въ особенное вниманіе.

А между тѣмъ на Востокѣ дѣйствительно загорѣлась и засияла небывалымъ и неслыханнымъ еще свѣтомъ третья міровая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — можетъ-быть, третья грядущая возможность разрѣшенія судебъ человѣческихъ и Европы. Всѣмъ ясно теперь, что съ разрѣшеніемъ восточнаго вопроса вдвинется въ человѣчество новый элементъ, новая стихія, которая лежала до сихъ поръ пассивно и косно, и которая, во всякомъ случаѣ и наименѣе говоря, не можетъ не повліять на міровыя судьбы чрезвычайно сильно и рѣшительно. Чѣмъ это за идея, что несетъ съ собою единеніе славянъ? — все это еще слишкомъ неопределено, но что дѣйствительно что-то должно быть внесено и сказано новое, — въ этомъ почти уже никто не сомнѣвается. И всѣ эти три огромные міровыя идеи сошлись, въ развязкѣ своей, почти въ одно время. Все это ужъ, конечно, не капризы, не война за какое-нибудь наслѣдство или изъ-за пререканій какихъ-нибудь двухъ высокихъ дамъ, какъ въ прошломъ столѣтіи. Тутъ нѣчто всеобщее и окончательное, и хоть вовсе не рѣшающее всѣ судьбы человѣческія, но безъ сомнѣнія несущее съ собою начало конца всей прежней исторіи европейскаго человѣчества, — начало разрѣшенія дальнѣйшихъ судебъ его, которая въ рукахъ Божіихъ и въ которыхъ человѣкъ почти ничего угадать не можетъ, хотя и можетъ предчувствовать.

Теперь вопросъ невольно представляющійся всякому мыслящему человѣку: могутъ ли такія события остановиться въ своемъ теченіи? Могутъ ли идеи такого размѣра подчиниться мелкимъ, жидовствующимъ, третьестепеннымъ соображеніямъ? Можно ли отдалить ихъ разрѣшеніе и полезно это или нѣтъ, наконецъ? Мудрость, безъ сомнѣнія, должна хранить и ограждать націи и служить человѣколюбію и человѣчеству, но иная идеи имѣютъ

свою косную, могучую и всеувлекающую силу. Оторвавшуюся и падающую вершину скалы не удержишь рукой. У насъ, русскихъ, есть, конечно, двѣ страшныя силы, стоящія всѣхъ остальныхъ во всемъ мірѣ, — это всецѣлостъ и духовная нераздѣльность миллионовъ народа нашего и тѣснѣйшее единеніе его съ монархомъ. Послѣднее, конечно, неоспоримо, но идею народную не только не понимаютъ, но и не хотятъ совсѣмъ понять „ободнявшіе Петры наши“.

II.

Миражи, штунда и редстокисты.

Но одни ли „европействующіе“ и „ободнявшіе Петры“ не хотятъ понять? Есть и другіе, гораздо злокачественнѣе. „Петры“ признаютъ, по крайней мѣрѣ, наше народное движение въ этомъ году въ пользу славянъ, а тѣ нѣтъ. Петры даже хвалятъ это движение, по-своему, конечно, хотя многое имъ въ немъ не нравится, но тѣ самое движение отрицаютъ вопреки свидѣтельству всей Россіи: „не было, дескать, ничего да и только! Мало того что не было, но и не могло-де быть“. „Народъ, дескать, нигдѣ не кричалъ и не заявлялъ, что войны хочетъ“. Да народъ нашъ никогда и не кричитъ, и не заявляетъ, народъ нашъ разуменъ и тихъ, а къ тому же вовсе не хочетъ войны, вовсе даже, а лишь сочувствуетъ своимъ угнетеннымъ братьямъ за вѣру Христову отъ всей души и отъ горячаго сердца, но ужъ коли надо будетъ, коли раздастся великое слово Царя, то весь пойдетъ, всей своей стомиллионной массой, и сдѣлаетъ все, что можетъ сдѣлать этакая стомиллионная масса, одушевленная однимъ порывомъ и въ согласіи, какъ единъ человѣкъ. Такъ что этакую силу единенія, въ виду таинственного будущаго близкихъ судебъ всей Европы, нельзя не цѣнить и нельзя не созерцать передъ собою въ минуты нѣкоторыхъ невольныхъ соображеній и гаданій нашихъ. Да и Богъ съ ней съ войной; кто войны хочетъ, хотя, въ скобкахъ говоря, пролитая кровь „за великое дѣло любви“ многое значить, многое очистить и омыть можетъ, многое можетъ вновь оживить и многое, доселѣ приниженнное и опакованное въ душахъ нашихъ, вновь вознести.

Но это лишь „слова и мысли“. Я всего только говорилъ, что есть историческія события, увлекающія все за собой и отъ которыхъ не избавившися ни волей, ни хит-

ростью, точно такъ же какъ не запрешишь морскому приливу остановиться и возвратиться вспять. Но все же обиденъ этотъ торжествующій теперь, послѣ лѣтнихъ воссторговъ, цинизмъ, обидна эта радость цинизма, радость чему-то гадкому, будто бы восторжествовавшему надъ воссторгомъ людей, обидны эти торжествующія рѣчи людей, не то что ужъ презирающихъ, но чуть ли не совсѣмъ отрицающихъ даже весь народъ нашъ, и признающихъ въ немъ, кажется, попрежнему, всего лишь одну косную массу и рабочія руки, точь-въ-точь какъ признавали это два вѣка сряду до великаго дня девятнадцатаго февраля. „Стану я подражать этому народу? Какая это у него идея, гдѣ вы ее отыскали?“ — вотъ что слышишь теперь почти поминутно. Это невѣrie въ духовную силу народа есть, конечно, невѣrie и во всю Россію. Безъ сомнѣнія, замѣщалось тутъ чрезвычайно много всякихъ и разнообразныхъ причинъ, руководящихъ отрицателями, но вѣрите ли — въ нихъ много и искренняго! А главное и прежде всего — совершенное незнаніе Россіи. Ну, можно ли представить себѣ, что иной изъ нихъ почти радъ нашей штундѣ, радъ для народа, для выгоды и для блага его: „все же это нѣсколько выше прежнихъ народныхъ понятій, все же это можетъ хоть нѣсколько облагородить народъ“. И не думайте, чтобы это были только рѣдкія и единичныя разсужденія. Кстати, что такое эта несчастная штунда? Нѣсколько русскихъ рабочихъ у нѣмецкихъ колонистовъ поняли, что нѣмцы живутъ богаче русскихъ и что это оттого, что порядокъ у нихъ другой. Случившіеся тутъ пасторы разъяснили, что лучшіе эти порядки оттого, что вѣра другая. Вотъ и соединились кучки русскихъ темныхъ людей, стали слушать какъ толкуютъ Евангеліе, стали сами читать и толковать и — произошло то, что всегда происходило въ такихъ случаяхъ. Несутъ сосудъ съ драгоцѣнною жидкостью, всѣ падаютъ ницъ, всѣ цѣлаютъ и обожаютъ сосудъ, заключающій эту драгоцѣнную живящую всѣхъ влагу, и вотъ вдругъ встаютъ люди и начинаютъ кричать: „слѣпцы! чего вы сосудъ цѣлауете: дорога лишь живительная влага въ немъ заключающаяся, дорогое содержимое, а не содержащее, а вы цѣлауете стекло, простое стекло, обожаете сосудъ и стеклу приписываете всю святость, такъ что забываете про драгоцѣнное его содержимое! Идолопоклонники! Бросьте сосудъ, разбейте его, обожайте лишь живящую влагу, а не стекло!“ И вотъ

разбивается сосудъ и живящая влага, драгоценное содер-
жимое, разливается по землѣ и исчезаетъ въ землѣ, раз-
умѣется. Сосудъ разбили и влагу потеряли. Но пока еще
влага не ушла вся въ землю, подымается суматоха: чтобы
что-нибудь спасти, что уцѣлѣло въ разбитыхъ черепкахъ,
начинаютъ кричать, что надо скорѣе новый сосудъ, на-
чинаютъ спорить, какъ и изъ чего его сдѣлать. Споръ на-
чинаютъ уже съ самаго начала; и тотчасъ же, съ самыхъ
первыхъ двухъ словъ споръ уходить въ букву. Этой буквой
они готовы поклониться еще больше, чѣмъ прежней, толь-
ко бы поскорѣе добыть новый сосудъ; но споръ ожесто-
чается, люди распадаются на враждебныя между собою
кучки и каждая кучка уносить для себя по нѣсколько
капель остающейся драгоценной влаги въ своихъ особен-
ныхъ разнокалиберныхъ, отовсюду набранныхъ чашкахъ
и уже не сообщается впредь съ другими кучками. Ка-
ждый своею чашкой хочетъ спастись и въ каждой отдель-
ной кучкѣ начинаются опять новые споры. Идолопо-
лонство усиливается во столько разъ, на сколько че-
репковъ разбился сосудъ. Исторія вѣчная, старая-преста-
рал, начавшаяся гораздо раньше Мартына Ивановича Лю-
тера, но по неизмѣннымъ историческимъ законамъ почти
точь-вѣ-точь та же исторія и въ нашей штундѣ: известно,
что они уже распадаются, спорятъ о буквахъ, толкуютъ
Евангеліе всякъ на свой страхъ и на свою совѣсть, и,
главное, съ самаго начала,—бѣдный, несчастный, темный
народъ! При этомъ столько чистосердечія, столько добрыхъ
начинаній, столько желанія выдержать даже хоть мѣки и
при всемъ томъ однако—столько самой безпомощной глуп-
ости, столько маленькаго педантскаго лицемѣрія, само-
любія, усладительной гордости въ новомъ чинѣ „святыхъ“,
даже плутовства и крючкотворства, а главное—все „съ са-
маго начала“, съ самаго т.-е. сотворенія міра, съ того,
что такое есть человѣкъ и что такое женщина, что хо-
рошо и что дурно, и даже: есть ли Богъ или нѣтъ его?
И какъ вы думаете: именно то, что они такъ безпо-
мощны и такъ принуждены начинать съ начала, именно
это-то и нравится многимъ и особенно нѣкоторымъ: „сво-
имъ де умомъ начнуть жить, стало-быть, непремѣнно до-
говорятся до чего-нибудь“. Вотъ разсужденіе! Такъ что
добытое вѣками драгоценное достояніе, которое надо бы
разъяснить этому темному народу въ его великому истин-
ному смыслу, а не бросать въ землю, какъ пенужную

старую ветошь прежнихъ вѣковъ, въ сущности пропало для него окончательно. Развитіе, свѣтъ, прогрессъ отдаляются опять для него на много назадъ, ибо наступить теперь для него уединенность, обособленность и закрытость раскольничества, а вмѣсто ожидаемыхъ „разумныхъ“ новыхъ идей, возвѣгнутся лишь старые, древнѣйшиѳ, всѣмъ извѣстные и поганѣйшиѳ идолы,—и попробуйте-ка ихъ теперь сокрушить! А впрочемъ бояться штунды совсѣмъ нечего, хотя жалѣть ее очень можно. Эта штунда не имѣеть никакого будущаго, широко не раздвинется, скоро остановится и навѣрно сольется съ которой-нибудь изъ темныхъ сектъ народа русскаго, съ какой-нибудь хлыстовщиной,—этой древнѣйшей сектой всего, кажется, міра, имѣющей безспорно свой смыслъ и хранящей его въ двухъ древнѣйшихъ атрибутахъ: верченіи и пророчествѣ. Вѣдь и тампліеровъ судили за верченіе и пророчество, и квакеры вертятся и пророчествуютъ, и Пиѳия въ древности вертѣлась и пророчествовала, и у Татариновой вертѣлись и пророчествовали, и редстокисты наши весьма, можетъ-быть, кончатъ тѣмъ, что будутъ вертѣться, а пророчествуютъ они ужъ, кажется, и теперь. Да не обижаются редстокисты сравненіемъ. Кстати, многіе смѣются совпаденію появленія обѣихъ сектъ у насъ въ одно время: штунды въ черномъ народѣ и редстокистовъ въ самомъ изящномъ обществѣ нашемъ. Между тѣмъ тутъ много и не смѣшного. Чѣмъ же до совпаденія въ появленіи двухъ нашихъ новыхъ сектъ,—то ужъ, безъ сомнѣнія, онъ вышли изъ одного и того же невѣжества, то-есть изъ совершеннаго незнанія своей религіи.

III.

Ѳома Даниловъ, замученный русскій герой.

Въ прошломъ году, весною, было перепечатано во всѣхъ газетахъ извѣстіе, явившееся въ *Русскомъ Инвалидѣ* о мученической смерти унтер-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона,Ѳомы Данилова, захваченнаго въ плѣнъ кипчаками и варварски умерщвленнаго ими послѣ многочисленныхъ и утонченнѣйшихъ истязаній, 21 ноября 1875 года, въ Маргеланѣ, за то, что не хотѣлъ перейти къ нимъ въ службу и въ магометанство. Самъ ханъ обѣщалъ ему помилованіе, награду и честь, если согласится отречься отъ Христа. Даниловъ отвѣчалъ, что измѣнить онъ кресту не можетъ и, какъ царскій подданный, хотя

и въ плѣну, долженъ исполнить къ Царю и христіанству свою обязанность. Мучители, замучивъ его до смерти, удивились силѣ его духа и назвали его батыремъ, т.-е. по-русски богатыремъ. Тогда это извѣстіе, хотя и сообщенное всѣми газетами, прошло какъ-то безъ особеннаго разговора въ обществѣ, да и газеты, сообщивъ его въ видѣ обыкновенного газетнаго *entrefilet*, не сочли нужнымъ *особенно* распространиться о немъ. Однимъ словомъ, съ юморомъ Даниловымъ „было тихо“, какъ говорять на биржѣ. Потомъ, какъ извѣстно, наступило славянское движение, явились Черняевъ, сербы, Кирѣевъ, пожертвованія, добровольцы, и объ юморѣ замученному позабыли совсѣмъ (т.-е. въ газетахъ), и вотъ недавно только получились къ прежнему извѣстію дополнительныя подробности. Сообщаютъ опять, что самарскій губернаторъ навелъ справки о семействѣ Данилова, происходившаго изъ крестьянъ села Кирсановки, Самарской губерніи, Бугурусланскаго уѣзда, и оказалось, что у него остались въ живыхъ жена Ефросинья 27 лѣтъ и дочь Улита шести лѣтъ, находившіяся въ бѣдственномъ положеніи. Имъ помогли по благородному почину самарскаго губернатора, обратившагося къ некоторымъ людямъ съ просьбою помочь вдовѣ и дочери замученнаго русскаго героя и къ самарскому губернскому земскому собранію съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли оно помѣстить дочь Данилова стипендіаткой въ одно изъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ собрали 1,320 рублей и изъ нихъ шестьсотъ отложили дочери до совершеннолѣтія, а остальную сумму выдали самой вдовѣ на руки, а дочь Данилова приняли въ учебное заведеніе. Кромѣ того, начальникъ Главнаго Штаба уведомилъ губернатора о всемилостивѣшѣ назначенной вдовѣ Данилова пожизненной пенсіи изъ Государственнаго Казначейства, по сто двадцати рублей въ годъ. Затѣмъ,—затѣмъ дѣло, вѣроятно, опять будетъ забыто въ виду текущихъ тревогъ, политическихъ опасеній, огромныхъ вопросовъ, ждущихъ разрешенія, краховъ и пр., и пр.

О, я вовсе не хочу сказать, что наше общество отнеслось къ этому поразительному поступку равнодушно, какъ къ нестоящему вниманію. Фактъ лишь тотъ, что немного говорили или, лучше, почти никто не говорилъ объ этомъ *особенно*. Впрочемъ, можетъ-быть, и говорили гдѣ-нибудь про себя, у купцовъ, у духовныхъ, напримѣръ, но не въ обществѣ, не въ интеллигентіи нашей. Въ народѣ, конечно,

эта великая смерть не забудется: этот герой принялъ мѣки за Христа и есть великий русскій; народъ это цѣнить и не забудеть, да и никогда онъ такихъ дѣлъ не забываетъ. И вотъ я какъ будто уже слышу нѣкоторые столь извѣстные мнѣ голоса: „Сила-то конечно сила, и мы признаемъ это, но вѣдь все же—темная, проявившаяся слишкомъ ужъ, такъ сказать, въ допотопныхъ, оказавшихся формахъ, а потому—что же намъ особенно-то говорить? Не нашего это міра; другое бы дѣло сила, проявившаяся интеллигентно, сознательно. Есть, дескать, и другіе страдальцы и другія силы, есть и идеи безмѣрно высшія—идея общечеловѣчности, напримѣръ“...

Несмотря на эти разумные и интеллигентные голоса, мнѣ все же кажется позволительнымъ и вполнѣ извинительнымъ сказать нѣчто особенное и объ Даниловѣ; мало того, я даже думаю, что и самая интеллигенція наша вовсе бы себя не столь унизила, если бъ отнеслась къ этому факту повнимательнѣе. Меня, напримѣръ, прежде всего удивляетъ, что не обнаружилось никакого удивленія, именно удивленія. Я не про народъ говорю: тамъ удивленія и не надо, въ немъ удивленія и не будетъ; поступокъ Фомы ему не можетъ казаться необыкновеннымъ, уже по одной великой вѣрѣ народа въ себя и въ душу свою. Онъ отзовется на этотъ подвигъ лишь великимъ чувствомъ и великимъ умиленiemъ. Но случись подобный фактъ въ Европѣ, т.-е. подобный фактъ проявленія великаго духа у англичанъ, у французовъ, у нѣмцевъ, и они навѣрно прокричали бы о немъ на весь міръ. Нѣть, послушайте, господа, знаете ли какъ мнѣ представляется этотъ темный безвѣстный Туркестанскаго баталіона солдатъ? Да вѣдь это такъ сказать—эмблема Россіи, всей Россіи, всей нашей народной Россіи, подлинный образъ ея, вотъ той самой Россіи, въ которой циники и премудрые наши отрицаютъ теперь великий духъ и всякую возможность подъема и проявленія великой мысли и великаго чувства. Послушайте, вѣдь вы все же не эти циники, вы всего только люди интеллигентно-европействующіе, т.-е. въ сущности предобрѣйши: вѣдь не отрицаете же и вы, что лѣтомъ народъ нашъ проявилъ мѣстами чрезвычайную силу духа: люди покидали свои дома и дѣтей и шли умирать за вѣру, за угнетенныхъ, Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ съ какими средствами, точь-вѣ-точъ какъ первые крестоносцы девять столѣтій тому назадъ въ Европѣ,—тѣ самые крестоносцы,

которыхъ появление вновь, Грановскій, напримѣръ, счи-
талъ бы чуть ли не смѣшнымъ и обиднымъ „въ нашъ
вѣкъ положительныхъ задачъ, прогресса“ и проч., и проч.
Пусть это лѣтнее движение наше по-вашему было слѣпое
и даже какъ бы не разумное, такъ сказать „крестоносное“,
но вѣдь твердое же и великодушное, въ этомъ нельзѧ не
сознаться, если чуть-чуть пошире посмотретьъ. Просыпа-
лась великая идея, вознесшая, можетъ-быть, сотни тысячъ
и миллионовъ душъ разомъ надъ косностью, цинизмомъ,
развратомъ и безобразіемъ, въ которыхъ купались до того
эті души. Вѣдь вы знаете, народъ нашъ считаются до
сихъ поръ хоть и добродушнымъ и даже очень умственно-
способнымъ, но все же темной стихійной массой, безъ со-
знанія, преданной поголовно порокамъ и предразсудкамъ,
и почти сплошь безобразникомъ. Но видите ли, я осмѣ-
люсь высказать одну даже, такъ сказать, аксиому, а именно:
чтобъ судить о нравственной силѣ народа и о томъ, къ
чему онъ способенъ въ будущемъ, надо брать въ сообра-
женіе не ту степень безобразія, до котораго онъ временно,
и даже хотя бы и въ большинствѣ своемъ можетъ уни-
зиться, а надо брать въ соображеніе лишь ту высоту
духа, на которую онъ можетъ подняться, когда придетъ
тому срокъ. Ибо безобразіе есть несчастье временное,
всегда почти зависящее отъ обстоятельствъ предшество-
вавшихъ и переходящихъ, отъ рабства, отъ вѣкового
гнета, отъ загрубѣлости, а даръ великодушія есть даръ
вѣчный, стихійный, даръ, родившійся вмѣстѣ съ наро-
домъ и тѣмъ болѣе читимый, если и въ продолженіе вѣ-
ковъ рабства, тяготы и нищеты онъ все-таки уцѣлѣетъ,
неповрежденный, въ сердцѣ этого народа.

Ѳома Даниловъ съ виду можетъ быть однимъ изъ са-
мыхъ обыкновенныхъ и непримѣтныхъ экземпляровъ на-
рода русскаго, непримѣтныхъ какъ самъ народъ русскій.
(О, онъ для многихъ еще совсѣмъ непримѣтенъ!). Можетъ
быть, въ свое время не прочь былъ погулять, выпить,
можетъ быть, даже не очень молился, хотя, конечно,
Бога всегда помнилъ. И вотъ вдругъ велять ему пере-
мѣнить вѣру, а не то—мученическая смерть. При этомъ
надо вспомнить, что такое бываютъ эти муки, эти азіат-
скія муки! Предъ нимъ самъ ханъ, который обѣщаетъ
ему свою милость, и Даниловъ отлично понимаетъ, что
отказать его непремѣнно раздражитъ хана, раздражить и
самолюбіе кипчаковъ тѣмъ, „что смѣеть, дескать, хри-

стіанская собака такъ презирать исламъ". Но, несмотря на все, что его ожидаетъ, этотъ непримѣтный русскій человѣкъ принимаетъ жесточайшія муки и умираетъ, удививъ истязателей. Зпаete чѣд, господа, вѣдь изъ насъ никто бы этого не сдѣлалъ. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но вѣдь тутъ дѣло произошло въ совершенней безвѣстности, въ глухомъ углу; никто-то не смотрѣлъ на него; да и самъ Ѹома не могъ думать, и на-вѣрно не предполагалъ, что его подвигъ огласится по всей землѣ Русской. Я думаю, что иные великомученики, даже и первыхъ вѣковъ христіанскихъ, отчасти все же были утѣшены и облегчены, принимая свои муки, тѣмъ убѣжденіемъ, что смерть ихъ послужить примѣромъ для робкихъ и колеблющихся и еще большихъ привлечетъ къ Христу. Для Ѹомы даже и этого великаго утѣшенія быть не могло: кто узнаеть, онъ былъ одинъ среди мучителей. Былъ онъ еще молодъ, тамъ гдѣ-то у него молодая жена и дочь, никогда-то онъ ихъ теперь не увидить, но пусть: "гдѣ бы я ни былъ, противъ совѣсти моей не поступлю и мученія приму",—подлинно ужъ правда для правды, а не для красы! И никакой кривды, никакого софизма съ совѣстью: "Приму-де исламъ для виду, соблазна не сдѣлаю, никто вѣдь не увидить, потомъ отмолюсь, жизнь велика, въ церковь пожертвую, добрыхъ дѣлъ надѣлаю". Ничего этого не было, честность изумительная, первона-чальная, стихийная. Нѣть, господа, врядъ ли мы такъ поступили бы!

Но то мы, а для народа нашего, повторяю, подвигъ Данилова, можетъ быть, даже и не удивителенъ. Въ томъ-то и дѣло, что тутъ именно—какъ бы портретъ, какъ бы все цѣлое изображеніе народа русскаго, тѣмъ-то все это и дорого для меня, и для васъ, разумѣется. Именно народъ нашъ любить точно такъ же правду для правды, а не для красы. И пусть онъ грубъ, и безобразенъ, и грѣшенъ, и непримѣтенъ, но приди его срокъ и начнись дѣло всеобщей всенародной правды, и васъ изумить та степень свободы духа, которую проявить онъ передъ гнетомъ материализма, страстей, денежной и имущественной похоти, и даже передъ страхомъ самой жесточайшей мученической смерти. И все это онъ сдѣлаетъ и проявить просто, твердо, не требуя ни наградъ, ни похвалъ, собою не красуясь: "Во чѣд вѣрю, то и исповѣду". Тутъ даже самые ожесточенные спорщики насчетъ

„ретроградства“ идеаловъ народныхъ не могутъ имѣть никакого слова, ибо дѣло вовсе уже не въ томъ: ретрограденъ идеалъ или нѣтъ? А лишь въ особенности проявленія величайшей воли ради подвига великодушія. (Эту смѣшную идею о „ретроградствѣ“ идеаловъ я ввелъ здѣсь ради полнаго безпристрастія).

Знаете, господа, надо ставить дѣло прямо: я прямо полагаю, что намъ вовсе и нечemu учить такой народъ. Это софизмъ, разумѣется, но онъ иногда приходитъ на умъ. О, конечно, мы образованнѣе его, но чemu мы, однако, научимъ его—вотъ бѣда! И, разумѣется, не про ремесла говорю, не про технику, не про математическій знанія,—этому и нѣцы заѣзжие по найму научать, если мы не научимъ, нѣтъ, а мы-то чemu? Мы вѣдь русскіе, братья этому народу, а, стало-быть, обязаны просвѣтить его. Нравственное-то, высшее-то что ему передадимъ, что разъяснимъ и чѣмъ освѣтимъ эти „темныя“ души? Просвѣщеніе народа, это, господа, наше право и наша обязанность,—право это въ высшемъ христіанскомъ смыслѣ: кто знаетъ доброе, кто знаетъ истинное слово жизни, тотъ долженъ, обязанъ сообщить его незнающему, блуждающему во тьмѣ брату своему, такъ по Евангелію. Ну, и чѣмъ же мы сообщимъ блуждающему, чего бы онъ самъ не зналъ лучше нашего? Прежде всего, конечно, „что учение полезно и что надо учиться“, такъ ли? Но народъ еще прежде нашего сказалъ, что „ученье—свѣтъ, неученье—тьма“. Уничтоженію предразсудковъ, напримѣръ, низверженію идоловъ? Но вѣдь въ наасъ самихъ такая бездна предразсудковъ, а идоловъ мы столько себѣ наставили, что народъ прямо скажетъ намъ: „Врачу—исцѣлися самъ“. (А идоловъ нашихъ опѣ отлично умѣть уже разглядывать!) Что же, самоуваженію, собственному достоинству? Но народъ нашъ, весь, въ цѣломъ своемъ, гораздо болѣе нашего уважаетъ себя, гораздо глубже нашего чтитъ и понимаетъ свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, мы самолюбивы ужасно, но вѣдь мы совсѣмъ не уважаемъ себя, и собственного достоинства въ наасъ вовсе нѣтъ никакого и даже ни въ чёмъ. Ну, намъ ли, напримѣръ, научить народъ уваженію къ чужимъ убѣжденіямъ? Народъ нашъ доказалъ еще съ Петра Великаго—уваженіе къ чужимъ убѣжденіямъ, а мы и между собою не прощаемъ другъ другу ни малѣйшаго отклоненія въ убѣжденіяхъ нашихъ, и чуть-чуть несогласныхъ съ нами счи-

таемъ уже прямо за подлецовъ, забывая, что кто такъ легко склоненъ терять уваженіе къ другимъ, тотъ прежде всего не уважаетъ себя. Ну, намъ ли учить народъ вѣрѣ въ себя самого и въ свои силы? У народа есть Фомы Даниловы и ихъ тысячи, а мы совѣмъ и не вѣримъ въ русскія силы, да и невѣріе это считаемъ за высшее про свѣщеніе и чуть не за доблѣсть. Ну, чemu же, наконецъ, мы научить можемъ? Мы гнушаемся, до злобы почти, всѣмъ тѣмъ, что любитъ и чтитъ народъ нашъ и къ чemu рвется его сердце. Ну, какіе же мы пародолюбцы? Возразятъ, что тѣмъ больше, стало быть, любимъ народъ, коли гнушаемся его невѣжествомъ, желая ему лучшаго. О, нѣть, господа, совсѣмъ нѣть: если бъ мы выправду и на дѣлѣ любили народъ, а не въ статейкахъ и книжкахъ, то мы бы поближе подошли къ нему и озабочились бы изучить то, что теперь совсѣмъ наобумъ, по европейскимъ шаблонамъ, желаемъ въ пемъ истребить: тогда, можетъ, и сами научились бы столь многому, чего и представить теперь даже не можемъ.

Есть у насъ, впрочемъ, одно утѣшеніе, одна великая наша гордость передъ народомъ нашимъ, а потому-то мы такъ и презираемъ его: это то, что онъ націоналенъ и стоитъ на томъ изо всей силы, а мы—общечеловѣческихъ убѣжденийъ, да и цѣль свою поставили въ общечеловѣчности, а, стало быть, безмѣрино надъ нимъ возвысились. Ну, вотъ въ этомъ и весь раздоръ нашъ, весь и разрывъ съ народомъ, и я прямо провозглашаю: уладь мы этотъ пунктъ, найди мы точку примиренія, и разомъ кончилась бы вся наша рознь съ народомъ. А вѣдь этотъ пунктъ есть, вѣдь его найти чрезвычайно легко. Рѣшительно повторяю, что самыя даже радикальныя несогласія наши въ сущности одинъ лишь миражъ.

Но чѣмъ же это за пунктъ примиренія?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Примиrtleная мечта виѣ науки.

И прежде всего выставляю самое спорное и самое щекотливое положеніе и съ него начинаю:

„Всякій великий народъ вѣрить и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что жи-

веть онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли всѣмъ имъ предназначенной“.

Я утверждаю, что такъ было со всѣми великими націями міра, древнѣйшими и новѣйшими, что только эта лишь вѣра и возвышала ихъ до возможности, каждую, имѣть, въ свои сроки, огромное міровое вліяніе на судьбы человѣчества. Такъ безспорно было съ древнимъ Римомъ, такъ потому было съ Римомъ въ католическое время его существованія. Когда католическую идею его унаслѣдовала Франція, то то же самоесталось и съ Франціей и, въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, Франція, вплоть до самаго недавняго погрома и унынія своего, все время и безспорно—считала себя во главѣ міра, по крайней мѣрѣ, нравственно, а временами и политически, предводительницей хода его и указательницей его будущаго. Но о томъ же мечтала всегда и Германія, выставившая противъ міровой католической идеи и ея авторитета знаменемъ своимъ протестантизмъ и бесконечную свободу совѣсти и изслѣдованія. Повторю, то же бываетъ и со всѣми великими націями, болѣе или менѣе, въ зенитѣ развитія ихъ. Мы скажутъ, что все это невѣрно, что это ошибка, и укажутъ, напримѣръ, на собственное *сознаніе* этихъ же самыхъ народовъ, на сознаніе ихъ ученыхъ и мыслителей, писавшихъ именно о совокупномъ значеніи европейскихъ націй, участвовавшихъ купно въ созданіи и завершеніи европейской цивилизациі, и я, разумѣется, отрицать такого сознанія не буду. Но не говоря уже о томъ, что такие окончательные выводы сознанія и вообще составляютъ какъ бы уже конецъ живой жизни народовъ, укажу хотя бы лишь на то, что самые то эти мыслители и сознаватели, какъ бы тамъ ни писали о міровой гармоніи націй, все же, въ то же самое время, и чаще всего, непосредственнымъ, живымъ и искреннимъ чувствомъ *продолжали вѣровать*, точь-вѣ-точь какъ и массы народа ихъ, что въ этомъ хорѣ націй, составляющихъ міровую гармонію и выработанную уже сообща цивилизацию,—они (т.-е. французы, напримѣръ) и есть голова всего единенія, самые передовые, тѣ самые, которымъ предназначено вести, а тѣ только слѣдуютъ за ними. Что они, положимъ, если и позаимствуютъ у тѣхъ народовъ что-нибудь, то все же немножко; но зато тѣ народы, напротивъ, возьмутъ у

нихъ все, все главнѣйшее, и только ихъ духомъ и ихъ идеей жить могутъ, да и не могутъ иначе сдѣлать, какъ сопричаститься ихъ духу въ концѣ концовъ и слиться съ нимъ рано или поздно. Вотъ и въ теперешней Франціи, уже унылой и раздробленной духовно, есть и теперь еще одна изъ такихъ идей, представляющая новый, но по-нашему совершенно естественный фазисъ ея же прежней міровой католической идеи и развитіе ея, и чуть не половина французовъ вѣрить и теперь, что въ ней-то и кроется спасеніе, не только ихъ, но и міра,—это именно ихъ французскій соціализмъ. Идея эта, т.-е. ихній соціализмъ, конечно, ложная и отчаянная, по не въ качествѣ ея теперь дѣло, а въ томъ, что она теперь существуетъ, живеть живой жизнью, и что въ исповѣдующихъ ее нѣть сомнѣнія и унынія, какъ въ остальной огромной части Франціи. Съ другой стороны, взгляните на каждого почти англичанина, высшаго или низшаго типа, лорда или работника, ученаго или необразованнаго, и вы убѣдитесь, что каждый англичанинъ прежде всего старается быть англичаниномъ, сохраняться въ видѣ англичанина во всѣхъ фазисахъ своей жизни, частной и общественной, политической и общечеловѣческой, и даже любить человѣчество старается не иначе, какъ въ видѣ англичанина. Мнѣ скажутъ, что если бъ даже и такъ, если бъ и было все это, какъ я утверждаю, то все-таки такое самообольщеніе и самомнѣніе было бы даже унизительно для тѣхъ великихъ народовъ, умалило бы значеніе ихъ эгоизмомъ, нелѣпымъ шовинизмомъ, и не то чтобы придало имъ жизненной силы, а, напротивъ, повредило бы и растлило бы ихъ жизнь въ самомъ началѣ. Скажутъ, что подобныя, безумныя и гордыя идеи достойны не подражанія, а, напротивъ, искорененія свѣтомъ разума, уничтожающаго предразсудки. Положимъ, что съ одной стороны это очень правда; но все же тутъ надо непремѣнно посмотреть и съ другой стороны и тогда выйдетъ не только не унизительно, а даже совсѣмъ напротивъ. Чѣмъ въ томъ, что не жившій еще юноша мечтаетъ про себя современемъ стать героемъ? Повѣрьте, что такія, пожалуй, гордыя и заносчивыя мечты могутъ быть гораздо живительнѣе и полезнѣе этому юношѣ, чѣмъ иное благоразуміе того отрока, который уже въ шестнадцать лѣтъ вѣрить премудрому правилу, что „счастье лучше богатырства“. Повѣрьте, что жизнь этого юноши даже послѣ прожитыхъ уже бѣдствій

и неудачъ, въ цѣломъ, будетъ все-таки краше, чѣмъ успо-
коенная жизнь мудраго товарища дѣтства его, хотя бы
тому всю жизнь суждено было сидѣть на бархатѣ. Такая
вѣра въ себя не безнравственна и вовсе не пошлое само-
хвальство. Такъ точно и въ народахъ: пусть есть народы
благоразумные, честные и умѣренные, спокойные, безъ
всякихъ порывовъ, торговцы и кораблестроители, живущіе
богато и съ чрезвычайною опрятностью; ну и Богъ съ
ними, все же далеко они не пойдутъ; это непремѣнно
выйдетъ средина, которая ничѣмъ не сослужитъ человѣ-
честву: этой энергіи въ нихъ нѣтъ, великаго самомнѣнія
этого въ нихъ нѣтъ, трехъ этихъ шевелящихся китовъ
подъ ними нѣтъ, на которыхъ стоятъ всѣ великие народы.
Вѣра въ то, что хочешь и можешь сказать послѣднее слово
миру, что обновишь, наконецъ, его избытокъ живой силы
своей, вѣра въ святость своихъ идеаловъ, вѣра въ силу
своей любви и жажды служенія человѣчеству,—нѣтъ, такая
вѣра есть залогъ самой высшей жизни націй и только ею они
и принесутъ всю ту пользу человѣчеству, которую предна-
значено имъ принести, всю ту часть жизненной силы своей
и органической идеи своей, которую предназначено имъ
самой природой, при созданіи ихъ, удѣлить въ наслѣд-
ство грядущему человѣчеству. Только сильная такой вѣ-
рой нація и имѣеть право на высшую жизнь. Древній
легендарный рыцарь вѣриль, что предъ нимъ падутъ всѣ
препятствія, всѣ призраки и чудовища, и что онъ побѣ-
дить все и всѣхъ, и всего достигнетъ, если только вѣрно
сохранить свой обѣтъ „справедливости, цѣломудрія и ни-
щеты“. Вы скажете, что все это легенды и пѣсни, кото-
рымъ можетъ вѣрить одинъ Донъ-Кихотъ, и что совсѣмъ
не таковы законы дѣйствительной жизни націй. Ну, такъ
я васъ, господа, нарочно поймаю и уличу, что и вы такие
же Донъ-Кихоты, что у васъ самихъ есть такая же идея,
которой вы вѣрите и черезъ которую хотите обновить
человѣчество!

Въ самомъ дѣлѣ, чѣму вы вѣрите? Вы вѣрите (да и я
съ вами) въ общечеловѣчность, т.-е. въ то, что падутъ
когда-нибудь, передъ свѣтомъ разума и сознанія, есте-
ственные преграды и предразсудки, раздѣляющія до сихъ
порть свободное общеніе націй эгоизмомъ національныхъ
требованій, и что тогда только народы заживутъ однимъ
духомъ и ладомъ какъ братья, разумно и любовно стре-
мясь къ общей гармоніи. Что-жъ, господа, что можетъ

быть выше и святъе этой вѣры вашей? И главное вѣдь то, что вѣры этой вы нигдѣ въ мірѣ болѣе не найдете, ни у какого, напримѣръ, народа въ Европѣ, гдѣ личности націй чрезвычайно рѣзко очерчены, гдѣ если есть эта вѣра, то не иначе какъ на степени какого-нибудь еще умозрительного только сознанія, положимъ, пылкаго и пламеннааго, но все же не болѣе какъ кабинетнаго. А у васъ, господа, то-есть не то что у васъ, а у насть, у нась всѣхъ, русскихъ, — эта вѣра есть вѣра всеобщая, живая, главнѣйшая; всѣ у насть этому вѣрять, и сознательно и просто, и въ интеллигентномъ мірѣ и живымъ чутьемъ въ простомъ народѣ, которому и религія его повелѣваетъ этому самому вѣрить. Да, господа, вы думали, что вы только одни „общечеловѣки“ изъ всей интеллигенціи русской, а остальные только славянофилы да націоналисты? Такъ вотъ нѣтъ же: славянофилы-то и націоналисты вѣрятъ точь-вѣ-точъ тому же самому, какъ и вы, да еще крѣпче вашего!

Возьму только однихъ славянофиловъ: вѣдь что провозглашали они устами своихъ передовыхъ дѣятелей, основателей и представителей своего ученія? Они прямо, въ ясныхъ и точныхъ выводахъ, заявляли, что Россія, вкупъ со славянствомъ и во главѣ его, скажетъ величайшее слово всему міру, которое тотъ когда-либо слышалъ, и что это слово именно будетъ завѣтомъ общечеловѣческаго единенія, и уже не въ духѣ личнаго эгоизма, которымъ люди и націи, искусственно и неестественно единятся теперь въ своей цивилизаціи, изъ борьбы за существованіе, положительной наукой опредѣляя свободному духу нравственныя границы, въ то же время роя другъ другу ямы, произнося другъ на друга ложь, хулу и клевету. Идеаломъ славянофиловъ было единеніе въ духѣ истинной широкой любви, безъ лжи и материализма, и на основаніи личнаго великодушнаго примѣра, который предназначено дать со-бою русскому народу во главѣ свободнаго всеславянскаго единенія Европѣ. Вы скажете мнѣ, что вы вовсе не тому вѣрите, что все это кабинетная умозрѣнія. Но дѣло тутъ вовсе не въ вопросѣ: какъ кто вѣруетъ, а въ томъ, что всѣ у насть, несмотря на всю разноголосицу, все же сходятся и сводятся къ этой одной окончательной общей мысли общечеловѣческаго единенія. Это фактъ не подлежащий сомнѣнію и самъ въ себѣ удивительный, потому что, на степени такой живой и главнѣйшей потребности,

этого чувства нѣтъ еще нигдѣ, ни въ одномъ народѣ. Но если такъ, то вотъ и у насъ, стало-быть, у насъ всѣхъ, есть твердая и опредѣленная національная идея: именно *національная*. Слѣдовательно, если національная идея русская есть, въ концѣ концовъ, лишь всемирное общечеловѣческое единеніе, то значитъ вся наша выгода въ томъ, чтобы всѣмъ, прекративъ всѣ раздоры до времени, стать поскорѣе русскими и національными. Все спасеніе паше лишь въ томъ, чтобы не спорить заранѣе о томъ, какъ осуществится эта идея и въ какой формѣ, въ вашей или въ нашей, а въ томъ, чтобы изъ кабинета всѣмъ вмѣстѣ перейти прямо къ дѣлу.

Но вотъ тутъ-то и пунктъ.

II.

Мы въ Европѣ лишь стрюцкіе.

Вѣдь вы какъ переходили къ дѣлу? Вы вѣдь давно начали, очень давно, но что, однако, вы сдѣлали для общечеловѣчности, т.-е. для торжества вашей идеи? Вы начали съ безцѣльного скитальчества по Европѣ при алчномъ желаніи переродиться въ европейцевъ, хотя бы по виду только. Цѣлое восемнадцатое столѣтіе мы только и дѣлали, что пока лишь видѣ перенимали. Мы нагоняли на себя европейскіе вкусы, мы даже бѣли всякую пакость, стараясь не морщиться: „вотъ, дескать, какой я англичанинъ, ничего безъ кайенского перцу Ѣсть не могу“. Вы думаете, я издѣваюсь? Ничуть. Я слишкомъ понимаю, что иначе и нельзя было начать. Еще до Петра, при московскихъ еще царяхъ и патріарахъ одинъ тогдашній молодой московскій франтъ, изъ передовыхъ, надѣль французскій костюмъ и къ боку прицѣшилъ европейскую шагу. Мы именно должны были начать съ презрѣнія къ своему и къ своимъ, и если пробыли цѣлые два вѣка на этой точкѣ, не двигаясь ни взадъ, ни впередъ, то, вѣроятно, таковъ ужъ былъ нашъ срокъ отъ природы. Правда, мы и двигались: презрѣніе къ своему и къ своимъ все болѣе и болѣе возрастало, особенно, когда мы посерьезнѣе начали понимать Европу. Въ Европѣ насъ, впрочемъ, никогда не смущали рѣзкія разъединенія національностей и рѣзко опредѣлившіеся типы народныхъ характеровъ. Мы съ того и начали, что прямо „сняли всѣ противуположности“ и получили общечеловѣческий типъ „европейца“ — т.-е. съ самаго начала подмѣтили общее, всѣхъ ихъ свя-

зующее,— это очень характерно. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, поумнѣвъ еще болѣе, мы прямо ухватились за цивилизацио и тотчасъ же увѣровали, слѣпо и преданно, что въ ней-то и заключается то „всеобщее“, которому предназначено соединять человѣчество воедино. Даже европейцы удивлялись, глядя на насть, на чужихъ и пришельцевъ, это восторженной вѣрѣ нашей, тѣмъ болѣе, что сами они, увы, стали ужъ и тогда помаленьку терять эту вѣру въ себя. Мы съ восторгомъ встрѣтили пришествіе Руссо и Вольтера, мы съ путешествующимъ Карамзинымъ умилительно радовались созванію „Национальныхъ штатовъ“ въ 89 году, и если мы и приходили потомъ въ отчаяніе, въ концѣ первой четверти уже нынѣшняго вѣка, вмѣстѣ съ передовыми европейцами надѣть погибшими мечтами и разбитыми идеалами, то вѣры нашей все-таки не потеряли и даже самихъ европейцевъ утѣшили. Даже самые „блѣлые“ изъ русскихъ у себя въ отечествѣ становились въ Европѣ тотчасъ же красными—чрезвычайно характерная тоже черта. Затѣмъ, въ половинѣ текущаго столѣтія, нѣкоторые изъ насъ удостоились пріобщиться къ французскому соціализму и приняли его, безъ малѣйшихъ колебаний, за конечное разрѣшеніе всечеловѣческаго единенія, то-есть за достиженіе всей увлекавшей насть досель мечты нашей. Такимъ образомъ, за достиженіе цѣли мы приняли то, что составляло верхъ эгоизма, верхъ безчеловѣчія, верхъ экономической безтолковщины и безурядицы, верхъ клеветы на природу человѣческую, верхъ уничтоженія всякой свободы людей, но это насть не смущало никакъ. Напротивъ, видя грустное недоумѣніе иныхъ глубокихъ европейскихъ мыслителей, мы съ совершенной развязностью немедленно обозвали ихъ подлецами и туцицами. Мы вполнѣ повѣрили, да и теперь еще вѣримъ, что положительная наука вполнѣ способна определить нравственные границы между личностями единицъ и націй (какъ будто наука,—если бъ и могла это она сдѣлать,—можетъ открыть эти тайны раньше завершенія опыта, т.-е. раньше завершенія всѣхъ судебъ человѣка на землѣ). Наши помѣщики продавали своихъ крестьянъ крестьянъ иѣхали въ Парижъ издавать соціальные журналы, а наши Рудины умирали на баррикадахъ. Тѣмъ временемъ мы до того уже оторвались отъ своей земли русской, что уже утратили всякое понятіе о томъ, до какой степени такое ученіе рознится съ душой народа.

русскаго. Вирочемъ, русскій народный характеръ мы не только считали ни во чѣ, но и не признавали въ народѣ никакого характера. Мы забыли и думать о немъ, и съ полнымъ деспотическимъ спокойствиемъ были убѣждены (не ставя и вопроса), что народъ нашъ тотчасъ приметъ все, что мы ему укажемъ, т.-е. въ сущности прикажемъ. На этотъ счетъ у насъ всегда ходило нѣсколько смѣшнѣйшихъ анекдотовъ о народѣ. Наши общечеловѣки пребыли къ своему народу вполнѣ помѣщиками, и даже послѣ крестьянской реформы.

И чего же мы достигли? Результатовъ странныхъ: главное, всѣ на насть въ Европѣ смотрять съ насмѣшкой, а на лучшихъ и безспорно умныхъ русскихъ въ Европѣ смотрять съ высокомѣрнымъ снисхожденіемъ. Не спасала ихъ отъ этого высокомѣрнаго снисхожденія даже и самая эмиграція изъ Россіи, т. е. уже политическая эмиграція и вполнѣ отъ Россіи отреченіе. Не хотѣли европейцы настъ почесть за своихъ ни за что, ни за какія жертвы и ни въ какомъ случаѣ. Grattez, дескать, le russe et vous verrez le tartare, и такъ и доселѣ. Мы у нихъ въ пословицу вошли. И чѣмъ больше мы имъ въ угоду презирали нашу національность, тѣмъ болѣе они презирали настъ самихъ. Мы вилли предъ ними, мы подобострастно исповѣдывали имъ наши „европейскіе“ взгляды и убѣженія, а они свысока настъ не слушали и обыкновенно прибавляли съ учтивой усмѣшкой, какъ бы желая поскорѣе отвязаться, что мы это все у нихъ „не такъ поняли“. Они именно удивлялись тому, какъ это мы, будучи такими татарами (*les tartares*), никакъ не можемъ стать русскими; мы же никогда не могли растолковать имъ, что хотимъ быть не русскими, а общечеловѣками. Правда, въ послѣднее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотимъ, чего-то имъ страшнаго и опаснаго; поняли, что настъ много, восемьдесятъ миллионовъ, что мы знаемъ и понимаемъ всѣ европейскія идеи, а что они нашихъ русскихъ идей не знаютъ, а если и узнаютъ, то не поймутъ; что мы говоримъ на всѣхъ языкахъ, а что они говорить лишь на однихъ своихъ,—ну, и многое еще они стали смекать и подозрѣвать. Кончилось тѣмъ, что они прямо обозвали настъ врагами и будущими сокрушимелями европейской цивилизациі. Вотъ какъ они поняли нашу страстную цѣль стать общечеловѣками!

А между тѣмъ намъ отъ Европы никакъ нельзя отказаться. Европа намъ второе отечество,—я первый страстно исповѣдую это и всегда исповѣдывалъ. Европа памъ почти такъ же вѣльмъ дорога, какъ Россія; въ ней все Афетово племя, а наша идея—объединеніе всѣхъ націй этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама. Какъ же быть?

Стать русскими во-первыхъ и прежде всего. Если общечеловѣчность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русскимъ, т. е. самимъ собой, и тогда съ первого шагу все измѣнится. Стать русскимъ значить перестать презирать народъ свой. И какъ только европеецъ увидитъ, что мы начали уважать народъ нашъ и национальность нашу, такъ тотчасъ же начнетъ и онъ настъ самихъ уважать. И дѣйствительно, чѣмъ сильнѣе и самостоятельнѣе развились бы мы въ национальномъ духѣ нашемъ, тѣмъ сильнѣе и ближе отозвались бы европейской душѣ, и, породнившись съ нею, стали бы тотчасъ ей понятнѣе. Тогда не отвертывались бы отъ насъ высокомѣрно, а выслушивали бы настъ. Мы и на видъ тогда станемъ совсѣмъ другіе. Ставъ самими собой, мы получимъ наконецъ обликъ человѣческій, а не обезьяній. Мы получимъ видъ свободнаго существа, а не раба, не лакея, не Потугина; настъ сочтутъ тогда за людей, а не за международную общмыгу, не за стрюцкихъ европеизма, либерализма и соціализма. Мы и говорить будемъ съ ними умнѣе теперешняго, потому что въ народѣ нашемъ и въ духѣ его отыщемъ новыя слова, которыя ужъ непремѣнно станутъ европейцамъ понятнѣе. Да и сами мы поймемъ тогда, что многое изъ того, что мы презирали въ народѣ нашемъ,—есть не тьма, а именно свѣтъ, не глупость, а именно умъ, а, понявъ это, мы непремѣнно произнесемъ въ Европѣ такое слово, котораго тамъ еще не слыхали. Мы убѣдимся тогда, что настоящее соціальное слово несетъ въ себѣ никто иной, какъ народъ нашъ, что въ идеѣ его, въ духѣ его заключается живая потребность всеединенія человѣческаго, всеединенія уже съ полнымъ уваженіемъ къ национальнымъ личностямъ и къ сохраненію ихъ, къ сохраненію полной свободы людей и съ указаніемъ въ чемъ именно эта свобода и заключается,—единеніе любви, гарантированное уже дѣломъ, живымъ пріемъромъ, потребностью на дѣлѣ истиннаго братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленныхъ головъ.

А впрочемъ, неужели и впрямь я хотѣлъ кого убѣдить. Это была шутка. Но — слабъ человѣкъ: авось прочтетъ кто-нибудь изъ подростковъ, изъ юнаго поколѣнія...

III.

Русская сатира. „Новь“. „Послѣднія пѣсни“. Старыя воспоминанія.

Занимался я въ этотъ мѣсяцъ и литературой, то-есть беллетристикой, „изящной литературой“, и кое-что прочелъ съ увлечениемъ. Кстати, недавно прочелъ я одно иностранное мнѣніе о русской сатирѣ, т.-е. о современной нашей сатирѣ, теперешней. Оно высказано было во Франціи. Замѣтленъ тутъ одинъ выводъ, — забылъ подлинные слова, но вотъ смыслъ: „Русская сатира какъ бы боится хорошаго поступка въ русскомъ обществѣ. Встрѣтивъ подобный поступокъ, она приходитъ въ беспокойство и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не пріишетъ гдѣ-нибудь, въ подкладкѣ этого поступка, подлеца. Тутъ она тотчасъ обрадуется и закричитъ: „Это вовсе не хороший поступокъ, радоваться совсѣмъ нечему, видите сами, тутъ тоже подлецъ сидитъ!“

Справедливо ли это мнѣніе? Не вѣрю, чтобъ было справедливо. Знаю только, что сатира у насъ имѣть блестящихъ представителей и въ большомъ ходу. Публика очень любить сатиру и, однако, мое убѣжденіе, по крайней мѣрѣ, что та же самая публика несравненно больше любить положительную красоту, алчетъ и жаждетъ ея. Графъ Левъ Толстой, безъ сомнѣнія, любимѣйшій писатель русской публики всѣхъ оттѣнковъ.

Сатира наша, какъ ни блестяща она, дѣйствительно страдаетъ нѣкоторою неопределеннostью — вотъ что развѣ можно про нее сказать. Положительно нельзя иногда представить въ цѣломъ, общемъ: что именно хочется сказать нашей сатирѣ? Такъ и кажется, что у ней у самой нѣть никакой подкладки, но можетъ ли это быть? Чему она сама-то вѣритъ, во имя чего обличаетъ, — это какъ будто тонетъ во мракѣ неизвѣстности. Нельзя никакъ узнать, что сама она считаетъ хорошимъ.

И вотъ надъ вопросомъ этимъ странно задумываешься.

Прочелъ „Новь“ Тургенева и жду второй части. Кстати: вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я пишу, и во всѣ эти тридцать лѣтъ мнѣ постоянно и много разъ приходило въ голову одно забавное наблюденіе. Всѣ наши критики

(а я слѣжу за литературой чуть не сорокъ лѣтъ), и умершіе и теперешніе, всѣ, однимъ словомъ, которыхъ я только запомню, чуть лишь начинали, теперь или бывало, какой-нибудь отчетъ о текущей русской литературѣ чуть-чуть погоржественнѣе (прежде, напримѣръ, бывали въ журналахъ годовые явварскіе отчеты за весь истекшій годъ), — то всегда употребляли, болѣе или менѣе, но съ великою любовью, все одну и ту же фразу: „Въ наше время, когда литература въ такомъ упадкѣ“, „въ наше время, когда русская литература въ такомъ застоѣ“, „въ наше литературное безвременіе“, „странствуя въ пустыняхъ русской словесности“, и т. д., и т. д. На тысячу ладовъ одна и та же мысль. А въ сущности въ эти сорокъ лѣтъ явились послѣднія произведенія Пушкина, начался и кончился Гоголь, былъ Лермонтовъ, явились Островскій, Тургеневъ, Гончаровъ и еще человѣкъ десять, по крайней мѣрѣ, преталантливыхъ беллетристовъ. И это только въ одной беллетристикѣ! Положительно можно сказать, что почти никогда и ни въ какой литературѣ, въ такой короткій срокъ не явилось такъ много талантливыхъ писателей, какъ у насъ, и такъ сряду, безъ промежутковъ. А между тѣмъ я даже и теперь, чуть не въ прошломъ мѣсяцѣ, читалъ опять о застоѣ русской литературы и о „пустыняхъ русской словесности“. Впрочемъ, это только забавное наблюденіе мое; да и вѣпъ-то совершенно невинная и неимѣющая никакого значенія. А такъ, усмѣхнуться можно.

Объ „Нови“ я, разумѣется, ничего не скажу; всѣ ждутъ второй части. Да и не мнѣ говорить. Художественное достоинство созданій Тургенева вѣнчанія. Замѣчу лишь одно: на 92 страницѣ романа (см. *Вѣстникъ Европы*) сверху страницы есть 15 или 20 строкъ, и въ этихъ строкахъ какъ бы концентрировалась, по-моему, вся мысль произведенія, какъ бы выразился весь взглядъ автора на свой предметъ. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ совершенно ошибоченъ и я съ нимъ глубоко несогласенъ. Это нѣсколько словъ, сказанныхъ авторомъ по поводу одного лица романа, Соломина.

Прочель я „Послѣднія пѣсни“ Некрасова въ явварской книжѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Страстныя пѣсни и недосказанныя слова, какъ всегда у Некрасова, но какие мучительные стоны больного! Нашъ поэтъ очень боленъ и — онъ самъ говорилъ мнѣ — видитъ ясно свое по-

ложење. Но мнѣ не вѣрится... Это крѣпкій и воспиримчивый организмъ. Онъ страдаетъ ужасно (у него какая-то язва въ кишкахъ, болѣнь, которую и опредѣлить трудно), но я не вѣрю, что онъ не вынесетъ до весны, а весной на воды за границу, въ другой климатъ, поскорѣе, и онъ поправится, я въ этомъ убѣждѣнъ. Странно бываетъ съ людьми; мы въ жизнь нашу рѣдко видались, бывали между нами и недоумѣнія, но у насъ былъ одинъ такой случай въ жизни, что я никогда не могъ забыть о немъ. Это именно наша первая встрѣча другъ съ другомъ въ жизни. И что жъ, недавно я зашелъ къ Некрасову и онъ, больной, измученный, съ первого слова началъ съ того, что помнить о тѣхъ дняхъ. Тогда (это тридцать лѣтъ тому!) произошло что-то такое молодое, свѣжее, хорошее,—изъ того что остается навсегда въ сердцѣ участвовавшихъ. Намъ тогда было по двадцати съ немногимъ лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопределеными цѣлями. Былъ май мѣсяцъ сорокъ пятаго года. Въ началѣ зимы я началъ вдругъ „Бѣдныхъ людей“, мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ ничего еще не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ какъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной маленькой статейки „Петербургскіе шарманщики“ въ одинъ сборникъ. Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ деревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: „принесите рукопись“ (самъ онъ еще не читалъ ее): „Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, я ему покажу“. Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ со своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой партіи *Отечественныхъ Записокъ*, какъ говорили тогда, я боялся. Бѣлинского я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ и — „осмѣять онъ моихъ „Бѣдныхъ людей!“ — думалось мнѣ иногда. Но лишь иногда: писалъ я ихъ со страстью, почти со слезами — „неужто все это, всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ первомъ въ рукахъ надъ этой повѣстью,—все это ложь, миражъ, невѣр-

ное чувство?" Но думалъ я такъ, разумѣется, только минутами и мнительность немедленно возвращалась. Вечеромъ того же дня, какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о „Мертвыхъ душахъ“ и читали ихъ, въ который разъ не помню. Тогда это было между молодежью; сойдутся двое или трое: „а не почитать ли намъ, господа, Гоголя!“—садятся и читаютъ, и, пожалуй, всю ночь. Тогда между молодежью весьма и весьма многие какъ бы чѣмъ-то были проникнуты и какъ бы чего-то ожидали. Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую какъ днемъ петербургскую ночь. Столло прекрасное теплое время, и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: „съ десяти страницъ видно будетъ“. Но прочтя десять страницъ, рѣшили прощать еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. „Читаетъ онъ про смерть студента — передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ, — и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи: „Ахъ, чтобъ его!“ Это про васъ-то и этакъ мы всю ночь“. Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: „Что жъ такое, что спитъ, мы разбудимъ его, это выше сна!“ Потомъ, приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я часто удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти мнительный, осторожный, мало сообщительный. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ всегда казался, такъ что та минута нашей первой встречи была воистину проявленіемъ самаго глубокаго чувства. Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ знаеть сколько переговорили, съ пол слова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь: говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о „тогдашнемъ положеніи“, разумѣется, и о Гоголѣ, цитуя изъ „Ревизора“ и изъ „Мертвыхъ Душъ“, но главное, о Бѣлинской. „Я ему сегодня же снесу вашу повѣсть и вы уви-

дите,—да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа!“ — восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими руками. „Ну, теперь спите, спите, мы уходимъ, а завтра къ памъ!“ Точно я могъ заснуть послѣ нихъ! Какой восторгъ, какой успѣхъ, а главное — чувство было дорого, помню ясно: „У иного успѣхъ, ну, хвалять, встрѣчаютъ, поздравляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ахъ, хорошо!“ Вотъ что я думалъ, какой тутъ сонъ!

Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ же день. Онъ благоговѣлъ передъ Бѣлинскимъ и, кажется, всѣхъ больше любилъ его за всю свою жизнь. Тогда еще Некрасовъ ничего еще не написалъ такого размѣра, какъ удалось ему вскорѣ, черезъ годъ потомъ. Некрасовъ очутился въ Петербургѣ, сколько мнѣ известно, лѣтъ шестнадцати, совершенно одинъ. Писалъ онъ тоже чуть не съ 16-ти лѣтъ. О знакомствѣ его съ Бѣлинскимъ я мало знаю, но Бѣлинскій его угадаль съ самаго начала и, можетъ-быть, сильно повліялъ на настроеніе его поэзіи. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лѣтъ ихъ, между ними навѣрно ужъ и тогда бывали такія минуты и уже сказаны были такія слова, которыя вліяютъ навѣкъ и связываютъ неразрывно. „Новый Гоголь явился!“ закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ „Бѣдными людьми“. — „У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ“, строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ. Когда Некрасовъ опять зашелъ къ нему вечеромъ, то Бѣлинскій встрѣтилъ его „просто въ волненії“: Приведите, приведите его скорѣе!

И вотъ (это, стало-быть, уже на третій день) меня привели къ нему. Помню, что на первый взглядъ меня очень поразила его наружность, его носъ, его лобъ; я представлялъ его себѣ почему-то совсѣмъ другимъ, — „этого ужаснаго, этого страшнаго критика“. Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно важно идержанно. „Что жъ, оно такъ и надо“, подумалъ я, но не прошло, кажется, и минуты, какъ все преобразилось: важность была не лица, не великаго критика, встрѣчающаго двадцати-двухъ-лѣтняго начинающаго писателя, а, такъ сказать, изъуваженія его къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ мнѣ излить какъ можно скорѣе, къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя чрезвычайно торопился мнѣ сказать. Онъ заговорилъ пламенно, съ горя-

щими глазами: „Да вы понимаете ль сами-то, повторилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ и вскрикивалъ по своему обыкновенію, — что это вы такое написали!“ Онъ вскрикивалъ всегда, когда говорилъ въ сильномъ чувствѣ. „Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ ужъ это понимали. Да вѣдь это вашъ несчастный чиновникъ—вѣдь онъ до того заслужился и до того довѣръ себѣ уже самъ, что даже и несчастнымъ-то себѣ не смѣеть почесть отъ приниженностіи и почти за вольнодумство считаетъ малѣйшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смѣеть признать и, когда добрый человѣкъ, его генераль, даетъ ему эти сто рублей—онъ раздробленъ, уничтоженъ отъ изумленія, что такого какъ онъ могъ пожалѣть „Іхъ Превосходительство“, не его превосходительство, а „ихъ превосходительство“, какъ онъ у васъ выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, эта минута цѣлованія генеральской ручки,— да вѣдь тутъ ужъ не сожалѣніе къ этому несчастному, а ужасъ, ужасъ! Въ этой благодарности-то его ужасъ! Это трагедія! Вы до самой сути дѣла дотронулись, самое главное разомъ указали. Мы публицисты и критики только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобы ощущать можно было рукой, чтобы самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена какъ художнику, досталась какъ даръ, цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ и будете великимъ писателемъ!“

Все это онъ тогда говорилъ мнѣ. Все это онъ говорилъ потомъ обо мнѣ и многимъ другимъ, еще живымъ теперь и могущимъ засвидѣтельствовать. Я вышелъ отъ него въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣль на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей и весь, всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ наѣви, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ. (А я былъ тогда страшный мечтатель). „И неужели вправду я такъ великъ“, стыдливо думалъ я

про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ. О, не смѣйтесь, никогда потомъ я не думалъ, что я великъ, но тогда—развѣ можно было это вынести! „О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ, и какіе люди, какіе люди! Вотъ гдѣ люди! Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ они, пребуду „вѣренъ!“ О, какъ я легкомысленъ, и если бъ Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи! А все говорятъ, что эти литераторы горды, самолюбивы. Впрочемъ, этихъ людей только и есть въ Россіи, они „одни, но у нихъ однихъ истина, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ, мы побѣдимъ; о, къ нимъ, съ ними!“

Я это все думалъ, я припоминаю ту минуту въ самой полной ясности. И никогда потомъ я не могъ забыть ее. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укреплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ. И вотъ, тридцать лѣтъ спустя, я припомнилъ всю эту минуту опять, недавно, и будто вновь ее пережилъ, сидя у постели больного Некрасова. Я ему не напоминаль подробно, я напомнилъ только, что были эти тогдашнія наши минуты и увидалъ, что онъ помнить о нихъ и самъ. Я и зналъ, что помнить. Когда я веротился изъ каторги, онъ указалъ мнѣ на одно свое стихотвореніе въ книгѣ его: „Это я обѣ вѣсь тогда написалъ“, сказалъ онъ мнѣ. А прожили мы всю жизнь врознь. На страдальческой своей постели онъ вспоминаетъ теперь отжившихъ друзей:

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты,
Пали жертвою злобы, измѣнъ—
Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрѣть со стѣнъ.

Тяжелое здѣсь слово это: *укоризненно*. Пребыли ли мы „вѣрны“, пребыли ли? Всякъ пустъ рѣшаетъ на свой судъ и совѣсть. Но прочтите эти страдальческія пѣсни сами, и пустъ вновь оживетъ нашъ любимый и страстный поэтъ! Страстный къ страданью поэтъ!..

IV.

Именинникъ.

Помните ли вы „Дѣтство и отрочество“ графа Толстого? Тамъ есть одинъ мальчикъ, герой всей поэмы. Но это не простой мальчикъ, не какъ другія дѣти, не какъ

брать его Волода. Ему всего какихъ-нибудь лѣтъ двѣ-надцать, а въ голову и въ сердце его уже заходить мысли и чувства не такія, какъ у его сверстниковъ. Мечтамъ и чувствамъ своимъ онъ уже отдается страстно и уже знаетъ, что ихъ лучше хранить ему про себя. Обнаруживать ихъ уже мѣшаетъ ему стыдливое цѣломудріе и высшая гордость. Онъ завидуетъ брату и считаетъ его несравненно выше себя, особенно по ловкости и по красотѣ лица, а между тѣмъ онъ втайне предчувствуетъ, что братъ гораздо ниже его во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ гонитъ свою мысль и считаетъ ее низостью. Онъ смотритъ на себя въ зеркало слишкомъ часто и рѣшаetъ, что онъ уродливо не хорошъ собою. У него мелькаютъ мечты, что его никто не любить, что его презираютъ... Однимъ словомъ, это мальчикъ довольно необыкновенный, а между тѣмъ именно принадлежащий къ этому типу семейства средне-высшаго дворянскаго круга, поэтомъ и историкомъ котораго былъ, по завѣту Пушкина, вполнѣ и всецѣло, графъ Левъ Толстой. И вотъ въ ихъ домѣ, въ большомъ семейномъ московскомъ домѣ собираются гости; именинница сестра; съезжаются съ большими и дѣти, тоже мальчики и дѣвочки. Начались игры, танцы; нашъ герой мѣшковатъ, танцуетъ хуже всѣхъ, хочетъ отличиться остроумiemъ, но ему не удается,—а тутъ какъ разъ столько хорошенькихъ дѣвочекъ и—вѣчная мысль его, вѣчное подозрѣніе, что онъ хуже всѣхъ. Въ отчаяніи онъ рѣшается на все, чтобы всѣхъ поразить. При всѣхъ дѣвочкахъ и при всѣхъ этихъ гордыхъ, старшихъ мальчикахъ, считавшихъ его ни во что, онъ вдругъ, внѣ себя, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ бросаются въ раскрывшуюся подъ ногами бездну, выставляетъ гувернеру языки и ударяетъ его изо всѣхъ силъ кулакомъ! „Теперь всѣ узнали, каковъ онъ, онъ показалъ себя!“ Его позорно тащутъ и запираютъ въ чуланъ. Чувствуя себя погибшимъ, и уже на вѣки, мальчикъ начинаетъ мечтать: вотъ онъ бѣжалъ изъ дома, вотъ онъ поступаетъ въ армию, на сраженіи онъ убиваетъ множество турокъ и падаетъ отъ ранъ. Побѣда! гдѣ нашъ спаситель, кричать всѣ, цѣлуютъ и обнимаютъ его. Вотъ онъ уже въ Москвѣ, онъ идетъ по Тверскому бульвару съ подвязанной рукой, его встрѣчаетъ Государь... И вдругъ мысль, что дверь отворится и войдетъ гувернеръ съ розгами, разсѣваетъ эти мечты, какъ пыль. Начинаются другія. Онъ вдругъ выдумываетъ причину, по-

чему его „всѣ такъ не любятъ: вѣроятно, онъ подкидышъ и отъ него это скрываютъ...“ Вихрь разрастается: вотъ онъ умираетъ, входятъ въ чуланъ и находятъ его трупъ: „Бѣдный мальчикъ!“ его всѣ жалѣютъ.—„Онъ добрый мальчикъ! Это вы его погубили, говорить отецъ гувернеру... и вотъ слезы душатъ мечтателя... Вся эта исторія кончается болѣзнью ребенка, лихорадкой, бредомъ. Чрезвычайно серьезный психологический этюдъ надъ дѣтской душой, удивительно написанный.

Я нарочно припомнилъ этотъ этюдъ въ такой подробности. Я получилъ письмо изъ К-ва, въ которомъ мнѣ описываютъ смерть одного ребенка, тоже двѣнадцатилѣтняго мальчика, и—и очень можетъ быть, что тутъ нѣчто похожее. Впрочемъ, выпишу мнѣстами письмо, не измѣняя въ выписываемомъ ни слова. *Сюжетъ любонытенъ.*

8-го ноября, послѣ обѣда, разнеслась по городу вѣсть, что случилось самоубийство,—повѣсился 12—13-лѣтний отрокъ, воспитанникъ прогимназіи. Обстоятельства дѣла таковы.—Классный наставникъ, по предмету которого не зналъ въ этотъ день урока погибшій мальчикъ, наказалъ его тѣмъ, что оставилъ въ заведеніи до 5 часовъ вечера. Походилъ, походилъ ученикъ, отвязалъ отъ попавшагося на глаза блока бичевку, привязалъ ее къ гвоздю, на которомъ обыкновенно виситъ такъ-называемая золотая или красная доска, для чего-то въ этотъ день вынесенная, и удавился. Сторожъ, мывшій въ сосьднихъ комнатахъ полы, увидалъ несчастнаго, побѣжалъ къ инспектору; прибѣжалъ инспекторъ, сняли съ петли самоубийцу, но возвратить его къ жизни не могли. Гдѣ причина самоубийства? Мальчикъ буйства и звѣронравства не проявлялъ, учился вообще хорошо, только у своего класснаго наставника въ послѣднее время получилъ нѣсколько неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, за что и были наказаны... Говорять, и отецъ мальчика, человѣкъ очень строгий, и самъ онъ былъ въ этотъ день именинникомъ. Быть можетъ, съ дѣтскимъ восторгомъ мечталъ молодой именинникъ о томъ, какъ его встрѣтятъ дома—мать, отецъ, братишки и сестренки... И вотъ сиди одинъ-одинешенекъ голодный въ пустомъ домѣ и раздумывай о страшномъ гибѣ отца, который придется встрѣтить, обѣ униженіи, стыдъ, а быть можетъ и наказаніи, которое предстоитъ перенестъ. О возможності покончить самому съ собою онъ зналъ (да и кто изъ дѣтей нашего времени не знаетъ этого). Страшно жаль погибшаго, жаль инспектора, человѣка и педагога прекраснѣйшаго, котораго воспитанники обожаютъ, страшно за школу, которая въ стѣнахъ своихъ видитъ подобныя явленія. Чтѣ почувствовали товарищи погибшаго и другія дѣти, обучающіяся тамъ, между которыми въ приготовительныхъ классахъ есть совершенныя крошки, когда они узнали о случившемся? Не слишкомъ ли сильна такая наука? Не слишкомъ ли много придается значенія—двойкамъ, единицамъ, золотымъ и краснымъ доскамъ, на гвоздяхъ отъ которыхъ вѣшаются воспитанники? Не слишкомъ ли много формализма и сухой безсердечности вносится у насъ въ дѣло воспитанія?

Конечно, страшно жаль бѣднаго маленькаго именинника, но я не стану распространяться о вѣроятныхъ причинахъ этого горестнаго случая, и въ особенности на тему „о двойкахъ, о баллахъ, объ излишней строгости“ и проч. Все это и прежде было и обходилось безъ самоубийствъ, и причина очевидно не тутъ. Эпизодъ изъ „Отрочества“ графа Толстого я взялъ изъ сходства обоихъ случаевъ, но есть и огромная разница. Безъ сомнѣнія, именинникъ Миша убилъ себя не отъ злости и не отъ страха только. Оба чувства эти—и злость, и болѣзньенная трусивость—слишкомъ просты и скорѣе всего нашли бы *исходъ сами въ себѣ*. Впрочемъ, дѣйствительно могъ повліять и страхъ наказанія, особенно при болѣзненной мнительности, но все же чувство могло быть и при этомъ гораздо сложнѣе, и опять-таки очень можетъ быть, что происходило нѣчто въ родѣ того, что описалъ графъ Толстой, т. е. подавленные, еще не сознательные дѣтскіе вопросы, сильное ощущеніе какой-то гнетущей несправедливости, мнительное раннее и страдальческое ощущеніе собственной ничтожности, болѣзненно развившійся вопросъ: „Почему меня такъ *всѣ* не любятъ“, страстное желаніе заставить жалѣть о себѣ, т. е. то же, что страстное желаніе любви отъ *нихъ всѣхъ*—и множество, множество другихъ усложненій и оттѣнковъ. Дѣло въ томъ, что тѣ или другіе изъ этихъ оттѣнковъ непремѣнно были, но—есть и черты какой-то новой дѣйствительности, совсѣмъ другой уже, чѣмъ какая была въ успокоенномъ и твердо, издавна сложившемся московскомъ помѣщичьемъ семействѣ средне-высшаго круга, историкомъ котораго явился у насъ графъ Левъ Толстой, и какъ разъ, кажется, въ ту пору, когда для прежняго русскаго дворянскаго строя, утверждавшагося на прежнихъ помѣщичьихъ основаніяхъ, пришелъ какой-то новый, еще неизвѣстный, по радикальному перелому, по крайней мѣрѣ, огромное перерожденіе въ новыхъ и еще грядущія, почти совсѣмъ неизвѣстныя формы. Есть тутъ, въ этомъ случаѣ, съ именинникомъ одна особенная черта уже совершенно нашего времени. Мальчикъ графа Толстого могъ мечтать, съ болѣзненными слезами разслабленнаго умиленія въ душѣ, о томъ, какъ *они* войдутъ и найдутъ его мертвымъ и начнутъ любить его, жалѣть и себя винить. Онъ даже могъ мечтать и о самоубийствѣ, но лишь *мечтать*: строгій строй исторически сложившагося дворянскаго семейства отозвался бы и въ двѣнадцатилѣт-

немъ ребенкъ и не довелъ бы его *мечту* до *дѣла*, а тутъ—*помечталъ да и сдѣлалъ*. Я, впрочемъ, замѣчая это, не обѣ одной только теперешней эпидеміи самоубійствъ говорю. Чувствуется, что тутъ что-то не то, что огромная часть русского строя жизни осталась вовсе безъ наблюденія и безъ *историка*. По крайней мѣрѣ ясно, что жизнь средне-высшаго нашего дворянскаго круга, столь ярко описанная нашими беллетристами, есть уже слишкомъ ничтожный и обособленный уголокъ русской жизни. Кто жъ будетъ *историкомъ* остальныхъ уголковъ, кажется страшно многочисленныхъ? И если въ этомъ хаосѣ, въ которомъ давно уже, но теперь особенно, пребываетъ общественная жизнь и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, можетъ быть, и Шекспировскихъ размѣровъ художнику, то, по крайней мѣрѣ, кто же освѣтить хотя бы часть этого хаоса, и хотя бы и не мечтая о руководящей нити? Главное, какъ будто всѣмъ еще все не до того, что это какъ бы еще рано для самыхъ великихъ нашихъ художниковъ. У насъ есть безспорно жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающееся. Но есть, необходимое, и жизнь вновь складывающаяся, на новыхъ уже началахъ. Кто ихъ подмѣтилъ и кто ихъ укажетъ? Кто хоть чуть-чуть можетъ опредѣлить и выразить законы и этого разложенія и новаго со-зданія? Или еще рано? Но и старое-то, прежнее-то все ли было отмѣчено?

ФЕВРАЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающіе дѣлать луну въ Гороховой. Одинъ изъ неизвѣстнѣйшихъ русскихъ великихъ людей.

Восточный вопросъ попрежнему у всѣхъ передъ глазами. Какъ ни старались мы забыть его и развлечь себя всѣмъ, что было подъ рукой,—масленицей, „Новью“, крахами, червонными валетами,—какъ ни нагоняли мы на себя цинизмъ, увѣряя всѣхъ, и себя прежде всѣхъ, что „ничего ровно не было, что все выдумано и поддѣлано“, какъ ни прятали мы голову въ подушку, какъ маленькия дѣти, чтобы только не видѣть грознаго привидѣнія,—а привидѣніе все-таки передъ нами, никуда не ушло, стоять и грозить какъ и прежде. Всякій—и злобствующій циникъ, и искренній гражданинъ, и безмятежно развлекающійся гуляка, и просто лѣнивецъ,—всякій чувствуетъ и помнить, что есть это нѣчто,—нѣчто отнюдь еще не решенное и не поконченное, а вмѣсть съ тѣмъ неотложное и необходимое, нѣчто, что непремѣнно позоветъ насъ и потребуетъ, рано ли, поздно ли, къ развязкѣ, и что тутъ непремѣнно—

«Надо что-нибудь да сдѣлать,

«Надо чѣмъ-нибудь да кончить,

И ужъ это по меньшей мѣрѣ, если что-нибудь сдѣлать или чѣмъ-нибудь кончить, а что всего бы лучше, если бъ кончить получше. А между тѣмъ время идетъ да идетъ,

на дворѣ весна и—что-то дастъ намъ весна? Иные кричатъ, что ушло уже время; это Богъ знаетъ; для хорошаго дѣла всегда есть время. Да, не выработается ли что-нибудь хоть къ веснѣ, не скажется ли что-нибудь окончательно, то-есть хоть бы на годъ? Вѣдь въ восточномъ вопросѣ теперь въ Европѣ дальше какъ на годъ никто и не разсчитываетъ, тѣмъ болѣе, что и сама Турция врядъ ли годъ простоитъ. Но дѣло не въ ней, а въ томъ, что послѣ нея останется. Эти окончательныя рѣшенія на годъ Европѣ, можетъ быть, и выгодны; ну, а другимъ не очень; и что-то будетъ съ другими, особенно съ тѣми другими, тамъ за Дунаемъ? Но обѣихъ думаетъ лишь русскій народъ.

Да, думаетъ, и, воля ваша, какъ ни отрицали мы изо всѣхъ силъ всю зиму наше лѣтнее движеніе, но, по-моему, оно продолжалось и во всю зиму, точно такъ же, какъ и лѣтомъ, по всей Россіи, неуклонно и вѣрно, но уже спокойно и съ надеждой на рѣшеніе Царя. И ужъ, конечно, продолжаться будетъ до самаго конца, несмотря на пророковъ нашихъ, умѣвшихъ разглядѣть (и именно въ это лѣто) въ лицѣ Россіи лишь спящее гадкое пьяное существо, протянувшееся отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, съ колоссальнымъ штофомъ въ рукахъ. По-моему, если и не видять эти пророки наши, чѣмъ живетъ Россія, такъ тѣмъ даже и лучше: не будутъ вмѣшиваться и не будутъ мѣшать, а и вмѣшаются, такъ не туда попадутъ, а мимо. Видите ли: тутъ дѣло въ томъ, что нашъ европеизмъ и „просвѣщенный“ европейской нашъ взглядъ на Россію—то все та же луна, которую дѣлаетъ все тотъ же самый заѣзжій хромой бочаръ въ Гороховой, чтѣ и прежде дѣлалъ, и все такъ же прескверно дѣлаетъ, что и доказываетъ поминутно; вотъ онъ и на-дняхъ доказалъ; впредъ же будетъ дѣлать еще сквернѣе,—ну, и пусть его: нѣмецъ, да еще хромой, надобно имѣть состраданіе.

Да и какое дѣло Россіи до такихъ пророковъ? Теперь и не почешемся, прежнее время прошло.

Въ газетахъ упоминалось какъ-то, что въ Москву въ эту зиму привезли изъ славянскихъ земель не одну партию бѣдныхъ маленькихъ дѣтей изъ разрушенныхъ воинскою семействъ, совершенныхъ сиротъ. Ихъ размѣщаются по разнымъ рукамъ и заведеніямъ. Хорошо кабы это все не прерывалось и организовалось, наконецъ, по всей Рос-

сіи въ самомъ обширномъ размѣрѣ: что же, вѣдь это только благодѣяніе; а дѣтокъ этихъ надо беречь, вѣдь это все будущее славяне. Кстати, я нѣсколько разъ спрашивалъ себя: чѣмъ такъ-таки прокормились эти нѣсколько сотъ тысячъ ртовъ изъ болгаръ, босняковъ, герцеговинцевъ и прочихъ, бѣжавшихъ отъ своихъ мучителей, послѣ избѣженія и разоренія, въ Сербію, Черногорію, Австрію и куда попало. Соображая, сколько нужно денегъ, чтобъ ихъ прокормить, и зная, что ни у сербовъ, ни у черногорцевъ нѣтъ такихъ денегъ, да и самимъ теперьѣть почти нечего, не понимаешь, чѣмъ эти сотни тысячъ могли прокормиться съ маленьными своими дѣтьми и во что въ зиму одѣть себя и дѣтей. Говорять, недавно въ Москву привезли еще „партію дѣтокъ“, отъ трехъ до тринацати лѣтъ, и которыхъ припала къ себѣ Покровская община сестеръ милосердія. Разсказываютъ, что этихъ маленькихъ сербскихъ дѣвочекъ покровскія сестры милосердія помѣстили вмѣстѣ съ прибывшими прежде болгарками, и что за пими надзираетъ одна изъ сестеръ, знающая по-сербски, такъ что дѣти рады и дѣтямъ весело. Дѣтямъ, конечно, хорошо и тепло, но я слышалъ недавно отъ одного воротившагося изъ Москвы пріятеля прехарактерный анекдотъ про этихъ самыхъ малютокъ: сербскія дѣвочки сидятъ-де въ одномъ углу, а болгарки въ другомъ, и не хотятъ ни играть, ни говорить другъ съ дружкой, а когда спрашиваютъ сербокъ, отчего они не хотятъ играть съ болгарками, то тѣ отвѣчаютъ: „мы имъ дали оружіе, чтобы они шли съ нами вмѣстѣ на турокъ, а они оружіе спрятали и не пошли на турокъ“. Это очень, по-моему, любопытно. Если восьми—девятилѣтнія малютки говорятъ такимъ языкомъ, то значить переняли отъ отцовъ, и если такія слова отцовъ переходятъ уже къ дѣтямъ, то значить между балканскими славянами несомнѣнная и страшная рознь. Да, вѣчная рознь между славянами! Они запоминаютъ ее въ своихъ преданіяхъ и сохраняютъ въ пѣсняхъ, и безъ единящаго огромнаго своего центра Россіи—не бывать славянскому согласію, да и не сохраниться безъ Россіи славянамъ, исчезнуть славянамъ съ лица земли вовсе,—какъ бы тамъ ни мечтали люди сербской интеллигенції, или тамъ разные цивилизованные по-европейски чехи... Много у нихъ еще мечтателей. Да почти все еще мечтатели.

Помните ли вы у Пушкина, въ „Пѣсняхъ западныхъ“

славянъ“, „пѣсню о битвѣ у Зеницы Великой“? Тамъ возставшіе собрались съ Радивоемъ въ походъ на турокъ.

А далматы, завида наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки
И сказали: «Возьмите наасъ съ собою»...

Беглербей съ своими босняками
Противъ наасъ пришелъ изъ Банялукъ,
Но лишь только заржалъ ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы Великой,—
Разбѣжались измѣнники далматы!

Кстати, я спросилъ: „Помните ли вы въ пѣсняхъ западныхъ славянъ“ и т. д., и я впередъ за всѣхъ отвѣчаю, что никто не помнить ни „пѣсни о битвѣ у Зеницы Великой“, ни даже и самихъ „Пѣсень западныхъ славянъ“ Пушкина. Ну, кроме специалистовъ какихъ-нибудь, словесниковъ, али старыхъ-старыхъ какихъ-нибудь стариковъ. Пусть я гнусно ошибаюсь, но все же я въ этомъ твердо увѣренъ. А между тѣмъ знаете ли, господа, что „Пѣсни западныхъ славянъ“ это—шедѣвръ изъ шедѣвровъ Пушкина, между шедѣврами его шедѣвръ, не говоря уже о пророческомъ и политическомъ значеніи этихъ стиховъ, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ появившихся. Фактъ тогдашняго появленія у наасъ этихъ пѣсенъ важенъ:— Это предчувствіе славянъ русскими, это пророчество русскихъ славянамъ о будущемъ братствѣ и единеніи. Ни гъ одной критикѣ, однако же, я никогда не читалъ про эти „сочиненія Пушкина“, что они его шедѣвры. Считали ихъ такъ себѣ, а между тѣмъ они именно шедѣвры и все, что есть высшаго по значенію. По-моему, Пушкина мы еще и не начинали узнавать; это геній, опередившій русское сознаніе еще слишкомъ надолго.—Это былъ уже русскій, настоящій русскій, самъ, силою своего генія, передѣлавшій въ русскаго, а мы и теперь все еще у хромого бочара учимся. Это былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ, ощущившій въ себѣ русскаго человѣка всецѣло, вызвавшій его въ себѣ и показавшій на себѣ, какъ долженъ глядѣть русскій человѣкъ,—и на народъ свой, и на семью русскую, и на Европу, и на хромого бочара, и на братьевъ славянъ. Гуманнѣе, выше и трезвѣе взгляда нѣтъ и не было еще у наасъ ни у кого изъ русскихъ. Но я обѣ этомъ распространяться пока не стану,

а про „Пѣсни“ лишь скажу, что, какъ всѣмъ извѣстно, онъ взяты у Пушкина съ французскаго, изъ книжки Мериме *la Gouzla*, книжки, сочиненной Мериме, по его собственному признанію, наобумъ, не выѣзжая изъ Парижа. Эта преталантливый французскій писатель, внослѣдствіи *senateur* и чуть не родственникъ Наполеона III, теперь уже умершій, въ этой *Gouzla* изобразилъ, подъ видомъ славянъ, конечно, лишь французовъ, да еще и французовъ-то парижанъ; иначе они и не умѣютъ: для настоящаго француза кромѣ Парижа ничего на свѣтѣ не существуетъ. Пушкинъ, прочтя книжку и пославъ обѣ ней автору въ Парижъ запросъ, сочинилъ по ней свои пѣсни, т.-е. изъ французовъ, изображенныхъ Мериме, возстановилъ славянъ, и—ужъ, конечно, теперь это „Пѣсни западныхъ славянъ“, настоящихъ славянъ, славянъ даже породнившихся уже съ русскими. Конечно, этихъ пѣсень нѣть въ Сербіи, поются у нихъ другія, но это все равно: Пушкинскія пѣсни—это пѣсни всеславянскія народныя, вылившіяся изъ славянскаго сердца, въ духѣ, въ образѣ славянъ, въ смыслѣ ихъ, въ обычаяхъ и въ исторіи ихъ. Я бы тѣмъ высокообразованнымъ сербамъ, изъ которыхъ многіе столь недовѣрчиво смотрѣли нынѣшимъ лѣтомъ на русскихъ, показаль бы, напримѣръ, пѣсню Пушкина о „Георгіи Черномъ“, или эту „Пѣсню о битвѣ при Зеницѣ Великой“. Это два шедѣвра изъ этихъ пѣсенъ, брильянты первой величины въ поэзіи Пушкина,—(и не премѣнно потому-то они совершенно невѣдомы въ нашихъ школахъ не только ученикамъ, но весьма вѣроятно и учителямъ, которые съ удивленіемъ услышатъ теперь въ первый разъ, что это такие шедѣвры, а не „Кавказскій Шѣнникъ“ и не „Цыгане“). А между тѣмъ, хоть бы въ прошломъ году-то, по крайней мѣрѣ, пустить эти пѣсни въ ходъ въ нашихъ школахъ. Впрочемъ, судя по ходу дѣлъ, врядъ ли сербы скоро узнаютъ этого извѣстнѣйшаго изъ всѣхъ великихъ русскихъ людей,—такъ, я думаю, можно опредѣлить нашего великаго Пушкина, про котораго у насъ тысячи и десятки тысячъ изъ нашей интеллигенціи до сихъ поръ не знаютъ, что это былъ такихъ великихъ размѣровъ поэтъ и русскій человѣкъ, и которому до сихъ поръ не могли мы еще собрать денегъ на памятникъ,—черта эта войдетъ въ нашу исторію. А сербы, прочтя эти „пѣсни“, конечно, увидали бы, какъ думаемъ мы обѣ ихъ свободѣ, чтимъ мы ее или нѣть, радуемся ли

ей или нѣть, и хотимъ или нѣть захватить ихъ въ свою власть и лишить ихъ этой свободы. Впрочемъ, довольно о поэзіи. И пусть не улыбаются надо мной свысока: „вотъ, дескать, объ какихъ мелочахъ заговорилъ“. Это не мелочь; о Пушкинѣ еще много и долго у насъ говорить надо.

II.

Доморощенные великаны и приниженный сынъ „кучи“. Анекдотъ о содранной со спины кожѣ. Высшіе интересы цивилизациі „и да будутъ они прокляты, если ихъ надо покупать такою цѣной!“

Сербская скupщина, собравшись въ прошломъ мѣсяцѣ въ Бѣлградѣ на одно мгновеніе (на полтора часа, какъ писали въ газетахъ), чтобы только рѣшить: „Заключить миръ или нѣть?“—скупщина эта, какъ слышно, высказала вовсе не такое слишкомъ ужъ поспѣшно миролюбивое настроеніе, какого отъ нея ждали, принимая въ соображеніе обстоятельства. Говорятъ, и на миръ-то согласились вслѣдствіе какой-то передержки, министерской какой-то интриги. Во всякомъ случаѣ, если чуть-чуть правда, что скупщина не струсила продолженія войны, то, взявъ въ соображеніе ихъ отчаянное положеніе, невольно спросишь себя: „Что жъ это у насъ такъ кричали о трусости сербовъ?“ Я получалъ изъ Сербіи письма и говорилъ съ приѣзжавшими оттуда, и особенно запомнилъ одно письмо отъ одного юнаго русскаго, который тамъ и остался, и который пишетъ о сербахъ съ восторгомъ и съ негодованіемъ на то, что въ Россіи находятся-де люди, думающіе про нихъ, что они трусы и эгоисты. Восторженный русскій эмігрантъ даже извѣняетъ членовредительство сербскихъ солдатъ у Черняева и Новоселова: это, видите ли, они до того нѣжны сердцемъ народъ, до того любятъ свою „кучу“, гдѣ каждый оставилъ жену, дѣтей, или мать, сестеръ, невѣсту, братьевъ, коня и собаку, что бросаютъ все, уродуютъ себя, отстрѣливаютъ себѣ пальцы, чтобы не годиться къ службѣ и поскорѣй воротиться въ свое милое гнѣздо! Представьте себѣ, я эту нѣжность сердца понимаю, и ужъ, конечно, въ такомъ случаѣ это слишкомъ нѣжны сердцемъ народъ, хотя—хотя это въ то же время довольно туповатыя дѣти своей отчизны, такъ что сами не понимаютъ, чего у нихъ сердце хочетъ. По нѣжности сердца своего сербскій обитатель „кучи“

похожъ очень, по-моему, на тѣхъ дѣтей, которыхъ очень можетъ быть вы запомнили еще съ дѣтства: вдругъ изъ семьи, или изъ разрушенаго разбредшагося вдругъ семейства, попадаютъ они въ школу. Доселъ мальчикъ жилъ только дома, и ничего, кромѣ资料 своего дома, не зналъ, и вдругъ—сто человѣкъ товарищей, чужія лица, шумъ, гамъ, совсѣмъ все другое, чѣмъ дома,—Боже, какая мука! Дома ему, пожалуй, было холодно и голодно, но зато его любили, а хоть и не любили, то все-таки тамъ было дома, онъ былъ одинъ у себя и съ собой, а здѣсь—ни одного-то слова ласки отъ начальства, строгости отъ учителей, такія мудреныя науки, такие длинные коридоры и такіе безчеловѣчные сорванцы, обидчики и насмѣшики, безжалостные его товарищи: „точно у нихъ сердца нѣтъ, точно у нихъ не было ни отца, ни матери!“ Ему говорили до сихъ порь, что лгать и обижать страшно и позорно, а вотъ они здѣсь всѣ лгутъ, обманываютъ, обижаютъ, да еще смѣются надъ его ужасомъ. Вотъ они за что-то не взлюбили его, за то, что онъ плачетъ о своемъ гнѣздѣ, „классъ мараетъ“. Вотъ они принимаются его колотить безъ пощады, всѣмъ классомъ, все время, и даже такъ, безъ злобы, для развлечения. Я замѣчу про себя, что такихъ несчастныхъ дѣтей я довольно встрѣчалъ въ моемъ дѣтствѣ въ разныхъ школахъ,—и какія преступленія совершаются иногда въ этомъ родѣ въ нашихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, всѣхъ разрядовъ и наименованій,—именно преступленія! Попробуй мальчикъ сдуру пожаловаться, и его убьютъ чуть не до смерти (да и до смерти убьютъ); школьніки бьютъ безъ жалости и безъ осторожности. Они задразнятъ его фискаломъ на цѣлые годы, говорить съ нимъ не захотятъ, а сдѣлаютъ изъ него парю,—и что за безсердечность, какое безжалостное равнодушіе при этомъ въ начальствѣ! Я не помню въ моемъ дѣтствѣ ни одного педагога, и не думаю, чтобы и теперь было много: все лишь чиновники, получающіе жалованье. А между тѣмъ, вотъ эти-то дѣти, которыхъ, поступая въ школу, тоскуютъ по семье и родимому гнѣздѣ,—вотъ именно изъ такихъ-то и выходятъ потомъ всего чаще люди замѣчательные, со способностями и съ дарованіями. А тѣ, которыхъ, взятыхъ изъ семьи, быстро уживаются въ какомъ угодно новомъ порядке, въ одинъ мигъ ко всему привыкаютъ, которыхъ ни о чемъ никогда не тоскуютъ и даже сразу становятся во

главъ другихъ,—эти всего чаще выходятъ лишь бездарностью, или просто дурными людьми, пролазы и интриганы еще съ восьмилѣтняго возраста. Разумѣется, я сужу слишкомъ вообще, но все-таки по-моему тотъ плохой ребенокъ, который, поступая въ школу, не тоскуетъ про себя по своей семье, развѣ что семьи у него вовсе не было, или была слишкомъ плохая.

Съ такимъ страдающимъ, въ первые дни своей школы, мальчикомъ, я еще лѣтомъ, читая о нихъ, сравнивалъ невольно сербскаго новобранца-членовредителя,—иначе какъ тѣмъ же самымъ чувствомъ и объяснить не могъ его несчастнаго, неразсуждающаго, животнаго почти желанія бросить ружье и бѣжать скорѣй домой. Разница лишь въ томъ, что при этомъ желаніи объявлялась и невѣроятная, феноменальная какъ бы тупость. Онъ какъ бы отмахивался отъ всякаго соображенія о томъ, что если всѣ какъ онъ разбѣгутся, то и землю защищать будеть некому, а, стало-быть, придутъ турки когда-нибудь и къ нимъ въ „кучу“, и разорять эту дорогую, возлюбленную его „кучу“, и зарѣжутъ и мать его, и невѣсту, и сестру его, и коня и собаку ихъ. Дѣйствительно, слишкомъ во многихъ, можетъ быть, сербскихъ сердцахъ это страданіе по родному гнѣзду своему не возвысилось до страданія по родинѣ, чтѣ представило собою именно странный феноменъ. Правда, теперь, когда ужъ кончилась у нихъ война и заключенъ миръ, можно замѣтить и то, что и сердца высшей сербской интеллигенціи далеко не всегда возвышались до страданія по родинѣ, но, однако, по другой причинѣ, чѣмъ сердца низшія. Сверху это объясняется у нихъ слишкомъ сильнымъ, можетъ быть, политическимъ честолюбиемъ. Такъ, что изъ-за „высшихъ“ интересовъ родины этимъ высшимъ сердцамъ было даже почти и не время заниматься интересами низшими, народными, столь обыденными. Но о низшемъ сербѣ, мнѣ кажется, все-таки можно сдѣлать одно, довольно любопытное замѣчаніе. Нельзя же объяснить его членовредительство и побѣги съ поля битвы лишь одною нѣжностью сердца и тупостью соображенія. Мнѣ кажется, что, дезертируя домой, онъ въ состояніи былъ очень понять, что дѣлаетъ худо и, очень можетъ быть, что не хвалилъ себя первый самъ, но въ то же время никогда и не предлагалъ, что родина его останется безъ защиты и безъ прикрытия, если онъ убѣжитъ: „О, останутся герои, Ки-

рѣзы, останется Черняевъ, русскіе, да и свои строгіе сербскіе начальники, а онъ—что такое онъ? Незамѣтная пылинка, такъ, дрянь и больше ничего; онъ уйдетъ и никто его не хватится“... По-моему, именно это чувство и было въ немъ, и это очень любопытно и рисуетъ пародію: сверху бахвалы, цивилизованные европейцы, мечтающіе завоевать всѣхъ славянъ въ одну Сербію, интригующіе даже противъ Россіи, словомъ, настоящіе цивилизованные европейцы, Хорватовичи и Мариновичи, т.-е. все равно какъ бы Мольтке и Бисмарки. Съ другой стороны, рядомъ съ этими великанами—приниженный сынъ кучи, и именно приниженный четырьмя вѣками рабства: отъ вѣковой этой приниженности онъ и считаетъ себя ни во что, за пылинку: „Останутся, дескать, великаны, а меня и не примѣтятъ. Я такой маленький, а они такие строгіе господа...“ Гдѣ-то я читалъ, что иные изъ этихъ строгихъ господъ, такъ-таки сразу, завидѣвъ иного низшаго серба, собиравшаго бѣжать изъ-подъ ружья, прямо отстрѣливали ему голову револьверомъ,—„вотъ, дескать, какими тоже могли бы мы быть желѣзными князьями!“ Они свой низшій народъ третируютъ тамъ, кажется, нѣсколько свысока.

Вообще эти высшіе славяне, „со столь славною будущностью“—во всякомъ случаѣ чрезвычайно любопытный народъ въ политическомъ, гражданскомъ, историческомъ и во всевозможныхъ отношеніяхъ.

Теперь, когда уже Черняевъ оттуда выѣхалъ, а добровольцевъ выслали, у нихъ, т.-е. отъ ихъ военныхъ людей послышалась одна военная мысль, о которой мы прежде, лѣтомъ, не слыхивали. Именно, утверждаютъ они, что ихъ сербъ и вовсе не способенъ служить въ регулярномъ войскѣ и дѣйствовать въ чистомъ полѣ, а что народная сербская война—это „малая война“, т.-е. партизанская, война шайками, въ лѣсахъ, въ тѣснинахъ, за камнями, за скалами. Чѣмъ же, и это очень можетъ быть; но такъ какъ миръ у нихъ уже заключенъ, то врядъ ли это можно теперь провѣрить. По крайней мѣрѣ, они останутся съ этимъ военнымъ убѣжденіемъ, ну, и то утѣшеніе въ несчастіи. Долго ли протянется этотъ миръ? Но чтобы сказать прощальное слово объ этой сербской войнѣ, въ которой мы, русскіе, чуть не всѣ до единаго такъ участвовали нашимъ сердцемъ, то мнѣ кажется, что сербы разстаются съ нами и съ помощью нашою еще съ боль-

шено недовѣрчивостью, чѣмъ съ какою встрѣчали насть въ началѣ войны. Заключить можно тоже, что недовѣрчивость эта къ намъ будетъ въ нихъ идти увеличиваюсь все время, пока они будутъ умственно расти и развиваться сами; стало-быть, очень долго, и что намъ, стало-быть, прежде всего надо не обращать никакого вниманія на ихъ недовѣрчивость и дѣлать свое дѣло какъ сами знаемъ. Намъ въ восточномъ вопросѣ необходимо имѣть въ виду неустанно одну истину: что славянская главная задача не въ томъ только, чтобы освободиться отъ своихъ мучителей, а и въ томъ, чтобы освобожденіе это совершилось, хоть и съ помощью русскихъ (нельзя же иначе, и—если бъ только они могли обойтись безъ русскихъ!), но, по крайней мѣрѣ, оставаясь какъ можно меньше обязанными русскимъ.

Между этими привезенными въ Москву славянскими дѣтьми есть, говорятъ,—рассказывалъ мнѣ все тотъ же воротившійся изъ Москвы пріятель,—одинъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ восьми, или девяти, которая часто падаетъ въ обморокъ и за которую особенно ухаживаютъ. Падаетъ она въ обморокъ отъ воспоминанія: она сама, своими глазами, видѣла нынѣшнимъ лѣтомъ какъ съ отца ея сдирали черкесы кожу и—садрали всю. Это воспоминаніе при ней неотступно и, вѣроятнѣе всего, останется на всегда, можетъ-быть, съ годами въ смягченномъ видѣ, хотя, впрочемъ, не знаю, можетъ ли тутъ быть смягченный видѣ. О, цивилизація! О, Европа, которая столь пострадаетъ въ своихъ интересахъ, если серьезно запретить туркамъ сдирать кожу съ отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей! Эти, столь высшіе интересы европейской цивилизациі, конечно, — торговля, мореплаваніе, рынки, фабрики, — что же можетъ быть выше въ глазахъ Европы? Это такие интересы, до которыхъ и дотронуться даже не позволяетъ не только пальцемъ, но даже мыслю, но—но „да будутъ они прокляты, эти интересы европейской цивилизациі!“ Это восклицаніе не мое, это воскликнули *Москов. Вѣдомости*, и я за честь считаю присоединиться къ этому восклицанію; да, да будутъ прокляты эти интересы цивилизациі, и даже самая цивилизациія, если, для сохраненія ея, необходимо сдирать съ людей кожу. Но, однакоже, это фактъ: для сохраненія ея необходимо сдирать съ людей кожу!

III.

О сдираниі кожъ вообще, разныя аберраціи въ частности. Ненависть къ авторитету при лакействѣ мысли.

„Съ людей? Съ какихъ людей? Съ крошечной только части людей, гдѣ-то тамъ въ уголкѣ, съ турецкой райи, о которой никто бы и не услыхалъ ничего, если бъ не прокричали русскіе. Зато огромная осталъная часть организма жива, здорова и благоденствуетъ, торгуетъ и фабрикуетъ!“

Этотъ анекдотъ о маленькой болгаркѣ, падающей въ обморокъ, мнѣ рассказали утромъ, и въ тотъ же день мнѣ случилось проходить по Невскому проспекту. Тамъ, въ четвертомъ часу, матери и нянки водили дѣтей и невольная мысль вдругъ вѣско легла мнѣ на душу: „Цивилизациѣ!“ — думалъ я, — „кто же смѣеть сказать противъ цивилизациї? Нѣть, цивилизациꙗ что-нибудь да значитъ: не увидать, по крайней мѣрѣ, эти дѣти наши, мирно гуляющія здѣсь на Невскомъ проспектѣ, какъ съ отцовъ ихъ сдирать будуть кожу, а матери ихъ какъ будуть вскидывать на воздухъ этихъ дѣтей и ловить ихъ на штыкѣ, какъ было въ Болгаріи. По крайней мѣрѣ, хоть это-то пріобрѣтеніе наше да останется за цивилизациѣ! И пусть это только въ Европѣ, т.-е. въ одномъ уголкѣ земного шара, и въ уголкѣ довольно маломъ сравнительно съ поверхностью планеты (мысль страшная!), но все же это есть, существуетъ, хоть въ уголкѣ да существуетъ, положимъ, дорогою цѣнной, сдираниемъ кожъ съ родныхъ нашихъ братьевъ гдѣ-то тамъ на краю, но зато у насъ-то, по крайней мѣрѣ, существуетъ. Подумать только, что прежде, да и недавно еще нигдѣ этого не было въ твердомъ видѣ, даже и въ Европѣ, и что если есть это теперь у насъ въ Европѣ, то вѣдь въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ существуетъ планета. Нѣть, все же это уже достигнуто и, можетъ-быть, назадъ уже никогда не воротится, — соображеніе чрезвычайно важное, невольно въ душу направляющееся, вовсе не такое маленькое, на которое не стоило бы обращать вниманія, тѣмъ болѣе, что міръ — міръ все-таки попрежнему загадка, несмотря на цивилизацию и ея пріобрѣтенія. Богъ знаетъ, чѣмъ чреватъ еще міръ и что можетъ дальше случиться, даже и въ ближайшемъ будущемъ.“

И вотъ, только лишь я хотѣлъ воскликнуть про себя

въ восторгѣ: „да здравствуетъ цивилизація!“—какъ вдругъ во всемъ усомнился: „Да достигнуто ли даже это-то, даже для этихъ Невскаго-то проспекта дѣтей? Ужъ не миражъ ли полно и здѣсь, и только глаза отводятъ?“

Знаете, господа, я остановился на томъ, что миражъ, или, помягче, почти что миражъ, и если не сдираютъ здѣсь на Невскомъ кожу съ отцовъ въ глазахъ ихъ дѣтей, то развѣ только случайно, такъ сказать „по независящимъ отъ публики обстоятельствамъ“, ну, и, разумѣется, потому еще, что городовые стоятъ. О, я спѣшу оговориться: я вовсе не аллегорію какую-нибудь подвожу, не на страданія какого-нибудь пролетарія въ нашъ вѣкъ намекаю, не на родителя какого-нибудь, который говорить своему семилѣтнему сыну: „Вотъ тебѣ мой завѣтъ: украдешь пять рублей—прокляну, украдешь сто тысяч—благословлю“. О, нѣтъ, слова мои я разумѣю буквально. Я разумѣю буквальное сдiranie кожъ, вотъ то самое, которое происходило лѣтомъ въ Болгаріи и которымъ, оказывается, такъ любятъ заниматься побѣдоносные турки. И вотъ про это-то сдiranie я и утверждаю, что если его нѣтъ на Невскомъ, то развѣ „случайно, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ“ и, главное, потому, что пока еще запрещено, а что за нами, можетъ-быть, дѣло бы и не стало, несмотря на всю нашу цивилизацию.

По-моему, если ужъ все говорить, такъ просто боятся какого-то обычая, какого-то принятаго на вѣру правила, почти что предразсудка; но если бъ чуть-чуть „доказалъ“ кто-нибудь изъ людей „компетентныхъ“, что содрать иногда съ одной спины кожу выйдетъ даже и для общаго дѣла полезно, и что если оно и отвратительно, то все же „цѣль оправдываетъ средства“,—если бъ заговорилъ кто-нибудь въ этомъ смыслѣ, компетентнымъ слогомъ и при компетентныхъ обстоятельствахъ, то, повѣрьте, тотчасъ же явились бы исполнители, да еще изъ самыхъ веселыхъ. О, пусть, пусть это смѣшнѣйшій мой парадоксъ! Я первый подписываюсь подъ этимъ определенiemъ обѣими руками, но тѣмъ не менѣе увѣряю васъ, что это точь-вѣточь такъ бы и было. Цивилизациѣ есть, и законы ея есть, и вѣра въ нихъ даже есть, но — явись лишь новая мода, и тотчасъ же множество людей измѣнилось бы. Конечно, не всѣ, но зато осталась бы такая малая кучка, что даже мы съ вами, читатель, удивились бы, и даже еще неизвестно, гдѣ бы мы сами-то очутились: между сдираемыми

или сдирателями? Мне, разумеется, закричать въ глаза, что все это дребедень и что никогда такой моды не можетъ быть, и что этого-то, по крайней мѣрѣ, уже достигла цивилизациѣ. Господа, какое легковѣріе съ вашей стороны! Вы смѣетесь? Ну, а во Франціи (чтобъ не заглядывать куда поближе) въ 93-мъ году, развѣ не утвердилась эта самая мода сдиранія кожи, да еще подъ видомъ самыхъ священнѣйшихъ принциповъ цивилизациї, и это послѣ-то Руссо и Вольтера! Вы скажете, что все это было вовсе не то и очень давно, но замѣтьте, что я прибѣгаю къ исторіи единственно, можетъ-быть, чтобъ не заговорить о текущемъ! Позвольте, что самая полная абберація и въ умахъ, и въ сердцахъ всегда у людей возможна, а у насть, и именно въ наше время, не только возможна, но и неминуема, судя по ходу вещей. Посмотрите, много ли согласныхъ въ томъ, что хорошо, что дурно. И это не то, что въ какихъ-нибудь тамъ „истинахъ“, а въ самомъ первомъ встрѣчномъ вопросѣ. И съ какой быстротой происходятъ у насъ перемѣны и вольтфасы? Чтѣ такое въ Москвѣ червонные валеты? Мне кажется, это всего лишь та часть той фракціи русскаго дворянства, которая не вынесла крестьянской реформы. Пусть они сами и не помѣщики, но они дѣти помѣщиковъ. Послѣ крестьянской реформы они щелкнули себя по галстуку и засвистали. Да тутъ и не одна крестьянская реформа была причиною, просто „новыхъ идей“ не вынесли: „Если-де все, чѣму насть учили, были предразсудки, то зачѣмъ же за ними слѣдоватъ? Коли ничего нѣтъ, значитъ можно все дѣлать,— вотъ идея! Замѣтьте—идея до невѣроятности распространенная, девять десятыхъ изъ послѣдователей новыхъ идей ее исповѣдуютъ, другими словами девять десятыхъ прогрессистовъ и не умѣютъ у насъ иначе понимать новыхъ идей. У насъ Дарвинъ, напримѣръ, немедленно обращается въ карманнаго воришку, — вотъ чтѣ такое червонный валетъ. О, конечно, у человѣчества чрезвычайно много накоплено вѣками выжитыхъ правилъ гуманности, изъ которыхъ иныя слывутъ за незыблѣмые. Но я хочу лишь сказать только, что, несмотря на всѣ эти правила, принципы, религіи, цивилизациї, въ человѣчествѣ спасается ими всегда только самая незамѣтная кучка, — правда, такая, за которой и остается побѣда, но лишь въ концѣ концовъ, а въ злобѣ дня,

въ текущемъ ходѣ исторіи люди остаются какъ бы все тѣ же навсегда, то-есть въ огромномъ большинствѣ своемъ не имѣютъ никакого чуть-чуть даже прочнаго понятія ни о чувствѣ долга, ни о чувствѣ чести, и явись чуть-чуть лишь новая мода, и тотчасъ же побѣжали бы всѣ нагишомъ, да еще съ удовольствиемъ. Правила есть, да люди-то къ правиламъ не приготовлены вовсе. Скажутъ: да и не надо готовиться, надо только правила эти отыскать! Такъ ли, и удержатся ли долго правила, какія бы тамъ ни были, коли такъ хочется побѣжать нагишомъ?

По-моему одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и вѣрно и разомъ, но сдѣлаться человѣкомъ нельзя разомъ, а надо выдѣлаться въ человѣка. Тутъ дисциплина. Вотъ эту-то неустанную дисциплину надѣть собой и отвергаютъ иные наши современные мыслители: „слишкомъ-де много ужъ было десютизму, надо свободы“, а свобода эта ведетъ огромное большинство лишь къ лакейству передъ чужой мыслью, ибо страхъ какъ любить человѣкъ все то, что подается ему готовымъ. Мало того: мыслители провозглашаютъ общіе законы, т. е. такія правила, что всѣ вдругъ сдѣлаются счастливыми, безо всякой выдѣлки, только бы эти правила наступили. Да если бъ этотъ идеаль и возможенъ былъ, то съ недодѣланными людьми не осуществились бы никакія правила, даже самыя очевидныя. Вотъ въ этой-то пеустанной дисциплинѣ и непрерывной работѣ самому надѣть собой и могъ бы проявиться нашъ гражданинъ. Съ этой-то великодушной работы надѣть собой и начинать надо, чтобы поднять потомъ нашу „Новь“, а то незачѣмъ выйдетъ и подымать ее.

Да? Но что хорошо и что дурно — вотъ вѣдь чего, главное, мы не знаемъ? Всякое чутье въ этомъ смыслѣ потеряли. Всѣ прежніе авторитеты разбили и наставили новыхъ, а въ новые авторитеты, чуть кто изъ насъ поумнѣе, тотъ и не вѣруетъ, а кто посмѣлѣе духомъ, тотъ изъ гражданина въ червоннаго валета обращается. Мало того, ей-Богу начнетъ сдирать со спинъ кожу, да еще провозгласить, что это полезно для общаго дѣла, а, стало быть, свято. Кажется, въ какомъ же смыслѣ приступить къ работѣ-то надѣть собой, если не знаешь что хорошо, что худо?

IV.

Меттернихи и Донъ-Кихоты.

Но чтобы не говорить отвлеченно, обратимся къ данной

темъ. Вотъ мы дѣйствительно не сдираемъ кожъ, мало того, даже не любимъ этого (только одинъ Богъ знаетъ: любитель часто прячется, любитель мало извѣстенъ, до времени стыдится, „боится предразсудка“), но если и не любимъ у себя и никогда не дѣлаемъ, то должны вѣдь ненавидѣть и въ другихъ. Мало того, что ненавидѣть, должны просто не дать сдирать кожъ никому, такъ-таки взять и не дать. А между тѣмъ такъ ли на дѣлѣ? Самые негодующіе изъ нась вовсе не такъ негодуютъ, какъ бы слѣдовало. Я даже не про однихъ славянъ говорю. Если мы ужъ такъ сострадаемъ, такъ и поступать должны бы въ размѣрѣ нашего состраданія, а не въ размѣрѣ десяти цѣлковыхъ пожертвованія. Мнѣ скажутъ, что вѣдь нельзя же отдать все. Я съ этимъ согласенъ, хотя и не знаю почему. Почему же бы и не все? Въ томъ-то и дѣло, что тутъ рѣшительно ничего не понимаешь даже въ собственной природѣ. А тутъ вдругъ, съ огромнымъ авторитетомъ, возникаетъ вопросъ объ „интересахъ цивилизациії“!

Вопросъ ставится прямо, ясно, научно и цинически откровенно. „Интересы цивилизациії — это производство, это богатство, это спокойствіе нужное капиталу.“ Нужно огромное, безпрерывное и прогрессивное производство по уменьшенній цѣнѣ, въ видахъ страшного наращенія пролетаріевъ. Доставляя заработокъ пролетарію, доставляемъ ему и предметы потребленія по уменьшенній цѣнѣ. Чѣмъ спокойнѣе въ Европѣ, тѣмъ болѣе по уменьшенній цѣнѣ. Стало быть, именно нужно въ Европѣ спокойствіе. Шумъ войны прогонитъ производство. Капиталъ трусливъ, онъ заботится войны и спрячется. Если ограничить право турокъ сдирать со спинъ рапи кожу, то надобно затѣять войну, а затѣй войну — сейчасъ выступить впередъ Россія, — значитъ можетъ наступить такое усложненіе войны, при которомъ война обниметъ весь свѣтъ; тогда прощай производство и пролетарій пойдетъ на улицу. А пролетарій опасенъ на улицѣ. Въ рѣчахъ палатамъ уже упоминается прямо и откровенно, вслухъ на весь міръ, что пролетарій опасенъ, что съ пролетаріемъ не спокойно, что пролетарій вѣниается соціализму. „Нѣтъ, ужъ лучше пусть гдѣ-то тамъ въ глухи сдираютъ кожу. Неприкосновенность турецкихъ правъ должна быть незыблѣма. Надо потушить восточный вопросъ и дать сдирать кожу. Да и что такое эти кожи?

Стоять ли двѣ, три какихъ-нибудь кожицы спокойствія всей Европы, ну двадцать, ну тридцать тысячъ кожъ,— не все ли равно? Захотимъ, такъ и не услышимъ вовсе, стдить уши зажать “...

Вотъ мнѣніе Европы (рѣшеніе, можетъ быть); вотъ—*интересы цивилизациіи*, и—да будуть они опять-таки прокляты! И тѣмъ болѣе проокляты, что аберрація умовъ (а русскихъ преимущественно) — предстоитъ несомнѣнная. Ставится прямо вопросъ: что лучше—многимъ ли десяткамъ миллионовъ работниковъ идти на улицу, или единицамъ миллионовъ райи пострадать отъ турокъ! Выставляютъ числа, пугаютъ цифрами. Кроме того, выступаютъ политики, мудрые учители: есть, дескать, такое правило, такое ученіе, такая аксіома, которая гласить, что нравственность одного человѣка, гражданина, единицы — это одно, а нравственность государства — другое. А, стало быть, то, что считается для одной единицы, для одного лица — подлостью, то относительно всего государства можетъ получить видъ величайшей премудрости!

Это ученіе очень распространено и давнишнее, но—да будетъ и оно проклято! Главное, пусть не пугаютъ нась цифрами. Пусть тамъ въ Европѣ какъ угодно, а у насъ пусть будетъ другое. Лучше вѣрить тому, что счастье нельзя купить злодѣйствомъ, чѣмъ чувствовать себя счастливымъ, зная, что допустилось злодѣйство. Россія никогда не умѣла производить настоящихъ своихъ собственныхъ Меттерниховъ и Биконсфильдовъ, напротивъ, все время своей европейской жизни она жила не для себя, а для чужихъ, именно для „общечеловѣческихъ интересовъ“. И дѣйствительно, бывали случаи въ эти двѣsti лѣтъ, что она, можетъ быть, и старалась, кой-когда, подражать Европѣ, и заводила и у себя Меттерниховъ, но какъ-то всегда обозначалось въ концѣ концовъ, что русскій Меттернихъ оказывался вдругъ Донъ-Кихотомъ и тѣмъ ужасно дивилъ Европу. Надѣ Донъ-Кихотомъ, разумѣется, смеялись; но теперь кажется уже восполнились сроки и Донъ-Кихотъ началь уже не смѣшить, а пугать. Дѣло въ томъ, что онъ несомнѣнно осмыслилъ свое положеніе въ Европѣ и не пойдетъ уже сражаться съ мельницами. Но зато онъ остался вѣрнымъ рыцаремъ, а это-то всего для нихъ и ужаснѣе. Въ самомъ дѣлѣ: въ Европѣ кричать о „русскихъ захватахъ, о русскомъ коварствѣ“, но единственno лишь, чтобы напугать свою толпу, когда надо, а сами

крикуны отнюдь тому не въярятъ, да и никогда не вѣрили. Напротивъ, ихъ смущаетъ теперь и страшитъ, въ образѣ Россіи, скорѣе нѣчто правдивое, нѣчто слишкомъ ужъ безкорыстное, честное, гнушающееся и захватомъ и взяткой. Они предчувствуютъ, что подкупить ее невозможно и никакой политической выгодой не завлечь ее въ корыстное или насильтвенное дѣло. Развѣ обманомъ,—но Доль-Кихотъ, хоть и великий рыцарь, а вѣдь и онъ бываетъ иногда ужасно хитеръ, такъ что вѣдь и не дастъ себя обмануть. Англія, Франція, Австрія,—да есть ли тамъ хоть одна такая нація, съ которой нельзя было бы соединиться при удобномъ случаѣ изъ политической выгоды съ насильтвенною корыстною цѣлью: стоитъ лишь не пропустить ту минуту, въ которую подкупаемая нація всего дороже можетъ продать себя. Одну Россію ничѣмъ не прельстишь на неправый союзъ, никакой цѣной. А такъ какъ Россія въ то же время страшно сильна и организмъ ея очевидно растетъ и мужаетъ не по днямъ, а по часамъ, что отлично хорошо понимаютъ и видятъ въ Европѣ (хотя подчасъ и кричатъ, что колосъ расшатанъ),—то какъ же имъ не бояться?

Кстати, этотъ взглядъ на неподкупность внѣшней политики Россіи, и на вѣчное служеніе ея общечеловѣческимъ интересамъ даже въ ущербъ себѣ, оправдывается исторіею и на это слишкомъ надо бы обратить вниманіе. Въ этомъ наша собственность сравнительно со всей Европой. Мало того, этотъ взглядъ на характеръ Россіи такъ мало распространенъ, что и у насъ врядъ ли многіе ему повѣрятъ. Разумѣется, ошибки русской политики при этомъ не должны быть поставлены въ счетъ, потому что дѣло идетъ теперь лишь о духѣ и нравственномъ характерѣ нашей политики, а не объ удачахъ ея въ прошедшемъ и давно прошедшемъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствительно бывали въ старицу вѣтряныя мельницы, но, повторяю, кажется, ихъ время совсѣмъ прошло.

Нѣть, серьезно: что въ томъ благосостояніи, которое достигается цѣною неправды и сдиранія кожъ? Что правда для человѣка какъ лица, то пусть остается правдой и для всей націи. Да, конечно, можно проиграть времени, обѣднѣть на время, лишиться рынковъ, уменьшить производство, возвысить дорогоизнну. Но пусть зато останется нравственно здоровъ организмъ націи — и нація несомнѣнно болѣе выиграетъ, даже и материально. Замѣтимъ,

что Европа безспорно дошла до того, что ей всего дороже выгода текущая, выгода настоящей минуты, и даже чего бы она ни стоила, потому что и живут они тамъ всего только день за днемъ, одной только настоящей минутой, и сами не знаютъ, что съ ними станется завтра; мы же, Россія, мы все еще вѣримъ въ нечто незыблемое, у насъ созидающееся, а слѣдственно ищемъ выгода постоянныхъ и существенныхъ. А потому мы, и какъ политической организмы, всегда вѣрили въ нравственность вѣчную, а не условную на нѣсколько дней. Повѣрьте, что Донъ-Кихотъ свои выгоды тоже знаетъ и разсчитать умѣеть: онъ знаетъ, что выиграетъ въ своемъ достоинствѣ и въ сознаніи этого достоинства, если попрежнему останется рыцаремъ; кромѣ того, убѣждень, что на этомъ пути не утратить искренности въ стремлениі къ добру и къ правдѣ, и что такое сознаніе укрѣпитъ его на дальний-шемъ пооприщѣ. Онъ увѣренъ, наконецъ, что такая политика есть, кромѣ того, и лучшая школа для націи. Надо, чтобы червонный валетъ не смѣль сказать мнѣ въ глаза: „вѣдь и у васъ все условно, вѣдь и у васъ все на выгодахъ“. Надо, чтобы и юноша-энтузіастъ возлюбилъ свою націю, а не шель бы искать правды и идеала на стоянѣи виѣ общества. И онъ кончитъ тѣмъ, что возлюбить свою націю, когда время тяжелой, страшно тяжелой нашей школы пройдетъ. Правда какъ солнце, ее не спрятешь: назначеніе Россіи станетъ, наконецъ, ясно самимъ кривымъ умамъ, и у насъ, и въ Европѣ. У насъ почему теперь возможны такія aberracіи умовъ какъ нигдѣ? Поэтому, что полуторавѣковымъ порядкомъ вся интеллигенція наша только и дѣлала, что отвыкала отъ Россіи, и кончила тѣмъ, что раззнакомилась съ ней окончательно и сносилась съ нею только черезъ канцелярію. Съ реформами нынѣшняго царствованія начался новый вѣкъ. Дѣло пошло и остановиться не можетъ.

А Европа прочла осенпій манифестъ Русского Императора и его запомнила,—не для одной текущей минуты запомнила, а надолго, и на будущія текущія минуты. Обнажимъ если надо мечъ во имя угнетенныхъ и несчастныхъ, хотя даже и въ ущербъ текущей собственной выгодахъ. Но въ то же время да укрѣпится въ насъ еще прежде вѣра, что въ томъ-то и есть настоящее назначеніе Россіи, сила и правда ея, и что жертва собою за угнетенныхъ и брошенныхъ всѣми въ Европѣ во имя интересовъ

цивилизациі, есть настояще служение настоящимъ и истиннымъ интересамъ цивилизациі.

Нѣтъ, надо чтобъ и въ политическихъ организмахъ была признаваема та же правда, та самая Христова правда, какъ и для каждого вѣрующаго. Хоть гдѣ-нибудь да должна же сохраняться эта правда, хоть какая-нибудь изъ націй да должна же свѣтить. Иначе что же будетъ: все затемнится, замѣшается и потонетъ въ цинизмѣ. Иначе не сдержите нравственности отдѣльныхъ гражданъ, а въ такомъ случаѣ какъ же будетъ жить цѣлый организмъ народа? Надобенъ авторитетъ, надобно солнце, чтобъ освѣщало. Солнце показалось на Востокѣ, и для человѣчества съ Востока начинается новый день. Когда проснется солнце совсѣмъ, тогда и поймутъ, что такое настояще „интересы цивилизациі“. А то выставится знамя съ надписью на немъ: „Après nous le déluge“ (Послѣ насъ хѣсть потопъ!). Неужели столь славная „цивилизациі“ доведетъ европейскаго человѣка до такого девиза, да тѣмъ съ нимъ и покончить? Къ тому идетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Одинъ изъ главнѣйшихъ современныхъ вопросовъ.

Мои читатели, можетъ быть, уже замѣтили, что я, вотъ уже слишкомъ годъ издавая свой „Дневникъ Писателя“, стараюсь какъ можно меныше говорить о текущихъ явленіяхъ русской словесности, а если и позволяю себѣ кой-когда словцо и на эту тему, то развѣ лишь въ восторженно-хвалебномъ тонѣ. А между тѣмъ, въ этомъ добровольномъ воздержаніи моемъ—какая неправда! Я—писатель, и пишу „Дневникъ Писателя“,—да я, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-нибудь интересовался за весь этотъ годъ тѣмъ, что появлялось въ литературѣ: какъ же скрывать, можетъ быть, самыя сильныя впечатлѣнія? „Самъ, дескать, литераторъ-беллетристъ, а, стало-быть, всякое сужденіе твое о беллетристической литературѣ, кромѣ безусловной похвалы, почтется пристрастнымъ; развѣ говорить лишь о давно прошедшихъ явленіяхъ“ — вотъ соображеніе, меня останавливавшее.

И все же я рискну на этотъ разъ нарушить это соображеніе. Правда, въ чисто беллетристическомъ и критиче-

скомъ смыслѣ я и не буду говорить ни о чёмъ, а развѣ лишь, въ случаѣ нужды, „но поводу“. Поводъ вышелъ и теперь. Дѣло въ томъ, что мѣсяцъ назадъ я попалъ на одну до того серьезную и характерную въ текущей литературѣ вещь, что прочель ее даже съ удивленіемъ, потому что давно уже ни на что подобное въ такихъ размѣрахъ не разсчитывалъ въ беллетристикѣ. У писателя—художника въ высшей степени, беллетриста по преимуществу, я прочель три-четыре страницы настоящей „злобы дня“,— все, что есть важнѣйшаго въ нашихъ русскихъ текущихъ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, и какъ бы собранное въ одну точку. И главное,—со всѣмъ характернѣйшимъ оттѣнкомъ настоящей нашей минуты, именно такъ, какъ ставится у насъ этотъ вопросъ въ данный моментъ, ставится и остается неразрѣшеннымъ... Я говорю про нѣсколько страницъ въ „Аннѣ Карениной“ графа Льва Толстого, въ январскомъ № *Русскаго Вѣстника*.

Собственно обо всемъ этомъ романѣ скажу лишь пол-слова, и то лишь въ видѣ самаго необходимаго предисловія. Началь я читать его, какъ и всѣ мы, очень давно. Сначала мнѣ очень понравилось; потомъ, хоть и продолжали нравиться подробности, такъ что не могъ оторваться отъ нихъ, но въ цѣломъ стало нравиться менѣе. Все казалось мнѣ, что я это гдѣ-то уже читалъ, и именно въ „Дѣствѣ и Отрочествѣ“ того же графа Толстого и въ „Войнѣ и Мирѣ“ его же, и что тамъ даже свѣжѣе было. Все та же исторія барскаго русскаго семейства, хотя, конечно, сюжетъ не тотъ. Лица, какъ Бронскій, напримѣръ (одинъ изъ героевъ романа), которыхъ и говорить не могутъ между собою иначе, какъ обѣ лошадяхъ, и даже не въ состояніи найти обѣ чѣмъ говорить, кромѣ какъ обѣ лошадяхъ—были, конечно, любопытны, чтобы знать ихъ типъ, но очень однообразны и сословны. Казалось, напримѣръ, что любовь этого „жеребца въ мундирѣ“, какъ назвалъ его одинъ мой пріятель, могла быть изложена развѣ лишь въ ироническомъ тонѣ. Но когда авторъ сталъ вводить меня во внутренній міръ своего героя серьезно, а не иронически, то мнѣ казалось это даже скучнымъ. И вотъ вдругъ всѣ предубѣжденія мои были разбиты. Явилась сцена смерти героини (потомъ она опять выздоровѣла)—и я понялъ всю существенную часть цѣлей автора. Въ самомъ центрѣ этой мелкой и наглой жизни появилась великая и вѣковѣчная жизненная правда,

и разомъ все озарила. Эти мелкіе, ничтожные и лживые люди стали вдругъ истинными и правдивыми людьми, достойными имени человѣческаго,—естественною силою природнаго закона, закона смерти человѣческой. Вся скорлупа ихъ исчезла и явилась одна ихъ истина. Послѣдніе выросли въ первыхъ, а первыя (Бронскій) вдругъ стали послѣдними, потеряли весь ореолъ и унизились; но, унизившись, стали безмѣрно лучше, достойнѣе и истиннѣе, чѣмъ когда были первыми и высокими. Ненависть и ложь заговорили словами прощенія и любви. Вмѣсто тупыхъ свѣтскихъ понятій явилось лишь человѣколюбіе. Всѣ простили и оправдали другъ друга. Словность и исключительность вдругъ исчезли и стали немыслимы, и эти люди изъ бумажки стали похожи на настоящихъ людей! Виноватыхъ не оказалось: всѣ обвинили себя безусловно и тѣмъ тотчасъ же себя оправдали. Читатель почувствовалъ, что есть правда жизненная, самая реальная и самая неминуемая, въ которую и надо вѣрить, и что вся наша жизнь и всѣ наши волненія, какъ самыя мелкія и позорныя, такъ равно и тѣ, которыя мы считаемъ часто за самыя высшія,—все это чаще всего лишь самая мелкая фантастическая суeta, которая падаетъ и исчезаетъ передъ моментомъ жизненной правды, даже и не защищаясь. Главное было въ томъ указаніи, что моментъ этотъ есть въ самомъ дѣлѣ, хотя и рѣдко является во всей своей озаряющей полнотѣ, а въ иной жизни такъ и никогда даже. Моментъ этотъ былъ отысканъ и намъ указанъ поэтомъ во всей своей страшной правдѣ. Поэтъ доказалъ, что правда эта существуетъ въ самомъ дѣлѣ, не на вѣру, не въ идеалѣ только, а неминуемо и необходимо и во-очію. Кажется, именно это-то и хотѣлъ доказать намъ поэтъ, начиная свою поэму. Русскому читателю объ этой вѣковѣчной правдѣ слишкомъ надо было напомнить: многіе стали у насъ объ ней забывать. Этимъ напоминаніемъ авторъ сдѣлалъ хорошій поступокъ, не говоря уже о томъ, что выполнилъ его какъ необыкновенной высоты художникъ.

Затѣмъ опять потянулся романъ, и вотъ, къ нѣкоторому удивленію моему, я встрѣтилъ въ шестой части романа сцену, отвѣчающую настоящей „злобѣ дня“ и, главное, явившуюся не намѣренно, не тенденціозно, а именно изъ самой художественной сущности романа. Тѣмъ не менѣе, повторяю это, для меня это было неожиданно и

Несколько меня удивило: такой „злобы дня“ я все-таки не ожидалъ. Я почему-то не думалъ, что авторъ рѣшился довести своихъ героевъ въ ихъ развитіи до такихъ „столповъ“. Правда, въ столпахъ-то этихъ, въ этихъ крайностяхъ вывода и весь смыслъ дѣйствительности, а безъ того романъ имѣлъ бы видъ даже неопределенный, далеко не соответствующій ни текущимъ, ни существеннымъ интересамъ русскимъ: быль бы нарисованъ какою-то уголокъ жизни, съ намѣреннымъ игнорированіемъ самаго главнаго и самого тревожнаго въ этой же жизни. Впрочемъ я, кажется, пускаюсь рѣшительно въ критику, а это не мое дѣло. Я только хотѣлъ указать на одну сцену. Больше ничего, какъ обозначились два лица съ той именно стороны, съ которой они наиболѣе для насъ теперь могутъ быть характерны, и тѣмъ самымъ, тотъ типъ людей, къ которому принадлежать эти два лица, поставленъ авторомъ на самую любопытнѣйшую точку въ нашихъ глазахъ въ ихъ современномъ соціальномъ значеніи.

Оба они дворяне, родовые дворяне и коренные помѣщики, оба взяты послѣ крестьянской реформы. Оба были „крѣпостными помѣщиками“ и теперь вопросъ: что остается отъ этихъ дворянъ, въ смыслѣ дворянскомъ, послѣ крестьянской реформы? Такъ какъ типъ этихъ двухъ помѣщиковъ чрезвычайно общъ и распространенъ, то вопросъ отчасти и разрѣшенъ авторомъ. Одинъ изъ нихъ, Стива Облонскій, эгоистъ, тонкій эпикуреецъ, житель Москвы и членъ Англійского клуба. На этихъ людей обыкновенно смотрѣть какъ на невинныхъ и милыхъ жуировъ, пріятныхъ эгоистовъ, никому не мѣшающихъ, остроумныхъ, живущихъ въ свое удовольствіе. У этихъ людей бываетъ часто и многочисленное семейство; съ женой и дѣтьми они ласковы, но мало обѣй нихъ думаютъ. Очень любятъ легкихъ женщинъ, разряда, конечно, приличнаго. Образованы они мало, но любятъ изящное, искусства, и любятъ вести разговоръ обо всемъ. Съ крестьянской реформы этотъ дворянинъ тотчасъ же понялъ въ чемъ дѣло: онъ сосчиталъ и сообразилъ, что у него все-таки еще что-нибудь да остается, а, стало быть, мѣняться не зачѣмъ и—Après moi le déluge (послѣ меня хоть потопъ). Обѣ судьбы жены и дѣтей онъ не заботится думать. Остатками состоянія и связями онъ избавленъ отъ судьбы червоннаго валета; но если бъ состояніе его рушилось и нельзя

бы было получать даромъ жалованія, то, можетъ быть, онъ и сталъ бы валетомъ, разумѣется, употребивъ всѣ усиленія ума, нерѣдко очень острого, чтобы стать валетомъ какъ можно приличнѣйшимъ и великосвѣтскимъ. Въ старину, конечно, для уплаты карточнаго долга или любовницѣ, ему случалось отдавать людей въ солдаты; но та-кія воспоминанія никогда не смущали его, да и забыть онъ ихъ вовсе. Хоть онъ и аристократъ, но дворянство свое онъ всегда считалъ ни во чѣмъ, а по устраненіи крѣ-постныхъ отношеній—такъ даже исчезнувшимъ; для него изъ людей остались лишь человѣкъ въ случаѣ, затѣмъ чи-новникъ съ извѣстнаго чина, а затѣмъ богачъ. Желѣзно-дорожникъ и банкиръ стали силою и онъ немедленно съ ними затѣялъ сношенія и дружбу. Да и разговоръ начался съ упрека ему, Левину, родственникомъ его и помѣщикомъ (но уже совершенно обратнаго типа и жи-вущимъ въ своемъ помѣществѣ), за то, что онъ ѿздить къ желѣзодорожникамъ, на ихъ обѣды и праздники, къ людямъ двусмысленнымъ, по убѣждению Левина, вреднымъ. Облонскій опровергаетъ его съ Ѣдкостью. Да вообще между ними, съ тѣхъ порь какъ они породнились, уста-новились довольно Ѣдкія отношенія. Притомъ въ нашъ вѣкъ негодай, опровергающій благороднаго, всегда силь-нѣе, ибо имѣеть видъ достоинства, почерпаемаго въ здра-вомъ смыслѣ, а благородный, походя на идеалиста, имѣеть видъ шута. Разговоръ происходитъ на охотѣ, въ лѣтнюю ночь. Охотники на почлегѣ, въ крестьянской ригѣ, и но-чуютъ на сѣнѣ. Облонскій доказываетъ, что презрѣніе къ желѣзодорожникамъ, къ ихъ интригамъ, къ ихъ скорой паживѣ, вымаливанью концессій, перепродажамъ — не имѣеть смысла, что это такие же люди, дѣйствуютъ тру-домъ и умомъ, какъ и всѣ, а въ результатѣ — даютъ дорогу.

— Но всякое пріобрѣтеніе, не соотвѣтственное положенному тру-ду—не честно, говорить Левинъ.

— Да кто жъ опредѣлить соотвѣтствіе? продолжаетъ Облонскій. Ты не опредѣлилъ черты между честнымъ и безчестнымъ трудомъ. То, что я получаю жалованья больше чѣмъ мой столоначальникъ, хотя онъ лучше меня знаетъ дѣло—это безчестно?

— Я не знаю.

— Ну, такъ я тебѣ скажу: то, что ты получаешь за свой трудъ въ хозяйствѣ лишнихъ, положимъ, пять тысячъ, а этотъ мужикъ, какъ бы онъ ни трудился, не получить больше пятидесяти рублей, точно такъ же безчестно, какъ то, что я получаю больше столоначальника...

* * * * *

— Нѣтъ, позволь, продолжаетъ Левинъ.—Ты говоришь, что несправедливо, что я получу пять тысяч, а мужикъ пятьдесятъ рублей: это правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но...

— Да, ты чувствуешь, но ты не отдаешь ему своего имѣнья, скажаль Степанъ Аркадьевичъ, какъ будто парочно задирашій Левина.

— Я не отдаю, потому что никто этого отъ меня не требуетъ и если бъ я хотѣлъ, то мнѣ нельзя отдать... и некому.

— Отдай этому мужику, онъ не откажется.

— Да, но какъ же я отдамъ ему? Пойду съ нимъ и совершу купчью?

— Я не злю, но если ты убѣждень, что ты не имѣешь права..

— Я вовсе не убѣждень. Я, напротивъ, чувствую, что не имѣю права отдать, что у меня есть обязанности и къ землѣ, и къ семѣнѣ.

— Нѣтъ, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство несправедливо, то почему же ты не дѣйствуешь такъ...

— Я и дѣйствую, только отрицательно, въ томъ смыслѣ, что я не буду стараться увеличить ту разницу положенія, которая существует между мною и имъ.

— Нѣтъ, ужъ извини меня, это парадоксъ.

Такъ-то, мой другъ. Надо одно изъ двухъ: или признавать, что настояще устройство общества справедливо, тогда отстаивать свои права, или признаваться, что пользуясь несправедливыми преимуществами, какъ я и дѣлаю, и пользоваться ими съ удовольствиемъ.

— Нѣтъ, если бъ это было несправедливо, ты бы не могъ пользоваться этими благами съ удовольствиемъ, по крайней мѣрѣ я не могъ бы, мнѣ главное надо чувствовать, что я не виноватъ.

II.

„Злоба дня“.

Вотъ разговоръ. И ужъ согласитесь, что это „злоба дня“, даже все, что есть наизлобнѣйшаго въ нашей злобѣ дня. И сколько самыхъ характерныхъ, чисто русскихъ чертъ! Во-первыхъ, лѣтъ сорокъ назадъ всѣ эти мысли и въ Европѣ-то едва начинались, многимъ ли и тамъ были известны Сенъ-Симонъ и Фурье—первоначальные „идеальные“ толковники этихъ идей, а у насть,—у насть знали тогда о начинавшемся этомъ новомъ движениі на Западѣ Европы лишь полсотни людей въ цѣлой Россіи. И вдругъ теперь толкуютъ обѣ этихъ „вопросахъ“ помѣщики на охотѣ, на ночлегѣ въ крестьянской ригѣ, и толкуютъ характернѣйшимъ и компетентнѣйшимъ образомъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, отрицательная сторона вопроса уже решена и подписана ими безповоротно. Правда, это помѣщики высшаго свѣта, говорятъ въ Англійскомъ клубѣ, читаютъ газеты, слѣдятъ за процессами и изъ газетъ, и изъ другихъ источниковъ; тѣмъ не менѣе ужъ одинъ фактъ, что такая идеальнѣйшая дребедень признается „мой на-

сущной темой для разговора у людей далеко не изъ профессоровъ и не специалистовъ, а просто свѣтскихъ, Облонскихъ и Левиныхъ,—эта черта, говорю я, одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей настоящаго русскаго положенія умовъ. Вторая характернѣйшая черта въ этомъ разговорѣ, отмѣченная художникомъ авторомъ, это та, что рѣшаетъ насчетъ справедливости этихъ новыхъ идей такой человѣкъ, который за нихъ, т. е. за счастье пролетарія, бѣдняка, не дастъ самъ ни гроша, напротивъ, при случайнѣи самъ обереть его какъ липку. Но съ легкимъ сердцемъ и съ веселостью каламбуриста онъ разомъ подписываетъ крахъ всей исторіи человѣчества и объявляетъ настоящій строй его верхомъ абсурда. „Я, дескать, съ этимъ совершенно согласенъ“. Замѣтьте, что вотъ эти-то Стихи всегда со всѣмъ этимъ первые согласны. Одной чертой онъ осудилъ весь христіанскій порядокъ, личность, семейство,—о, это ему ничего не стоитъ. Замѣтьте тоже, что у насъ нѣть науки, но эти господа, съ полнымъ безстыдствомъ сознавая, что у нихъ нѣть науки, и что они начали говорить обѣ этомъ всего лишь вчера, и съ чужого голоса, рѣшаютъ, однакоже, такого размѣра вопросы безъ всякаго колебанія. Но тутъ третья характернѣйшая черта: этотъ господинъ прямо говоритъ: „Надо одно изъ двухъ, или признавать, что настоящее устройство общества справедливо, тогда отстаивать свои права, или признаваться, что пользуемся несправедливыми преимуществами, какъ я и дѣлаю, и пользоваться ими съ удовольствиемъ“. Т. е. въ сущности онъ, подписьавъ приговоръ всей Россіи и осудивъ ее, равно какъ своей семьѣ, будущности дѣтей своихъ, прямо объявляетъ, что это до него не касается: „Я, дескать, сознаю, что я подлецъ, но останусь подлецомъ въ свое удовольствіе. *Après moi le déluge*“. Это потому онъ такъ спокоенъ, что у него еще есть состояніе, но случись, что онъ его потеряетъ — почему же ему не стать валетомъ,—самая прямая дорога. И такъ, вотъ этотъ гражданинъ, вотъ этотъ семьянинъ, вотъ этотъ русскій человѣкъ—какая характернѣйшая чисто русская черта! Вы скажете, что онъ все-таки исключеніе. Какое исключеніе и можетъ ли это быть? Припомните, сколько цинизма увидали мы въ эти послѣднія двадцать лѣтъ, какую легкость оборотовъ и переворотовъ, какое отсутствіе всякихъ коренныхъ убѣждений и какую быстроту усвоенія первыхъ встрѣчныхъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы

завтра же ихъ опять продать за два гроша. Никакого нравственного фонда, кромѣ *après moi le déluge* (послѣ меня потопъ).

Но всего любопытнѣе то, что рядомъ съ этимъ, многочисленнѣйшимъ и владычествующимъ типомъ, стоитъ другой,—типъ русскаго дворянина и помѣщика и уже обратно-противоположный тому,—все что есть противоположнаго. Это Левинъ, но Левиныхъ въ Россіи—тьма, почти столько же, сколько и Облонскихъ. Я не про лицо его говорю, не про фигуру, которую создалъ ему въ романѣ художникъ, я говорю лишь про одну черту его сути, по зато самую существенную, и утверждаю, что черта эта до удивленія страшно распространена у насъ, т. е. среди нашегото цинизма и калмыцкаго отношенія къ дѣлу. Черта эта съ нѣкотораго времени заявляетъ себя поминутно; люди этой черты судорожно, почти болѣзненно стремятся получить отвѣты на свои вопросы, они твердо надѣются, страстно вѣрють, хотя и ничего почти еще разрѣшить не умѣютъ. Черта эта выражается совершенно въ отвѣтѣ Левина Стивѣ.

„Нѣть, если бы это было несправедливо, ты бы не могъ пользоваться этими благами съ удовольствіемъ, по крайней мѣрѣ, я не могъ бы, мнѣ главное надо чувствовать, что я не виноватъ“.

И онъ въ самомъ дѣлѣ не успокоится, пока не разрѣшить: виноватъ или не виноватъ? И знаете ли, до какой степени не успокоится? Онъ дойдетъ до послѣднихъ столповъ, и если надо, если только надо, если только онъ докажетъ себѣ, что это надо, то, въ противоположность Стивѣ, который говоритъ: „хоть и негодяемъ да продолжаю жить въ свое удовольствіе“ — онъ обратится въ „Власа“, въ „Власа“ Некрасова, который роздалъ свое имѣніе въ припадкѣ великаго умиленія и страха

И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

И если не на построеніе храма пойдетъ сбирать, то сдѣлаетъ что-нибудь въ этихъ же размѣрахъ и съ такою же ревностию. Замѣтьте, опять повторяю и спѣшу повторить, черту: это множество, чрезвычайное современное множество этихъ новыхъ людей, этого новаго корня русскихъ людей, которымъ *нужна правда*, одна правда безъ условной лжи, и которые, чтобы достигнуть этой правды, отдадутъ все решительно. Эти люди тоже объявились въ по-

слѣднія двадцать лѣтъ и объявляются все больше и больше, хотя ихъ и прежде, и всегда, и до Петра еще можно было предчувствовать. Это наступающая будущая Россія честныхъ людей, которымъ нужна лишь одна правда. О, въ нихъ большая и нетерпимость: по неопытности они отвергаютъ всякия условія, всякия разъясненія даже. Но я только то хочу заявить изо всей силы, что ихъ влечетъ истинное чувство. Характернѣйшая черта еще въ томъ, что они ужасно не спѣлись и пока принадлежать ко всевозможнымъ разрядамъ и убѣжденіямъ: тутъ и аристократы и пролетаріи, и духовные и невѣрующіе, и богачи и бѣдные, и ученые и неучы, и старики и дѣвочки, и славянофилы и западники. Разладъ въ убѣжденіяхъ непомѣрный, но стремленіе къ честности и правдѣ неколебимое и перешимое, и за слово истины всякий изъ нихъ отдастъ жизнь свою и все свои преимущества, говорю—обратится въ Власа. Закричать, пожалуй, что это дикая фантазія, что нѣтъ у насъ столько честности и *исканія честности*. Я именно провозглашаю, что есть, рядомъ съ страшнымъ развратомъ, что я вижу и предчувствую этихъ грядущихъ людей, которымъ принадлежитъ будущность Россіи, что ихъ нельзя уже не видать, и что художникъ, сопоставившій этого отжившаго циника Стива съ своимъ новымъ человѣкомъ Левинымъ, какъ бы сопоставилъ это отпѣтое, развратное, страшно многочисленное, но уже покончившее съ собой собственнымъ приговоромъ общество русское съ обществомъ новой правды, которое не можетъ вынести въ сердцѣ своемъ убѣжденія, что оно виновато, и отдать все, чтобы очистить сердце свое отъ вины своей. Замѣчательно тутъ то, что дѣйствительно наше общество дѣлится почти что только на эти два разряда, — до того они обширны и до того они все-пѣло обнимаютъ собою русскую жизнь,—разумѣется, если откинуть массу совершенно лѣнивыхъ, бездарныхъ и равнодушныхъ. Но самая характернѣйшая, самая русская черта этой „Злобы дня“, указанной авторомъ, состоить въ томъ, что его новый человѣкъ, его Левинъ *не умѣетъ* решить смутившій его вопросъ. То-есть онъ уже и рѣшилъ его *почти*, въ сердцѣ своемъ, и не въ свою пользу, *подозрѣвая*, что онъ *виноватъ*, но что-то твердое, прямое и реальное возстаетъ изъ всей природы и удерживаетъ его пока отъ послѣднаго приговора. Напротивъ, Стива, которому все равно, виноватъ онъ или нѣтъ,—рѣшаетъ безъ малъї-

шаго колебанія, это ему даже на руку: „коли все пелѣпо и ничего святого не существуетъ, стало быть, можно все дѣлать, а съ меня еще времени хватить, не сейчасъ вѣдь придетъ страшный судъ“. Любопытно еще то, что именно самая слабая сторона вопроса и смущила Левина, и поставила его втупикъ, и это чисто по-русски, и совершенно вѣрно отмѣчено авторомъ: все дѣло въ томъ, что всѣ эти мысли и вопросы у насъ въ Россіи — одна лишь теорія, всѣ къ намъ занесенные съ чужого строя и съ чужого порядка вещей, изъ Европы, гдѣ они имѣютъ давно уже свою историческую и практическую сторону. Что жъ дѣлать: оба наши дворянинъ — европейцы, и отъ европейского авторитета освободиться имъ не легко, надо и тутъ отдать дань Европѣ. И вотъ Левинъ, русское сердце, смѣшивается чисто русское и единственно возможное рѣшеніе вопроса съ европейской его постановкой. Онъ смѣшивается христіанское рѣшеніе съ историческимъ „правомъ“. Представимъ, для ясности, себѣ такую картинку:

Стоитъ Левинъ, стоитъ задумавшись послѣ ночного разговора своего на охотѣ со Стивой и мучительно, какъ честная душа, желаетъ разрѣшить смущившій, и уже прежде, стало быть, смущавшій его вопросъ.

— Да, думаетъ онъ, полурѣша, — да, если по-настоящему, то за что мы, какъ сказалъ давеча Весловскій, „ѣдимъ, пьемъ, охотимся, ничего не дѣляемъ, а бѣдный вѣчно, вѣчно въ трудѣ? Да, Стива правъ, я долженъ раздѣлить мое имѣніе бѣднымъ и пойти работать на нихъ.

Стоитъ подлѣ Левина „бѣдный“ и говорить:

— Да, ты дѣйствительно долженъ и обязанъ отдать свое имѣніе намъ, бѣднымъ, и пойти работать на насъ.

Левинъ выйдетъ совершенно правъ, а „бѣдный“ совершенно неправъ, разумѣется, рѣша дѣло, такъ сказать, въ высшемъ смыслѣ. Но въ томъ-то и вся разница постановки вопроса. Ибо нравственное рѣшеніе его пельзя смѣшивать съ историческимъ; но то — безысходная путаница, которая и теперь продолжается, особенно въ теоретическихъ русскихъ головахъ — и въ головахъ негодяевъ Стивъ и въ головахъ чистыхъ сердцемъ Левинихъ. Въ Европѣ жизнь и практика уже поставили вопросъ — хоть и абсурдно въ идеалѣ его исхода, но все же реально въ его текущемъ ходѣ, и уже не смѣшивая двухъ разнородныхъ взглядовъ, нравственного и исторического, по крайней

мѣрѣ, по возможности. Разъяснимъ нашу мысль еще, хоть двумя словами.

III.

Злоба дня въ Европѣ.

Въ Европѣ былъ феодализмъ и были рыцари. Но въ тысячу слишкомъ лѣтъ усилилась буржуазія и наконецъ задала повсемѣстно битву, разбила и согнала рыцарей и—стала сама на ихъ мѣсто. Исполнилась въ лицахъ поговорка: „Otes toi de là que je ѿ' y mette“ (убирайся, а я на твоё мѣсто). Но ставь на мѣсто своихъ прежнихъ господъ и завладѣвь собственностью, буржуазія совершенно обошла народъ, пролетарія, и, не признавъ его за брата, обратила его въ рабочую силу, для своего благосостоянія, изъ-за куска хлѣба. Нашъ русскій Стива рѣшаетъ про себя, что онъ неправъ, но сознательно хочетъ оставаться негодянемъ, потому что ему жирно и хорошо; заграничный Стива съ нашимъ несогласенъ и признаетъ себя совершенно правымъ, и ужъ конечно, онъ въ этомъ по-своему логичнѣе, ибо, по его мнѣнію, тутъ вовсе и нѣтъ никакого *права*, а есть только *исторія*, историческій ходъ вещей. Онъ сталъ на мѣсто рыцаря, потому что побѣдилъ рыцаря силой, и онъ отлично хорошо понимаетъ, что пролетарій, бывшій во время борьбы его съ рыцаремъ еще ничтожнымъ и слабымъ, очень можетъ усилиться и даже усиливается съ каждымъ днемъ. Онъ отлично предчувствуєтъ, что когда тотъ совсѣмъ усилится, то сковырпеть его съ мѣста, какъ онъ когда-то рыцаря, и точь въ точь такъ же скажетъ ему: „убирайся, а я на твоё мѣсто“. Гдѣ же тутъ право, тутъ одна исторія. О, онъ бы готовъ былъ на компромиссъ, какъ-нибудь поладить съ врагомъ, и даже пробовалъ. Но такъ какъ онъ отлично догадался, да и на опытѣ знаетъ, что врагъ ни за что не расположень мириться, дѣлиться не хочетъ, а想要 *всего*; кромѣ того: что если онъ и уступитъ что, то только себѣ ослабить—то и рѣшилъ не уступать ничего и—готовиться къ битвѣ. Положеніе это, можетъ быть, безнадежно, но по свойству человѣческой природы укрѣпляться духомъ передъ борьбою,—онъ не отчаивается, напротивъ, укрѣпляется на бой все болѣе и болѣе, пускаетъ всѣ средства въ ходъ, изо всей силы, пока сила есть; ослабляетъ противника и пока только это и дѣлаетъ.

Вотъ на какой точкѣ это дѣло теперь въ Европѣ.

Правда, прежде, недавно даже была и тамъ нравственная постановка вопроса, были фурьеристы и кабетисты, были споры, споры и дебаты объ разныхъ весьма тонкихъ вещахъ. Но теперь предводители пролетарія все это до времени устранили. Они прямо ходятъ задать битву, организуютъ армію, собираютъ ее въ ассоціаціи, устраиваютъ кассы, иувѣрены въ побѣдѣ: „А тамъ, послѣ побѣды, все само собою устроится практически, хотя очень можетъ быть, что послѣ рѣкъ пролитой крови“. Буржуа понимаетъ, что предводители пролетаріевъ прельщаютъ ихъ просто грабежомъ, и что въ такомъ случаѣ нравственную сторону дѣла и ставить не стоитъ. И, однако, между и теперешними даже предводителями случаются такие коноводы, которые проповѣдуютъ и нравственное право бѣдныхъ. Высшіе предводители допускаютъ этихъ коноводовъ собственно для красы, чтобы скрасить дѣло, придать ему видъ высшей справедливости. Изъ этихъ „нравственныхъ“ коноводовъ есть много интригановъ, но много и пламенно вѣрующихъ. Они прямо объявляютъ, что для себя ничего не хотятъ, а работаютъ лишь для человѣчества, хотятъ добиться новаго строя вещей для счастья человѣчества. Но тутъ ихъ ждетъ буржуа на довольно твердой почвѣ и имъ прямо ставить на видъ, что они хотятъ заставить его стать братомъ пролетарію и подѣлить съ нимъ имѣніе—палкой и кровью. Несмотря на то, что это довольно похоже на правду, коноводы отвѣчаютъ имъ, что они вовсе не считаютъ ихъ, буржуазію, способными стать братьями народу, а потому-то и идутъ на нихъ просто силой, изъ братства ихъ исключаютъ вовсе: „братство-де образуется потомъ, изъ пролетаріевъ, а вы—вы сто миллионовъ обреченныхъ къ истребленію головъ, и только. Съ вами покончено, для счастья человѣчества“. Другіе изъ коноводовъ прямо уже говорятъ, что братства никакого имъ и не надо, что христіанство бредни и что будущее человѣчество устроится на основаніяхъ научныхъ. Все это, конечно, не можетъ поколебать и убѣдить буржуа. Онъ понимаетъ и возражаетъ, что это общество, на основаніяхъ научныхъ, чистая фантазія, что они представили себѣ человѣка совсѣмъ инымъ, чѣмъ устроила его природа. Что человѣку трудно и невозможно отказаться отъ безусловнаго права собственности, отъ семейства и отъ свободы; что отъ будущаго своего человѣка они слишкомъ много требуютъ пожертвованій, какъ отъ личности;

что устроить такъ человѣка можно только страшнымъ насилиемъ и поставивъ надъ нимъ страшное шпіонство и безпрерывный контроль самой деспотической власти. Въ заключеніе они вызываютъ указать ту силу, которая бы смогла соединить будущаго человѣка въ согласное общество, а не въ насильственное. На это коноводы выставляютъ пользу и необходимость, которую сознаетъ самъ человѣкъ, и что самъ онъ, чтобы спасти себя отъ разрушения и смерти, согласится добровольно сдѣлать всѣ требуемыя уступки. Имъ возражаютъ, что польза и самосохраненіе никогда одни не въ силахъ породить полнаго и согласнаго единенія, что никакая польза не замѣнить своеволія и правъ личности, что эти силы и мотивы слишкомъ слабы и что все это, стало-быть, попрежнему гадательно. Что если бъ они дѣйствовали только нравственной стороной дѣла, то пролетарій и слушать бы ихъ не сталъ, а если идетъ за ними теперь и организуется въ битву, то единствено потому, что прельщенъ обѣщаннымъ грабежомъ и взволнованъ перспективою разрушенія и битвы. А стало-быть, въ концѣ концовъ, нравственную сторону вопроса надо бно совсѣмъ устраниТЬ, потому что она не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, а надо просто готовиться къ бою.

Вотъ европейская постановка дѣла. И та и другая сторона страшно неправы, и та и другая погибнутъ во грѣхахъ своихъ. Повторяемъ, всего тяжелѣе для насъ русскихъ то, что у насъ даже Левинъ надъ этими же самыми вопросами задумываются, тогда какъ единствено возможное разрѣшеніе вопроса, и именно русское, и не только для русскихъ, но и для всего человѣчества, — есть постановка вопроса нравственная, то-есть христіанская. Въ Европѣ она не мыслима, хотя и тамъ, рано ли, поздно ли, послѣ рѣкъ крови и ста миллионовъ головъ, должны же будутъ признать ее, ибо въ ней только одной и исходъ.

IV. Русское рѣшеніе вопроса.

Если вы почувствовали, что вамъ тяжело „ѣсть, пить, ничего не дѣлать иѣздить на охоту“ и если вы дѣйствительно это почувствовали и дѣйствительно такъ вамъ жаль „бѣдныхъ“, которыхъ такъ много, то отдайте имъ свое имѣніе, если хотите, пожертвуйте на общую пользу

и идите работать на всѣхъ и „получите сокровище на небеси, тамъ, гдѣ не копятъ и не посягаютъ“. Пойдите, какъ Власъ, у которого

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла.

И если не хотите сбирать, какъ Власъ, на храмъ Божій, то заботьтесь о просвѣщениіи души этого бѣдняка, свѣтите ему, учите его. Если бѣ и всѣ раздали, какъ вы, свое имѣніе „бѣднымъ“, то раздѣленныя на всѣхъ, всѣ богатства богатыхъ міра сего были бы лишь каплей въ морѣ. А потому надобно заботиться больше о свѣтѣ, о наукѣ и о усиленіи любви. Тогда богатство будетъ расти въ самомъ дѣлѣ, и богатство настоящее, потому что оно не въ золотыхъ пластиахъ заключается, а въ радости общаго соединенія и въ твердой надеждѣ каждого на всеобщую помощь въ несчастіи ему и дѣтямъ его. И не говорите, что вы лишь слабая единица, и что если вы одинъ раздадите имѣніе и пойдете служить, то ничего этимъ не сдѣлаете и не поправите. Напротивъ, если даже только нѣсколько будетъ такихъ, какъ вы, такъ и тогда двинется дѣло. Да въ сущности и не надо даже раздавать *непремѣнно имѣнія*,—ибо всякая *непремѣнность* тутъ, въ дѣлѣ любви, похожа будетъ на мундиръ, на рубрику, на букву. Убѣжденіе, что исполнилъ букву, ведетъ только къ гордости, къ формалистикѣ и къ лѣнности. Надо дѣлать только то, что велитъ сердце: велитъ отдать имѣніе — отдайте, велитъ идти работать на всѣхъ—идите, но и тутъ не дѣлайте такъ, какъ иные мечтатели, которые прямо берутся за тачку: „дескать, я не баринъ, я хочу работать какъ мужикъ“. Тачка опять-таки мундиръ.

Напротивъ, если чувствуете, что будете полезны всѣмъ какъ ученый, идите въ университетъ и оставьте себѣ на то средства. Не раздача имѣнія обязательна и не надѣванье зипуна: все это лишь буква и формальность; обязательна и важна лишь *рѣшимость ваша дѣлать все ради дѣятельной любви*, все, что возможно вамъ, что сами искренно признаете для себя возможнымъ. Всѣ же эти старанія „опроститься“—лишь одно только переряживаніе, невѣжливое даже къ народу и васъ унижающее. Вы слишкомъ „сложны“, чтобы „опроститься“, да и образованіе ваше не позволяетъ вамъ стать мужикомъ. Лучше мужика вознесите до вашей „осложненности“. Будьте только искренни и простодушны; это лучше вслѣдъ „опрошенія“.

Но пуще всего не запугивайте себя сами, не говорите: „одинъ въ полѣ не воинъ“ и пр. Всякій, кто искренно захотѣлъ истины, тотъ уже страшно силенъ. Не подражайте тоже нѣкоторымъ фразерамъ, которые говорять поминутно, чтобы ихъ слышали: „Не даютъ ничего дѣлать, связываютъ руки, вселяютъ въ душу отчаяніе и разочарованіе!“ и пр., и пр. Все это фразеры и герои поэмъ дурного топа, рисующіе собою лѣнтии. Кто хочетъ приносить пользу, тотъ и съ буквально связанными руками можетъ сдѣлать бездну добра. Истинный дѣлателъ, вступивъ на путь, сразу увидитъ передъ собою столько дѣла, что не станетъ жаловаться, что ему не даютъ дѣлать, а непремѣнно отыщетъ и успѣхъ хоть что-нибудь сдѣлать. Всѣ настоящіе дѣлатели про это знаютъ. У насъ одно изученіе Россіи сколько времени возьметъ, потому что вѣдь у насъ лишь рѣдчайшій человѣкъ знаетъ нашу Россію. Жалобы на разочарованіе совершенно глупы: радость на воздвигающееся зданіе должна утолить всякую душу и всякую жажду, хотя бы вы только по песчинкѣ приносили пока на зданіе. Одна награда вамъ—любовь, если заслужите ее. Положимъ, вамъ не надо награды, но вѣдь вы дѣлаете дѣло любви, а, стало-быть, нельзя же вамъ не домогаться любви. Но пусть никто и не скажетъ вамъ, что вы и безъ любви должны были сдѣлать все это, изъ собственной, такъ сказать, пользы и что иначе васъ бы заставили силой. Нѣтъ, у насъ въ Россіи надо налагдать другія убѣжденія, и особенно относительно понятій о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Въ нынѣшнемъ образѣ міра налагаютъ свободу въ разнузданности, тогда какъ настоящая свобода—лишь въ одолѣніи себя и воли своей, такъ чтобы подъ конецъ достигнуть такого нравственного состоянія, чтобы всегда, во всякий моментъ, быть самому себѣ настоящимъ хозяиномъ. А разнузданность желаній ведеть лишь къ рабству вашему. Вотъ почему чуть-чуть не весь нынѣшній міръ полагаетъ свободу въ денежнѣмъ обезпеченіи и въ законахъ, гарантирующихъ денежное обезпеченіе. „Есть деньги, стало-быть, могу дѣлать все, что угодно; есть деньги—стало-быть, не погибну и не пойду просить помощи, а не просить ни у кого помощи есть высшая свобода“. А между тѣмъ это въ сущности не свобода, а опять-таки рабство, рабство отъ денегъ. Напротивъ, самая высшая свобода — не копить и не обеспечивать себя деньгами, а „раздѣлить всѣмъ что имѣешь и

пойти всѣмъ служить". Если способенъ на то человѣкъ, если способенъ одолѣть себя до такой степени—то онъ ли послѣ того не свободенъ? Это уже высочайшее проявленіе воли! Затѣмъ, чѣдь такое въ нынѣшнемъ образованномъ мірѣ равенство? Ревнивое наблюденіе другъ за другомъ, чванство и зависть: „Онъ уменъ, онъ Шекспиръ, онъ тщеславится своимъ талантомъ; унизить его, истребить его“. Между тѣмъ настоящее равенство говоритъ: „Какое мнѣ дѣло, что ты талантливѣе меня, умнѣе меня, красивѣе меня? Напротивъ, я этому радуюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я и ничтожнѣе тебя, но, какъ человѣкъ, я уважаю себя, и ты знаешь это, и самъ уважаешь меня, а твоимъ уваженіемъ я счастливъ. Если ты, по твоимъ способностямъ, приносишь въ сто разъ больше пользы мнѣ и всѣмъ, чѣмъ я тебѣ, то я за это благословляю тебя, дивлюсь тебѣ и благодарю тебя, и вовсе не ставлю моего удивленія къ тебѣ себѣ въ стыдъ; напротивъ, счастливъ тѣмъ, что тебѣ благодаренъ, и если работаю на тебя и на всѣхъ, по мѣрѣ моихъ слабыхъ способностей, то вовсе не для того, чтобы сквитаться съ тобой, а потому, что люблю васъ всѣхъ“.

Если такъ будуть говорить всѣ люди, то ужъ, конечно, они станутъ и братьями, не изъ одной только экономической пользы, а отъ полноты радостной жизни, отъ полноты любви.

Скажутъ, что это фантазія, что это „русское рѣшеніе вопроса“—есть „Царство Небесное“ и возможно развѣ лишь въ Царствѣ Небесномъ. Да, Стивы очень разсердились бы, если бъ наступило Царство Небесное. Но надобно взять уже то одно, что въ этой фантазіи „русскаго рѣшенія вопроса“ несравненно менѣе фантастического и несравненно болѣе вѣроятнаго, чѣмъ въ европейскомъ рѣшеніи. Такихъ людей, т.-е. „Власовъ“ мы уже видѣли и видимъ у насъ во всѣхъ сословіяхъ, и даже довольно часто; тамошняго же „будущаго человѣка“ мы еще нигдѣ не видѣли и самъ онъ обѣщалъ прийти перейдя лишь рѣки крови. Вы скажете, что единицы и десятки ничему не помогутъ, а надобно добиться извѣстныхъ всеобщихъ порядковъ и принциповъ. Но если бъ даже и существовали такие порядки и принципы, чтобы безошибочно устроить общество, и если бъ даже и можно было ихъ добиться прежде практики, такъ, а priori, изъ однихъ мечтаний сердца и „научныхъ“ цифръ, взятыхъ притомъ изъ преж-

няго строя общества, — то съ неготовыми, съ невыдѣланными къ тому людьми никакія правила не удержатся и не осуществлятся, а, напротивъ, станутъ лишь въ тягость. Я же безгранично вѣрю въ нашихъ будущихъ и уже начинающихъ людей, вотъ о которыхъ я уже говорилъ выше, что они пока еще не смѣлись, что они страшно какъ разбиты на кучки и лагери въ своихъ убѣжденіяхъ, но зато всѣ ищутъ правды прежде всего, и если бъ только узнали гдѣ она, то для достижения ея готовы пожертвовать всѣмъ, и даже жизнью. Повѣрьте, что если они вступятъ на путь истинный, найдутъ его, наконецъ, то увлекутъ за собою и всѣхъ, и не насилемъ, а свободно. Вотъ что уже могутъ сдѣлать единицы на первый случай. И вотъ тотъ плугъ, которымъ можно поднять нашу „Новь“. Прежде, чѣмъ проповѣдывать людямъ: „какъ имъ быть“ — покажите это на себѣ. Исполните на себѣ сами и всѣ за вами пойдутъ. Чѣмъ тутъ утопического, чтѣ тутъ невозможнаго — не понимаю! Правда, мы очень развратны, очень малодушны, а потому не вѣrimъ и смѣемся. Но теперь почти не въ насъ и дѣло, а въ грядущихъ. Народъ чистъ сердцемъ, но ему нужно образованіе. Но чистые сердцемъ поднимаются и въ нашей средѣ — и вотъ что самое важное! Вотъ этому надо повѣрить прежде всего, это надобно умѣть разглядѣть. А чистымъ сердцемъ одинъ совѣтъ: самообладаніе и самоодолѣніе прежде всякаго первого шага. Исполни самъ на себѣ прежде, чѣмъ другихъ заставлять, — вотъ въ чемъ вся тайна первого шага.

МАРТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Еще разъ о томъ, что Константинополь, рано ли, поздно ли, долженъ быть нашъ.

Прошлаго года, въ юнѣ мѣсяцѣ, въ юнѣскомъ № моего „Дневника“, я сказалъ, что Константинополь „рано ли, поздно ли, долженъ быть нашъ“. Тогда было горячее и славное время: подымалась духомъ и сердцемъ вся Россія и народъ шелъ „добровольно“ послужить Христу и православію противъ невѣрныхъ, за нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови славянъ. Я хоть и назвалъ тогдашнюю статью мою „утопическимъ пониманіемъ исторіи“, — но самъ я твердо вѣрилъ въ свои слова и не считалъ ихъ утопіей, да и теперь готовъ подтвердить ихъ буквально. Вотъ, чтѣ я написалъ тогда о Константинополѣ:

„Да, Золотой Рогъ и Константинополь,—все это будетъ наше... И, во-первыхъ, это случится само собою, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то дѣйствительно время уже близко, всѣ къ тому признаки, это выходъ естественный, это, такъ сказать, слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрѣло еще время“.

Затѣмъ я тогда разъяснилъ мою мысль, почему не созрѣло, да и не могло созрѣть прежде времени. Если бъ Петру Великому (писалъ я) и пришла тогда мысль,

«вмѣсто основанія Петербурга захватить Константинополь, то, мнѣ кажется, онъ, по некоторымъ размышленіямъ, оставилъ бы эту мысль

тогда же, если бъ даже и имѣль настолько силы, чтобы сокрушить султана, именно потому, что тогда дѣло это было несвоевременное и могло бы принести даже гибель Россіи.

«Ужъ когда въ чухонскомъ Петербургѣ мы не избѣгли вліянія сосѣднихъ нѣмцевъ, хотя и бывшихъ полезными, но зато и весьма парализовавшихъ русское развитіе пріѣде, чѣмъ выяснилась его настоящая дорога, то какъ въ Константинополѣ, огромномъ и своеобразномъ, съ остатками могущественной и древнѣйшей цивилизації, могли бы мы избѣжать вліянія грековъ, людей несравненно болѣе тонкихъ, чѣмъ грубые нѣмцы, людей, имѣющихъ несравненно болѣе общихъ точекъ соприкосновенія съ нами, чѣмъ совершенно непохожіе на насъ нѣмцы, людей многочисленныхъ и царедворныхъ, которые totчасъ же бы окружили тронъ и прежде русскихъ стали бы и учены, и образованы, которые и Петра самого очаровали бы въ его слабой струнѣ ужъ однимъ своимъ знаніемъ и умѣніемъ въ мореходствѣ, а не только его близайшихъ преемниковъ. Однимъ словомъ, они овладѣли бы Россіей политически, они стащили бы ее немедленно на какую-нибудь новую Азіатскую дорогу, на какую-нибудь замкнутость и ужъ, конечно, этого не вынесла бы тогдашняя Россія. Ея русская сила и ея национальность были бы остановлены въ своемъ ходѣ. Мощный великоруссъ остался бы въ отдаленіи на свое мрачномъ сибѣжномъ Сѣверѣ, служа не болѣе какъ материаломъ для обновленнаго Царьграда и, можетъ-быть, подъ конецъ, совсѣмъ не призналь бы нужнымъ идти за піимъ. Югъ же Россіи весь бы подпалъ захвату грековъ. Даже, можетъ-быть, совершилось бы распаденіе самаго Православія на два мира: на обновленный Царьградскій и старый русскій... Однимъ словомъ, дѣло было въ высшей степени несвоевременное. Теперь же совсѣмъ иное».

Теперь (писалъ я); теперь Россія уже могла бы завладѣть Константинополемъ и не перенося въ него свою столицу, чего тогда, при Петрѣ, и даже долго послѣ него, было бы нельзя миновать. Теперь Царьградъ могъ бы быть нашимъ и не какъ столица Россіи, но (прибавляль я) и не какъ столица всеславянства, какъ мечтаютъ пѣ-которые:

«Всеславянство безъ Россіи исщѣтся тамъ въ борьбѣ съ греками, если бы даже и могло составить изъ своихъ частей какое-нибудь политическое цѣлое. Наслѣдовать же Константинополь однимъ грекамъ теперь уже совсѣмъ невозможно: нельзя отдать имъ такую важную точку земного шара, слишкомъ ужъ было бы имъ не по мѣркѣ».

Но во имя чего же, во имя какого нравственнаго права могла бы искать Россія Константинополя? Опираясь на какія высшія цѣли могла бы требовать его отъ Европы?

«А вотъ именно (писалъ я)—какъ предводительница Православія, какъ покровительница и охранительница его,—роль предпазначенная ей еще съ Ивана III, поставившаго въ знакъ ея и царьградскаго двуглаваго орла выше древняго герба Россіи, но обозначившаяся уже несомнѣнно послѣ Петра Великаго, когда Россія сознала въ себѣ силу исполнить свое назначеніе, а фактически уже и стала дѣйствительной и единственной покровительницей и православія, и народовъ

его исповѣдующихъ. Воть эта причина, воть это *празо* на древній Царьградъ и было бы понятно и не обидно даже самымъ ревнивымъ къ своей независимости славянамъ, или даже самимъ грекамъ. Да и тѣмъ самимъ обозначилась бы и настоящая сущность тѣхъ политическихъ отношеній, которыхъ и должны неминуемо наступить у Россіи ко всѣмъ прочимъ православнымъ народностямъ,—славянамъ ли, грекамъ ли, все равно. Она — покровительница ихъ и даже можетъ быть предводительница, но не владычица; мать ихъ, а не госпожа. Если даже и государыня ихъ, когда-нибудь, то лишь по собственному ихъ провозглашенію, съ сохраненіемъ всего того, чѣмъ сами они опредѣлили бы независимость и личность свою».

Всѣ эти соображенія само собою представлялись мною въ юньской прошлогодней статьѣ отнюдь не какъ подлежащія немедленному исполненію, а лишь какъ должествующія несомнѣнно исполниться, когда придетъ къ тому историческое время и восполнятся сроки, близость и отдаленность которыхъ, хотя невозможно предсказать, но все же можно предчувствовать. Съ тѣхъ поръ прошло девять мѣсяцевъ. Про эти девять мѣсяцевъ вспоминать, я думаю, нечего: всѣмъ намъ известно это восторженное время, въ началѣ полное надеждъ, а потомъ странное и тревожное и которое до сихъ поръ еще не заключилось ничѣмъ, такъ что одинъ Богъ знаетъ—(я думаю, такъ лишь можно выразиться)—чѣмъ оно разрѣшится: обнажимъ ли мы мечъ или дѣло еще разъ оттянется какимъ-нибудь компромиссомъ въ долгій ящикъ. Но что бы ни случилось, мнѣ какъ разъ почему-то именно теперь захотѣлось высказать нѣсколько дополнительныхъ и пояснительныхъ словъ къ моимъ юньскимъ мечтамъ о судьбѣ Царьграда. Чѣмъ бы тамъ теперь ни случилось — миръ ли, вновь ли уступки со стороны Россіи, но рано ли, поздно ли, а Царьградъ будетъ нашъ, — вотъ что хочется мнѣ опять подтвердить, но уже съ нѣкоторой новой точки зрѣнія.

Да, онъ долженъ быть нашъ не съ одной точки зрѣнія знаменитаго порта, пролива, „средоточія вселенной“, „пупа земли“; не съ точки зрѣнія давно сознанной необходимости такому огромному великанду какъ Россія выйти, наконецъ, изъ запертої своей комнаты, въ которой онъ дорось до потолка, на просторъ, дохнуть вольнымъ воздухомъ морей и океановъ. Я хочу поставить на видъ лишь одно соображеніе, тоже самой первой важности, по которому Константинополь не можетъ миновать Россіи. Это соображеніе я потому преимущественно передъ другими выставлю на видъ, что, какъ мнѣ кажется, такой точки зрѣнія никто теперь не беретъ въ расчетъ, или, по край-

ней мѣрѣ, давно позабыли братъ въ расчетъ, а она-то, пожалуй, что и изъ самыхъ важныхъ.

II.

Русскій народъ слишкомъ доросъ до здраваго понятія о восточномъ вопросѣ съ своей точки зрѣнія.

Хоть и дико сказать, но четырехвѣковой гнетъ турокъ на Востокѣ съ одной стороны быль даже полезенъ тамъ христіанству и православію,— отрицательно, конечно, но, однакоже, способствуя его укрѣплению, а, главное, его единенію, его единству, точно такъ же, какъ двухвѣковая татарщина способствовала нѣкогда укрѣплению Церкви и у насъ въ Россіи. Придавленное и измученное христіанскоѳ населеніе Востока увидало во Христѣ и въ вѣрѣ въ него единое свое утѣшеніе; а въ Церкви—единственный и послѣдній остатокъ своей національной личности и особенности. Это была послѣдняя единая надежда, послѣдняя доска, оставшаяся отъ разбитаго корабля; ибо Церковь все-таки сохранила эти населенія какъ національность, а вѣра во Христа препятствовала имъ, т.-е. хотя части изъ нихъ, слиться съ побѣдителями воедино, забывъ свой родъ и свою прежнюю исторію. Все это чувствовали и хорошо понимали сами угнетенные народы и единились около креста тѣснѣ. Съ другой стороны, съ самаго покоренія Константинополя, весь огромный христіанскій Востокъ невольно и вдругъ обратилъ свой молящій взглѣдъ на далекую Россію, только что вышедшую тогда изъ своего татарскаго рабства, и какъ бы предугадалъ въ ней будущее ея могущество, свой будущій всеединящій центръ себѣ во спасеніе. Россія же немедленно и не колеблясь приняла знамя Востока и поставила Царьградскаго двуглаваго орла выше своего древняго герба и тѣмъ какъ бы приняла обязательство передъ всѣмъ православiemъ: хранить его и всѣ народы его исповѣдующіе отъ конечной гибели. Въ то же время и весь русскій народъ совершенно подтвердилъ новое назначеніе Россіи и Царя своего въ грядущихъ судьбахъ всего восточного міра. Съ тѣхъ поръ главное, излюбленное наименованье Царя своего народъ твердо и неуклонно поставилъ и до сихъ поръ видѣть въ словѣ: „православный“, „Царь Православный“. Назвавъ такъ Царя своего, онъ какъ бы призналъ въ наименованіи этомъ и назначеніе его,—назначеніе охранителя, единителя, а когда прогремитъ величіе Божіе,—и

освободителя православія и всего христіанства, его исповѣдующаго, отъ мусульманскаго варварства и западнаго еретичества. Два вѣка назадъ, и особенно начиная съ Петра Великаго, вѣрованія и надежды народовъ Востока начали сбываться уже на дѣлѣ: мечъ Россіи уже пѣсколько разъ сіялъ на Востокѣ въ защиту его. Само собою, что и народы Востока не могли не видѣть въ Царѣ Россіи не только освободителя, но и будущаго Царя своего. Но въ эти два вѣка явилось и у нихъ европейское просвѣщеніе, европейское вліяніе. Высшая просвѣщенная часть народа, интеллигенція его, какъ у насъ, такъ и на Востокѣ, мало-по-малу стала къ идеѣ православія равнодушнѣ, стала даже отрицать, что въ этой идеѣ заключается обновленіе и воскресеніе въ новую великую жизнь, какъ для Востока, такъ и для Россіи. Въ Россіи, напримѣръ, въ огромной части ея образованнаго сословія, перестали и даже какъ бы отучились видѣть въ этой идеѣ главное назначеніе Россіи, завѣтъ будущаго и жизненную силу ея; въ противоположность тому стали находить все это въ новыхъ указаніяхъ. Въ Церкви, по западному, многіе стали видѣть лишь мертвенный формализмъ, особность, обрядность, а съ конца прошлаго вѣка такъ даже предразсудокъ и ханжество: о духѣ, объ идеѣ, о живой силѣ было забыто. Явились идеи экономическія характера западнаго, явились новыя ученія политическія, явилась новая нравственность, стремившаяся поправить прежнюю и стать выше ея. Явились, наконецъ, наука, не могшая не внести безвѣрія въ прежнія идеи... Въ народахъ же Востока стали пробуждаться, кроме того, и главнѣйшимъ образомъ, идеи национальныя: явились вдругъ боязнь, освободясь отъ турецкаго ига, подпасть подъ иго Россіи. Зато въ простомъ, многомилліонномъ народѣ нашемъ и въ царяхъ его, идея освобожденія Востока и Церкви Христовой не умирала никогда. Движеніе, охватившее народъ русскій прошлымъ лѣтомъ, доказало, что народъ не забылъ ничего изъ своихъ древнихъ надеждъ и вѣрованій, и даже удивило огромную часть нашей интеллигенціи, до того, что та прямо не повѣрила этому движенію, отпеслась къ нему скептически и насмѣшило стала всѣхъ увѣрять, и себя прежде всѣхъ, что движение это выдумано и поддѣлано неблаговидными людьми, желавшими выдвинуться впередъ на красивое мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы могъ, въ наше время, въ нашей интеллигенціи, кроме небольшой

отдѣлившійся отъ общаго хора части ея, допустить, что народъ нашъ въ состояніи сознательно понимать свое политическое, соціальное и нравственное назначение? Какъ можно было имъ допустить, чтобы эта грубая, черная масса, недавно еще крѣпостная, а теперь опившаяся водкой, знала бы и была увѣрена, что назначение ея — служеніе Христу, а Царя ея — храненіе Христовой вѣры и освобожденіе православія. „Пусть эта масса всегда называла себя не иначе какъ христіанствомъ (крестьянствомъ), но вѣдь она все-таки не имѣетъ понятія ни о религіи, ни о Христѣ даже, она самыхъ обыкновенныхъ молитвъ не знаетъ“. Вотъ, чѣмъ говорятъ обыкновенно про народъ нашъ. Кто говорить это? Вы думаете — немецкій пасторъ, обработавшій у насъ штунду, или заѣзжій европеецъ, корреспондентъ политической газеты, или образованный какой-нибудь высшій еврей изъ тѣхъ, что не вѣруютъ въ Бога и которыхъ вдругъ у пасъ такъ много теперь расплодилось, или, наконецъ, кто-нибудь изъ тѣхъ поселившихся за границей русскихъ, воображающихъ Россію и народъ ея лишь въ образѣ пьяной бабы, со штофомъ въ рукахъ? О нѣтъ, такъ думаетъ огромная часть нашего русскаго, и самаго лучшаго, общества; а и не подозрѣваютъ они, что хоть народъ нашъ и не знаетъ молитвъ, по суть христіанства, но духъ и правда его, сохранились и укрѣпились въ немъ такъ, какъ, можетъ быть, ни въ одномъ изъ народовъ мира сего, несмотря даже на пороки его. Впрочемъ, атеистъ, или равнодушный въ дѣлѣ вѣры русскій европеецъ и не понимаетъ вѣры иначе, какъ въ видѣ формалистики и ханжества. Въ народѣ же они не видятъ ничего подобнаго ханжеству, а потому и заключаютъ, что онъ въ вѣрѣ ничего не смыслитъ, молится когда ему надо — доскѣ, а въ сущности равнодушенъ и духъ его убить формалистикою. Духа христіанскаго они въ немъ не примѣтили вовсе, можетъ быть, и потому еще, что сами этотъ духъ давно уже потеряли, да и не знаютъ, гдѣ онъ находится, гдѣ онъ вѣеть. Этотъ „развратный“ и темпій народъ нашъ любить, однакоже, смиренного и юродиваго: во всѣхъ преданіяхъ и сказаніяхъ своихъ онъ схрапляетъ вѣру, что слабый и приниженный несправедливо и напрасно Христа ради терпящій, будетъ вознесенъ превыше знатныхъ и сильныхъ, когда раздастся судъ и величіе Божіе. Народъ нашъ любить тоже разсказывать и всеславное и великое житіе своего великаго, цѣ-

ломудренного и смиренного христіанского богатыря Ильи-Муромца, подвижника за правду, освободителя бѣдныхъ и слабыхъ, смиренного и непрозвоносящагося, вѣрнаго и сердцемъ чистаго. И имѣя, чая и любя такого богатыря, — народу ли нашему не вѣровать и въ торжество приниженныхъ теперь народовъ и братьевъ нашихъ на Востокѣ? Народъ нашъ чтить память своихъ великихъ и смиренныхъ отшельниковъ и подвижниковъ, любить разсказывать исторіи великихъ христіанскихъ мучениковъ своимъ дѣтямъ. Эти исторіи онъ знаетъ и заучилъ, и я самъ ихъ впервые отъ народа услышалъ, разсказанныя съ проникновенiemъ и благоговѣniемъ и оставшіяся у меня на сердцѣ. Кромѣ того, народъ ежедневно и самъ выдѣляетъ изъ себя великихъ кающихся „Власовъ“, идущихъ съ умилениемъ, раздавъ все имѣніе свое, на смиренный и великий подвигъ правды, работы и нищеты... Но, впрочемъ, о народѣ русскомъ потомъ; когда-нибудь добьется же онъ того, что начнуть понимать и его и, по крайней мѣрѣ, принимать его во вниманіе. Поймутъ, что и онъ что-нибудь да значить. Поймутъ, накопецъ, и то важное обстоятельство, что ни разу еще въ великие или даже въ чуть-чуть важные моменты исторіи русской, безъ него не обходилось, что Россіи *народна*, что Россія не Австрія, что въ каждый значительный моментъ нашей исторической жизни дѣло всегда рѣшалось народнымъ духомъ и взглядомъ, царями народа въ высшемъ единеніи съ нимъ. Это чрезвычайно важное историческое обстоятельство обыкновенно у насъ пропускается почти безъ вниманія нашей интеллигентіей, и вспоминается всегда какъ-то вдругъ, когда грянетъ исторический срокъ. Но я отвлекся, я заговорилъ о Константинополѣ...

III.

Самая подходящая въ настоящее время мысли.

Восточная Церковь, ея предстоятели, вселенскій патріархъ, во всѣ эти четыре вѣка поработленія ихъ Церкви, жили съ Россіей и между собою мирно — въ дѣлѣ вѣры, то-есть: большихъ смутъ, ересей, расколовъ не было, не до того было. Но вотъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и особенно въ послѣднее двадцатилѣтіе, послѣ великой восточной войны, какъ бы потянуло у нихъ тлѣннымъ запахомъ разлагающагося трупа: предчувствіе смерти и разложенія „большого человѣка“ и гибели его царства стало ощущеніемъ глав-

нымъ, пасущимъ. О, конечно, освободить можетъ окончательно все-таки лишь одна Россія, та самая Россія, которая и теперь, и въ настоящую минуту всеобщихъ разговоровъ о Востокѣ все-таки лишь одна разговариваетъ за нихъ въ Европѣ, тогда какъ всѣ остальные народы и царства просвѣщенаго европейскаго міра были бы, конечно, рады, чтобы ихъ всѣхъ, этихъ угнетенныхъ народовъ Востока, хотя бы и вовсе на свѣтѣ не было. Но, увы, чуть ли не вся интеллигенція восточной райи, хоть и зоветъ Россію на помощь, но боится ея, можетъ-быть, и столько же, сколько и турокъ: „Хоть и освободить нась Россія отъ турокъ, но поглотить насъ, какъ и „больной человѣкъ“, и не дастъ развиться нашимъ национальностямъ“ — вотъ ихъ неподвижная идея, отправляющая всѣ ихъ надежды! А сверхъ того у нихъ и теперь уже все сильнѣй разгораются и между собою национальныя соперничества; начались они чуть лишь просіялъ для нихъ первый лучъ образования. Столь недавняя у нихъ греко-болгарская Церковная распра, гдѣ видомъ церковной, была, конечно, лишь национальною, а для будущаго какъ бы нѣкимъ пророчествомъ. Вселенскій патріархъ, порицая ослушаніе болгаръ и отлучая ихъ и самовольно выбраннаго ими экзарха отъ Церкви, выставлялъ на видъ, что въ дѣлѣ вѣры нельзя жертвовать уставами Церкви и послушаніемъ церковнымъ „новому и пагубному принципу национальности“. Между тѣмъ, самъ же онъ, будучи грекомъ и произнося это отлученіе болгарамъ, безъ сомнѣнія служилъ тому же самому принципу национальности, но только въ пользу грековъ противъ славянъ. Однимъ словомъ, можно даже съ вѣроятностью предсказать, что умри „больной человѣкъ“ и у нихъ у всѣхъ тотчасъ же начнутся между собою смятенія и распри на первый случай именно характера церковнаго, и который нанесутъ несомнѣнnyй вредъ даже и самой Россіи; нанесутъ даже и въ томъ случаѣ, если бъ та совершенно устранилась или была устранена обстоятельствами отъ участія въ решеніи восточнаго вопроса. Мало того, смуты эти, можетъ быть, отзовутся даже еще тяжелѣе для Россіи, если она устранить себя отъ дѣятельнаго и первенствующаго участія въ судьбахъ Востока. А тутъ вдругъ кричатъ — (и не только въ Европѣ, но и у насъ многіе высшіе политическіе наши умы) — что случись умереть туркамъ, какъ государству, то Константинополь долженъ возродиться не

иначе какъ городомъ „международнымъ“, то-есть какимъ-то серединнымъ, общимъ, вольнымъ, чтобы не было изъ-за него споровъ. Ошибочнѣе мысли нельзя было и придумать.

И во-первыхъ уже по тому одному, что такой великолѣпной точкѣ земного шара просто не дадутъ стать международной, т.-е. ничьей; непремѣнно и сейчасъ же явится хоть бы англичане со своимъ флотомъ, въ качествѣ друзей, и именно охранять и оберегать эту самую „международность“, а въ сущности, чтобы овладѣть Константинополемъ въ свою пользу. А ужъ гдѣ они поселятся, оттуда ихъ трудно выжить, народъ цѣлкій. Мало того: греки, славяне и мусульмане Царьграда призовутъ ихъ сами, ухватятся за нихъ обѣими руками и не выпустятъ ихъ отъ себя, а причина тому—все та же Россія: „защитять, дескать, они нась отъ Россіи, нашей освободительницы“. И добро бы они не видѣли и не понимали, что такое для пихъ англичане, да и вообще вся Европа? О, они и теперь знаютъ лучше всѣхъ, что англичанамъ (да и никому въ Европѣ, кромѣ Россіи) до ихъ счастья, то-есть до счастья всей христіанской райи, пѣть ровно никакого дѣла. Вся эта райя знаетъ отлично, что если бъ возможно было повторить болгарскіе лѣтие ужасы (а это, кажется, очень возможно) какъ-нибудь песлышино и втихомолку, то въ Европѣ англичане первые пожелали бы повторенія этихъ убийствъ хоть разъ десять—и не изъ кровожадности, вовсе нѣтъ: тамъ народы гуманные и просвѣщенные,—а потому, что такія убийства, повторенные десять разъ, истребили бы окончательно райю, истребили бы до того, что уже некому было бы на Балканскомъ полуостровѣ дѣлать противъ турокъ возстанія,—а въ этомъ-то и вся главная суть: остались бы одни милые турки и турецкія бумаги повысились бы разомъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ, а Россіи, „съ ея честолюбиемъ и завоевательными планами“, пришлось бы откочевывать поглубже въ-свойси, за неимѣніемъ кого защищать. Райя слишкомъ хорошо знаетъ, что только этихъ чувствъ она и можетъ ожидать теперь отъ Европы. Но совсѣмъ другое дѣло явилось бы мигомъ на свѣтѣ, если бъ какимъ-нибудь образомъ, самъ собою или отъ меча Россіи, умеръ бы наконецъ „больной человѣкъ“. Тотчасъ же вслѣдъ Европа возгорѣлась бы къ обновленнымъ народамъ нѣжнѣйшею любовью и тотчасъ же бросилась бы „спасать ихъ отъ Россіи“.

сіп". Надо думать, что идею о „международности“ Европа первая и внесетъ въ ихъ новое устройство. Европа пойметъ, что надъ трупомъ „больного человѣка“ у освобожденныхъ народовъ немедленно возгорится смута, распра и соперничество, а ей это и на руку: предлогъ вмѣшательства, главное, предлогъ возбудить ихъ противъ Россіи, которая навѣрно не захочетъ имъ дать ссориться изъ-за наслѣдства больного человѣка. И не будетъ такой клеветы, которую бы не пустила въ ходъ противъ насъ Европа. „Изъ-за русскихъ-то мы вамъ и противъ турокъ не помогали“, скажутъ имъ тогда англичане. Увы, народы Востока и теперь это понимаютъ отлично, и знаютъ, что „Англія никогда не приметъ участія въ ихъ освобожденіи и никогда не дастъ на это своего согласія, если бъ оно считалось нужнымъ, потому что она ненавидитъ этихъ христіанъ за ихъ духовную связь съ Россіей. Англія нужно, чтобъ восточные христіане возненавидѣли насъ всею силою той ненависти, какую она сама питаетъ къ намъ“... (*Московскія Вѣдомости*, № 63). Вотъ чѣо знаютъ и покамѣстъ запоминаютъ про себя эти народы и вотъ чѣо они ужъ и теперь, конечно, поставили на будущій счетъ Россіи. А мы-то думаемъ, что они насъ обожаютъ.

Въ международномъ городѣ, мимо покровителей англичанъ, все-таки будутъ хозяевами греки—исковные хозяева города. Надо думать, что греки смотрятъ на славянъ еще съ большимъ презрѣніемъ, чѣмъ нѣмцы. Но такъ какъ славяне будутъ и страшны для грековъ, то презрѣніе смѣнится ожесточеніемъ. Воевать между собою, объявлять другъ другу войну, они, конечно, не смогутъ, потому что ихъ все же не допустятъ до того покровители, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ серьезномъ. Ну, вотъ именно за невозможностью открытой и откровенной драки, у нихъ и пойдутъ всякия другія распри и прежде всего примутъ характеръ церковныхъ смутъ. Съ того и начинается, потому что это всего сподручнѣе; и вотъ это я и хотѣль указать.

Я потому такъ говорю, что ужъ программа была дана: болгаре и Константинополь. Съ этой точки греки сильны и они понимаютъ это. А между тѣмъ ничего страшнѣе въ грядущемъ не можетъ быть для всего Востока, а вмѣстѣ и для Россіи, какъ еще разъ подобная церковная распра, которая, увы, такъ возможна, устранись хоть на мигъ Россія со своимъ покровительствомъ и со строгимъ

надъ ними надзоромъ. Хоть это и всего только будущее, и даже лишь гаданія, но непростительно было бы выпустить это изъ виду, даже хотя бы только какъ гаданіе. Въ самомъ дѣлѣ, неужели ужъ и намъ желать продолженія владычества турокъ и здоровья „больному человѣку“? Неужели и намъ дойти до того? Неужели не ясно, что умри этотъ больной человѣкъ, а, главное, отстранись Россія хоть на половину отъ окончательного и первенствующаго вліянія на судьбы Востока, сдѣлай она эту уступку Европѣ, и — болѣе чѣмъ вѣроятно, что на Балканскомъ полуостровѣ пошатнется церковное единеніе столькихъ вѣковъ, а, можетъ-быть, и еще далѣе на Востокѣ. Даже такъ можно сказать: будутъ эти распри или нѣтъ, но умри больной человѣкъ, то весьма вѣроятно, что, можетъ-быть, дѣло не обойдется, *во всякомъ случаѣ*, безъ великаго церковнаго собора, для уложенія дѣлъ вновь возрождающейся Церкви. Почему бы это не предвидѣть заранѣе? Въ эти четыре вѣка гоненій и гнета предстоятели Восточной Церкви всегда слушались совѣтовъ Россіи; по освободись они завтра отъ турецкаго гнета и окажи имъ къ тому же покровительство Европа, — они тотчасъ же заявятъ себя въ другихъ отношеніяхъ къ Россіи. Предстоятели Восточной Церкви, то-есть главное греки, чуть лишь Россія взяла бы сторону славянъ, тотчасъ же, можетъ-быть, пожелали бы ей заявить, что въ ней и въ совѣтахъ ея они болѣе совсѣмъ не нуждаются. Именно потому поспѣшать заявить, что четыре вѣка смотрѣли на нее сложа въ мольбѣ руки. А положеніе Россіи будетъ почти всѣхъ труднѣе. Тѣ же болгаре тотчасъ же закричатъ, что въ Константинополѣ воцарился новый восточный папа и — кто знаетъ, можетъ-быть, правы будутъ. Международный Константинополь дѣйствительно можетъ послужить, хоть на время, подножіемъ новаго папы. Тогда Россіи стать за грековъ будетъ значить потерять славянъ, а стать за славянъ, въ этой будущей и столь вѣроятной между ними распѣ, значить нажить и себѣ, можетъ-быть, пренепріятныя и пресерьезныя церковныя хлопоты. Ясно, что все это можетъ быть избѣгнуто лишь заблаговременно стойкостью Россіи въ восточномъ вопросѣ и неуклоннымъ слѣдованіемъ все тѣмъ же великимъ преданіямъ нашей древней вѣковой русской политики. Никакой Европѣ не должны мы уступать ничего въ этомъ дѣлѣ ни для какихъ соображеній, потому что дѣло это наша жизнь и смерть.

Константинополь долженъ быть нашъ, рано ли, поздно ли, хотя бы именно во избѣжаніе тяжелыхъ и непріятныхъ церковныхъ смутъ, которая столь легко могутъ возродиться между молодыми и не жившими народами Востока и которымъ примѣръ уже былъ въ спорѣ болгаръ и вселенскаго патріарха, весьма плохо окончившемся. Разъ мы завладѣемъ Константинополемъ и ничего этого не можетъ произойти. Народы Запада, столь ревниво слѣдящіе за каждымъ шагомъ Россіи, еще не знаютъ и не подозрѣваютъ въ настоящую минуту всѣхъ этихъ новыхъ, еще мечтательныхъ, но слишкомъ возможныхъ будущихъ комбинацій. Если бъ и узнали ихъ теперь, то не поняли бы ихъ и не придали бы имъ особенной важности. За то слишкомъ поймутъ и придадутъ важности потому, когда будетъ уже поздно. Русскій народъ, понимающій восточный вопросъ не иначе какъ въ освобожденіи всего православнаго христіанства и въ великому будущемъ единеніи Церкви, если увидить, напротивъ, новые смуты и новый разладъ, то будетъ слишкомъ потрясенъ и, можетъ быть, глубоко отзовется и на немъ, и на всемъ бытѣ его всякой новый исходъ дѣла, особенно, если оно въ концѣ концовъ получить характеръ церковный по преимуществу. Вотъ по этому одному мы ни за что и никакъ не можемъ оставлять, или ослаблять степень нашего вѣкового участія въ этомъ великомъ вопросѣ. Не одинъ только великолѣпный портъ, не одна только дорога въ моря и океаны связываютъ Россію столь тѣсно съ рѣшеніемъ судебъ рокового вопроса, и даже не объединеніе и возрожденіе славянъ... Задача наша глужбе, безмѣрно глубже. Мы, Россія, дѣйствительно необходимы и неминуемы и для всего восточного христіанства, и для всей судьбы будущаго православія на землѣ, для единенія его. Такъ всегда понимали это нашъ народъ и государи его... Однимъ словомъ, этотъ страшный восточный вопросъ—это чуть не вся судьба наша въ будущемъ. Въ немъ заключаются какъ бы всѣ наши задачи и, главное, единственный выходъ нашъ въ полноту исторіи. Въ немъ и окончательное столкновеніе наше съ Европой, и окончательное единеніе съ нею, но уже на новыхъ, могучихъ, плодотворныхъ началахъ. О, гдѣ понять теперь Европѣ всю ту роковую жизненную важность для настѣ самихъ въ рѣшеніи этого вопроса! Однимъ словомъ, чѣмъ бы ни кончились теперешнія, столь необходимыя, можетъ быть, дипломатическія соглашенія и переговоры въ Европѣ, но

рано ли, поздно ли, а Константинополь долженъ быть нашъ, и хотя бы лишь въ будущемъ только столѣтіи! Это намъ русскимъ надо всегда имѣть въ виду, всѣмъ неуклонно. Вотъ что мнѣ хотѣлось заявить, особенно въ настоящій европейской моментъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

„Еврейскій вопросъ“.

О, не думайте, что я действительно затѣваю поднять „еврейскій вопросъ“! Я написалъ это заглавіе въ шутку. Поднять такой величины вопросъ, какъ положеніе еврея въ Россіи, и о положеніи Россіи, имѣющей въ числѣ сыновъ своихъ три миллиона евреевъ—я не въ силахъ. Вопросъ этотъ не въ моихъ размѣрахъ. Но нѣкоторое сужденіе мое я все же могу имѣть, и вотъ выходитъ, что сужденіемъ моимъ нѣкоторые изъ евреевъ стали вдругъ интересоваться. Съ нѣкотораго времени я сталъ получать отъ нихъ письма, и они серьезно и съ горечью упрекаютъ меня за то, что я на нихъ нападаю, „что я ненавижу жида“, ненавижу не за пороки его, „не какъ эксплоататора“, а именно, какъ племя, т. е. въ родѣ того, что: „Иуда, дескать, Христа продалъ“. Пишутъ это „образованы“ евреи, т.-е. изъ такихъ, которые (я замѣтилъ это, но отнюдь не обобщаю мою замѣтку, оговариваюсь заранѣе),—которые всегда какъ бы постараются дать вамъ знать, что они, при своемъ образованіи, давно уже не раздѣляютъ „предразсудковъ“ своей націи, своихъ религіозныхъ обрядовъ не исполняютъ, какъ прочие мелкие евреи, считаютъ это ниже своего просвѣщенія, да и въ Бога, дескать, не вѣруемъ. Замѣчу въ скобкахъ и кстати, что всѣмъ этимъ господамъ „изъ высшихъ евреевъ“, которые такъ стоятъ за свою націю, слишкомъ даже грѣшно забывать своего сорокавѣковаго Іегову и отступаться отъ него. И это далеко не изъ одного только чувства национальности грѣшно, а изъ другихъ, весьма высокаго размѣра причинъ. Да и странное дѣло: еврей безъ Бога какъ-то немыслимъ; еврея безъ Бога и представить нельзя. Но тема эта изъ обширныхъ, мы ее пока оставимъ. Всего удивительнѣе мнѣ то: какъ это и откуда я попалъ въ ненавистники еврея, какъ народа, какъ націи? Какъ эксплоататора и за нѣкоторые пороки мнѣ осуждать еврея отча-

сти дозволяется самими же этими господами, но—но лишь на словахъ: на дѣлѣ трудно найти что-нибудь раздражительнѣе и щепетильнѣе образованнаго еврея, и обидчи-
вѣ его, какъ еврея? Но опять-таки: когда и чѣмъ за-
явилъ я ненависть къ еврею, какъ къ народу? Такъ какъ
въ сердцѣ моемъ этой ненависти не было никогда, и тѣ
изъ евреевъ, которые знакомы со мной и были въ сноше-
ніяхъ со мной, это знаютъ, то я, съ самаго начала и прежде
всякаго слова, съ себя это обвиненіе снимаю, разъ на-
всегда, съ тѣмъ, чтобы ужъ потомъ обѣ этомъ и не упо-
минать особенно. Ужъ не потому ли обвиняютъ меня въ
„ненависти“, что я называю иногда еврея „жидомъ“? Но,
во-первыхъ, я не думалъ, чтобы это было такъ обидно,
а во-вторыхъ, слово „жидъ“, сколько помню, я упоминалъ
всегда для обозначенія извѣстной идеи: „жидъ, жидов-
щина, жидовское царство“ и проч. Тутъ обозначалось извѣстное
понятіе, направление, характеристика вѣка. Можно
спорить обѣ этой идеѣ, не соглашаться съ нею, но не
обижаться словомъ. Выпишу одно мѣсто изъ письма од-
ного, весьма образованнаго еврея, написавшаго мнѣ длин-
ное и прекрасное, во многихъ отношеніяхъ, письмо, весьма
меня заинтересовавшее. Это одно изъ самыхъ характер-
ныхъ обвиненій меня въ ненависти къ еврею какъ къ
народу. Само собою разумѣется, что имя г. NN, мнѣ пи-
савшаго это письмо, останется подъ самымъ строгимъ ано-
нимомъ.

... но я намѣренъ затронуть одинъ предметъ, который я рѣши-
тельно не могу себѣ объяснить. Это ваша ненависть къ «жиду», ко-
торая проявляется почти въ каждомъ выпускѣ вашего «Дневника».

Я бы хотѣлъ знать, почему вы возстаete противъ жида, а не про-
тивъ эксплоататора вообще, я не меныше вашего терпѣть не могу
предразсудковъ моей націи,—я не мало отъ нихъ страдаль,—но ни-
когда не соглашусь, что въ крови этой націи живеть безсовѣстная
эксплоатација.

Неужели *вы* не можете подняться до основного закона всякой со-
циальной жизни, что *всѣ* безъ исключенія граждане одного государ-
ства, если они только несутъ на себѣ всѣ повинности, необходимыя
для существованія государства, должны пользоваться *всѣми* правами
и выгодами его существованія и что для отступниковъ отъ закона,
для вредныхъ членовъ общества должна существовать одна и та же
мѣра взысканія, общая для всѣхъ?.. Почему же всѣ евреи должны
быть ограничены въ правахъ и почему для нихъ должны существовать
специальные карательные законы? Чѣмъ эксплоатација чуже-
странцевъ (евреи вѣдь все-таки русские подданные): нѣмцевъ, англи-
чанъ, грековъ, которыхъ въ Россіи такая пропасть, лучше жидовской
эксплоатациї? Чѣмъ русский православный кулакъ, міроѣдъ, цѣловаль-
никъ, кровопийца, которыхъ такъ много расплодилось во *всей* Россіи,

лучше таковыхъ изъ жидовъ, которые все-таки дѣйствуютъ въ огражденномъ кругу. Чѣмъ такой-то лучше такого-то.

(Здѣсь почтенный корреспондентъ сопоставляетъ нѣсколько известныхъ русскихъ кулаковъ съ еврейскими въ томъ смыслѣ, что русскіе не уступятъ. Но чѣмъ же это доказывается? Вѣдь мы нашими кулаками не хвалимся, не выставляемъ ихъ какъ примѣры подражанія и, напротивъ, въ высшей степени соглашаемся, что тѣ и другіе не хороши).

Такихъ вопросовъ я бы могъ вамъ задавать тысячами.

Между тѣмъ вы, говоря о «жидѣ», включаете въ это понятіе всю страшно нищую массу трехмиллионнаго еврейскаго населенія въ Россіи, изъ которыхъ два миллиона 900,000, по крайней мѣрѣ, ведутъ отчаянную борьбу за жалкое существованіе, нравственно чище не только другихъ народностей, но и обоготовляемаго вами русскаго народа. Въ это название вы заключаете и ту почтенную цифру евреевъ, получившихъ высшее образованіе, отличающихся на всѣхъ поприщахъ государственной жизни, берите хоть

(Тутъ опять нѣсколько имёнъ, которыхъ я, кромѣ Гольдштейнова, считаю не въ правѣ напечатать, потому что нѣ-которымъ изъ нихъ, можетъ-быть, непріятно будетъ про-чество, что они происходятъ изъ евреевъ).

Гольдштейна (геройски умершаго въ Сербіи за славянскую идею) и работающихъ на пользу общества и человѣчества? Ваша ненависть къ «жиду» простирается даже на Дизраэли, который, вѣроятно, самъ не знаетъ, что его предки были когда-то испанскими евреями, и который ужъ, конечно, не руководить англійской консервативной по-литикой съ точки зреія «жida» (?)...

Нѣть, къ сожалѣнію, вы не знаете ни еврейскаго народа, ни его жизни, ни его духа, ни его сорокавѣковой исторіи, наконецъ. Къ сожалѣнію потому, что вы, во всякомъ случаѣ, человѣкъ искренній, абсолютно честный, а наносите безсознательно вредъ громадной массѣ нищенствующаго народа, — сильные же «жиды», принимая сильныхъ міра сего въ своихъ салонахъ, конечно, не боятся ни печати, ни даже бессильнаго гнѣва эксплоатируемыхъ. Но довольно обѣ этомъ пред-метѣ! Врядъ ли я въсѣ убѣжду въ моемъ взглядѣ, — но мнѣ крайне желательно было бы, чтобы вы убѣдили меня.

Вотъ этотъ отрывокъ. Прежде, чѣмъ отвѣчу что-нибудь (ибо не хочу нести на себѣ такое тяжелое обвиненіе) — обращаю вниманіе на ярость нападенія и на степень обидчивости. Положительно у меня, во весь годъ изданія «Дневника», не было такихъ размѣровъ статьи противъ «жida», которая бы могла вызвать такой силы нападеніе. Во-вторыхъ, нельзя не замѣтить, что почтенный корреспондентъ, коснувшись въ этихъ пемногихъ строкахъ своихъ и до русскаго народа, не утерпѣлъ и не выдержалъ, и отнесся къ бѣдному русскому народу нѣсколько слишкомъ ужъ свысока. Правда, въ Россіи и отъ рус-

скихъ-то не осталось ни одного не проплеванного мѣста (словечко Щедрина), а еврею тѣмъ „простительнѣе“. Но во всякомъ случаѣ ожесточеніе это свидѣтельствуетъ ярко о томъ, какъ сами евреи смотрятъ на русскихъ. Писать это дѣйствительно человѣкъ образованный и талантливый (не думаю только, чтобы безъ предразсудковъ); чего же ждать, послѣ того, отъ необразованнаго еврея, которыхъ такъ много, какихъ чувствъ къ русскому? Я не въ обвиненіе это говорю; все это естественно: я только хочу указать, что въ мотивахъ нашего разъединенія съ евреемъ виновенъ, можетъ-быть, и не одинъ русскій народъ, и что скопились эти мотивы, конечно, съ обѣихъ сторонъ, и еще неизвѣстно, на какой сторонѣ въ большей степени. Отмѣтивъ это, выскажу нѣсколько словъ въ мое оправданіе и вообще какъ я смотрю на это дѣло. И хоть вопросъ этотъ, повторяю, мнѣ и не по силамъ, но что же нибудь вѣдь и я могу выразить.

II.

Pro и contra.

Положимъ, очень трудно узнать сорокавѣковую исторію такого народа, какъ евреи; но на первый случай я ужъ то одно знаю, что навѣрно нѣть въ цѣломъ мірѣ другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждымъ шагомъ и словомъ своимъ, на свое приниженіе, на свое страданіе, на свое мученичество. Подумаешь, не они царять въ Европѣ, не они управляютъ тамъ биржами хотя бы только, а, стало быть, политикой, внутренними дѣлами, нравственностью государства. Пусть благородный Гольдштейнъ умираетъ за славянскую идею. Но все-таки, не будь такъ сильна еврейская идея въ мірѣ, и, можетъ быть, тотъ же самый „славянскій“ (прошлогодній) вопросъ давно бы уже рѣшенъ былъ въ пользу славянъ, а не турокъ. Я готовъ повѣрить, что лордъ Биконс菲尔дъ самъ, можетъ быть, забылъ о своемъ происхожденіи, когда-то, отъ испанскихъ жидовъ (навѣрно, однако, не забылъ); но что онъ „руководилъ англійской консервативной политикой“ за послѣдній годъ отчасти съ точки зренія жида, въ этомъ, по-моему, нельзя сомнѣваться. „Отчасти-то“ ужъ нельзя не допустить.

Но пусть все это, съ моей стороны, голословіе, легкій тонъ и легкія слова. Уступаю. Но все-таки не могу вполнѣ

повѣрить крикамъ евреевъ, что ужъ такъ они забиты, замучены и принижены. На мой взглядъ, русскій мужикъ, да и вообще русскій простолюдинъ, несетъ тягостей чуть ли не больше еврея. Мой корреспондентъ пишетъ мнѣ въ другомъ уже письмѣ:

„Прежде всего необходимо предоставить имъ (евреямъ) всѣ гражданскія права (подумайте, что они лишены до сихъ поръ самаго коренного права: свободнаго выбора мѣстожительства, изъ чего вытекаетъ множество страшныхъ стѣсненій для всей еврейской массы), какъ и всѣмъ другимъ чужимъ народностямъ въ Россіи, а потомъ уже требовать отъ нихъ исполненія своихъ обязанностей къ государству и къ коренному населенію“.

Но подумайте и вы, г. корреспондентъ, который сами пишете мнѣ, въ томъ же письмѣ, на другой страницѣ, что вы „не въ примѣръ больше любите и жалѣете трудящуюся массу русскаго народа, чѣмъ еврейскую“ — (что уже слишкомъ для еврея сильно сказано) — подумайте только о томъ, что когда евреи „терпѣлъ въ свободномъ выборѣ мѣстожительства, тогда двадцать три миллиона „русской трудящейся массы“ терпѣли отъ крѣпостного состоянія, что ужъ, конечно, было потяжелѣе „выбора мѣстожительства“. И что же, пожалѣли ихъ тогда евреи? Не думаю: въ Западной окраинѣ Россіи и на Югѣ вамъ на это отвѣтить обстоятельно. Нѣтъ, они и тогда точно такъ же кричали о правахъ, которыхъ не имѣлъ самъ русскій народъ, кричали и жалобились, что они забиты и мученики, и что когда имъ дадутъ больше правъ, „тогда и спрашивайте съ насъ исполненія обязанностей къ государству и коренному населенію“. Но вотъ пришелъ Освободитель и освободилъ коренной народъ, и что же, кто первый бросился на него, какъ на жертву, кто воспользовался его пороками преимущественно, кто оплелъ его вѣковѣчнымъ золотымъ своимъ промысломъ, кто тотчасъ же замѣстилъ, гдѣ только могъ и посыпалъ, упраздненныхъ помѣщиковъ, съ тою разницею, что помѣщики хоть и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своихъ крестьянъ, пожалуй, для себя же, чтобы не истощить рабочей силы, а еврею до истощенія русской силы дѣла нѣтъ, взялъ свое и ушелъ. Я знаю, что евреи, прочтя это, тотчасъ же закричатъ, что это не правда, что это клевета, что я лгу, что я потому вѣрю всѣмъ этимъ глупостямъ, что „не знаю сорокавѣковой исторіи“ этихъ

чистыхъ ангеловъ, которые несравненно „нравственно чище не только другихъ народностей, но и обоготовляемаго мною русскаго народа“ (по словамъ корреспондента, см. выше). Но пустъ, пустъ они нравственно чище всѣхъ народовъ въ мірѣ, а русскаго ужъ разумѣется, а между тѣмъ я только что прочелъ въ мартовской книжкѣ *Вѣстника Европы* извѣстіе о томъ, что евреи въ Америкѣ, въ Южныхъ Штатахъ, уже набросились всей массой на много миллионную массу освобожденныхъ негровъ и уже прибрали ее къ рукамъ по-своему, извѣстнымъ и вѣковѣчнымъ своимъ „золотымъ промысломъ“ и пользуясь неопытностью и пороками эксплоатируемаго племени. Представьте же себѣ, когда я прочелъ это, мнѣ тотчасъ же вспомнилось, что мнѣ еще пять лѣтъ тому приходило это самое на умъ, именно то, что вотъ вѣдь негры отъ рабовладѣльцевъ теперь освобождены, а вѣдь имъ не уцѣлѣть, потому что на эту свѣжую жертвочку какъ разъ набрасываются евреи, которыхъ столь много на свѣтѣ. Подумалъ я это и, увѣряю васъ, нѣсколько разъ потомъ въ этотъ срокъ мнѣ вспадало на мысль: „да что же тамъ ничего объ евреяхъ не слышно, что въ газетахъ не пишутъ, вѣдь эти негры евреямъ кладъ, неужели пропустятъ?“ И вотъ дождался, написали въ газетахъ, прочель. А дней десять тому назадъ прочелъ въ *Новомъ Времени* (№ 371) корреспонденцію изъ Ковно,prehакартернѣйшую: „дескать, до того набросились тамъ евреи на мѣстное литовское населеніе, что чуть не сгубили всѣхъ водкой, и только ксендзы спасли бѣдныхъ опившихся, угрожая имъ мукими ада и устраивая между ними общества трезвости.“ Просвѣщенный корреспондентъ, правда, сильно краснѣетъ за свое населеніе, до сихъ поръ вѣрующее въ ксендзовъ и въ муки ада, но онъ сообщаетъ при этомъ, что поднялись вслѣдъ за ксендзами и просвѣщенные мѣстные экономисты, начали устраивать сельскіе банки, именно чтобы спасти народъ отъ процентщика-еврея, и сельскіе рынки, чтобы можно было „бѣдной трудящейся массѣ“ получать предметы первой потребности по настоящей цѣнѣ, а не по той, которую назначаетъ еврей. Ну, вотъ я это все прочель и знаю, что мнѣ въ одинъ мигъ закричать, что все это ничего не доказываетъ, что это отъ того, что евреи сами угнетены, сами бѣдны, и что все это лишь „борьба за существованіе“, что только глупецъ разобрать этого не можетъ, и не будь евреи такъ сами бѣдны, а,

напротивъ, разбогатѣй они, то мигомъ показали бы себя съ самой гуманной стороны, такъ что міръ бы весь удивили. Но вѣдь, конечно, всѣ эти негры и литовцы еще бѣднѣе евреевъ, выжимающихъ изъ нихъ соки, а вѣдь тѣ (прочтите-ка корреспонденцію) гнашаются такой торговлей, на которую такъ падокъ евреи; во-вторыхъ, не трудно быть гуманнымъ и нравственнымъ, когда самому жирно и весело, а чуть „борьба за существование“, такъ и не подходитъ ко мнѣ близко. Не совсѣмъ ужъ это, по-моему, такая ангельская черта. А въ-третьихъ, вѣдь и я, конечно, не выставляю эти два извѣстія изъ *Вѣстника Европы* и *Нового Времени* за такие ужъ капитальные и всерѣщающіе факты. Если начать писать исторію этого всемірного племени, то можно тотчасъ же найти сто тысячъ такихъ же и еще крупнѣйшихъ фактovъ; такъ что одинъ или два факта лишнихъ ничего особеннаго не прибавятъ, но вѣдь что при этомъ любопытно: любопытно то, что чуть лишь вамъ—въ спорѣ ли, или просто въ минуту собственного раздумья,—чуть лишь вамъ понадобится справка о евреѣ и дѣлахъ его,—то не ходите въ библіотеки для чтенія, не ройтесь въ старыхъ книгахъ или въ собственныхъ старыхъ отмѣткахъ, не трудитесь, не ищите, не напрягайтесь, а не сходя съ мѣста, не подымаясь даже со стула, протяните лишь руку къ какой хотите первой, лежащей подлѣ васъ газетѣ, и поищите на второй или на третьей страницѣ: непремѣнно найдете что-нибудь о евреяхъ и непремѣнно то, что васъ интересуетъ, непремѣнно самое характернѣйшее и непремѣнно одно и то же—т. е. все одни и тѣ же подвиги? Такъ вѣдь это, согласитесь сами, что-нибудь да значитъ, что-нибудь да указываетъ, что-нибудь открываетъ же вамъ, хотя бы вы были круглый невѣжда въ сорокавѣковой исторіи этого племени. Разумѣется, мнѣ отвѣтить, что всѣ обуреваемы ненавистью, а потому всѣ лгутъ. Конечно, очень можетъ случиться, что всѣ до единаго лгутъ, но въ такомъ случаѣ рождается тотчасъ другой вопросъ: если всѣ до единаго лгутъ и обуреваемы такою ненавистью, то съ чегонибудь да взялась же эта ненависть, вѣдь что-нибудь значитъ же эта всеобщая ненависть, „вѣдь что-нибудь значитъ же слово всѣ!“ какъ восклицалъ нѣкогда Бѣлинскій.

„Свободный выборъ мѣстожительства!“ Но развѣ русскій „коренной“ человѣкъ ужъ такъ совершенно свобод-

день въ выборѣ мѣстожительства? Развѣ не продолжаются и до сихъ поръ еще прежнія, еще отъ крѣпостныхъ временъ оставшіяся и нежелаемыя стѣсненія въ полной свободѣ выбора мѣстожительства и для русскаго простолюдина, на которыя давно обращаетъ вниманіе правительство? А что до евреевъ, то всѣмъ видно, что права ихъ въ выборѣ мѣстожительства весьма и весьма расширились въ послѣднія двадцать лѣтъ. По крайней мѣрѣ, они явились по Россіи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде ихъ не видывали. Но евреи все жалуются на ненависть и стѣсненія. Пусть я не твердѣю въ познаніи еврейскаго быта, но одно-то я уже знаю навѣрно и буду спорить со всѣми, именно: что нѣтъ въ нашемъ простонародье предвзятой, априорной, тупой, религіозной какой-нибудь ненависти къ еврею, въ родѣ: „Гуда, дескать, Христа продалъ“. Если и услышишь это отъ ребятишекъ или отъ пьяныхъ, то весь народъ нашъ смотритъ на еврея, повторяю это, безъ всякой предвзятой ненависти. Я пятьдесятъ лѣтъ видѣлъ это. Мне даже случалось жить съ народомъ, въ массѣ народа, въ однихъ казармахъ, спать на однихъ нарахъ. Тамъ было нѣсколько евреевъ — и никто не презиралъ ихъ, никто не исключалъ ихъ, не гналъ ихъ. Когда они молились (а евреи молятся съ крикомъ, надѣвалъ особое платье), то никто не находилъ этого страннѣмъ, не мѣшалъ имъ и не смѣялся надъ ними, чего, впрочемъ, именно надо бы было ждать отъ такого грубаго, по нашимъ понятіямъ, народа, какъ русскіе; напротивъ, смотря на нихъ говорили: „это у нихъ такая вѣра, это они такъ молятся“ и проходили мимо съ спокойствiemъ и почти одобренiemъ. И что же, вотъ эти-то евреи чуждались во многомъ русскихъ, не хотѣли быть съ ними, смотрѣли чуть не свысока (и это гдѣ же? — въ острогѣ!) и вообще выражали гадливость и брезгливость къ русскому, къ „коренному“ народу. То же самое и въ солдатскихъ казармахъ, и вездѣ по всей Россіи: навѣдайтесь, спросите, обижаютъ ли въ казармахъ еврея какъ еврея, какъ жида, за вѣру, за обычай? Нигдѣ не обижаютъ, и такъ во всемъ народѣ. Напротивъ, увѣряю васъ, что и въ казармахъ, и вездѣ, русскій простолюдинъ слишкомъ видѣть и понимаетъ (да и не скрываютъ того сами евреи), что еврей съ нимъ быть не захочетъ, брезгаетъ имъ, сторонится и ограждается отъ него сколько можетъ, и что

же,—вместо того, чтобы обижаться на это, русский простолюдин спокойно и ясно говоритъ: „это у него вѣра такая, это онъ по вѣрѣ своей не Ѵсть и сторонится“ (т.-е. не потому, что золъ) и, сознавъ эту высшую причину, отъ всей души извиняетъ еврея. А между тѣмъ, мнѣ иногда входила въ голову фантазія: ну, что, если бъ это не евреевъ было въ Россіи три миллиона, а русскихъ; а евреевъ было бы 80 миллионовъ—ну, во чѣмъ обратились бы у нихъ русскіе и какъ бы они ихъ третировали? Дали бы они имъ сравняться съ собою въ правахъ? Дали бы имъ молиться среди нихъ свободно? Не обратили ли бы прямо въ рабовъ? Хуже того: не содрали ли бы кожу совсѣмъ? Не избили бы до тла, до окончательного истребленія, какъ дѣлывали они съ чужими народностями въ старину, въ древнюю свою исторію? Нѣть-съ, увѣряю васъ, что въ русскомъ народѣ нѣть предвзятой ненависти къ еврею, а есть, можетъ быть, несимпатія къ нему, особенно по мѣстамъ, и даже, можетъ быть, очень сильная. О, безъ этого нельзя, это есть, но происходит это вовсе не отъ того, что онъ еврей, не изъ племенной, не изъ религіозной какой-нибудь ненависти, а происходит это отъ иныхъ причинъ, въ которыхъ виновать уже не коренной народъ, а самъ еврей.

III.

Status in statu. Сорокъ вѣковъ бытія.

Ненависть, да еще отъ предразсудковъ—вотъ въ чемъ обвиняютъ евреи коренное населеніе. Но если ужъ запла рѣчъ о предразсудкахъ, то какъ вы думаете: еврей менѣе питаетъ предразсудковъ къ русскому, чѣмъ русскій къ еврею? Не побольше ли? Вотъ я вамъ представилъ примѣры того, какъ относится русское простолюдье къ еврею; а у меня передъ глазами письма евреевъ, да не изъ простонародья, а образованныхъ евреевъ, и—сколько ненависти въ этихъ письмахъ къ „коренному населенію“! А, главное,—пишутъ, да и не примѣчаютъ этого сами.

Видите ли, чтобы существовать сорокъ вѣковъ на землѣ, т.-е. во весь почти историческій періодъ человѣчества, да еще въ такомъ плотномъ и нерушимомъ единеніи; чтобы терять столько разъ свою территорію, свою политическую независимость, законы, почти даже вѣру,—терять и всякий разъ опять соединяться, опять возрождаться въ прежней идее, хоть и въ другомъ видѣ, опять создавать себѣ

и законы, и почти вѣру—иѣть, такой живучій народъ, такой необыкновенно сильный и энергический народъ, такой безпримѣрный въ мірѣ народъ, не могъ существовать безъ *status in statu*, который онъ сохранилъ всегда и вездѣ во время самыхъ страшныхъ, тысячелѣтнихъ разсѣяній и гоненій своихъ. Говоря про *status in statu*, я вовсе не обвинение какое-нибудь хочу возвести. Но въ чёмъ, однако, заключается этотъ *status in statu*, въ чёмъ вѣковѣчно-неизмѣнная идея его, и въ чёмъ суть этой идеи?

Излагать это было бы долго, да и невозможно въ коротенькой статьѣ, да и невозможно еще и по той даже причинѣ, что не настали еще *всѧ времена и сроки*, несмотря на протекшіе сорокъ вѣковъ, и окончательное слово человѣчества объ этомъ великомъ племени еще впереди. Но не вникая въ суть и въ глубину предмета, можно изобразить хотя нѣкоторые признаки этого *status in statu*, по крайней мѣрѣ, хоть наружно. Признаки эти: отчужденность и отчудимость на степени религіознаго доклада, несліянность, вѣра въ то, что существуетъ въ мірѣ лишь одна народная личность—еврей, а другія хоть есть, но все равно надо считать, что какъ бы ихъ и не существовало. „Выйди изъ народовъ и составь свою особу, и знай, что съ сихъ поръ ты *единъ у Бога*, остальныхъ истреби, или въ рабовъ обрати, или эксплоатирай. Вѣрь въ побѣду надъ всѣмъ міромъ, вѣрь, что все покорится тебѣ. Строго всѣмъ гнушайся, и ни съ кѣмъ въ быту своемъ не сообщайся. И даже когда лишишься земли своей, политической личности своей, даже когда разсѣянъ будешь по лицу всей земли, между всѣми народами—все равно,—вѣрь всему тому, что тебѣ обѣщано, разъ навсегда, вѣрь тому, что все сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплоатирай, и—ожидай, ожидай“... Вотъ суть идеи этого *status in statu*, а затѣмъ, конечно, есть внутренніе, а, можетъ быть, и таинственные законы, ограждающіе эту идею.

Вы говорите, господа образованные евреи и оппоненты, что ужъ это-то все вздоръ и что „если и есть *status in statu* (т.-е. былъ, а теперь-де остались самые слабые слѣды), то единственno лишь гоненія привели къ нему, гоненія породили его, религіозныя, съ среднихъ вѣковъ и раньше, и явился этотъ *status in statu* единственno лишь изъ чувства самосохраненія. Если же и продолжается, особенно въ Россіи, то потому, что еврей еще не

сравненъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ". Но вотъ что мнѣ кажется: если бъ онъ былъ и сравненъ въ правахъ, то ни за что не отказался бы отъ своего *status in statu*. Мало того: приписывать *status in statu* однимъ лишь гоненіямъ и чувству самосохраненія—недостаточно. Да и не хватило бы упорства въ самосохраненіи на сорокъ вѣковъ, надоѣло бы и сохранять себя такой срокъ. И сильнейшая цивилизациі въ мірѣ не достигали и до половины сорока вѣковъ и теряли политическую силу и племенной обликъ. Тутъ не одно самосохраненіе стоитъ главной причиной, а нѣкая идея, движущая и влекущая, нѣчто такое, міровое и глубокое, о чемъ, можетъ быть, человѣчество еще не въ силахъ произнестъ своего послѣдняго слова, какъ сказаль я выше. Что религіозный-то характеръ тутъ есть по преимуществу—это-то уже несомнѣнно. Что свой Промыслитель, подъ именемъ прежняго первоначального Іеговы, съ своимъ идеаломъ и съ своимъ обѣтомъ продолжаетъ вести свой народъ къ цѣли твердой—это-то уже ясно. Да и нельзя, повторяю я, даже и представить себѣ еврея безъ Бога, мало того, не вѣрю я даже и въ образованныхъ евреевъ безбожниковъ: всѣ они одной сути и еще Богъ знаетъ чего ждетъ мірѣ отъ евреевъ образованныхъ! Еще въ дѣствѣ моемъ я читаль и слыхалъ про евреевъ легенду о томъ, что они-де и теперь неуклонно ждутъ Мессію, всѣ, какъ самый низшій жидъ, такъ и самый высшій и ученый изъ нихъ, философъ и кабалистъ-раввинъ, что они вѣрятъ всѣ, что Мессія собираетъ ихъ опять въ Іерусалимъ и низложитъ всѣ народы мечь своимъ къ ихъ подножію; что потому-то-де евреи, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ своемъ, предпочитаютъ лишь одну профессію,—торгъ золотомъ, и много что обработку его, и это все будто бы для того, что когда явится Мессія, то чтобы не имѣть новаго отечества, не быть прикрѣпленнымъ къ землѣ иноземцевъ, обладая ею, а имѣть все съ собою лишь въ золотѣ и драгоценностяхъ, чтобы удобнѣе ихъ унести когда

Загорить, заблестить лучъ денницы,
И кимバルъ, и тимпанъ, и цѣвицы,
И сребро, и добро, и святыню,
Понесемъ въ старый Домъ, въ Палестину.

Все это, повторяю, слышалъ я какъ легенду, но я вѣрю, что суть дѣла существуетъ непремѣнно, особенно

въ цѣлой массѣ евреевъ, въ видѣ инстинктивно-неудержимаго влечения. Но чтобы сохранялась такая суть дѣла, ужъ, конечно, необходимо, чтобы сохранился самый строгій *status in statu*. Онъ и сохраняется. Стало быть, не одно лишь гоненіе было и есть ему причиною, а другая идея...

Если же существуетъ вѣрѣду такой особый, внутренній, строгій строй у евреевъ, связующій ихъ въ нѣчто цѣльное и особное, то вѣдь почти еще можно задуматься надъ вопросомъ о совершенномъ сравненіи во всемъ ихъ правъ съ правами коренного населенія. Само собою, все, что требуетъ гуманность и справедливость, все, что требуетъ человѣчность и христіанскій законъ—все это должно быть сдѣлано для евреевъ. Но если они, во всеоружії своего строя и своей особенности, своего племеннаго и религіознаго отъединенія, во всеоружії своихъ правиль и принциповъ, совершенно противуположныхъ той идеѣ, слѣдяя которой, доселѣ, по крайней мѣрѣ, развивался весь европейскій міръ, потребуютъ совершенного уравненія всевозможныхъ правъ съ кореннымъ населеніемъ, то — не получать ли они уже тогда нѣчто большее, нѣчто лишнее, нѣчто верховное противъ самаго коренного даже населенія? Тутъ, конечно, укажутъ на другихъ инородцевъ: „что вотъ, дескать, сравнены или почти сравнены въ правахъ, а евреи имѣютъ права менѣе всѣхъ инородцевъ, и это-де потому, что боятся нась, евреевъ, что мы-де будто бы вреднѣе всѣхъ инородцевъ. А между тѣмъ, чѣмъ вреднѣ евреи? Если и есть дурныя качества въ еврейскомъ народѣ, то единственно потому, что самъ русскій народъ таковыи способствуетъ, по русскому собственному невѣжеству своему, по необразованности своей, по неспособности своей къ самостоятельности, по малому экономическому развитію своему. Русскій-де народъ самъ требуетъ посредника, руководителя, экономического опекуна въ дѣлахъ, кредитора, самъ зоветъ его, самъ отдается ему. Посмотрите, напротивъ, въ Европѣ: тамъ народы сильные и самостоятельные духомъ, съ сильнымъ национальнымъ развитіемъ, съ привычкой давнишней къ труду и съ умѣніемъ труда, и вотъ тамъ не боятся дать всѣ права еврею! Слышно ли что-нибудь во Франціи о вредѣ отъ *status in statu* тамошихъ евреевъ?“

Разсужденіе, повидимому, сильное, но, однакоже, прежде

всего тутъ мерещится одна замѣтка въ скобкахъ, а именно: „Стало-быть, еврейству тамъ и хорошо, гдѣ народъ еще невѣжественъ, или несвободенъ, или мало развить экономически—тутъ-то, стало быть, ему и лафа!“ И вмѣсто того, чтобы, напротивъ, вліяніемъ своимъ поднять уровень образования, усилить знаніе, породить экономическую способность въ коренномъ населеніи, вмѣсто того еврей, гдѣ ни поселялся, тамъ еще пуще унижалъ и разворачалъ народъ, тамъ еще больше приникало человѣчество, еще больше падалъ уровень образования, еще отвратительнѣе распространялась безвыходная, безчеловѣчная бѣдность, а съ нею и отчаяніе. Въ окраинахъ нашихъ спросите коренное населеніе, что движаетъ евреевъ и что движало ихъ столько вѣковъ? Получите единогласный отвѣтъ: *безжалостность*; „двигали имъ столько вѣковъ одна лишь къ намъ безжалостность и одна только жажда напитаться нашимъ потомъ и кровью“. И дѣйствительно, вся дѣятельность евреевъ въ этихъ нашихъ окраинахъ заключалась лишь въ постановкѣ коренного населенія сколь возможно въ безвыходную отъ себя зависимость, пользуясь мѣстными законами. О, тутъ они всегда находили возможность пользоваться *правами и законами*. Они всегда умѣли водить дружбу съ тѣми, отъ которыхъ зависѣль народъ и ужъ не имѣлъ бы роптать хоть тутъ-то на *малыя свои права сравнительно съ кореннымъ населеніемъ*. Довольно они ихъ получали у пасъ, этихъ правъ, надъ кореннымъ населеніемъ. Чтѣ становилось, въ десятилѣтія и столѣтія, съ русскимъ народомъ тамъ, гдѣ поселялись евреи—о томъ свидѣтельствуетъ исторія нашихъ русскихъ окраинъ. И чѣ же? Укажите на какое-нибудь другое племя изъ русскихъ инородцевъ, которое бы, по ужасному вліянію своему, могло бы равняться въ этомъ смыслѣ съ евреемъ? Не найдете такого; въ этомъ смыслѣ евреи сохраняютъ всю свою оригинальность передъ другими русскими инородцами, а причина тому, конечно, этотъ *status in statu* его, духъ котораго дышитъ именно этой безжалостностью ко всему, что не есть еврей, къ этому неуваженію ко всякому народу и племени и ко всякому человѣческому существу, кто не есть еврей. И чѣ въ томъ за оправданіе, что вотъ на Западѣ Европы не дали одолѣть себя народы, и что, стало быть, русскій народъ самъ виноватъ? Потому что русскій народъ въ окраинахъ Россіи оказался слабѣе европейскихъ народовъ (и един-

ствено вслѣдствіе жестокихъ вѣковыхъ политическихъ своихъ обстоятельствъ), потому только и задавить его окончательно эксплоатацией, а не помочь ему?

Если же и указываютъ на Европу, на Францію, напримѣръ, то врядъ ли и тамъ такъ безвреденъ былъ *status in statu*. Конечно, христіанство и идея его тамъ пали и падаютъ не по винѣ еврея, а по своей винѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не указать и въ Европѣ на сильное торжество еврейства, замѣнившаго многія прежнія идеи своими. О, конечно, человѣкъ всегда и во всѣ времена боготворилъ материализмъ и наклоненъ былъ видѣть и понимать свободу лишь въ обезпеченіи себя накопленными изо всѣхъ силъ и запасенными всѣми средствами деньгами. Но никогда эти стремленія не возводились такъ откровенно и такъ поучительно въ высшій принципъ, какъ въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ. „Всякъ за себя и только за себя и всякое общепіе между людьми единственно для себя“, — вотъ нравственный принципъ большинства теперешнихъ людей *), и даже не дурныхъ людей, а, напротивъ, трудящихся; не убивающихъ, не ворующихъ. А безжалостность къ низшимъ массамъ, а паденіе братства, а эксплоатация богатаго бѣднымъ, — о, конечно, все это было и прежде и всегда, но — но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христіанствомъ, а теперь, напротивъ, возводится въ добродѣтель. Стало-быть, не даромъ же все-таки царять тамъ повсемѣстно евреи на биржахъ, не даромъ они движутъ капиталами, не даромъ же они властители кредита и не даромъ, повторю это, они же властители и всей международной политики, и что будетъ дальше — конечно и самимъ евреямъ: близится ихъ царство, полное ихъ царство! Наступаетъ вполнѣ торжество идей, передъ которыми никакутъ чувства человѣколюбія, жажда правды, чувства христіанскія, національныя и даже народной гордости европейскихъ народовъ. Наступаетъ, напротивъ, материализмъ, слѣпая, плотоядная жажда личнаго материальнаго обезпеченія, жажда личнаго накопленія денегъ всѣми средствами — вотъ все, что признано за высшую цѣль, за разумное, за свободу, вмѣсто христіанской идеи спасенія лишь посредствомъ тѣснѣй-

*) Основная идея буржуазіи, замѣнившей собою въ концѣ прошлаго столѣтія прежній міровой строй, и ставшая главной идеей всего нынѣшняго столѣтія во всемъ европейскомъ мірѣ.

шаго нравственного и братского единения людей. За-
смѣются и скажутъ, что это тамъ вовсе не отъ евреевъ. Конечно, не отъ однихъ евреевъ, но если евреи окончательно восторжествовали и процвѣли въ Европѣ именно тогда, когда тамъ восторжествовали эти новыя начала даже до степени возведенія ихъ въ нравственный принципъ, то нельзя не заключить, что и евреи приложили тутъ своего вліянія. Наши оппоненты указываютъ, что евреи, напротивъ, бѣдны, повсемѣстно даже бѣдны, а въ Россіи особенно, что только самая верхушка евреевъ богата, банкиры и цари биржъ, а изъ остальныхъ евреевъ чуть ли не девять десятыхъ ихъ — буквально нищіе, мечутся изъ-за куска хлѣба, предлагаютъ куртажъ, ищутъ гдѣ бы урвать копейку на хлѣбѣ. Да, это, кажется, правда, но что же это обозначаетъ? Не значить ли это именно, что въ самомъ трудѣ евреевъ (т. е. огромнаго большинства ихъ, по крайней мѣрѣ), въ самой эксплоатации ихъ заключается нечто неправильное, ненормальное, пѣчто неестественное, несущее само въ себѣ свою кару. Еврей предлагаетъ посредничество, торгуется чужими трудомъ. Капиталъ есть накопленный трудъ; еврей любить торговать чужими трудомъ! Но все же это пока ничего не измѣняетъ: зато верхушка евреевъ воцаряется надъ человѣчествомъ все сильнѣе и тверже и стремится дать миру свой обликъ и свою суть. Евреи все кричатъ, что есть же и между ними хорошие люди. О, Боже! да развѣ въ этомъ дѣло? Да и вовсе мы не о хорошихъ или дурныхъ людяхъ теперь говоримъ. И развѣ между тѣми нѣть тоже хорошихъ людей? Развѣ покойный парижскій Джемсъ Ротшильдъ былъ дурной человѣкъ? Мы говоримъ о цѣломъ и обѣ идеѣ его, мы говоримъ о жидахъ и обѣ идеѣ жидающей, охватывающей весь міръ, вместо „недавшагося“ христіанства...

IV.

Но да здравствуетъ братство!

Но что же я говорю и зачѣмъ? Или я врагъ евреевъ? Неужели правда, какъ пишеть мнѣ одна, безо всячаго для меня сомнѣнія (что уже видно по письму ея и по искреннимъ, горячимъ чувствамъ письма этого) благороднѣйшая и образованная еврейская дѣвушка, — неужели и я, по словамъ ея, врагъ этого „несчастнаго“ племени, на которое я „при всякомъ удобномъ случаѣ будто бы такъ

жестоко нападаю". „Ваше презрѣніе къ жидовскому племени, которое „ни о чёмъ кромѣ себя не думаетъ“ и т. д., и т. д., очевидно“. — Нѣть, противъ этой очевидности я возстану, да и самыи фактъ оспариваю. Напротивъ, я именно говорю и пишу, что „все, что требуетъ гуманность и справедливость, все, что требуетъ человѣчность и христіанскій законъ — все это должно быть сдѣлано для евреевъ“. Я написалъ эти слова выше, но теперь я еще прибавлю къ нимъ, что, несмотря на всѣ соображенія, уже мною выставленныя, я окончательно стою, однакоже, за совершенное расширеніе правъ евреевъ въ формальномъ закоподательствѣ и, если возможно только, и за полнѣйшее равенство правъ съ кореннымъ населеніемъ (NB. хотя, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ, они имѣютъ уже и теперь больше правъ, или, лучше сказать, *возможности или пользоваться, чѣмъ само коренное населеніе*). Конечно, мнѣ приходитъ тутъ же на умъ, напримѣръ, такая фантазія: Ну, что если попаднется какимъ-нибудь образомъ и отъ чего-нибудь наша сельская община, ограждающая пашего бѣднаго коренника-мужика отъ столькихъ золъ, — ну, что если тутъ же, къ этому освобожденному мужику, столь неопытному, столь не умѣющему сдержать себя отъ соблазна и котораго именно опекала доселѣ община, — нахлынетъ всѣмъ кагаломъ евреи — да, что тутъ: тутъ мигомъ конецъ его: все имущество его, вся сила его перейдетъ на завтра же во власть еврея и наступить такая пора, съ которой не только не могла бы сравняться пора крѣпостничества, но даже татарщина.

Но несмотря на всѣ „фантазіи“ и на все, что я написалъ выше, я все-таки стою за полное и окончательное уравненіе правъ — потому что это Христовъ законъ, потому что это христіанскій принципъ. Но если такъ, то для чего же я исписалъ столько страницъ, и что хотѣлъ выразить, если такъ *противорѣчу себѣ?* А вотъ именно то, что я не противорѣчу себѣ и что съ русской, съ коренной стороны нѣть и не вижу препятствій въ расширеніи еврейскихъ правъ, но утверждаю зато, что препятствія эти, — лежать со стороны евреевъ несравненно больше, чѣмъ со стороны русскихъ, и что если до сихъ поръ не созидается того, чего желалъ бы всѣмъ сердцемъ, то русскій человѣкъ въ этомъ виновенъ несравненно менѣе, чѣмъ самъ еврей. Подобно тому, какъ я выставилъ еврея простолю-

дина, который не хотѣлъ сообщаться и быть съ русскими, а тѣ не только не сердились и не мстили ему за это, а, напротивъ, разомъ осмыслили и извинили его, говоря: „это онъ потому, что у него вѣра такая“—подобно тому, т.-е. этому еврею-простолюдину, мы и въ интеллигентномъ евреѣ видимъ весьма часто такое же безмѣрное и высокомѣрное предубѣжденіе противъ русскаго. О, они кричатъ, что они любятъ русскій народъ; одинъ такъ даже писалъ мнѣ, что онъ именно скорбить о томъ, что русскій народъ не имѣеть религіи и ничего не понимаетъ въ своемъ христіанствѣ. Это уже слишкомъ сильно сказано для еврея и рождается лишь вопросъ: понимаетъ ли что въ христіанствѣ самъ-то этотъ высокообразованный еврей? Но самомнѣніе и высокомѣріе есть одно изъ очень тяжелыхъ для настѣ, русскихъ, свойствъ еврейскаго характера. Кто изъ настѣ, русскій или еврей, болѣе неспособенъ понимать другъ друга? Клянусь, я оправдаю скрѣ русскаго: у русскаго, по крайней мѣрѣ, нѣть (положительно нѣть!) религіозной ненависти къ еврею. А остальныхъ предубѣжденій гдѣ, у кого больше? Вонъ евреи кричатъ, что они были столько вѣковъ угнетены и гонимы, угнетены и гонимы и теперь, и что это, по крайней мѣрѣ, надобно взять въ расчетъ русскому при сужденіи о еврейскомъ характерѣ. Хорошо, мы и беремъ въ расчетъ и доказать это можемъ: въ интеллигентномъ слоѣ русскаго народа не разъ уже раздавались голоса за евреевъ. Ну, а евреи: брали ли и берутъ ли они въ расчетъ, жалуясь и обвиняя русскихъ, столько вѣковъ угнетеній и гоненій, которыя перенесъ самъ русскій народъ? Неужто можно утверждать, что народъ вытерпѣлъ меньше бѣдъ и золъ „въ свою исторію“, чѣмъ евреи гдѣ бы то ни было? И неужто можно утверждать, что не еврей, весьма часто, соединялся съ его гонителями, бралъ у нихъ на откупъ русскій народъ и самъ обращался въ его гонителя? Вѣдь это все было же, существовало, вѣдь это исторія, исторический фактъ, но мы никогда не слыхали, чтобы еврейскій народъ въ этомъ раскаивался, а русскій народъ онъ все-таки обвиняетъ за то, что тотъ мало любить его.

„Но буди! буди!“ Да будетъ полное и духовное единение племенъ и никакой разницы правъ! А для этого я прежде всего умоляю моихъ оппонентовъ и корреспондентовъ евреевъ быть, напротивъ, къ намъ, русскимъ, снисходительнѣе и справедливѣе. Если высокомѣріе ихъ,

если всегдашняя „скорбная брезгливость“ евреевъ къ русскому племени есть только предубѣжденіе, „исторической наростъ“, а не кроется въ какихъ-нибудь гораздо болѣе глубокихъ тайнахъ его закона и строя, — то да разсѣется все это скорѣе и да сойдемся мы единимъ духомъ, въ полномъ братствѣ, на взаимную помошь и на великое дѣло служенія землѣ нашей, государству и отечеству нашему! Да смягчается взаимная обвиненія, да исчезнетъ всегдашняя экзальтациѣ этихъ обвиненій, мѣшающая ясному попиманію вещей. А за русскій народъ поручиться можно: о, онъ приметъ еврея въ самое полное братство съ собою, несмотря на различіе въ вѣрѣ, и съ совершеннымъ уваженіемъ къ историческому факту этого различія, но все-таки для братства, для полнаго братства, нужно братство съ обѣихъ сторонъ. Пусть еврей покажеть ему и самъ хоть сколько-нибудь братскаго чувства, чтобы ободрить его. Я знаю, что въ еврейскомъ народѣ и теперь можно отѣлить довольно лицъ, ищущихъ и жаждущихъ устраненія недоумѣній, людей притомъ человѣколюбивыхъ, и не я буду молчать объ этомъ, скрывая истину. Вотъ для того-то, чтобы эти полезные и человѣколюбивые люди не унывали и не падали духомъ и чтобы сколько-нибудь ослабить предубѣжденія ихъ и тѣмъ облегчить имъ начало дѣла, я и желалъ бы полнаго расширенія правъ еврейскаго племени, по крайней мѣрѣ, по возможности, именно насколько самъ еврейскій народъ докажетъ способность свою принять и воспользоваться правами этими безъ ущерба коренному населенію. Даже бы можно было уступить впередъ, сдѣлать съ русской стороны еще больше шаговъ впередъ... Вопросъ только въ томъ: много ли удастся сдѣлать этимъ новымъ, хорошимъ людямъ изъ евреевъ и насколько сами они способны къ новому и прекрасному дѣлу настоящаго братскаго единенія съ чуждыми имъ по вѣрѣ и по крови людьми?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Похороны „Общечеловѣка“.

Мнѣ о многомъ хотѣлось поговорить въ этотъ разъ въ этомъ мартовскомъ № моего „Дневника“. И вотъ опять какъ-то такъ случилось, что то, о чёмъ хотѣль сказать лишь нѣсколько словъ, заняло все мѣсто. И сколько темъ,

на которых я уже цѣлый годъ собираюсь говорить и все не соберусь. Объ иномъ именно надо бы много сказатъ, а такъ какъ весьма часто выходитъ, что очень многое нельзя сказать, то и не принимаешься за тему.

Хотѣлось мнѣ въ этотъ разъ тоже, мимо всѣхъ этихъ „важныхъ“ темъ, сказать хоть мимоходомъ слова два объ искусствѣ. Видѣлъ я Росси въ Гамлетѣ, и вывелъ заключеніе, что вмѣсто Гамлетея я видѣлъ господина Росси. Но лучше и не начинать говорить, если не намѣренъ всего сказать. Хотѣлось бы поговорить (немножко) о картинахъ Семирадскаго, а пуще всего хотѣлось бы ввернуть хоть два слова объ идеализмѣ и реализмѣ въ искусствѣ, о Рѣпинѣ и о господинѣ Рафаэльѣ, — но видно придется отложить все это до болѣе удобнаго времени.

Потомъ хотѣлось бы мнѣ, но уже нѣсколько побольше, написать по поводу нѣкоторыхъ изъ полученныхъ мною за все время изданія „Дневника“ писемъ, и особенно анонимныхъ. Вообще я не могу отвѣтить на всѣ письма, которыхъ получаю, а на анонимныя само собою; а между тѣмъ, за всѣ эти почти полтора года, я вывелъ изъ этой корреспонденціи (все объ общихъ нашихъ темахъ) нѣсколько наблюденій, можетъ-быть, и любопытныхъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ. По крайней мѣрѣ, можно сдѣлать нѣсколько особыхъ отмѣтокъ уже на основаніи опыта о нашемъ русскомъ умственномъ теперешнемъ настроеніи, о томъ, чѣмъ интересуются и куда клонять наши не праздные умы, кто именно наши не праздные умы, при чемъ выдаются любопытныя черты по возрастамъ, по полу, по сословіямъ и даже по мѣстностямъ Россіи. Думаю, что можно бы отдѣлить нѣсколько мѣста въ какомъ-нибудь изъ будущихъ „Дневниковъ“ по поводу хоть бы однихъ анонимовъ, напримѣръ, и ихъ характеристики, и не думаю, чтобъ это вышло такъ ужъ очень скучно, потому что тутъ довольно всевозможнаго разнообразія. Разумѣется, обо всемъ нельзѧ сказать и всего нельзѧ передать и даже, можетъ-быть, самаго любопытнаго. А потому и боюсь приниматься, не зная, совладаю ли съ темой.

Однако, хочу привести теперь одно письмо, уже не анонима, а весьма знакомой мнѣ г-жи Л., очень молодой дѣвицы, еврейки, съ которой я познакомился въ Петербургѣ и которая пишетъ мнѣ теперь изъ М. Съ уважаемой мною г-жею Л. мы никогда почти не говорили на тему о „еврейскомъ вопросѣ“, хотя она, кажется, изъ

строгихъ и серьезныхъ евреекъ. Вижу, что очень странно подошло письмо это къ сейчасъ только дописанной мною цѣлой главѣ о евреяхъ. Было бы слишкомъ много все на одну и ту же тему. Но тутъ не на ту тему; а если отчасти и на ту, то выставляется какъ бы совсѣмъ другая, именно противуположная сторона вопроса, а при этомъ и какъ бы даже намекъ на разрѣшеніе его. Пусть извинитъ меня великодушно г-жа Л., что я позволяю себѣ передать здѣсь ея словами всю ту часть письма ея о похоронахъ доктора Гинденбурга въ М., подъ первымъ впечатлѣніемъ которыхъ она и написала эти столь искреннія и трогательныя въ правдѣ своей строки. Не хотѣлось мнѣ тоже утаить, что писано это еврейкой, что чувства эти — чувства еврейки...

Это я пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ похороннаго марша. Хоронили доктора *Гинденбурга*, 84-хъ лѣтъ отъ рода. Какъ протестанта, его сначала отвезли въ кирку, а уже затѣмъ на кладбище. Такого сочувствія, такихъ отъ души вырвавшихся словъ, такихъ горячихъ слезъ я еще никогда не видѣла при похоронахъ... Онъ умеръ въ такой бѣдности, что не на что было похоронить его.

Уже 58 лѣтъ какъ онъ практикуетъ въ М... и сколько добра онъ сдѣлалъ за это время. Если бъ вы знали, Федоръ Михайловичъ, что это былъ за человѣкъ! Онъ былъ докторъ и акушеръ; его имя перейдетъ здѣсь въ потомство, о немъ уже сложились легенды, весь простой народъ звалъ его отцомъ, любилъ, обожалъ и только съ его смертью понялъ, что онъ потерялъ въ этомъ человѣкѣ. Когда онъ еще стоялъ въ гробу (въ церкви), то не было, кажется, ни одного человѣка, который бы не пошелъ поплакать надъ нимъ и щѣловать его ноги, въ особенности бѣдныя еврейки, которымъ онъ такъ много помогалъ, плакали и молились, чтобы онъ попалъ прямо въ рай. Сегодня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бѣдная женщина, и говоритъ, что при рождении послѣдняго ея ребенка, онъ, видя, что ничего дома нѣтъ, далъ 30 к., чтобы сварить супъ, а затѣмъ каждый день приходилъ и оставлялъ 20 к., а видя, что она поправляется, прислалъ пару куропатокъ. Такоже будучи позванъ къ одной страшно бѣдной родильницѣ (такія къ нему обращались), онъ, видя, что не во что принять ребенка, снялъ съ себя верхнюю рубаху и платокъ свой (голова у него была повязана платкомъ) разорвалъ и отдалъ.

Еще выльчили онъ одного бѣднаго еврея-дроносѣка, затѣмъ заболѣлъ его жена, затѣмъ дѣти; онъ каждый Божій день прѣзжалъ 2 раза и когда всѣхъ поставилъ на ноги, спрашивавъ еврея: чѣмъ ты мнѣ заплатишь? Тотъ говорить, что у него ничего нѣтъ, только послѣдняя коза, которую онъ сегодня продастъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, продалъ за 4 р. и принесъ ему деньги; тогда докторъ далъ лакею своему еще 12 р. къ этимъ 4-мъ и отправилъ купить корову, а дроносѣку велѣлъ идти домой; черезъ часъ тому приводятъ корову и говорять, что докторъ призналъ козье молоко для нихъ вреднымъ.

Такъ онъ прожилъ всю свою жизнь. Бывали примѣры, что онъ оставлялъ 30 и 40 р. у бѣдныхъ; оставлялъ и у бѣдныхъ бабъ въ деревняхъ.

Зато хоронили его какъ святого. Всѣ бѣдняки заперли лавки и бѣжали за гробомъ. У евреевъ есть мальчики, которые при похоронахъ распѣваютъ псалмы, но запрещается провожать иновѣрца этими псалмами. Тутъ передъ гробомъ, во время процессіи, ходили мальчики и громко распѣвали эти псалмы. Во всѣхъ синагогахъ молились за его душу, также колокола всѣхъ церквей звонили за все время процессіи. Былъ хоръ военной музыки, да еще еврейские музыканты пошли къ сыну усопшаго просить, какъ чести, позволенія играть во все время процессіи. Всѣ бѣдные принесли, кто 10, кто 5 к., а богатые евреи дали много и приготовили великолѣпный, огромный вѣнонокъ изъ свѣжихъ цѣвтовъ съ бѣлыми и черными лентами по сторонамъ, гдѣ золотыми буквами были вычислены его главныя заслуги, такъ, напр., учрежденіе больницы и т. п., я не могла разобрать, что тамъ, да и развѣ возможно вычислить его заслуги?

Надъ его могилой держали рѣчъ пасторъ и еврейскій раввинъ и оба плакали, а онъ себѣ лежалъ въ старенькомъ, истертомъ вицмундирѣ, старымъ платкомъ была обвязана его голова, эта милая голова и, казалось, онъ спалъ, такъ свѣжъ былъ цветъ его лица...

II.

Единичный случай.

Единичный случай, скажутъ. Что-жъ, господа, я опять виноватъ: опять вижу въ единичномъ случаѣ чуть не начало разрѣшенія всего вопроса... Ну, хоть того же самаго „еврейского вопроса“, которымъ я озаглавилъ мою вторую главу этого „Дневника“. Кстати, почему я назвалъ старишку доктора „общечеловѣкомъ“? Это былъ не общечеловѣкъ, а скорѣе общій человѣкъ. Этотъ городъ М.— это большой губернскій городъ въ западномъ краѣ, и въ этомъ городѣ множество евреевъ, есть нѣмцы, русскіе, конечно, поляки, литовцы,—и всѣ-то, всѣ эти народности признали праведнаго старишку каждая за своего. Самъ же онъ былъ протестантъ, и именно нѣмецъ, вполнѣ нѣмецъ: манера, какъ онъ купилъ и отослалъ бѣдному еврею корову—это чисто нѣмецкій вицъ. Сперва озадачилъ того: „Чѣмъ уплатишь?“ И ужъ, конечно, бѣднякъ, продавая послѣднюю козу, чтобы уплатить „благодѣтелю“, не ропталъ никако, а, напротивъ, горько страдалъ въ душѣ, что всѣго-то коза стоитъ 4 цѣлковыхъ, а вѣдь и бѣдному, работающему на нихъ всѣхъ бѣдняковъ, старишку тоже вѣдь жить надо, а что такое четыре цѣлковыхъ за всѣ-то его благодѣянія семейству? Ну, а старишокъ себѣ на умѣ, посмѣивается, а сердце горитъ у него: „Вотъ же я ему, бѣдняку, нашъ нѣмецкій вицъ покажу!“ И вѣдь какъ, должно-быть, хорошо смылся про себя, когда повели къ еврею корову, какъ пріободрился духомъ, и, пожалуй, всю

ту ночь, можетъ-быть, провозился въ нишѣ лачугѣ какой-нибудь бѣдной еврейки родильницы. А вѣдь восьмидесятилѣтнему старику хорошо бы и поспать почку, покоить старыя, усталыя кости. Если бъ я былъ живописецъ, я именно бы написалъ этотъ „жанръ“, эту ночь у еврейки-родильницы. Я ужасно люблю реализмъ въ искусство, но у иныхъ современныхъ реалистовъ нашихъ нѣтъ нравственного центра въ ихъ картинахъ, какъ выразился на-дняхъ одинъ могучій поэтъ и тонкій художникъ, говоря со мной о картинѣ Семирадскаго. Тутъ, въ предлагаюмъ мною сюжетѣ для „жанра“, мнѣ кажется, былъ бы этотъ центръ. Да и для художника роскошь сюжета. Во-первыхъ, идеальная, невозможная, смраднѣйшая нищета бѣдной еврейской хаты. Тутъ можно бы много даже юмору выразить и ужасно кстати; юморъ вѣдь есть остроуміе глубокаго чувства, и мнѣ очень нравится это определеніе. Съ тонкимъ чувствомъ и умомъ можно много взять художнику въ одной уже перетасовкѣ ролей всѣхъ этихъ нищихъ предметовъ и домашней утвари въ бѣдной хатѣ, и этой забавной перетасовкой сразу оцарапать вамъ сердце. Да и освѣщеніе можно бы сдѣлать интересное: на кривомъ столѣ догораетъ оплывшая сальная свѣчка, а сквозь единственное, заиндивѣвшее и обледенѣлое оконце уже брезжитъ разсвѣтъ новаго дня, новаго труднаго дня для бѣдныхъ людей. Трудныя родильницы часто рожать на разсвѣтѣ: всю ночь промучаются, а къ утру рожать. Вотъ усталый старишокъ, на мигъ оставивъ мать, берется за ребенка. Принять не во чѣ, пеленокъ нѣть, ни тряпки нѣть (бываетъ этакая бѣдность, господа, клянусь вамъ, бываетъ, чистѣйшій реализмъ, — реализмъ, такъ сказать, доходящій до фантастического), и вотъ праведный старишокъ снялъ свой старенький вицѣ-мундирчикъ, снялъ съ плечъ рубашку и разрываетъ ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бѣдный новорожденный еврейчикъ копошится передъ нимъ на постели, христіанинъ принимаетъ еврейчика въ свои руки и обвиваетъ его рубашкой съ плечъ своихъ. Разрешеніе еврейскаго вопроса, господа! Восьмидесятилѣтній, обнаженный и дрожащий отъ утренней сырости торсъ доктора можетъ занять видное мѣсто въ картинѣ, не говоря уже про лицо старика и про лицо молодой, измученной родильницы, смотрящей на своего новорожденнаго и на продѣлки съ нимъ доктора. Все это видѣть сверху Христосъ и докторъ знаетъ это: „этотъ

бѣдный жидокъ вырастетъ и можетъ сниметъ и самъ съ плеча рубашку и отдать христіанину, вспоминая разсказъ о рождениіи своеемъ — съ наивной и благородной вѣрой думаетъ стариkъ про себя. Сбудется ли это? Вѣроятнѣе всего, что пѣть, но сбыться можетъ, а на землѣ лучше и дѣлать-то нечего, какъ вѣрить въ то, что это сбыться можетъ и сбудется. А докторъ въ правѣ вѣрить, потому что ужъ на немъ сбылось: „исполнилъ я, исполнить и другой; чѣмъ я лучше другого?“ подкрѣпляетъ онъ себя аргументомъ. Усталая старуха еврейка — мать родильницы, въ лохмотьяхъ, суетится у печки. Еврей, выходившій за вязанкой щепокъ, отворяетъ дверь хаты и мерзлый паръ клубомъ врывается на мигъ въ комнату. На полу, на войлочной подстилкѣ крѣпко спятъ два малолѣтнихъ еврейчика. Однимъ словомъ, аксессуаръ могъ бы выйти хорошій. Даже тридцать копеекъ мѣдью на столѣ, отсчитанныя докторомъ на супъ родильницѣ, могли бы составить деталь: мѣдный столбикъ трехкопеечниковъ, методически сложенныхыхъ, отнюдь не разбросанныхъ. Даже перламутръ могъ бы быть написанъ какъ и въ картинѣ Семирадскаго, въ которой удивительно написанъ кусокъ перламутра: докторамъ вѣдь дарятъ же иногда (чтобы не платить много денегами) хорошенкія вещицы, и вотъ перламутровая докторская сигарочница лежитъ тутъ же, подлѣ мѣдной кучки. Нѣть, ничего, картинка бы вышла съ „нравственнымъ центромъ“. Приглашаю написать.

Единственный случай! Года два тому назадъ откуда-то (забылъ) съ юга Россіи писали про какого-то доктора, только что вышедшаго утромъ въ жаркій день изъ купальни, освѣжившагося, ободрившагося и поспѣшившаго поскорѣе домой напиться кофею, а потому и не захотѣвшаго помочь тутъ же вытащенному изъ воды утопленнику, несмотря на приглашеніе толпы. Его, кажется, за это судили. А вѣдь это, можетъ-быть, былъ человѣкъ образованный и новыхъ идей, прогрессистъ, но „разумно“ требовавшій новыхъ общихъ законовъ и правъ для всѣхъ, пренебрегая единичными случаями. Полагавшій, можетъ-быть, что единичные случаи даже скорѣе вредятъ, отдаля общее рѣшеніе вопроса, и что въ отношеніи единичныхъ случаевъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Но безъ единичныхъ случаевъ не осуществишь и общихъ правъ. Этотъ общий человѣкъ хоть и единичный случай, а соединилъ же надъ гробомъ своимъ весь городъ. Эти русскія бабы и бѣдныя

еврейки цѣловали его ноги въ гробу вмѣстѣ, тѣснились около него вмѣстѣ, плакали вмѣстѣ. Пятьдесятъ восемь лѣтъ служенія человѣчеству въ этомъ городѣ, пятьдесятъ восемь лѣтъ неустанной любви соединили всѣхъ хоть разъ надъ гробомъ его въ общемъ восторгѣ и въ общихъ слезахъ. Привожаетъ его весь городъ, звучать колокола всѣхъ церквей, поются молитвы на всѣхъ языкахъ. Пасторъ со слезами говорить свою рѣчь надъ раскрытой могилой. Раввинъ стоитъ въ сторонѣ, ждеть, и какъ кончилъ пасторъ, смыняетъ его и говорить свою рѣчь и льетъ тѣ же слезы. Да вѣдь въ это мгновеніе почти разрѣшены хоть бы этотъ самый „еврейскій вопросъ“! Вѣдь пасторъ и раввинъ соединились въ общей любви, вѣдь они почти обнялись надъ этой могилой въ виду христіанъ и евреевъ. Чѣмъ въ томъ, что, разойдясь, каждый примется за старые предразсудки: капля точить камень, а вотъ эти-то „общіе человѣки“ побѣждаютъ міръ, соединяя его; предразсудки будутъ блѣднѣть съ каждымъ единичнымъ случаемъ и, наконецъ, вовсе исчезнутъ. Про старичка останутся легенды, пишетъ г-жа Л., тоже еврейка, и тоже плакавшая надъ „милой головой“ человѣколюбца. А легенды ужъ это первый шагъ къ дѣлу, это живое воспоминаніе и неустанное напоминаніе объ этихъ „побѣдителяхъ міра“, которымъ принадлежитъ земля. А увѣровавъ въ то, что это дѣйствительно побѣдители, и что такие дѣйствительно „наслѣдовать землю“, вы уже почти соединились во всемъ. Все это очень просто, но мудрено кажется одно: именно убѣдиться въ томъ, что вотъ безъ этихъ-то единицъ никогда не соберете всего числа, сейчасъ все разсыплется, а вотъ эти-то все соединятъ. Эти мысль даютъ, эти вѣру даютъ, живой опытъ собою представляютъ, а, стало-быть, и доказательство. И вовсе нечего ждать, пока всѣ станутъ такими же хорошими, какъ и они, или очень многіе: нужно очень не много такихъ, чтобы спасти міръ, до того они сильны. А если такъ, то какъ же не надѣяться?

АПРЪЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Война. Мы всѣхъ сильнѣе.

„Война! объявлена война“,—восклицали у насть двѣ недѣли назадъ. „Будетъ ли война?“—спрашивали тутъ же другіе. „Объявлена, объявлена!“ отвѣчали имъ. „Да, объявлена, но будетъ ли?“ продолжали тѣ спрашивать...

И, право, были такіе вопросы, можетъ быть, есть и теперь. И это не отъ одной только долгой дипломатической приволочки разувѣрились такъ люди, тутъ другое, тутъ инстинктъ. Всѣ чувствуютъ, что началось что-то окончательное, что наступаетъ какой-то конецъ чего-то прежняго, долгаго, длиннаго прежняго, и дѣлается шагъ къ чему-то совсѣмъ уже новому, къ чему-то преломляющему прежнее на-двоє, обновляющему и воскрешающему его уже для новой жизни и... что шагъ этотъ дѣлаетъ Россія! Вотъ въ этомъ-то и невѣріе „премудрыхъ“ людей. Инстинктивное предчувствіе есть, а невѣріе продолжается: „Rossia! Но какъ же она можетъ, какъ она смѣеть? Готова ли она? Готова ли внутренно, нравственно, не только материально? Тамъ Европа, легко сказать—Европа! А Россія, что такое Россія? И на такой шагъ?“

Но народъ вѣритъ, что онъ готовъ на новый, обновляющій и великий шагъ. Это самъ народъ поднялся на войну, съ Царемъ во главѣ. Когда раздалось Царское слово, народъ хлынулъ въ церкви, и это по всей земли русской. Когда читали Царскій манифестъ, народъ крестился и всѣ

поздравляли другъ друга съ войной. Мы это сами видѣли своими глазами, слышали, и все это даже здѣсь, въ Петербургѣ. И опять начались тѣ же дѣла, тѣ же факты, какъ и въ прошломъ году. Крестьяне въ волостяхъ жертвуютъ по силѣ своей деньги, подводы, и вдругъ, эти тысячи людей, какъ одинъ человѣкъ, восклицаютъ: „да что жертвы, что подводы, мы всѣ пойдемъ воевать!“ — Здѣсь, въ Петербургѣ, являются жертвователи на раненыхъ и больныхъ воиновъ, даютъ суммы по нѣсколько тысячъ, а записываются *неизвѣстными*. Такихъ фактовъ множество, будуть десятки тысячъ подобныхъ фактовъ и никого ими не удивишь. Они означаютъ лишь, что весь народъ поднялся за истину, за святое дѣло, что весь народъ поднялся на войну и идетъ. О, мудрецы и эти факты отрицать будутъ, какъ и прошлогодніе; мудрецы все еще, какъ и недавно, продолжаютъ смеяться надъ народомъ, хотя и замѣтно притихли ихъ голоса. Почему же они смеются, откуда въ нихъ столько самоувѣренности? А вотъ, именно, потому-то и продолжаютъ они смеяться, что все еще почитаютъ себя силой, той самой силой, безъ которой ничего не подѣлаешь. А межъ тѣмъ сила-то ихъ приходитъ къ концу. Близятся они къ страшному краху и когда разразится надъ ними крахъ, пустятся и они говорить другимъ языкомъ, но всѣ увидятъ, что они бормочать чужія слова и съ чужого голоса и отвернутся отъ нихъ и обратятъ свое упованіе туда, гдѣ Царь и народъ его съ нимъ.

Намъ нужна эта война и самимъ; не для однихъ лишь „братьевъ-славянъ“, измученныхъ турками, подымаемся мы, а и для собственного спасенія: война освѣжитъ воздухъ, которымъ мы дышимъ и въ которомъ мы задыхались, сидя въ немощи разстлѣнія и въ духовной тѣснотѣ. Мудрецы кричатъ и указываютъ, что мы погибаемъ и задыхаемся отъ нашихъ собственныхъ внутреннихъ неустройствъ, а потому не войны желать намъ надо, а, напротивъ, долгаго міра, чтобы мы изъ звѣрей и тупицъ могли обратиться въ людей, научились порядку, честности и чести: „тогда и идите помогать вашимъ братьямъ-славянамъ“ — заканчиваютъ они, въ одинъ хоръ свою пѣсню. Любопытно, въ такомъ случаѣ, въ какомъ видѣ представляютъ они себѣ тотъ процессъ, посредствомъ котораго они сдѣлаются лучше? И какимъ образомъ сами-то они пріобрѣтутъ себѣ честь явнымъ безчестіемъ? Любопытно,

наконецъ, какъ и чѣмъ оправдываютъ они свой разрывъ съ всеобщимъ и повсемѣстнымъ чувствомъ народнымъ? Нѣтъ, видно правда, что истина покупается лишь мученичествомъ. Милліоны людей движутся и страдаютъ и отходятъ безслѣдно, какъ бы предназначенные никогда не понять истину. Они живутъ чужою мыслью, ищутъ готоваго слова и примѣра, схватываются за подсказанное дѣло. Они кричатъ, что за нихъ авторитеты, что за нихъ Европа. Они свистятъ на несогласныхъ съ ними, на всѣхъ презирающихъ лакейство мысли и вѣрящихъ въ свою собственную и народа своего самостоятельность. И что же, на самомъ-то дѣлѣ эти массы кричащихъ людей предназначены послужить собою лишь коснѣмъ средствомъ для того, чтобы развѣ единицы лишь изъ нихъ приблизились сколько-нибудь къ истинѣ, или, по крайней мѣрѣ, получили бы о ней хоть предчувствіе. Вотъ эти-то единицы и ведутъ потомъ всѣхъ за собою, овладѣваютъ движенiemъ, родятъ идею и оставляютъ ее въ наслѣдство этимъ мечущимся массамъ людей. Такія единицы уже были и у насъ. Нѣкоторые изъ насъ уже ихъ понимаютъ, даже многіе. Но мудрецы все еще продолжаютъ смѣяться и все еще вѣрить въ себя, что они великая сила. „Шогуляютъ и воротятся“, говорятъ они теперь про наши войска, перешедшія границу, говорятъ даже вслухъ. „Не бывать войнѣ, какая война, гдѣ ужъ намъ воевать: просто военная прогулка и маневры, съ тратой сотень миллионовъ, для поддержанія чести“. Вотъ ихъ интимный взглядъ па дѣло. Да и интимный ли?

Да, если бы могло такъ случиться, что мы будемъ побиты, или хотя и побьемъ врага, но подъ давленiemъ обстоятельствъ замиримъ пустыками, — о, тогда мудрецы, конечно, восторжествуютъ. И какой, какой опять начнется свистъ и гамъ и цинизмъ на нѣсколько лѣтъ, какая опять вакханалия самооплеванія, пощечинъ и самодразненія — и это не для вызова къ воскресенію и силѣ, а именно ради торжества собственного безчестія, безличности и безсилія. И новый нигилизмъ начнеть, точь въ точь какъ и прежній, съ отрицаніемъ народа русскаго и самостоятельности его. А главное, пріобрѣтеть столько силы и такъ укрѣпится, что несомнѣнно начнеть даже вслухъ помыкать святыней Россіи. И опять молодежь оплюетъ свои семейства и дома, и побѣжитъ отъ своихъ стариковъ, твердящихъ въ зубрижку безкопечная общія мѣста и старья,

надоѣвшія всѣмъ слова о европейскомъ величиі и обѣ обя-
занности нашей быть какъ можно безличнѣе. А главное—
старалъ пѣсня, старыя слова и — надолго новаго ничего!
Нѣтъ, намъ нужна война и побѣда. Съ войной и побѣдой
придетъ новое слово, и начнется живая жизнь, а не одна
только мертвящая болтовня какъ прежде,—да что какъ
прежде, какъ до сихъ поръ, господа!

Но надо быть на все готовымъ, и что же; если пред-
положить даже самый худшій, самый даже невозможнѣо
худшій исходъ для начавшейся теперь войны, то, хоть и
много вынесемъ сквернаго, уже надоѣвшаго до смерти
старого горя, но колоссъ все же не будетъ расшатанъ и
рано ли, поздно ли, а возьметъ все свое. Это не надежда
только, это полная увѣренность и въ этой невозможности
расшатать колоссъ—всѧ наша сила передъ Европой, гдѣ
всѣ теперь, чуть не сплошь, боятся, что расшатается ихъ
старое зданіе и обрушится на нихъ потолки. Колоссъ
этотъ есть народъ нашъ. И начало теперешней *народной*
войны, и всѣ недавнія предшествовавшія ей обстоятель-
ства показали лишь наглядно, всѣмъ, кто смотрѣть умѣеть,
всю народную цѣлость и свѣжесть нашу и до какой сте-
пени не коснулось народныхъ силъ нашихъ то растлѣ-
ніе, которое загноило мудрецовъ нашихъ. И какую услугу
оказали намъ эти мудрецы передъ Европой! Они такъ
недавно еще кричали на весь міръ, что мы бѣдны и ни-
чтоожны; они насыщливо увѣряли всѣхъ, что духа на-
роднаго нѣтъ у насъ вовсе, потому что и *народа* нѣтъ
вовсе, потому что и народъ нашъ и духъ его изобрѣ-
тены лишь фантазіями доморощенныхъ московскихъ мечта-
телей; что восемьдесятъ миллионовъ мужиковъ русскихъ
суть всего только миллионы косыхъ, пьяныхъ податныхъ
единицъ; что никакого соединенія Царя съ народомъ
нѣтъ, что это лишь въ прописяхъ, что все, напротивъ,
расшатано и проѣдено нигилизмомъ; что солдаты наши
бросятъ ружья и побѣгутъ какъ бараны; что у насъ нѣтъ
ни патроновъ, ни провіанта и что мы, въ заключеніе,
сами видимъ, что расхрабрились и зарвались не въ мѣру
и изо всѣхъ силъ ждемъ только предлога, какъ бы отсту-
пить безъ послѣдней степени позорныхъ пощечинъ, кото-
рыхъ „даже и намъ уже нельзя выносить“, и молимъ, чтобы
предлогъ этотъ намъ выдумала Европа. Вотъ въ чемъ кля-
лись мудрецы наши, и что же: на нихъ почти и сердиться
нельзя, это ихъ взглядъ и понятія, кровные взгляды и

понятія. И дѣйствительно, да, мы бѣдны, да, мы жалки во многомъ; да, дѣйствительно у насъ столько нехорошаго, что мудрецъ, и особенно если онъ нашъ „мудрецъ“, не могъ „измѣнить“ себѣ и не могъ не воскликнуть: „кануть Россіи и жалѣть нечего!“ Вотъ эти-то родныя мысли мудрецовъ нашихъ и облетѣли Европу, и особенно черезъ европейскихъ корреспондентовъ, нахлынувшихъ къ намъ наканунѣ войны изучить насъ на мѣстѣ, разсмотрѣть насъ своими европейскими взглядами и измѣрить наши силы своими европейскими мѣрками. И, само собою, они слушали однихъ лишь „премудрыхъ и разумныхъ“ нашихъ. Народную силу, народный духъ всѣ проглядѣли, и облетѣла Европу вѣсть, что гибнетъ Россія, что ничто Россія, ничто была, ничто и есть и вѣтъ ничто обратится. Дрогнули сердца исконныхъ враговъ нашихъ и ненавистниковъ, которымъ мы два вѣка ужъ досаждаемъ вѣ Европѣ, дрогнули сердца многихъ тысячъ живодѣевъ европейскихъ и миллионовъ вмѣстѣ съ ними живодѣвущихъ „христіанъ“; дрогнуло сердце Биконс菲尔да: сказано было ему, что Россія все перенесеть, все, до самой срамной и послѣдней пощечины, но не пойдетъ на войну—до того, дескать, сильно ея „миролюбіе“. Но Богъ насъ спасъ, наславъ на нихъ на всѣхъ слѣпоту; слишкомъ уже они повѣрили вѣ погибель и вѣ ничтожность Россіи, а главное-то и проглядѣли. Проглядѣли они весь русскій народъ, какъ живую силу, и проглядѣли колоссальный фактъ: союзъ Царя съ народомъ своимъ! Вотъ только это и проглядѣли они! Кромѣ того, не могли они никакъ понять и повѣрить тому, что Царь нашъ дѣйствительно миролюбивъ и дѣйствительно такъ жалѣть кровь человѣческую: они думали, что все это у насъ изъ „политики“. Не видяли они ничего даже и теперь: они кричатъ, что у насъ вдругъ, послѣ Царскаго манифеста, появился „патріотизмъ“. Да развѣ это патріотизмъ, развѣ это единеніе Царя съ народомъ на великое дѣло есть только патріотизмъ? Вѣ томъ-то и главная наша сила, что они совсѣмъ не понимаютъ Россіи, ничего не понимаютъ вѣ Россіи! Они не знаютъ, что мы непобѣдимы ничѣмъ вѣ мірѣ, что мы можемъ, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся непобѣдимыми именно единеніемъ нашего духа народнаго и сознаніемъ народнымъ. Что мы не Франція, которая вся вѣ Парижъ, что мы не Европа, которая вся зависитъ отъ биржъ своей буржуа-

зій и отъ „спокойствія“ своихъ пролетаріевъ, покупаємого уже послѣдними усилиями тамошнихъ правительствъ и всего лишь на часъ. Не понимаютъ они и не знаютъ, что если мы захотимъ, то нась не побѣдять ни жиды всей Европы вмѣстѣ, ни миллионы ихъ золота, ни миллионы ихъ армій, что если мы захотимъ, то нась нельзя заставить сдѣлать то, чего мы не пожелаемъ, и что нѣтъ такой силы на всей землѣ. Бѣда только въ томъ, что надъ словами этими засмѣются не только въ Европѣ, но и у насъ, и не только наши мудрецы и разумные, а даже и настоящіе русскіе люди интеллигентныхъ слоевъ нашихъ—до того мы еще не понимаемъ самихъ себя и всю исконную силу нашу, до сихъ поръ еще, слава Богу, не надломившуюся. Не понимаютъ это хорошие люди, что у насъ, въ нашей необозримой и своеобразной, въ высшей степени непохожей на Европу странѣ, даже тактика военная (столь общая вещь!), можетъ быть, совсѣмъ не похожая на европейскую, что основы европейской тактики—деньги и ученыя организаціи шестисотъ-тысячныхъ войсковыхъ нашествій могутъ споткнуться о землю нашу и наткнуться у насъ на новую и невѣдомую имъ силу, основы которой лежать въ природѣ безконечной земли русской и въ природѣ всеединящаго духа русскаго. Но пусть пока еще не знаютъ этого у насъ столь многіе и хорошие люди (не знаютъ и робѣютъ). Но зато знаютъ это Цари наши и чувствуетъ это народъ нашъ. Александръ I зналъ про эту своеобразную силу нашу, когда говорилъ, что отрастить себѣ бороду и уйдетъ въ лѣса съ народомъ своимъ, но не положить меча и не покорится волѣ Наполеона. И ужъ, конечно, обѣ такую силу разбилась бы вся Европа вмѣстѣ, потому что не хватить у ней на такую войну ни денегъ, ни единства организаціи. Когда у насъ всѣ наши русскіе люди узнаютъ о томъ, что мы такъ сильны, тогда мы и добьемся того, что воевать уже не будемъ, тогда въ насъувѣрють и впервые откроется нась, какъ когда-то Америку, Европа. Но для того надобно, чтобы мы прежде ихняго открыли сами себя и чтобы интеллигенція наша поняла, что ей нельзя уже болѣе разъединяться и разрывать съ народомъ нашимъ...

II.

Не всегда война бичъ, а иногда и спасеніе.
Но мудрецы наши схватились и за другую сторону

дѣла: они проповѣдуютъ о человѣколюбіи, о гуманности, они скорбятъ о пролитой крови, о томъ, что мы еще больше озвѣрѣемъ и осквернимся въ войнѣ и тѣмъ еще болѣе отдалимся отъ внутренняго преуспѣянія, отъ вѣрной дороги, отъ науки. Да, война, конечно, есть несчастье, но много тутъ и ошибки въ разсужденіяхъ этихъ, а главное—довольно ужъ намъ этихъ буржуазныхъ нравоученій! Подвигъ самопожертвованія кровью своею за все то, что мы почитаемъ святымъ, конечно, нравственнѣе всего буржуазнаго катехизиса. Подъемъ духа націи ради великодушной идеи—есть толчокъ впередъ, а не озвѣрѣніе. Конечно, мы можемъ ошибаться въ томъ, что считаемъ великодушной идеей; но если то, что мы почитаемъ святынею—позорно и порочно, то мы не избѣгнемъ кары отъ самой природы: позорное и порочное несетъ само въ себѣ смерть, и рано ли, поздно ли, само собою казнить себя. Война, напримѣръ, изъ-за пріобрѣтенія богатствъ, изъ-за потребности ненасытной биржи, хотя въ основѣ своей и выходитъ изъ того же общаго всѣмъ народамъ закона развитія своей національной личности, но бываетъ тотъ предѣлъ, который, въ этомъ развитіи,ходить нельзя, и за которымъ всякое пріобрѣтеніе, всякое развитіе значить уже излишekъ, несетъ въ себѣ болѣзнь, а за ней и смерть. Такъ, Англія, если бъ стала въ теперешней восточной борьбѣ за Турцію, забывъ уже окончательно, изъ-за торговыхъ выгодъ своихъ, стоны измученного человѣчества—безъ сомнѣнія, подняла бы сама на себя мечъ, который, рано ли, поздно ли, а опустился бы ей самой на голову. Наоборотъ: что святѣе и чище подвига такой войны, которую предпринимаетъ теперь Россія? Скажутъ, что „вѣдь и Россія, хоть и вправду идетъ лишь освобождать измученные племена и возрождать ихъ самостоятельность, но вѣдь тѣмъ самымъ, въ этихъ же племенахъ, пріобрѣтеть потомъ себѣ же союзниковъ, а, стало быть, силу,—и что, стало быть, все это, разумѣется, составляетъ тотъ же самый законъ развитія національной личности, къ которому стремится и Англія. А такъ какъ замыселъ „панславизма“ колоссальностью своей, безъ сомнѣнія, можетъ пугать Европу, то ужъ по одному закону самосохраненія, Европа несомнѣнно въ правѣ остановить нась, точно такъ же, впрочемъ, какъ и мы въ правѣ идти впередъ, нисколько не останавливаясь передъ ея страхомъ и руководясь въ дви-

женіи нашемъ лишь политическою предусмотрительностью и благоразуміемъ. Такимъ образомъ, ничего пѣть въ этомъ ни святого, ни позорнаго, а есть лишь какъ бы вѣковѣчный животный инстинктъ народовъ, которому подчиняются безразлично всѣ, еще недостаточно и неразумно развитыя племена на землѣ. Тѣмъ не менѣе, накопившееся сознаніе, наука и гуманность, рано ли, поздно ли, непремѣнно должны ослабить вѣковѣчный и звѣрскій инстинктъ неразумныхъ націй и вселить, напротивъ, во всѣхъ народахъ желаніе мира, международнаго единенія и человѣколюбиваго преуспѣянія. А, стало быть, надо все-таки проповѣдывать миръ, а не кровь”.

Святыя слова! Но въ настоящемъ случаѣ они какъ-то не прикладываются къ Россіи, или, чтобы еще лучше выразиться,—Россія составляетъ собою, въ теперешній историческій моментъ всей Европы, какъ бы нѣкоторое исключеніе, что и дѣйствительно такъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Россія, столь безкорыстно и правдиво ополчившаяся теперь на спасеніе и на возрожденіе угнетенныхъ племенъ, впослѣдствіи и усилится ими же, то все же, и въ этомъ даже случаѣ, явитъ собою самый исключительный примѣръ, котораго ужъ никакъ не ожидаетъ Европа, мѣрящая на свой аршинъ. Усилясь, хотя бы даже чрезмѣрно, союзомъ своимъ съ освобожденными ею племенами, она не бросится на Европу съ мечемъ, не захватить и не отниметъ у ней ничего, какъ бы непремѣнно сдѣлала Европа, если бъ нашла возможность вновь соединиться вся противъ Россіи, и какъ дѣлали въ Европѣ всѣ націи, во всю жизнь свою, чуть только получала какая-нибудь изъ нихъ возможность усилиться на счетъ своей сосѣдки. (И это съ самыхъ дикихъ первобытныхъ временъ Европы вплоть до современной намъ и еще столь недавней Франко-Пруссской войны, и куда дѣвалась тогда вся ихняя цивилизациѣ: бросилась самая ученая и просвѣщенная изъ всѣхъ націй на другую, столь же ученую и просвѣщенную и, воспользовавшись случаемъ, загрызла ее какъ дикій звѣрь, выпила ея кровь, выжила изъ нея соки въ видѣ миллиардовъ дани и отрубила у ней цѣлый бокъ въ видѣ двухъ самыхъ лучшихъ провинцій! Да, вправду, виновата ли Европа, если послѣ этого не можетъ понять назначенія Россіи? Имѣ ли, гордымъ, ученымъ и сильнымъ, понять и допустить хоть въ фантазіи, что Россія предназначена и создана, можетъ быть, для ихъ же спа-

сенія, и что она только, можетъ быть, произнесетъ, наконецъ, это слово спасенія!). О, да, да, конечно—мы не только ничего не захватимъ у нихъ, и не только ничего не отнимемъ, но именно тѣмъ самыи обстоятельствомъ, что чрезмѣрно усилимся (союзомъ любви и братства, а не захватомъ и насилиемъ)—тѣмъ самыи и получимъ, наконецъ, возможность не обнажать меча, а, напротивъ, въ спокойствїи силы своей, явить собою примѣръ уже искренняго мира, международного всеединенія и безкорыстія. Мы первые о旤явимъ міру, что не чрезъ подавленіе личностей иноплеменныхъ намъ национальностей хотимъ мы достигнуть собственного преуспѣянія, а, напротивъ, видимъ его лишь въ свободнѣйшемъ и самостоятельнѣйшемъ развитіи всѣхъ другихъ націй и въ братскомъ единеніи съ ними, восполняясь одна другою, прививая къ себѣ ихъ органическія особенности и удѣляя имъ и отъ себя вѣти для прививки, сообщаясь съ ними душой и духомъ, участь у нихъ и уча ихъ, и такъ до тѣхъ поръ, когда человѣчество, восполнясь міровымъ общеніемъ народовъ до всеобщаго единства, какъ великое и великолѣпное древо осѣнить собою счастливую землю. О, пускай смѣются надъ этими „фантастическими“ словами наши теперешніе „общечеловѣки“ и самооплѣвники наши, но мы невиноваты, если вѣримъ тому, т. е. идемъ рука въ руку вмѣстѣ съ народомъ нашимъ, который именно вѣрить тому. Спросите народъ, спросите солдата: для чего они подымаются, для чего идутъ и чего желаютъ въ начавшейся войнѣ,—и всѣ скажутъ вамъ, какъ единъ человѣкъ, что идутъ, чтобы Христу служить и освободить угнетенныхъ братьевъ, и ни одинъ изъ нихъ не думаетъ о захватѣ. Да, мы тутъ, именно въ теперешней же войнѣ, и докажемъ всю нашу идею о будущемъ предназначеніи Россіи въ Европѣ, именно тѣмъ докажемъ, что, освободивъ славянскія земли, не приобрѣтемъ изъ нихъ себѣ ни клошка (какъ мечтаетъ уже Австрія для себя), а, напротивъ, будемъ надзирать за ихъ же взаимнымъ согласіемъ и оборонять ихъ свободу и самостоятельность хотя бы отъ всей Европы. А если такъ, то идея наша свята и война наша вовсе не „вѣковѣчный и звѣрскій инстинктъ не разумныхъ націй“, а именно первый шагъ къ достижению того вѣчнаго мира, въ который мы имѣемъ счастье вѣрить, къ достижению *воистину* международного единенія и *воистину* человѣколюбиваго преуспѣянія! И такъ

не всегда надо проповѣдывать одинъ только миръ, и не въ мирѣ одномъ, во что бы то ни стало, спасеніе, а иногда и въ войнѣ оно есть.

III.

Спасаетъ ли пролитая кровь?

„Но вѣдь кровь, но вѣдь все-таки кровь“ — наладили мудрецы, и право же, всѣ эти казенные фразы о крови — все это подчасъ только наборъ самыхъ ничтожнѣйшихъ высокихъ словъ для известныхъ цѣлей. Биржевики, напримѣръ, чрезвычайно любятъ теперь толковать о гуманности. И многіе, толкующіе теперь о гуманности, суть лишь торгующіе гуманностью. А между тѣмъ крови, можетъ быть, еще больше бы пролилось безъ войны. Повѣрьте, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если не во всѣхъ почти (кромѣ развѣ войны междуусобныхъ) — войны есть процессъ, которымъ именно съ наименьшимъ пролитіемъ крови, съ наименьшою скорбю и съ наименьшей тратой силъ, достигается международное спокойствіе и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальные отношенія между націями. Разумѣется, это грустно, но что же дѣлать если это такъ. Ужъ лучше разъ извлечь мечъ, чѣмъ страдать безъ срока. И чѣмъ лучше теперешній миръ между цивилизованными націями — войны? Напротивъ, скорѣе миръ, долгій миръ звѣрить и ожесточаетъ человѣка, а не война. Долгій миръ всегда рождаетъ жестокость, трусость и грубый, ожирѣлый эгоизмъ, а главное — умственный застой. Въ долгій миръ жирѣютъ лишь одни эксплоататоры народовъ. Налажено, что миръ рождаетъ богатство, — но вѣдь лишь десятой доли людей, а эта десятая доля, заразившись болѣзнями богатства, сама передаетъ заразу и остальнымъ девяти десятымъ, хотя и безъ богатства. Заражается же она развратомъ и цинизмомъ. Отъ излишняго скопленія богатства въ однѣхъ рукахъ, рождается у обладателей богатства грубость чувствъ. Чувство изящнаго обращается въ жажду капризныхъ излишествъ и ненормальностей. Страшно развивается сладострастіе. Сладострастіе рождать жестокость и трусость. Грузная и грубая душа сладострастника жесточе всякой другой, даже и порочной души. Иной сладострастникъ, падающій въ обморокъ при видѣ крови изъ обрѣзанного пальца, не простить бѣдняку и заточить его въ тюрьму за ничтожнѣйший долгъ. Жестокость же рождать усилен-

ную, слишкомъ трусливую заботу о самообеспечениі. Эта трусливая забота о самообеспечениі всегда, въ долгій мирѣ, подъ конецъ обращается въ какой-то паническій страхъ за себя, сообщается всѣмъ слоямъ общества, рождаетъ страшную жажду накопленія и пріобрѣтенія денегъ. Теряется вѣра въ солидарность людей, въ братство ихъ, въ помощь общества, провозглашается громко тезисъ: „всякій за себя и для себя“; бѣднякъ слишкомъ видить что такое богачъ и какой онъ ему братъ, и вотъ всѣ уединяются и обособляются. Эгоизмъ умерщвляетъ великолюдіе. Лишь искусство поддерживаетъ еще въ обществѣ высшую жизнь и будитъ души, засыпающія въ періоды долгаго мира. Вотъ отчего и выдумали, что искусство можетъ процвѣтать лишь во время долгаго мира, а между тѣмъ тутъ огромная невѣрность: искусство, то-есть истинное искусство, именно и развивается потому во время долгаго мира, что идетъ въ разрѣзъ съ грузнымъ и порочнымъ усыпленіемъ душъ и, напротивъ, созданіями своими, всегда въ эти періоды, взываетъ къ идеалу, рождаетъ протестъ и негодованіе, волнуетъ общество и непрѣдѣко заставляетъ страдать людей, жаждущихъ проснуться и выйти изъ зловонной ямы. Въ результатѣ же оказывается, что буржуазный долгій мирѣ, все-таки, въ концѣ концовъ, всегда почти зарождаетъ самъ потребность войны, выносить ее самъ изъ себя, какъ жалкое слѣдствіе, но уже не изъ-за великой и справедливой цѣли, достойной великой націи, а изъ-за какихъ-нибудь жалкихъ биржевыхъ интересовъ, изъ-за новыхъ рынковъ, нужныхъ эксплоататорамъ, изъ-за пріобрѣтенія новыхъ рабовъ, необходимыхъ обладателямъ золотыхъ мѣшковъ,—словомъ, изъ-за причинъ, неоправдываемыхъ даже потребностью самосохраненія, а, напротивъ, именно свидѣтельствующихъ о капризномъ, болѣзnenномъ состояніи національного организма. Интересы эти и войны, за нихъ предпринимаемыя, развращаютъ и даже совсѣмъ губятъ народы, тогда какъ война изъ-за великодушной цѣли, изъ-за освобожденія угнетенныхъ, ради безкорыстной и святой идеи,—такая война лишь очищаетъ зараженный воздухъ отъ скопившихся міазмовъ, лѣчитъ душу, прогоняетъ позорную трусость и лѣнь, объявляетъ и ставитъ твердую цѣль, даетъ и уясняетъ идею, къ осуществленію которой призвана та или другая нація. Такая война укрепляетъ каждую душу сознаніемъ самопожертвованія, а духъ всей на-

ції сознаніємъ взаїмної солідарності і единенія всѣхъ членовъ, составляющихъ націю. А главное, сознаніемъ исполненного долга і совершенного хорошаго дѣла: „не совсѣмъ же мы упали и развратились, есть же и въ настѣ человѣческое!“ И посмотрите, съ чѣго начинали свою проповѣдь эти столь недавніе наши проповѣдники миролюбія і гуманности: они прямо начинали съ самой безчеловѣчной жестокости. Они сами не хотѣли и другихъ удерживали помочь мученикамъ, взыдавшимъ къ намъ. Они, повидимому, столь гуманные і чувствительные, хладнокровно и съ насмѣшкой отрицали необходимость для настѣ самопожертвованія і духовнаго подвига. Они же-лали столкнуть Россію на самую пошлую і недостойную великой націи дорогу, не говоря уже объ ихъ презрѣніи къ народу, признавшему въ славянскихъ мученикахъ братьевъ своихъ, а, стало быть, объ ихъ надменномъ разрывѣ съ волею народной, выше которой поставили они свое фальшивое „европейское“ просвѣщеніе. Любимымъ тезисомъ ихъ было: „врачу исцѣлится самъ“. „Вы лѣзете исцѣлять и спасать другихъ, а у самихъ даже школы не устроено“—выставляли они на видъ. „Что жъ мы и идемъ исцѣляться. Школы важное дѣло, конечно, но школамъ надобень духъ и направлѣніе,—вотъ мы и идемъ теперь запасаться духомъ и добывать здоровое направлѣніе. И добудемъ, особенно если Богъ побѣду пошлетъ. Мы воротимся съ сознаніемъ совершенного нами безкорыстнаго дѣла, съ сознаніемъ того, что славно послужили человѣчеству кровью своей, съ сознаніемъ обновленной силы нашей и энергіи нашей—и все это вмѣсто столь недавнаго позорнаго шатанія мысли нашей, вмѣсто мертвящаго застоя нашего въ заимствованномъ безъ толку европеизмѣ. Главное же, пріобщимся къ народу и соединимся съ нимъ тѣснѣ,—ибо у него и въ немъ одномъ найдемъ исцѣленіе отъ двухвѣковой болѣзни нашей, отъ двухвѣкового непроизводительнаго слабосилія нашего“.

Да и вообще можно сказать, что если общество не здорово и заражено, то даже такое благое дѣло, какъ долгій миръ, вмѣсто пользы обществу обращается ему же во вредъ. Это вообще можно примѣнить даже и ко всей Европѣ. Не даромъ же не проходило поколѣнія въ исторіи европейской, съ тѣхъ поръ какъ мы ее запомнимъ, безъ войны. И такъ, видно и война необходима для чего-нибудь, цѣлительна, облегчаетъ человѣчество. Это возму-

тительно, если подумать отвлеченно, но на практикѣ выходитъ, кажется, такъ, и именно потому, что для зараженного организма и такое благое дѣло, какъ миръ, обращается во вредъ. Но все-таки полезною оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшаго и великодушнаго принципа, а не для материальнаго интереса, не для жаднаго захвата, не изъ гордаго насилия. Такія войны только сбивали націи на ложную дорогу и всегда губили ихъ. Не мы, такъ дѣти наши увидятъ, чѣмъ кончить Англія. Теперь для всѣхъ въ мірѣ уже „время близко“. Да и пора.

IV.

Мнѣніе «Тишайшаго» царя о восточномъ вопросѣ.

Мнѣ сообщили одну выписку изъ одного сочиненія, изданного въ Киевѣ въ прошломъ году: „Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Соч. Ив. Оболенскаго. Киевъ, 1876 г., стр. 90—91“. Страница изъ сочиненія чужого, но она столь характерна и столь любопытна въ теперешнюю нашу минуту, а самое сочиненіе, вѣроятно, еще такъ мало известно въ общей массѣ публики, что я рѣшился помѣстить эти нѣсколько строкъ въ „Дневникѣ“. Это мнѣніе царя Алексѣя Михайловича о восточномъ вопросѣ,—тоже „Тишайшаго“ царя, но жившаго еще два вѣка тому назадъ, и его тогдашнія слезы о томъ, что онъ не можетъ быть царемъ Освободителемъ.

Говорили, что на Св. Пасху (1656 г.) Государь, христосуясь съ греческими купцами, бывшими въ Москвѣ, сказалъ между прочимъ къ нимъ: «хотите ли вы, и ждете ли, чтобы я освободилъ васъ изъ плѣна и выкупишь?» И когда они отвѣчали: «какъ можетъ быть иначе? какъ намъ не желать этого?» онъ прибавилъ: «такъ,—поэтому, когда вы возвратитесь въ свою сторону, просите всѣхъ монаховъ и епископовъ молить Бога и совершать литургию за меня, чтобы ихъ молитвами дана была миѣ мошь отрубить голову ихъ врагу». И, проливъ при этомъ обильныя слезы, онъ сказалъ потомъ, обратившись къ вельможамъ: «моє сердце сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей, которые стонутъ въ рукахъ враговъ нашей вѣры; Богъ призоветъ меня къ отчету въ день суда, *если, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегу этимъ.*—Я не знаю, какъ долго будетъ продолжаться это дурное состояніе государственныхъ дѣлъ, но со временеми моего отца и предшественниковъ его къ намъ не переставали приходить постоянно съ жалобой на угнетеніе поработителей патріархи, епископы, монахи и простые бѣдняки, изъ которыхъ ни одинъ не приходилъ иначе, какъ только

преслѣдуемый сурою печалью и убѣгая отъ жестокости своихъ господъ; и я боюсь вопросовъ, которые мнѣ предложитъ Творецъ въ тотъ день: и порѣшилъ въ своемъ умѣ, если Богу угодно, что потрачу всѣ свои войска и свою казну, проливъ свою кровь до послѣдней капли, но постараюсь освободить ихъ». На все это вѣльможи отвѣчали ему: «Господи, даруй по желанію сердца твоего».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СОНЪ СМѢШНОГО ЧЕЛОВѢКА.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАЗСКАЗЪ

I.

Я смѣшной человѣкъ. Они меня называютъ теперь сумасшедшими. Это было бы повышеніе въ чинѣ, если бъ я все еще не оставался для нихъ такимъ же смѣшнымъ, какъ и прежде. Но теперь ужъ я не сержусь, теперь они всѣ мнѣ милы и даже когда смѣются надо мной— и тогда чѣмъ-то даже особенно милы. Я бы самъ смѣялся съ ними,— не то что надъ собой, а ихъ любя, если бъ мнѣ не было такъ грустно на нихъ глядя. Грустно потому, что они не знаютъ истины, а я знаю истину. Охъ, какъ тяжело одному знать истину! Но они этого не поймутъ. Нѣтъ, не поймутъ.

А прежде я тосковалъ очень оттого, что казался смѣшнымъ. Не казался, а былъ. Я всегда былъ смѣшонъ, и знаю это, можетъ быть, съ самаго моего рожденія. Можетъ быть, я уже семи лѣтъ зналъ, что я смѣшонъ. Потомъ я учился въ школѣ, потомъ въ университетѣ, и чѣмъ больше я учился, тѣмъ больше я научился тому, что я смѣшонъ. Такъ что для меня вся моя университетская наука какъ бы для того только и существовала подъ конецъ, чтобы доказывать и объяснять мнѣ, по мѣрѣ того какъ я въ нее углублялся, что я смѣшонъ. Подобно какъ въ наукѣ, шло и въ жизни. Съ каждымъ годомъ нарастало и укрѣплялось во мнѣ то же самое сознаніе о моемъ смѣшномъ видѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Надо мнѣ смѣялись всѣ и всегда. Но не знали они никто, и не догадывались о томъ, что если былъ человѣкъ на землѣ, больше всѣхъ знавшій про то, что я смѣшонъ, такъ это былъ самъ я, и вотъ это-то было для меня всего обиднѣе, что они этого не знаютъ, но тутъ я самъ былъ виноватъ: я всегда былъ такъ гордъ, что ни за что и

никогда не хотѣлъ никому въ этомъ признаться. Гордость эта росла во мнѣ съ годами и если бъ случилось такъ, что я хоть передъ кѣмъ бы то ни было позволилъ бы себѣ признаться, что я смѣшной, то, мнѣ кажется, я тутъ же, въ тотъ же вечеръ, раздробилъ бы себѣ голову изъ револьвера. О, какъ я страдалъ въ моемъ отрочествѣ о томъ, что я не выдержу и вдругъ какъ-нибудь признаюсь самъ товарищамъ. Но съ тѣхъ поръ какъ я сталъ моло-дымъ человѣкомъ, я хоть и узнавалъ съ каждымъ годомъ, все больше и больше о моемъ ужасномъ качествѣ, но почему-то сталъ немного спокойнѣе. Именно почему-то, потому что я и до сихъ поръ не могу опредѣлить почему. Можетъ быть, потому, что въ душѣ моей нарастала страш-ная тоска по одному обстоятельству, которое было уже безконечно выше всего меня: именно—это было постигшее меня одно убѣжденіе въ томъ, что на свѣтѣ *вездѣ все равно*. Я очень давно предчувствовалъ это, но полное убѣжденіе явилось въ послѣдній годъ какъ-то вдругъ. Я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ *все равно* было бы, су-ществовалъ ли бы миръ, или если бъ нигдѣ ничего не было. Я сталъ слышать и чувствовать всѣмъ существомъ моимъ, что *ничего при мнѣ не было*. Сначала мнѣ все казалось, что зато было многое прежде, но потомъ я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а только почему-то казалось. Мало-по-малу я убѣдился, что и ни-когда ничего не будетъ. Тогда я вдругъ пересталъ сер-диться на людей, и почти сталъ не примѣчать ихъ. Право, это обнаруживалось даже въ самыхъ мелкихъ пустякахъ, я, напримѣръ, случалось, иду по улицѣ и натыкаюсь на людей. И не то чтобы отъ задумчивости: обѣ чѣмъ мнѣ было думать, я совсѣмъ пересталъ тогда думать: мнѣ было все равно. И добро бы я разрѣшилъ вопросы; о, ни одного не разрѣшилъ, а сколько ихъ было? Но мнѣ стало *все равно*, и вопросы все удалились.

И вотъ, послѣ того ужъ, я узналъ истину. Истину я узналъ въ прошломъ ноябрѣ, и именно третьяго ноября, и съ того времени я каждое мгновеніе мое помню. Это было въ мрачный, самый мрачный вечеръ, какой только можетъ быть. Я возвращался тогда въ одиннадцатомъ часу вечера домой и именно, помню, я подумалъ, что ужъ не можетъ быть болѣе мрачнаго времени. Даже въ физическомъ отношеніи. Дождь лилъ весь день, и это былъ самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже

грозный дождь, я это помню, съ явной враждебностью къ людямъ, а тутъ вдругъ, въ одиннадцатомъ часу, пересталь, и началась страшная сырость, сырье и холоднѣе чѣмъ когда дождь шелъ, и ото всего шелъ какой-то паръ, отъ каждого камня на улицѣ и изъ каждого переулка, если заглянуть въ него въ самую глубь, подальше, съ улицы. Мнѣ вдругъ представилось, что если съ потухъ вездѣ газъ, то стало бы отраднѣе, а съ газомъ грустнѣе сердцу, потому что онъ все это освѣщаетъ. Я въ этотъ день почти не обѣдалъ и съ ранняго вечера просидѣлъ у одного инженера, а у него сидѣли еще двое пріятелей. Я все молчалъ и, кажется, имъ надоѣлъ. Они говорили объ чемъ-то вызывающемъ и вдругъ даже разгорячились. Но имъ было все равно, я это видѣлъ, и они горячились только такъ. Я имъ вдругъ и высказалъ это: „Господа, вѣдь вамъ, говорю, все равно“. Они не обидѣлись, а всѣ надо мной засмѣялись. Это оттого, что я сказалъ безъ всякихъ упрека, и просто потому, что мнѣ было все равно. Они и увидѣли, что мнѣ все равно, и имъ стало весело.

Когда я на улицѣ подумалъ про газъ, то взглянулъ на небо. Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванныя облака, а между ними бездонныя черные пятна. Вдругъ я замѣтилъ въ одномъ изъ этихъ пятенъ звѣздочку и сталъ пристально глядѣть на нее. Это потому, что эта звѣздочка дала мнѣ мысль: я положилъ въ эту ночь убить себя. У меня это было твердо положено еще два мѣсяца назадъ и какъ я ни бѣденъ, а купилъ прекрасный револьверъ и въ тотъ же день зарядилъ его. Но прошло уже два мѣсяца, а онъ все лежалъ въ ящикѣ; но мнѣ было до того все равно, что захотѣлось наконецъ улучить минуту, когда будетъ не такъ все равно, для чего такъ—не знаю. И такимъ образомъ, въ эти два мѣсяца я каждую ночь, возвращаясь домой, думалъ, что застрѣлюсь. Я все ждалъ минуты. И вотъ теперь эта звѣздочка дала мнѣ мысль, и я положилъ, что это будетъ непремѣнно уже въ эту ночь. А почему звѣздочка дала мысль—не знаю.

И вотъ, когда я смотрѣлъ на небо, меня вдругъ схватила за локоть эта дѣвочка. Улица уже была пуста и никого почти не было. Вдали спалъ на дрожкахъ извозчикъ. Дѣвочка была лѣтъ восьми, въ платочекъ и въ одномъ платьишкѣ, вся мокрая, но я запомнилъ особенно ея мокрые разорванные башмаки, и теперь помню. Они мнѣ

особенно мелькнули въ глаза. Она вдругъ стала дергать меня за локоть и звать. Она не плакала, но какъ-то отрывисто выкрикивала какія-то слова, которыхъ не могла хорошо выговорить, потому что вся дрожала мелкой дрожью въ ознобѣ. Она была отъ чего-то въ ужасѣ и кричала отчаянно: „мамочка! мамочка!“ Я обернулся было къ ней лицо, но не сказалъ ни слова и продолжалъ идти, но она бѣжала и дергала меня и въ голосѣ ея прозвучалъ тотъ звукъ, который у очень испуганныхъ дѣтей означаетъ отчаяніе. Я знаю этотъ звукъ. Хоть она и не договаривала слова, но я понялъ, что ея мать гдѣ-то помираетъ, или что-то тамъ съ ними случилось и она выбѣжала позвать кого-то, найти что-то, чтобы помочь мамѣ. Но я не пошелъ за ней и, напротивъ, у меня явилась вдругъ мысль прогнать ее. Я сначала ей сказалъ, чтобы она отыскала городового. Но она вдругъ сложила ручки и, всхлипывая, задыхалась, все бѣжала сбоку и не покидала меня. Вотъ тогда-то я топнулъ на нее и крикнулъ. Она прокричала лишь: „баринъ, баринъ!..“ но вдругъ бросила меня и стремглавъ перебѣжала улицу: тамъ показался тоже какой-то прохожій и она, видно, бросилась отъ меня къ нему.

Я поднялся въ мой пятый этажъ. Я живу отъ хозяевъ и у насъ номера. Комната у меня бѣдная и маленькая, а окно чердачное, полукруглое. У меня клеенчатый диванъ, столъ, на которомъ книги, два стула и покойное кресло, старое — престарое, но зато вольтеровское. Я сѣлъ, зажегъ свѣчку и сталъ думать. Рядомъ, въ другой комнатѣ, за перегородкой, продолжался содомъ. Онъ шелъ у нихъ еще съ третьего дня. Тамъ жилъ отставной капитанъ, а у него были гости — человѣкъ шесть стрюцкихъ, пили водку и играли въ штось старыми картами. Въ прошлую ночь была драка и я знаю, что двое изъ нихъ долго таскали другъ друга за волосы. Хозяйка хотѣла жаловаться, но опа боится капитана ужасно. Прочихъ жильцовъ у насъ въ номерахъ всего одна маленькая ростомъ и худенькая дама, изъ полковыхъ, пріѣзжая, съ тремя маленькими и заболѣвшими уже у насъ въ номерахъ дѣтьми. И она, и дѣти боятся капитана до обмороку и всю ночь трясутся и крестятся, а съ самимъ маленькимъ ребенкомъ былъ отъ страху какой-то припадокъ. Этотъ капитанъ, я навѣрно знаю, останавливается иной разъ прохожихъ на Невскомъ и просить на бѣдность. На

службу его не принимаютъ, но, странное дѣло (я вѣдь къ тому и рассказываю это), капитанъ во весь мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ живетъ у насъ, не возбудилъ во мнѣ никакой досады. Отъ знакомства я, конечно, уклонился съ самаго начала, да ему и самому скучно со мной стало съ первого же разу, но сколько бы они ни кричали за своей перегородкой и сколько бы ихъ тамъ ни было — мнѣ всегда все равно. Я сижу всю ночь и, право, ихъ не слышу, — до того о нихъ забываю. Я вѣдь каждую ночь не сплю до самаго разсвѣта и вотъ уже этаѣтъ годъ. Я просиживаю всю ночь у стола въ креслахъ и ничего не дѣлаю. Книги читаю я только днемъ. Сижу и даже не думаю, а такъ, какія-то мысли бродятъ, а я ихъ пускаю на волю. Свѣчка сгораетъ въ ночь вся. Я сѣлъ у стола тихо, вынулъ револьверъ и положилъ передъ собою. Когда я его положилъ, то, помню, спросилъ себя: „такъ ли?“ и совершенно утвердительно отвѣтилъ себѣ: „такъ“. То-есть застрѣлюсь. Я зналъ, что ужъ въ эту ночь застрѣлюсь навѣрно, но сколько еще просижу до тѣхъ поръ за столомъ — этого не зналъ. И ужъ, конечно бы, застрѣлился, если бъ не та дѣвочка.

II.

Видите ли: хоть мнѣ и было все равно, но вѣдь боль-то я, напримѣръ, чувствовалъ. Ударь меня кто и я бы почувствовалъ боль. Такъ точно и въ нравственномъ отношеніи: случись что-нибудь очень жалкое, то почувствовалъ бы жалость, такъ же какъ и тогда, когда мнѣ было еще въ жизни не все равно. Я и почувствовалъ жалость давеча: ужъ ребенку-то я бы непремѣнно помогъ. Почему жъ я не помогъ дѣвочкѣ? А изъ одной явившейся тогда идеи: когда она дергала и звала меня, то вдругъ возникъ тогда передо мной вопросъ и я не могъ разрѣшить его. Вопросъ былъ праздный, но я разсердился. Разсердился вслѣдствіе того вывода, что если я уже рѣшилъ, что въ нынѣшнюю ночь съ собой покончу, то, стало-быть, мнѣ все на свѣтѣ должно было стать теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, все равно. Отчего же я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ не все равно и я жалѣю дѣвочку? Я помню, что я ее очень пожалѣлъ; до какой-то даже странной боли и совсѣмъ даже невѣроятной въ моемъ положеніи. Право, я не умѣю лучше передать этого тогдашняго моего мимолетнаго ощущенія, но ощущеніе продол-

жалось и дома, когда уже я засыль за столомъ и я очень былъ раздраженъ, какъ давно уже не былъ. Разсужденіе текло за разсужденіемъ. Представлялось яснымъ, что если я человѣкъ, и еще не нуль, и пока не обратился въ нуль, то живу, а слѣдственно могу страдать, сердиться и ощущать стыдъ за свои поступки. Пусть. Но вѣдь если я убью себя, напримѣръ, черезъ два часа, то чѣмъ дѣвочка и какое мнѣ тогда дѣло и до стыда, и до всего на свѣтѣ? Я обращаюсь въ нуль, въ нуль абсолютный. И неужели сознаніе о томъ, что я сейчасъ *совершенно* не буду существовать, а, стало-быть, и ничто не будетъ существовать, не могло имѣть ни малѣйшаго вліянія ни на чувство жалости къ дѣвочкѣ, ни на чувство стыда послѣ сдѣланной подлости? Вѣдь я потому-то и затопалъ и закричалъ дикимъ голосомъ на несчастнаго ребенка, что, дескать, не только — вотъ не чувствую жалости, но если и безчеловѣчную подлость сдѣлаю, то теперь могу, потому что черезъ два часа все угаснетъ. Вѣрите ли, что потому закричалъ? Я теперь почти убѣжденъ въ этомъ. Яснымъ представлялось, что жизнь и міръ теперь какъ бы отъ меня зависятъ. Можно сказать даже такъ, что міръ теперь какъ бы для меня одного и сдѣланъ: застѣльюсь я и міра не будетъ, по крайней мѣрѣ, для меня. Не говоря уже о томъ, что, можетъ-быть, и дѣйствительно ни для кого ничего не будетъ послѣ меня, и весь міръ, только лишь угаснетъ мое сознаніе, угаснетъ тотчасъ какъ призракъ, какъ принадлежность лишь одного моего сознанія, и упразднится, ибо, можетъ-быть, весь этотъ міръ и всѣ эти люди — я-то самъ одинъ и есть. Помню, что сидя и разсуждая, я обертывалъ всѣ эти новые вопросы, тѣснившіеся одинъ за другимъ, совсѣмъ даже въ другую сторону и выдумывалъ совсѣмъ ужъ новое. Напримѣръ, мнѣ вдругъ представилось одно странное соображеніе, что если бъ я жилъ прежде на лунѣ, или на Марсѣ, и сдѣлалъ бы тамъ какой-нибудь самый срамный и бесчестный поступокъ, какой только можно себѣ представить, и былъ тамъ за него поруганъ и обезчещенъ такъ, какъ только можно ощутить и представить лишь развѣ иногда во снѣ, въ кошмарѣ, и если бъ, очутившись потомъ на землѣ, я продолжалъ бы сохранять сознаніе о томъ, что сдѣлалъ на другой планѣтѣ, и кромѣ того зналъ бы, что уже туда ни за чѣмъ и никогда не возвращусь, то, смотря съ земли на луну, — было бы мнѣ все равно или нѣтъ? Ощущалъ ли

бы я за тотъ поступокъ стыдъ или пѣть? Вопросы были праздные и лишніе, такъ какъ револьверъ лежалъ уже передо мною, и я всѣмъ существомъ моимъ зналъ, что это будетъ навѣрно, но они горячили меня и я бѣсился. Я какъ бы уже не могъ умереть теперь, чего-то не разрѣшивъ предварительно. Однимъ словомъ, эта дѣвочка спасла меня, потому что я вопросами отдалилъ выстрѣль. У капитана же между тѣмъ стало тоже все утихать: они ѿнчили въ карты, устраивались спать, а пока ворчали и лѣниво доругивались. Вотъ тутъ-то я вдругъ и заснуль, чего никогда со мной не случалось прежде, за столомъ въ креслахъ. Я заснуль совершенно мнѣ непримѣтно. Сны, какъ извѣстно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется съ ужасающею ясностью, съ ювелирски-мелочнouю отдѣлкой подробностей, а черезъ другое перескакиваешь, какъ бы не замѣчая вовсе, напримѣръ, черезъ пространство и время. Сны, кажется, стремить не разсудокъ, а желаніе, не голова, а сердце, а между тѣмъ какія хитрѣйшія вещи продѣлывалъ иногда мой разсудокъ во снѣ! Между тѣмъ, съ нимъ происходять во снѣ вещи совсѣмъ непостижимыя. Мой братъ, напримѣръ, умеръ пять лѣтъ назадъ. Я иногда его вижу во снѣ: онъ принимаетъ участіе въ моихъ дѣлахъ, мы очень заинтересованы, а между тѣмъ я вѣдь вполнѣ, во все продолженіе сна, знаю и помню, что братъ мой померъ и сконченъ. Какъ же я не дивлюсь тому, что онъ, хоть и мертвый, а все-таки тутъ, подлѣ меня и со мной хлопочетъ? Почему разумъ мой совершенно допускаетъ все это? Но, довольно. Приступаю ко сну моему. Да, мнѣ приснился тогда этотъ сонъ, мой сонъ третьаго ноября! Они дразнятъ меня теперь тѣмъ, что вѣдь это былъ только сонъ. Но неужели не все равно сонъ или пѣть, если сонъ этотъ возвѣстилъ мнѣ истину? Вѣдь если разъ узналъ истину и увидѣлъ ее, то вѣдь знаешь, что она истина и другой пѣть и не можетъ быть, спите вы или живете. Ну, и пусть сонъ, и пусть, но эту жизнь, которую вы такъ превозносите, я хотѣлъ погасить самоубійствомъ, а сонъ мой, сонъ мой,— о, онъ возвѣстилъ мнѣ новую, великую, обновленную, сильную жизнь!

Слушайте.

III.

Я сказалъ, что заснуль незамѣтно, и даже какъ бы продолжая разсуждать о тѣхъ же матеріяхъ. Вдругъ, при-

снилось мнѣ, что я беру револьверъ, и, сидя, наставляю его прямо въ сердце,—въ сердце, а не въ голову; я же положилъ прежде непремѣнно застрѣлиться въ голову и именно въ правый високъ. Наставивъ въ грудь, я подождалъ секунду или двѣ, и свѣчка моя, столь и стѣна передо мною вдругъ задвигались и заколыхались. Я поскорѣе выстрѣлилъ.

Во снѣ вы падаете иногда съ высоты, или рѣжутъ васъ, или бьютъ, но вы никогда не чувствуете боли, кромѣ развѣ если сами какъ-нибудь дѣйствительно ушибетесь въ кровати: тутъ вы почувствуете боль и всегда почти отъ боли проснетесь. Такъ и во снѣ моемъ: боли я не почувствовалъ, но мнѣ представилось, что съ выстрѣломъ моимъ все во мнѣ сотряслось и все вдругъ потухло и стало кругомъ меня ужасно черно. Я какъ будто ослѣпъ и онѣмѣлъ, и вотъ я лежу на чѣмъ-то твердомъ, протянутый, навзничь, ничего не вижу и не могу сдѣлать ни малѣйшаго движения. Кругомъ ходятъ и кричатъ, басить капитанъ, визжитъ хозяинъ,—и вдругъ опять перерывъ, и вотъ уже меня несутъ въ закрытомъ гробѣ. И я чувствую какъ колыхается гробъ, и разсуждаю объ этомъ, и вдругъ меня въ первый разъ поражаетъ идея, что вѣдь я умеръ, совсѣмъ умеръ, знаю это и не сомнѣваюсь, не вижу и не движусь, а между тѣмъ чувствую и разсуждаю. Но я скоро мирюсь съ этимъ и, по обыкновенію, какъ во спѣ, принимаю дѣйствительность безъ спору.

И вотъ меня зарываютъ въ землю. Всѣ уходятъ, я одинъ, совершиенно одинъ. Я не движусь. Всегда, когда я прежде на яву представлялъ себѣ какъ меня похоронятъ въ могилѣ, то собственно съ могилой соединялъ лишь одно ощущеніе сырости и холода. Такъ и теперь, я почувствовалъ, что мнѣ очень холодно, особенно концами пальцевъ на ногахъ, но больше ничего не почувствовалъ.

Я лежалъ и, странно,—ничего не ждалъ, безъ спору принимая, что мертвому ждать нечего. Но было сыро. Не знаю, сколько прошло времени,—часть или нѣсколько дней, или много дней. Но вотъ вдругъ, на лѣвый закрытый глазъ мой упала просочившаяся черезъ крышу гроба капля воды, за ней черезъ минуту другая, затѣмъ черезъ минуту третья, и такъ далѣе, и такъ далѣе, все черезъ минуту. Глубокое негодованіе загорѣлось вдругъ въ сердцѣ моемъ, и вдругъ я почувствовалъ въ немъ фи-

зическую боль: „Это рана моя“, подумалъ я, „это выстрѣль, тамъ пуля“... А капля все капала каждую минуту и прямо на закрытый мой глазъ. И я вдругъ воззвалъ, не голосомъ, ибо былъ недвижимъ, но всѣмъ существомъ моимъ къ властителю всего того, что совершилось со мною:

— Кто бы ты ни былъ, но если ты есть, и если существуетъ что-нибудь разумнѣе того, что теперь совершается, то дозволь ему быть и здѣсь. Если же ты мстишь мнѣ за неразумное самоубійство мое—безобразіемъ и неизвѣстностью дальнѣйшаго бытія, то знай, что никогда и никакому мученію, какое бы ни постигло меня, не сравниться съ тѣмъ презрѣніемъ, которое я буду молча ощущать, хотя бы въ продолженіе миллионовъ лѣтъ мученства!..

Я воззвалъ и смолкъ. Цѣлую почти минуту продолжалось глубокое молчаніе и даже еще одна капля упала, но я зналъ, я безпредѣльно и нерушимо зналъ и вѣрилъ, что непремѣнно сейчасъ все измѣнится. И вотъ, вдругъ, разверзлась могила моя. То-есть я не знаю, была ли она раскрыта и раскопана, но я былъ взятъ какимъ-то темнымъ и неизвѣстнымъ мнѣ существомъ и мы очутились въ пространствѣ. Я вдругъ прозрѣлъ: Была глубокая ночь и никогда, никогда еще не было такой темноты! Мы неслись въ пространствѣ уже далеко отъ земли. Я не спрашивалъ того, который несъ меня, ни о чёмъ, я ждалъ и былъ гордъ. Я увѣрялъ себя, что не боюсь, и замиралъ отъ восхищенія при мысли, что не боюсь. Я не помню, сколько времени мы неслись и не могу представить: совершилось все такъ, какъ всегда во снѣ, когда перескакиваешь черезъ пространство и время и черезъ законы бытія и разсудка, и останавливавшись лишь на точкахъ, о которыхъ грезить сердце. Я помню, что вдругъ увидалъ въ темнотѣ одну звѣздочку. „Это Сириусъ?“ спросилъ я, вдругъ не удержавшись, ибо я не хотѣлъ ни о чёмъ спрашивать.—„Нѣть, это та самая звѣзда, которую ты видѣлъ между облаками, возвращаясь домой“, отвѣчало мнѣ существо, уносившее меня. Я зналъ, что оно имѣло какъ бы лицъ человѣческій. Странное дѣло, я не любилъ это существо, даже чувствовалъ глубокое отвращеніе. Я ждалъ совершенного небытія и съ тѣмъ выстрѣлилъ себѣ въ сердце. И вотъ я въ рукахъ существа, конечно, не человѣческаго, но которое есть, существуетъ: „А, стало-быть, есть и за

гробомъ жизни!“ подумалъ я съ страннымъ легкомысліемъ сна, но сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубинѣ: „И если надо быть снова“, подумалъ я, „и жить опять по чьей-то неустранимой волѣ, то не хочу, чтобы меня побѣдили и унизили!“ — „Ты знаешь, что я боюсь тебя и за то презираешь меня“, сказалъ я вдругъ моему спутнику, не удержавшись отъ унизительнаго вопроса, въ которомъ заключалось признаніе, и ощущивъ, какъ уколъ булавки, въ сердцѣ моемъ униженіе мое. Онъ не отвѣтилъ на вопросъ мой, но я вдругъ почувствовалъ, что меня не презираютъ, и надо мнѣ не смѣются, и даже не сожалѣютъ меня, и что путь нашъ имѣть цѣль, неизвѣстную и таинственную, и касающуюся одного меня. Страхъ нарасталъ въ моемъ сердцѣ. Что-то нѣмо, но съ мученіемъ сообщалось мнѣ отъ моего молчавшаго спутника и какъ бы проникало меня. Мы неслись въ темныхъ и невѣдомыхъ пространствахъ. Я давно уже пересталъ видѣть знакомыя глазу звѣзды. Я зналъ, что есть такія звѣзды въ небесныхъ пространствахъ, отъ которыхъ лучи доходить на землю лишь въ тысячи и миллионы лѣтъ. Можетъ-быть, мы уже пролетали эти пространства. Я ждалъ чего-то въ страшной измучившей мое сердце тоскѣ. И вдругъ какое-то знакомое и въ высшей степени зовущее чувство сотрясло меня; я увидѣлъ вдругъ наше солнце! Я зналъ, что это не могло быть *наше солнце*, породившее *нашу* землю, и что мы отъ нашего солнца на безконечномъ разстояніи, но я узналъ почему-то, всѣмъ существомъ моимъ, что это совершенно такое же солнце, какъ и наше, повтореніе его и двойникъ его. Сладкое, зовущее чувство зазвучало восторгомъ въ душѣ моей: родная сила свѣта, того же, который родилъ меня, отозвалась въ моемъ сердцѣ и воскресила его, и я ощутилъ жизнь, прежнюю жизнь, въ первый разъ послѣ моей могилы.

— „Но если это—солнце, если это совершенно такое же солнце, какъ наше, вскричалъ я,—то гдѣ же земля?“ И мой спутникъ указалъ мнѣ на звѣздочку, сверкающую въ темнотѣ изумруднымъ блескомъ. Мы неслись прямо къ ней.

— И неужели возможны такія повторенія во вселенной, неужели таковъ природный законъ?.. И если это тамъ земля, то неужели она такая же земля, какъ и наша... совершенно такая же, несчастная, бѣдная, но дорогая и вѣчно любимая, и такую же, мучительную любовь рождаю-

щая къ себѣ въ самыхъ неблагодарныхъ даже дѣтяхъ своихъ, какъ и наша?.. вскрикивалъ я, сотрясаясь отъ неудержимой, восторженной любви къ той родной прежней землѣ, которую я покинулъ. Образъ бѣдной дѣвочки, которую я обидѣлъ, промелькнулъ передо мною.

— Увидишь все, отвѣтилъ мой спутникъ, и какая-то печаль послышалась въ его словѣ. Но мы быстро приближались къ планетѣ. Она росла въ глазахъ моихъ, я уже различалъ океанъ, очертанія Европы, и вдругъ странное чувство какой-то великой, святой ревности возгорѣлось въ сердцѣ моемъ: „какъ можетъ быть подобное повтореніе и для чего? Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую я оставилъ, на которой остались брызги крови моей, когда я, неблагодарный, выстрѣломъ въ сердце мое погасилъ мою жизнь. Но никогда, никогда не переставалъ я любить ту землю, и даже въ ту ночь, разставаясь съ ней, я, можетъ-быть, любилъ ее мучительнѣе чѣмъ когда-либо. Есть ли мученіе на этой новой землѣ? На нашей землѣ мы истинно можемъ любить лишь съ мученіемъ и только черезъ мученіе! Мы иначе не умѣемъ любить и не знаемъ иной любви. Я хочу мученія, чтобъ любить. Я хочу, я жажду, въ сию минуту, цѣловать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставилъ, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной!..

Но спутникъ мой уже оставилъ меня. Я вдругъ, совсѣмъ какъ бы для меня незамѣтно, сталъ на этой другой землѣ въ яркомъ свѣтѣ солнечнаго, прелестнаго какъ рай дня. Я стоялъ, кажется, на одномъ изъ тѣхъ острововъ, которые составляютъ на нашей землѣ Греческій архипелагъ, или гдѣ-нибудь на прибрежы материка, прилегающаго къ этому архипелагу. О, все было точно такъ же, какъ у насть, но, казалось, всюду сіяло какимъ-то праздничкомъ и великимъ, святымъ и достигнутымъ, наконецъ, торжествомъ. Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызalo ихъ съ любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокія, прекрасныя деревья стояли во всей роскоши своего цвѣта, а безчисленные листочки ихъ, я убѣждень въ томъ, привѣтствовали меня тихимъ, ласковымъ своимъ шумомъ, и какъ бы выговаривали какія-то слова любви. Мурава горѣла яркими ароматными цвѣтами. Птички стадами перелетали въ воздухъ, и, не боясь меня, садились мнѣ на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками. И, нако-

нецъ, я увидѣлъ и узналъ людей счастливой земли этой. Они пришли ко мнѣ сами, они окружили меня, цѣловали меня. Дѣти солнца, дѣти своего солнца, — о, какъ они были прекрасны! Никогда я не видывалъ на нашей землѣ такой красоты въ человѣкѣ. Развѣ лишь въ дѣтяхъ нашихъ, въ самые первые годы ихъ возраста, можно было найти отдаленный, хотя и слабый отблескъ красоты этой. Глаза этихъ счастливыхъ людей сверкали яснымъ блескомъ. Лица ихъ сияли разумомъ и какимъ-то восполнившимся уже до спокойствія сознаніемъ, но лица эти были веселы; въ словахъ и голосахъ этихъ людей звучала дѣтская радость. О, я тотчасъ же, при первомъ взглядѣ на ихъ лица, понялъ все, все! Это была земля не оскверненная грѣхопаденіемъ, на ней жили люди не согрѣшившіе, жили въ такомъ же раю, въ какомъ жили, по преданіямъ всего человѣчества, и наши согрѣшившіе прародители, съ тою только разницею, что вся земля здѣсь была повсюду однимъ и тѣмъ же раемъ. Эти люди, радостно смѣясь, тѣснились ко мнѣ и ласкали меня; они увили меня къ себѣ и всякому изъ нихъ хотѣлось успокоить меня. О, они не разспрашивали меня ни о чѣмъ, но какъ бы все уже знали, такъ мнѣ казалось, и имъ хотѣлось согнать поскорѣе страданіе съ лица моего.

IV.

Видите ли что, опять-таки: Ну, пусть это былъ только сонъ! Но ощущеніе любви этихъ невинныхъ и прекрасныхъ людей осталось во мнѣ навѣки, и я чувствую, что ихъ любовь изливается на меня и теперь оттуда. Я видѣлъ ихъ самъ, ихъ позналъ и убѣдился, я любилъ ихъ, я страдалъ за нихъ потому. О, я тотчасъ же понялъ, даже тогда, что во многомъ не пойму ихъ вовсе; мнѣ, какъ современному русскому прогрессисту и гнусному петербуржцу, казалось неразрѣшимъ то, напримѣръ, что они, зная столь много, не имѣютъ нашей науки. Но я скоро понялъ, что знаніе ихъ восполнялось и питалось иными проникновеніями, чѣмъ у настѣ на землѣ, и что стремленія ихъ были тоже совсѣмъ иные. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились къ познанію жизни такъ, какъ мы стремимся сознать ее, потому что жизнь ихъ была восполнена. Но знаніе ихъ было глубже и высшее, чѣмъ у нашей науки; ибо наука наша ищетъ объяснить что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтобы

научить другихъ жить; они же и безъ науки знали, какъ имъ жить, и это я понялъ, но я не могъ понять ихъ знанія. Они указывали мнѣ на деревья свои, и я не могъ понять той степени любви, съ которою они смотрѣли на нихъ: точно они говорили о себѣ подобными существами. И знаете, можетъ быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да, они нашли ихъ языкъ и убѣждены, что тѣ понимали ихъ. Такъ смотрѣли они и на всю природу, — на животныхъ, которыхъ жили съ ними мирно, не нападали на нихъ и любили ихъ, побѣжденныя ихъ же любовью. Они указывали мнѣ на звѣзды и говорили о нихъ со мною о чёмъ-то, чего я не могъ понять, но я убѣжденъ, что они какъ бы чѣмъ-то соприкасались съ небесными звѣздами, не мыслю только, а какимъ-то живымъ путемъ. О, эти люди и не добивались, чтобы я понималъ ихъ, они любили меня и безъ того, по зато я зналъ, что они никогда не поймутъ меня, а потому почти и не говорилъ имъ о нашей землѣ. Я лишь цѣловалъ при нихъ ту землю, на которой они жили, и безъ словъ обожалъ ихъ самихъ, и они видѣли это и давали себя обожать, не стыдясь, что я ихъ обожаю потому, что много любили сами. Они не страдали за меня, когда я, въ слезахъ, порою цѣловалъ ихъ ноги, радостно зная въ сердцѣ своемъ, какой силою любви они мнѣ отвѣтятъ. Порою я спрашивалъ себя въ удивленіи: какъ могли они, все время, не оскорбить такого какъ я, и ни разу не возбудить въ такомъ какъ я чувства ревности и зависти? Много разъ я спрашивалъ себя, какъ могъ я, хвастунъ и лжецъ, не говорить имъ о моихъ познаніяхъ, о которыхъ, конечно, они не имѣли понятія, не желать удивить ихъ ими, или хотя бы только изъ любви къ нимъ? — Они были рѣзвы и веселы какъ дѣти. Они блуждали по своимъ прекраснымъ рощамъ и лѣсамъ, они пѣли свои прекрасныя пѣсни, они питались легкою пищею, плодами своихъ деревьевъ, медомъ лѣсовъ своихъ, и молокомъ ихъ любившихъ животныхъ. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка. У нихъ была любовь и рождались дѣти, по никогда я не замѣчалъ въ нихъ порывовъ того жестокаго сладострастія, которое постигаетъ почти всѣхъ на нашей землѣ, всѣхъ и всякаго, служить единственнымъ источникомъ почти всѣхъ грѣховъ нашего человѣчества. Они радовались являвшимся у нихъ дѣтямъ какъ новымъ участникамъ въ ихъ блаженствѣ. Между ними

не было ссоръ и не было ревности, и они не понимали даже, что это значитъ. Ихъ дѣти были дѣтьми всѣхъ, потому что всѣ составляли одну семью. У нихъ почти совсѣмъ не было болѣзней, хоть и была смерть; но старики ихъ умирали тихо, какъ бы засыпал, окруженные прощавшимися съ ними людьми, благословляя ихъ, улыбаясь имъ и сами напутствуемые ихъ свѣтлыми улыбками. Скорби, слезъ при этомъ я не видалъ, а была лишь умножившаяся какъ бы до восторга любовь, но до восторга спокойнаго, восполнившагося, созерцательнаго.—Подумать можно было, что они соприкасались еще съ умершими своими даже и послѣ ихъ смерти и что земное единеніе между ними не прерывалось смертю. Они почти не понимали меня, когда я спрашивалъ ихъ про вѣчную жизнь, но видимо были въ ней до того убѣждены безотчетно, что это не составляло для нихъ вопроса. У нихъ не было храмовъ, но у нихъ было какое-то наступное, живое и безпрерывное единеніе съ Цѣльмъ вселенной; у нихъ не было вѣры, зато было твердое знаніе, что когда восполнится ихъ земная радость до предѣловъ природы земной, тогда наступить для нихъ, и для живущихъ, и для умершихъ, еще большее расширение соприкосновенія съ Цѣльмъ вселенной. Они ждали этого мгновенія съ радостію, но не торопясь, не страдая по немъ, а какъ бы уже имѣя его въ предчувствіяхъ сердца своего, о которыхъ они сообщали другъ другу. По вечерамъ, отходя ко сну, они любили составлять согласные и стройные хоры. Въ этихъ пѣсняхъ они передавали всѣ свои ощущенія, которые доставилъ имъ отходящій день, славили его и прощались съ нимъ. Они славили природу, землю, море, лѣса. Они любили слагать пѣсни другъ о другѣ, и хвалили другъ друга какъ дѣти; это были самыя простыя пѣсни, но онѣ выливались изъ сердца и проницали сердца. Да и не въ пѣсняхъ однѣхъ, а, казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь въ томъ, что любовались другъ другомъ. Это была какая-то влюбленность другъ въ друга, всецѣлая, всеобщая. Иныхъ же ихъ пѣсенъ, торжественныхъ и восторженныхъ, я почти не понималъ вовсе. Понимая слова, я никогда не могъ проникнуть во все ихъ значеніе. Оно оставалось какъ бы недоступно моему уму, зато сердце мое какъ бы проникалось имъ безотчетно и все болѣе и болѣе. Я часто говорилъ имъ, что я все это давно уже прежде предчувствоvalъ, что вся эта радость

и слава сказывалась ми́й еще па нашей землѣ зовущюю тоскою, доходившою подчасъ до нестерпимой скорби; что я предчувствовалъ всѣхъ ихъ и славу ихъ въ снахъ моего сердца и въ мечтахъ ума моего, что я часто не могъ смотрѣть, на землѣ нашей, на заходящее солнце безъ слезъ... Что въ ненависти моей къ людямъ нашей земли заключалась всегда тоска: зачѣмъ я не могу ненавидѣть ихъ не любя ихъ, зачѣмъ не могу не прощать ихъ, а въ любви моей къ нимъ тоска: зачѣмъ не могу любить ихъ ненавидя ихъ? Они слушали меня и я видѣлъ, что они не могли представить себѣ то, что я говорю, но я не жалѣлъ, что имъ говорилъ о томъ: я зналъ, что они понимаютъ всю силу тоски моей о тѣхъ, кого я покинулъ. Да, когда они глядѣли на меня своимъ минымъ проникнутымъ любовью взглядомъ, когда я чувствовалъ, что при нихъ и мое сердце становилось столь же невиннымъ и правдивымъ, какъ и ихъ сердца, то и не жалѣлъ, что не понимаю ихъ. Отъ опущенія полноты жизни ми́й захватывало духъ и я молча молился на нихъ.

О, всѣ теперь смѣются ми́й въ глаза и уверяютъ меня, что и во снѣ нельзя видѣть такія подробности, какія я передаю теперь, что во снѣ моемъ я видѣлъ или прочувствовалъ лишь одно опущеніе, порожденное моимъ же сердцемъ въ бреду, а подробности уже самъ сочинилъ проснувшись. И когда я открылъ имъ, что, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ такъ было—Боже, какой смѣхъ они подняли ми́й въ глаза и какое я имъ доставилъ веселье! О, да, конечно, я былъ побѣжденъ лишь однимъ опущеніемъ того сна, и оно только одно уцѣлѣло въ до крови раненомъ сердцѣ моемъ: но зато дѣйствительные образы и формы сна моего, т.-е. тѣ, которыхъ я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ самый часъ моего сновидѣнія, были восполнены до такой гармоніи, были до того обаятельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись, я, конечно, не въ силахъ былъ воплотить ихъ въ слабыя слова наши, такъ что они должны были какъ бы стушеваться въ умѣ моемъ, а, стало-быть, и дѣйствительно, можетъ-быть, я самъ, безсознательно, принужденъ былъ сочинить потомъ подробноти и ужъ, конечно, исказивъ ихъ, особенно при такомъ страстномъ желаніи моемъ поскорѣе и хоть сколько-нибудь ихъ передать. Но зато какъ же ми́й не вѣрить, что все это было? Было, можетъ-быть, въ тысячу разъ лучше, свѣтлѣе и радостнѣе, чѣмъ

л разсказываю? Пусть это сонъ, но все это не могло не быть. Знаете ли, я скажу вамъ секретъ: все это, быть-можеть, было вовсе не сонъ! Ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во снѣ. Пусть сонъ мой породило сердце мое, но развѣ одно сердце мое въ силахъ было породить ту ужасную правду, которая потомъ случилась со мной? Какъ бы могъ я ее одинъ выдумать или пригрезить сердцемъ? Неужели же мелкое сердце мое и капризный, ничтожный умъ мой могли возвыситься до такого откровенія правды! О, судите сами: я до сихъ поръ скрывалъ, но теперь доскажу и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... развратилъ ихъ всѣхъ!

V.

Да, да, кончилось тѣмъ, что я развратилъ ихъ всѣхъ! Какъ это могло совершиться — не знаю, но помню ясно. Сонъ пролетѣлъ черезъ тысячелѣтія, и оставилъ во мнѣ лишь ощущеніе цѣлага. Знаю только, что причиною грѣхопаденія былъ я. Какъ скверная трихина, какъ атомъ чумы, заражающей цѣлый государствъ, такъ и я заразилъ собой всю эту счастливую, безгрѣшную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, можетъ-быть, началось *невинно*, съ шутки, съ кокетства, съ любовной игры, въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, съ атома, но этотъ атомъ лжи проникъ въ ихъ сердца и понравился имъ. Затѣмъ быстро родилось сладострастіе, сладострастіе породило ревность, ревность — жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться и разъединяться. Явились союзы, но уже другъ противъ друга. Начались укоры, упреки. Они узнали стыдъ и стыдъ возвели въ добродѣтель. Родилось понятіе о чести и въ каждомъ союзѣ поднялось свое знамя. Они стали мучить животныхъ и животныхъ удалились отъ нихъ въ лѣса и стали имъ врагами. Началась борьба за разъединеніе, за обособленіе, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разныхъ языкахъ. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мученія и говорили, что истина достигается лишь мученіемъ. Тогда у нихъ явилась наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братствѣ и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрѣли

справедливость и предписали себѣ цѣлые кодексы, чтобы сохранить ее, а для обеспеченія кодексовъ поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили о томъ, что потеряли, даже не хотѣли вѣрить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись даже надъ возможностью этого прежняго ихъ счастья и называли его мечтой. Они не могли даже представить его себѣ въ формахъ и образахъ, но, странное и чудесное дѣло: утративъ всякую вѣру въ бывшее счастье, назвавъ его сказкой, они до того захотѣли быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали передъ желаніями сердца своего, какъ дѣти, обоготовили это желаніе, настроили храмовъ и стали молиться своей же идеѣ, своему же „желанію“, въ то же время вполнѣ вѣруя въ неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему. И, однако, если бъ только могло такъ случиться, чтобы они возвратились въ то невинное и счастливое состояніе, которое они утратили, и если бъ это вдругъ имъ показалъ его вновь и спросилъ ихъ: хотятъ ли они возвратиться къ нему?—то они навѣрно бы отказались. Они отвѣчали мнѣ: „пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы знаемъ это и плачемъ объ этомъ, и мучимъ себя за это сами, и истязаемъ себя и наказываемъ больше, чѣмъ даже, можетъ-быть, тотъ милосердый Судья, Который будетъ судить насъ и имени Котораго мы не знаемъ. Но у насъ есть наука и черезъ нее мы отыщемъ вновь истину, но примемъ ее уже сознательно. Знаніе выше чувства, сознаніе жизни — выше жизни. Наука дасть намъ премудрость, премудрость откроетъ законы, а знаніе законовъ счастья—выше счастья“. Вотъ что говорили они, и послѣ словъ такихъ каждый возлюбилъ себя больше всѣхъ, да и не могли они иначе сдѣлать. Каждый сталъ столь ревнивъ къ своей личности, что изо всѣхъ силъ старался лишь унизить и умалить ее въ другихъ; и въ томъ жизнь свою полагалъ. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнѣйшимъ, съ тѣмъ только, чтобы тѣ помогали имъ давить еще слабѣйшихъ, чѣмъ они сами. Явились праведники, которые приходили къ этимъ людямъ со слезами и говорили имъ объ ихъ гордости, о потерѣ мѣры и гармоніи, объ утратѣ ими стыда. Надъ ними смѣялись или побивали ихъ каменьями. Святая кровь лилась на порогахъ храмовъ. Зато стали появляться люди, кото-

рые начали придумывать: какъ бы всѣмъ вновь такъ соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всѣхъ, въ то же время не мѣшать никому другому, и жить такимъ образомъ всѣмъ вмѣстѣ, какъ бы и въ согласномъ обществѣ. Цѣлые войны поднялись изъ-за этой идеи. Всѣ воюющіе твердо вѣрили въ то же время, что наука, премудрость и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣка соединиться въ согласное и разумное общество, а потому пока, для ускоренія дѣла, „премудрые“ старались поскорѣе истребить всѣхъ „непремудрыхъ“ и не понимающихъ ихъ идею, чтобы они не мѣшили торжеству ея. Но чувство самосохраненія стало быстро ослабѣвать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для приобрѣтенія всего прибѣгалось къ злодѣйству, а если оно не удавалось—къ самоубийству. Явились религіи съ культомъ небытія и саморазрушенія ради вѣчнаго успокоенія въ ничтожествѣ. Наконецъ, эти люди устали въ безсмысленномъ трудѣ и на ихъ лицахъ появилось страданіе, и эти люди провозгласили, что страданіе есть красота, ибо въ страданіи лишь мысль. Они воспѣли страданіе въ пѣсняхъ своихъ. Я ходилъ между ними ломая руки и плакалъ надъ ними, но любилъ ихъ, можетъ быть, еще больше, чѣмъ прежде, когда на лицахъ ихъ еще не было страданія и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбилъ ихъ оскверненную ими землю еще больше, чѣмъ когда она была раемъ, за то лишь, что на ней явилось горе. Увы, я всегда любилъ горе и скорбь, но лишь для себя, для себя, а обѣихъ я плакалъ, жалѣя ихъ. Я простираль къ нимъ руки, въ отчаяніи обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорилъ имъ, что все это сдѣлалъ я, я одинъ; что это я имъ принесъ развратъ, заразу и ложь! Я умолялъ ихъ, чтобы они распяли меня на крестѣ, я училъ ихъ, какъ сдѣлать крестъ. Я не могъ, не въ силахъ былъ убить себя самъ, но я хотѣлъ принять отъ нихъ муки, я жаждалъ муки, жаждалъ, чтобы въ этихъ мукахъ пролита была моя кровь до капли. Но они лишь смѣялись надо мной и стали меня считать подъ конецъ за юродиваго. Они оправдывали меня, они говорили, что получили лишь то, чего сами желали, и что все то, что есть теперь, не могло не быть. Наконецъ, они объявили мнѣ, что я становлюсь имъ опасенъ и что они посадятъ меня въ суматоху.

сшедшій домъ, если я не замолчу. Тогда скорбъ вошла въ мою душу съ такою силой, что сердце мое стѣснилось и я почувствовалъ, что умру, и тутъ... ну, вотъ тутъ я и проснулся.

Было уже утро, т.-е. еще не разсвѣло, но было около шестого часу. Я очнулся въ тѣхъ же креслахъ, свѣчка моя догорѣла вся, у капитана спали и кругомъ была рѣдкая въ нашей квартирѣ тишина. Первымъ дѣломъ, я вскочилъ въ чрезвычайномъ удивленіи; никогда со мной не случалось ничего подобнаго, даже до пустяковъ и мелочей: никогда еще не засыпалъ я, напримѣръ, такъ въ моихъ креслахъ. Тутъ вдругъ, пока я стоялъ и приходилъ въ себя,—вдругъ мелькнулъ передо мной мой револьверъ, готовый, заряженный,—но я въ одинъ мигъ оттолкнулъ его отъ себя! О, теперь жизни и жизни! Я поднялъ руки и воззвалъ къ вѣчной истинѣ; не воззвалъ, а заплакалъ; восторгъ, неизѣримый восторгъ поднималъ все существо мое. Да, жизнь, и—проповѣдь! О проповѣди я порѣшилъ въ ту же минуту, и ужъ, конечно, на всю жизнь! Я иду проповѣждывать, я хочу проповѣждывать,—что? Истину, ибо я видѣлъ ее, видѣлъ своими глазами, видѣлъ всю ея славу!

И вотъ съ тѣхъ поръ я и проповѣдую! Кромѣ того—люблю всѣхъ, которые надо мной смѣются больше всѣхъ остальныхъ. Почему это такъ,—не знаю и не могу объяснить, но пусть такъ и будетъ. Они говорятъ, что я ужъ и теперь сбиваюсь, т.-е. коль ужъ и теперь сбился такъ, чтѣже дальше-то будетъ? Правда истинная: я сбиваюсь и, можетъ быть, дальше пойдетъ еще хуже. И ужъ, конечно, собьюсь нѣсколько разъ, пока отыщу, какъ проповѣждывать, т.-е. какими словами и какими дѣлами, потому что это очень трудно исполнить. Я вѣдь и теперь все это какъ день вижу, но послушайте: кто же не сбивается! А между тѣмъ вѣдь всѣ идутъ къ одному и тому же, по крайней мѣрѣ всѣ стремятся къ одному и тому же, отъ мудреца до послѣдняго разбойника, только разными дорогами. Старая это истина, но вотъ что тутъ новое: я и сбиться-то очень не могу. Потому что я видѣлъ истину, я видѣлъ и знаю, что люди могутъ быть прекрасны и счастливы, не потерявъ способности жить на землѣ. Я не хочу и не могу вѣрить, чтобы зло было нормальнымъ состояніемъ людей. А вѣдь они всѣ только надъ этой

върой-то моей и смѣются. Но какъ мнѣ не вѣровать: Я видѣлъ истину,—не то что изобрѣлъ умомъ, а видѣлъ, видѣлъ, и живой образъ ея наполнилъ душу мою навѣки. Я видѣлъ ее въ такой восполненной цѣлости, что не могу повѣрить, чтобы ея не могло быть у людей. И такъ какъ же я сбьюсь? Уклонюсь, конечно, даже нѣсколько разъ, и буду говорить даже, можетъ быть, чужими словами, но не надолго: живой образъ того, что я видѣлъ, будетъ всегда со мной, и всегда меня поправить и направить. О, я бодръ, я свѣжъ, я иду, иду, и хоть бы на тысячу лѣтъ. Знаете, я хотѣлъ даже скрыть, вначалѣ, что я развратилъ ихъ всѣхъ, но это была ошибка,—вотъ уже первая ошибка! Но истина шепнула мнѣ, что я *ты*, и охранила меня и направила. Но какъ устроить рай—я не знаю, потому что не умѣю передать словами. Послѣ сна моего потерялъ слова. По крайней мѣрѣ, всѣ главные слова, самыя нужныя. Но пустъ; я пойду и все буду говорить, неустанно, потому что я все-таки видѣлъ воочію, хотя и не умѣю пересказать, что я видѣлъ. Но вотъ этого насмѣшники и не понимаютъ: „Сонъ, дескать, видѣлъ, бредъ, галлюцинацію“. Эхъ! Неужто это премудро? А они такъ гордятся. Сонъ? Чѣмъ такое сонъ? А наша-то жизнь не сонъ? Больше скажу! Пусть, пустъ, это никогда не сбудется и не бывать раю (вѣдь уже это-то я понимаю!)—ну, а я все-таки буду проповѣждывать. А между тѣмъ, такъ это просто: въ одинъ бы день, въ одинъ бы часъ—все бы сразу устроилось! Главное—люби другихъ какъ себя, вотъ чѣмъ главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчасъ найдешь, какъ устроиться. А между тѣмъ вѣдь это только—старая истина, которую билліонъ разъ повторяли и читали, да вѣдь не ужилась же! „Сознаніе жизни—выше жизни, знаніе законовъ счастья—выше счастья“—вотъ съ чѣмъ бороться надо! И буду. Если только всѣ захотятъ, то сейчасъ все устроится.

А ту маленькую дѣвочку я отыскалъ... И пойду! И пойду!

Освобожденіе подсудимой Корниловой.

22 апрѣля сего года, въ здѣшнемъ окружномъ судѣ вторично рѣшалось дѣло подсудимой Корниловой, съ новымъ составомъ суда и присяжныхъ засѣдателей. Прежній приговоръ суда, состоявшійся еще въ прошломъ году, былъ кассированъ сенатомъ за недостаточно произведен-

ной медицинской экспертизой. Можетъ быть, большинство моихъ читателей очень помнить объ этомъ дѣлѣ. Молодая мачиха (тогда еще несовершеннолѣтняя), въ беременномъ состояніи, въ злобѣ на мужа, попрекавшаго ее прежней женой, и послѣ жестокой съ нимъ ссоры, выбросила свою шестилѣтнюю падчерицу, дочь своего мужа отъ прежней жены, изъ окошка изъ четвертаго этажа ($5\frac{1}{2}$ саж. высоты), при чемъ случилось почти чудо: ребенокъ не разбился, не сломалъ и не повредилъ себѣ ничего и скоро очнулся: теперь же живъ и здоровъ. Это звѣрское дѣйствіе молодой женщины сопровождалось такой безсмыслицей и загадочностью всѣхъ ея остальныхъ поступковъ, что само собою являлось соображеніе: въ здравомъ ли умѣ она дѣйствовала? И не была ли она, напротивъ, хоть подъ аффектомъ своего беременного состоянія? Приснувшись утромъ, когда уже мужъ ушелъ на работу, она дала выспаться ребенку; потомъ одѣла ее, обула и напоила кофеемъ. Затѣмъ отворила окно и выбросила ее за окно. Не взглянувъ даже изъ окна внизъ, чтобы посмотретьъ, что стало съ ребенкомъ, она затворила окно, одѣлась и отправилась въ участокъ. Тамъ объявила о происшедшемъ, отвѣчала на вопросы грубо и странно. Когда ей, уже нѣсколько часовъ спустя, возвѣстили, что ребенокъ остался живъ, она, не обнаруживъ ни радости, ни досады, совершенно равнодушно и хладнокровно замѣтила какъ бы въ задумчивости: „какал живучал“. Затѣмъ, въ продолженіе почти полутора мѣсяца, въ двухъ тюрьмахъ, въ которыхъ ей пришлось находиться, она продолжала быть угрюмой, грубой, неразговорчивой. И вдругъ все разомъ прошло: всѣ остальные четыре мѣсяца до разрѣшенія отъ бремени и все остальное время, на первомъ судѣ и послѣ суда, начальница женского отдѣленія тюрьмы не могла ею нахвалиться: явился характеръ ровный, тихій, ласковый, ясный. Впрочемъ, я все это уже описывалъ прежде. Однимъ словомъ, прежній приговоръ былъ кассированъ, а затѣмъ состоялся новый, 22 апрѣля, которымъ Корнилова была оправдана.

Я былъ въ залѣ суда и вынесъ много впечатлѣній. Жаль только, что находусь въ полной невозможности передать ихъ и буквально принужденъ ограничиться лишь самыми немногими словами. Да и сообщаю о дѣлѣ единственно потому, что прежде много писалъ о немъ, а, стало-быть, считаю не лишнимъ сообщить читателямъ и

объ исходѣ его. Судъ продолжался вдвое дольѣ прежняго раза. Составъ присяжныхъ засѣдателей былъ особенно замѣчательнъ. Призвана была новая свидѣтельница—начальница женскаго отдѣленія тюрмы. Показаніе ея о характерѣ Корниловой было очень вѣско и въ ея пользу. Замѣчательно очень было показаніе мужа подсудимой: съ чрезвычайною честностью онъ не скрылъ ничего, ни ссорь, ни обидъ съ его стороны, оправдывалъ жену, говорилъ сердечно, прямо, откровенно. Онъ всего только крестьянинъ, правда, носящий нѣмецкое платье, читающій книги и получающій тридцать рублей ежемѣсячнаго жалованья. Затѣмъ замѣчательнъ былъ подборъ экспертовъ. Приглашено было шесть человѣкъ,—все извѣстности и знаменитости въ медицинѣ; изъ нихъ давали показанія пятеро. Трое заявили, не колеблясь, что болѣзnenное состояніе, свойственное беременной женщинѣ, весьма могло повлиять на совершение преступленія и въ данномъ случаѣ. Одинъ лишь докторъ Флоринскій съ этимъ мнѣніемъ былъ не согласенъ, но, къ счастью, онъ не психіатръ и мнѣніе его прошло безъ всякаго значенія. Послѣднимъ показывалъ извѣстный нашъ психіатръ Дюковъ. Онъ говорилъ почти около часу, отвѣчая на вопросы прокурора и предсѣдателя суда. Трудно представить себѣ болѣе тонкое пониманіе души человѣческой и болѣзнейшихъ ея состояній. Поражало тоже богатство и разнообразіе многолѣтнихъ и чрезвычайно любопытныхъ наблюденій. Чѣмъ до меня, то я выслушалъ нѣкоторыя изъ показаній эксперта рѣшительно съ восхищеніемъ. Мнѣніе эксперта было вполнѣ въ пользу подсудимой: она утверждительно и доказательно заключилъ о несомнѣнномъ, по его мнѣнію, болѣзнепномъ состояніи души подсудимой, во время совершенія ею страшнаго преступленія.

Кончилось тѣмъ, что самъ прокуроръ, несмотря на свою грозную рѣчь—отказался отъ обвиненія въ преднамѣренности, т.-е. отъ самой главной злобы обвиненія. Защитникъ подсудимой, присяжный поверенный Люстигъ, тоже чрезвычайно ловко отбилъ нѣсколько обвиненій, а одно, важнѣйшее,—долгую будто бы ненависть мачихи къ падчерицѣ,—привель къ полному пузю, осознательно обнаруживъ въ немъ лишь коридорную сплетню. Затѣмъ, послѣ длинной рѣчи предсѣдателя, присяжные удалились и мѣнѣе чѣмъ черезъ четверть часа вынесли оправдательный приговоръ, произведшій почти восторгъ въ многочисленной

публика. Многие крестились, другое поздравляли друга, жали друга руки. Мужъ оправданной увелье ее въ тот же вечеръ, уже въ одиннадцатомъ часу, къ себѣ домой и она, счастливая, вошла опять въ свой домъ, почти послѣ годового отсутствія, съ впечатлѣніемъ огромнаго вынесенного ею урока на всю жизнь и явнаго Божьяго перста во всемъ этомъ дѣлѣ, — хотя бы только начиная съ чудеснаго спасенія ребенка.

Къ моимъ читателямъ.

Прибываю къ чрезвычайному снисхожденію моихъ читателей. Въ прошломъ году, изъ-за моей поѣздки лѣтомъ въ Эмсъ для лѣченія болѣзни, я принужденъ былъ выдать №№ „Дневника“ за іюль и августъ мѣсяцы вмѣстѣ, въ одномъ выпускѣ, 31-го августа, конечно, въ удвоенномъ числѣ листовъ. Въ нынѣшнемъ же году, по усилившейся еще болѣе моей болѣзни, я принужденъ выдать и майскій № съ юньскимъ вмѣстѣ, въ одномъ выпускѣ, въ концѣ іюня или въ самыхъ первыхъ числахъ іюля. Затѣмъ іюльскій и августовскій №№, какъ и въ прошломъ году, выйдутъ тоже въ августѣ. Съ сентября же мѣсяца №№ „Дневника“ начнутъ опять выдаваться аккуратно въ послѣднєе число каждого мѣсяца.

Уѣзжая изъ Петербурга, по приговору докторовъ, я заявляю, что хотя въ Петербургѣ помѣщеніе редакціи и будетъ закрыто до самаго сентября, тѣмъ не менѣе всѣ иногородные подписчики и читатели, *равно какъ и всѣ петербургскіе*, въ случаѣ надобности, могутъ обращаться *письменно* въ редакцію совершенно какъ и прежде. Письма эти будутъ немедленно доставлены завѣдующимъ редакціей и всякая жалоба, всякое недоумѣніе и проч. будутъ попрежнему въ скорѣйшемъ времени удовлетворены. Равно всѣ письма на мое имя будутъ немедленно мнѣ доставлены. На этотъ счетъ сдѣланы редакціей самыя точныя распоряженія. Подписка попрежнему можетъ продолжаться: подписавшіеся будутъ немедленно удовлетворены.

Не знаю, извинять ли меня мои читатели и подписчики „Дневника Писателя“? При такомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ, какъ усложненіе болѣзни, трудно было угадать все это впередъ. Огромное большинство читателей моихъ относилось доселѣ ко мнѣ весьма доброжелательно, въ чемъ я увѣренъ по твердымъ фактамъ. Осмѣливаюсь ждать этой доброты и теперь.

МАЙ—ЮНЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Изъ книги предсказаній Іоанна Лихтенбергера, 1528 года.

Мнѣ сообщили одинъ престранный документъ. Это одно древнее, правда, туманное и аллегорическое, предсказаніе о нынѣшихъ событіяхъ и о нынѣшней войнѣ. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ нашелъ въ Лондонѣ, въ королевской библіотекѣ, одинъ старый фоліантъ, „книгу предсказаній“, „Prognosticationes“ Іоанна Лихтенбергера, изданіе 1528 года, на латинскомъ языкѣ. Экземпляръ рѣдкій и даже, можетъ-быть, единственный въ свѣтѣ. Въ туманныхъ картинахъ изображается въ этой книгѣ будущность Европы и человѣчества. Книга мистическая. Помѣщаю лишь тѣ строки, которыя мнѣ сообщили, *и лишь какъ фактъ*, не лишенный нѣкотораго любопытства.

Послѣ предсказаній о французской революціи (1789 г.) и о Наполеонѣ первомъ, который именуется въ книгѣ великимъ орломъ (*aquila grandis*), говорится далѣе о грядущихъ европейскихъ событіяхъ такъ:

Post haec veniet altera aquila quae ignem fovebit in gressu.

Послѣ сего придетъ другой орель, который огонь возмio sponsae Christi et erunt tres adulteri unusque legitimus будитъ въ лонѣ невѣсты Христовой и будутъ трое побочници *qui alios vorabit.*

ныхъ и одинъ законный, который другихъ пожретъ.

Exsurget aquila grandis in Oriente, aquicolae occidentales

Возстанеть орель великий на Востокѣ, островитяне замоerebunt. *Tria regna comportabit. Ipsa est aquila grandis,* падные восплачутъ. Три царства захватить. Сей есть орель

qua dormiet annis multis, refutata resurget et confremis-
великій, который спить годы многие, пораженный восста-
cere faciet aquicolas occidentales in terra Virginis et alios
петь и трепетать заставить водяныхъ жителей западныхъ
въ землѣ дѣвы и другія вершины прегордия, и полетитъ
montes Superbissimos; et volabit ad meridiem recuperando
къ югу, чтобы возвратить потерянное. И любовью мил-
amissa. Et amore charitatis inflammabit Deus aquilam oriен-
сердія воспламенить Богъ орла восточного, да летить
talem volando ad ardua alis duabus fulgens in montibus
на трудное, крылами двумя сверкая на вершинахъ хри-
christianitatis.
стіанства.

Конечно, темновато, но согласитесь однако, что „вели-
кій орель восточный, который спить годы многие и пора-
женный (NB. не война ли паша съ Европой 22 года на-
задъ?) возстанетъ и трепетать заставить водяныхъ жите-
лей западныхъ“, — согласитесь, что это какъ будто и по-
хоже на теперешнее, конечно, если только не брать въ
соображеніе нашихъ европействующихъ мудрецовъ, какъ
бы все еще трепещущихъ передъ „водяными жителями“,
обратно пророчеству, тогда какъ уже орель полетѣлъ
„сверкая двумя крылами“. Но трепещутъ лишь мудрецы,
а не орель. Далѣе, „водяные жители западные въ землѣ
дѣвы“, если приложить пророчество Иоанна Лихтенбер-
гера къ современнымъ событиямъ, очевидно, означаютъ
себою Англию. Но въ такомъ случаѣ почему же „земля
дѣвы“? Въ 1528 году еще не было королевы Елизаветы.
Не означаетъ ли аллегорія Лихтенбергера землю (острова
Великобританіи), не подвергавшуюся ни разу нашествію,
въ томъ смыслѣ, въ какомъ выразился когда-то Наполеонъ
о европейскихъ столицахъ, подвергавшихся его нашес-
твию: „Столица, подвергшаяся нашествію, похожа на
дѣвицу, потерявшую свою девственность“. Но орель, по
пророчеству, трепетать заставить и другія „вершины
прегордия“, полетитъ къ югу, чтобы возвратить потерян-
ное, и — что всего замѣчательнѣе — „любовью милосердія
воспламенить Богъ орла восточного, да летить на труд-
ное, крылами двумя сверкая на вершинахъ христіан-
ства“. Согласитесь, что ужъ это-то нѣчто даже очень
подходящее. Развѣ не милосердіемъ воспламеняясь къ
угнетеннымъ и измученнымъ, взлетѣть нашъ орель? Развѣ
не милосердіе Христово двинуло весь народъ нашъ „на

дѣло трудное" и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году? Кто станетъ это отрицать? Этотъ народъ, эти солдаты, взятые изъ народа, не знающаго хорошенько молитвъ, подымали однако же въ Крыму, подъ Севастополемъ, раненыхъ французовъ и уносили ихъ на перевязку *прежде*, чѣмъ своихъ русскихъ: "Тѣ пусть полежатъ и подождуть: русскаго-то всякий подыметъ, а французы-то чужой, его напередъ пожалѣть надо". Развѣ тутъ не Христосъ, и развѣ не Христовъ духъ въ этихъ простодушныхъ и великодушныхъ, шутливо сказанныхъ словахъ? И такъ, развѣ не духъ Христовъ въ народѣ нашемъ, — темномъ, но добромъ, невѣжественномъ, но не варварскомъ. Да, Христосъ его сила, наша русская теперь сила, когда орелъ полетѣлъ „на дѣло трудное". И что значитъ одинъ какой-нибудь анекдотъ о севастопольскихъ солдатикахъ, сравнительно съ тысячами проявлений духа Христова и „огня милосердія" въ народѣ нашемъ, наяву и во-очію, въ наше время, хотя и до сихъ поръ изо всѣхъ силъ стараются мудрецы задавить мысль и похоронить фактъ участія народа нашего, духомъ и сердцемъ его, въ теперешнихъ судьбахъ Россіи и Востока? И не указывайте на „звѣрство и тупость" народа, на невѣжественность его и неразвитость, при которыхъ онъ будто-бы не въ силахъ понять того, что теперь происходитъ. Сущность дѣла онъ понимаетъ превосходно, будьте увѣрены, онъ четыре уже столѣтія какъ ее понимаетъ. Вотъ теперешнихъ дипломатовъ не понялъ бы вовсе, если бъ обѣ нихъ узналъ; но вѣдь кто жъ ихъ пойметъ? Да, великий народъ нашъ былъ возвращенъ какъ звѣрь, претерпѣлъ мученія еще съ самаго начала своего, за всю свою тысячу лѣтъ, такія, какихъ ни одинъ народъ въ мірѣ не вытерпѣлъ бы, разложился бы и уничтожился, а нашъ только окрѣпъ и сплотился въ этихъ мученіяхъ. Не корите же его за „звѣрство и невѣжество", господа мудрецы, потому что вы, именно вы-то для него ничего и не сдѣлали. Напротивъ, вы ушли отъ него, двѣsti лѣтъ назадъ, покинули его и разъединили съ собой, обратили его въ податную единицу и въ оброчную для себя статью, и рось онъ, господа просвѣщенные европейцы, вами же забытый и забитый, вами же загнаный какъ звѣрь въ берлогу свою, но съ нимъ былъ его Христосъ и съ Нимъ однимъ дожилъ онъ до великаго дня, когда двадцать лѣтъ тому назадъ, сѣверный орелъ, воспламененный огнемъ мило-

сердія, взмахнулъ и расправилъ свои крылья и осѣнилъ его эстимъ крылами... Да, звѣрства въ народѣ много, но не указывайте на него. Это звѣрство—тина вѣковъ, она вычистится. И не то бѣда, что есть еще звѣрство; бѣда въ томъ, если звѣрство вознесено будетъ какъ добродѣтель. Я видалъ и разбойниковъ, страшно много надѣлавшихъ звѣрства и павшихъ развращеннаю и ослабѣвшою волею своею ниже всего низкаго; но эти развращенные и столь упавшиe звѣри—знали, по крайней мѣрѣ, про себя, что они звѣри, и чувствовали, сколь упали они, и въ минуты чистыя и свѣтлыя, которыя и звѣрямъ посылаетъ Богъ,—сами умѣли осудить себя, хотя часто не въ силахъ уже были подняться. Другое дѣло, когда звѣрство воздвигается надъ всѣми, какъ идолъ, и люди ему поклоняются, считая себя именно за это-то добродѣтельными. Лордъ Биконс菲尔дъ, а за нимъ и всѣ Биконс菲尔ды, и наши и европейскіе, зажали уши себѣ и закрыли глаза на звѣрства и муки, которымъ подвергаютъ цѣлые племена людей, и измѣнили Христу—ради „интересовъ цивилизаций“ и ради того, что измученные племена называются славянами, то-есть несутъ въ себѣ нѣчто новое, а, стало быть, ихъ тѣмъ болѣе надо задавить совсѣмъ до корня, и тоже ради интересовъ старой, загнившей цивилизаций. Вотъ это такъ звѣрство—образованное и вознесенное какъ добродѣтель, и кланяются ему, какъ идолу, и на Западѣ, и у насъ еще въ Россіи. А „блаженнѣйший папа, непогрѣшимый намѣстникъ Божій“, отходя къ Богу, въ послѣдніе дни свои на землѣ,—развѣ не пожелалъ онъ нобѣды туркамъ и мучителямъ христіанства надъ русскими, ополчившимися во имя Христа за христіанство,—за то только, что, по его непогрѣшимому определенію, турки все же лучше русскихъ еретиковъ, не признающихъ папу? Развѣ это не звѣрство, не варварство? Да, пророчество Іоанна Лихтенбергера сильно подходитъ къ настоящей минутѣ. И не разумѣть ли намъ ужъ и папу въ числѣ другихъ-то „вершинъ прегородныхъ“, которыхъ заставить трепетать взмахнувшій крылами орелъ? Кстати, чтобы покончить съ пророчествомъ: что же разумѣлъ Іоаннъ Лихтенбергеръ, говоря о томъ, что „придетъ орелъ, который огонь возбудитъ въ лонѣ невѣсты Христовой, и будутъ три побочныхъ и одинъ законный, который другихъ пожретъ?“ На религіозномъ и мистическомъ языке подъ выражениемъ „невѣста Христова“ всегда

разумѣлась вообще Церковь. Кто же трое побочныхъ и одинъ законный? Казалось, должно бы тутъ разумѣть, т. е. если ужъ его принимать за предсказателя, три исповѣданія: католицизмъ, протестантство и... какое же третье-то изъ незаконныхъ? И какое же законное-то?

Но оставимъ Иоанна Лихтенбергера. Серьезно говорить обо всемъ этомъ трудно; все это лишь мистическая аллегорія, хотя бы и похожая нѣсколько на правду.

И мало ли бываетъ совпаденій? Правда, все это написано и напечатано въ 1528 году, и это очень любопытно. Въ то время, должно быть, часто являлись подобные сочиненія, и хотя время это еще только предшествовало войнамъ великой протестантской реформаціи, но уже протестантовъ, реформаторовъ и пророковъ было много. Извѣстно тоже, что потомъ, особенно въ протестантскихъ арміяхъ, всегда появлялись изступленные „пророки“ изъ самихъ сражавшихся, предсказатели и конвульсіонеры. Если я сообщилъ эту латинскую выписку изъ старой книги (несомнѣнно существующей, — повторяю это), то единственно какъ занимательный фактъ. Не какъ чудо, да и не одни лишь чудесны. Всего чудеснѣе бываетъ весьма часто то, что происходитъ въ дѣйствительности. Мы видимъ дѣйствительность всегда почти такъ, какъ хотимъ ее видѣть, какъ сами, предвзято, желаемъ растолковать ее себѣ. Если же подчасъ вдругъ разберемъ и въ видимомъ увидимъ не то, что хотѣли видѣть, а то, что есть въ самомъ дѣлѣ, то прямо принимаемъ то, что увидѣли, за чудо; о, это весьма не рѣдко, а подчасъ, клянусь, повѣримъ скорѣе чуду и невозможности, чѣмъ дѣйствительности, чѣмъ истинѣ, которую не желаемъ видѣть. И такъ всегда бываетъ на свѣтѣ, въ томъ вся история человѣчества.

II.

Объ анонимныхъ ругательныхъ письмахъ.

Я за границу не поѣхалъ и нахожусь теперь въ Курской губерніи. Мой докторъ, узнавъ, что я имѣю случай провести лѣто въ деревнѣ, да еще въ такой губерніи, какъ Курская, прописалъ мнѣ пить въ деревнѣ ессентукскую воду и прибавилъ, что это будетъ для меня несравненно полезнѣе Эмса, къ водѣ котораго я-де уже привыкъ. Долгомъ считаю заявить, что я получилъ весьма

много писемъ отъ моихъ читателей съ самыи сочувственными выражениемъ ихъ ко мнѣ участія по поводу моего объявленія о болѣзни. И вообще, къ слову скажу, за все время изданія моего „Дневника“ я получилъ и продолжаю получать много писемъ, подпісаныхъ и анонимныхъ, столь для меня лестныхъ и столь одобрявшихъ и поддерживавшихъ меня въ труде моемъ, что прямо скажу, я никогда не разсчитывалъ на такое всеобщее сочувствіе и никогда не считалъ себя достойнымъ того. Эти письма я сберегу какъ драгоцѣнность и—что тутъ приторного, если я заявляю объ этомъ печатно? Неужто дурно, что я цѣню и дорожу общимъ вниманіемъ? Но, скажутъ, вы теперь хвалитесь, хвастаетесь. Пусть скажутъ это, я знаю про себя, что это не хвастовство, что я заявляю лишь мою благодарность, мое искреннее чувство и слишкомъ ужъ не молодъ, чтобы не понимать, какъ раздражаютъ иныхъ господъ моимъ заявлениемъ. Но и господъ этихъ, кажется, у меня слишкомъ немного. Изъ нѣсколькихъ сотъ писемъ, полученныхыхъ мною за эти полтора года изданія „Дневника“, по крайней мѣрѣ, сотня (но навѣрно больше) было анонимныхъ, но изъ этихъ ста анонимныхъ писемъ лишь два письма были абсолютно враждебныя. Есть несогласные со мной въ убѣжденіяхъ, тѣ прямо излагаютъ свои возраженія, но всегда серьезно, искренно, безъ малѣйшихъ личностей, и въ подпісанныхъ, и въ анонимныхъ письмахъ, и я лишь жалѣю, что, по множеству получаемыхъ писемъ, никакъ не могу всѣмъ отвѣтить. Но эти два письма—исключения, и написаны не для возраженія, а для ругательства. И вотъ, эти-то господа сочинители этихъ писемъ и будутъ раздражены моимъ заявлениемъ благодарности. Послѣднее изъ этихъ писемъ какъ разъ касается моего объявленія о болѣзни. Мой анонимный корреспондентъ разсердился не на шутку: какъ, дескать, я осмѣлился объявить печатно о такомъ частномъ, личномъ дѣлѣ, какъ моя болѣзнь, и въ письмѣ ко мнѣ написалъ на мое объявление свою пародию, весьма неприличную и грубую. Но, отлагая главную цѣль письма—ругательство, я невольно заинтересовался вопросомъ, именно: если я, напримѣръ, поставленъ въ необходимость, по разстроенному здоровью, уѣхать лѣчиться, а потому принужденъ не выдавать майскій № „Дневника“ своевременно, а вмѣстѣ съ іюньскимъ, и такъ какъ я каждый разъ, въ каждомъ выпуске „Дневника“, объявлялъ о времени выхода слѣдую-

щаго номера,—то мнѣ и показалось, что прямое, голо-
словное, безо всякихъ объясненій объявленіе о томъ, что
следующій выпускъ „Дневника“ выйдетъ вмѣстѣ съ юль-
скимъ, было бы пѣсколько безцеремоннымъ и почему же
было не объявить причину, изъ-за которой такъ вышло?
И развѣ, въ объявлениіи моемъ, такъ уже много я распи-
салъ о моей болѣзни? Но все это, конечно, пустяки, и
если бъ дѣло шло лишь отъ человѣка серьезно шокиро-
ваннаго въ своемъ чувствѣ литературнаго и обществен-
наго приличія, то получился бы любопытный, хотя от-
части, пожалуй, и почтенный экземпляръ господина, стоя-
щаго, можетъ быть, и внѣ литературы, но изъ безкорыст-
ной любви къ ней, такъ сказать, сгорающаго почтеннымъ
огнемъ соблюденія литературныхъ приличій, и хоть дово-
дающаго свои стремлѣнія до щепетильности, тѣмъ не мен-
ѣе выводящаго ихъ изъ источника уважаемаго и любо-
пытнаго,—такъ что я, изъ одной только деликатности,
не могъ бы отказать такому анониму въ своего рода ува-
женіи. Но ругательства все испортили: ясное дѣло, что
въ нихъ-то и была вся прѣль. И ужъ безъ сомнѣнія при-
помнить все это здѣсь и не стоило бы; но мнѣ давно
хотѣлось сказать слова два вообще объ анонимныхъ пись-
махъ, т. е. собственно о ругательныхъ анонимныхъ пись-
махъ, и я радъ, что набрелъ на случай.

Дѣло въ томъ, что мнѣ давно казалось, что въ наше
время, столь неустойчивое, столь переходное, столь исполненное
перемѣнъ и столь мало кого удовлетворяющее
(да такъ и должно быть)—непремѣнно должно было раз-
вестись чрезвычайное множество людей, такъ сказать обой-
денныхъ, позабытыхъ, оставленныхъ безъ вниманія и до-
садующихъ: „зачѣмъ, дескать, вездѣ они, а не я, зачѣмъ
не обращаются и на меня вниманія“. Въ этомъ состояніи
личнаго раздраженія и неудовлетвореннаго, такъ сказать,
идеала, иной господинъ готовъ подчасъ взять спичку и
идти зажигать, — до того это чувство мучительно, я это
очень понимаю, и чтобы осуждать это надо вооружиться
скорѣе гуманностью, чѣмъ негодованіемъ. Но зажигать
спичкой уже крайность и, такъ сказать, удѣль натуръ
могучихъ, Байроновскихъ. Къ счастью, есть выходы не
столь ужасные для натуръ не столь могучихъ. Такой
выходъ — просто напакостить, ну, тамъ наклеветать, на-
лгать, насплетничать, или анонимное ругательное письмо
пустить. Однимъ словомъ, я стала давно уже подозрѣ-

вать, и подозрѣваю до сихъ поръ, что наше время должно быть непремѣнно временемъ, хотя и великихъ реформъ и событий, это безспорно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленныхъ анонимныхъ писемъ ругательного характера. Чѣдь касается литературы, то тутъ нѣть никакого сомнѣнія: анонимные ругательные письма составляютъ, такъ сказать, неотъемлемую часть современной русской литературы и сопровождаютъ ее по всѣмъ направлениямъ, — и кто только изъ издателей и писателей не получаетъ ихъ; я даже спрашивался кой въ какихъ изданіяхъ, и въ одномъ изъ нихъ — именно въ одномъ изъ тѣхъ, которымъ пошли вдругъ, произвели впечатлѣніе быстрое, внезапное, и угодили публикѣ въ такой степени, что сами даже на такой успѣхъ не разсчитывали, — въ этомъ изданіи, одинъ изъ ближайшихъ участниковъ его повѣдалъ мнѣ, что они получаютъ такое множество ругательныхъ анонимныхъ писемъ, что ужъ и не читаютъ ихъ вовсе, а только распечатываютъ. Онъ было хотѣлъ разсказать мнѣ иныхъ изъ такихъ посланий въ подробности, но съ первыхъ же словъ залился неудержимымъ смѣхомъ. Да такъ и должно быть; наши неопытные анонимы и не подозрѣваютъ еще, кажется, что чѣмъ ругательнѣе ихъ письма, тѣмъ они невиннѣе и безвреднѣе. Черта хорошия: она обозначаетъ, что наши анонимы хоть и горячи, но все же безъ выдержки и не понимаютъ, что чѣмъ вѣжливѣе, чѣмъ достойнѣе тонъ язвительного анонимного письма, тѣмъ оно будетъ злѣе и сильнѣе подѣйствуетъ. Иезуитства-то этого, стало быть, еще не развилось у насъ, во второй, *высший* фазисъ свой не вступило это дѣло, а, стало быть, находится еще въ самомъ только началѣ и, стало быть, есть всего лишь плодъ первого необузданного пыла, а не плодъ обдуманнаго, строго воспитаннаго злобнаго чувства. Это не испанское, такъ сказать, мщеніе, готовое принести для достиженія цѣли своей даже великія жертвы и научившееся выдержкѣ. Нашъ анонимный ругатель далеко еще не тотъ таинственный пезнакомецъ изъ драмы Лермонтова „Маскарадъ“ — колоссальное лицо, получившее отъ какого-то офицера когда-то пощечину и удалившееся въ пустыню тридцать лѣтъ обдумывать свое мщеніе. Нѣть, дѣйствуетъ пока все еще та же славянская природа наша, которой всего бы только поскорѣй выругаться, да тѣмъ и покончить (а чего доброго, такъ даже тутъ же и помириться) и, согласитесь, что все это въ одномъ смыслѣ

отрадно, ибо и тутъ, стало быть, все это, такъ сказать, юно, молодо, свѣже, въ родѣ какъ бы весна жизни, хотя, надо сознаться, препакостная. Долгомъ считаю присовокупить еще наблюденіе: кажется, наше молодое поколѣніе, т. е. слишкомъ юное, подростки, анонимныхъ ругательныхъ писемъ не пишутъ. Я получаю отъ молодежи множество писемъ и всѣ подписаныя. Не подписанныя изъ нихъ только тѣ, которыхъ выражаютъ слишкомъ ужъ дружескія чувства. Несогласные же со мною въ чемъ-нибудь изъ молодежи всегда подписываются (анонимное же ругательное письмо слишкомъ легко узнать и слишкомъ ясно, по многимъ признакамъ и приемамъ, что оно не изъ молодого поколѣнія идетъ, не отъ юнаго подростка). И такъ молодежь наша, очевидно, понимаетъ, что, во-первыхъ, можно написать весьма даже рѣзкое письмо, но что подпись подъ такимъ письмомъ придастъ выраженіямъ чрезвычайную цѣну, и что весь характеръ такого письма измѣнится къ лучшему черезъ подпись, которая придастъ ему духъ прямодушія, мужества, готовности постоять и отвѣтить за свои убѣжденія, да и самая рѣзкость выражений покажетъ лишь горячку убѣжденія, а не желаніе оскорбить. И такъ, ясное дѣло, что не подписывающейся ругатель желаетъ главное выругаться площадными ругательствами, желаетъ доставить себѣ прежде всего это именно удовольствіе, а другой цѣли не имѣть. И вѣдь самъ онъ знаетъ, что дѣлаетъ пакость и что самъ себѣ вредить, т. е. силѣ письма своего, но ужъ такова потребность выругаться. Эту черту, т. е. эту потребность, надо замѣтить, ибо она все еще predominируетъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. И пусть не смѣются надо мной, что я вѣрю, что такая черта у насъ predominируетъ; я убѣженъ, что не преувеличиваю, и что мы стоимъ теперь на этой именно точкѣ развитія, такъ сказать, въ массѣ нашей. Къ тому же сообразите и то, что можно во всю жизнь не написать ни одного анонимнаго ругательнаго письма, а между тѣмъ всю жизнь носить въ себѣ душу анонимнаго ругателя; а вѣдь это тоже важное соображеніе. И что въ томъ, что я, въ полтора года, получилъ всего лишь два ругательныхъ письма; это лишь доказываетъ мою невинность и непримѣтность, равно какъ и малый кругъ моей дѣятельности, а сверхъ того и то, что я имѣю дѣло лишь съ порядочными людьми. Другие же дѣятели, болѣе моего примѣтные (а, стало

быть, уже потому одному болѣе моего виновны) и сверхъ того принужденные дѣйствовать по самому роду и характеру изданій своихъ въ чрезвычайно расширенномъ кругѣ дѣйствія, получаютъ ругательныхъ писемъ, можетъ быть, по двѣсти, а не по два въ полтора года. Однимъ словомъ, я убѣжденъ, что европейская цивилизациѣ чрезвычайно мало привила къ намъ гуманности и что у насъ людей, желающихъ выругаться быстро и непосредственно, въ каждомъ случаѣ, который имъ чуть-чуть не понравится, даже, можетъ быть, до того не мало, что страшно сказать; а желающихъ выругаться — притомъ же и безнаказанно, анонимно и безопасно, изъ-за двери, еще того больше, и вотъ какъ разъ анонимное письмо даетъ эту возможность: письмо не прибѣшь и письмо не краснѣеть.

Въ старину у насъ европейской чести не было, наши бояре ругивались и даже дирались между собою откровенно и плюха за большую и окончательную поруху чести не считалась. Но зато у нихъ была своя честь, хоть и не въ европейской формѣ, по не менѣе чѣмъ тамъ священная и серьезная, и изъ-за этой чести бояринъ пре-небрегалъ иной разъ всѣмъ состояніемъ своимъ, положеніемъ своимъ при дворѣ, даже царскою милостью. Но, съ перемѣнами костюма и съ введеніемъ европейской шпаги, началась у насъ новая европейская честь и — въ цѣлые два вѣка не принялась серьезно, такъ что старое забыли и оплевали, а новое приняли недовѣрчиво и скептически. Приняли, такъ сказать, механически, а душевно позабыли, что значитъ честь, и сердечную потребность въ ней утратили, и это, страшно признаться, за весьма, можетъ быть, малыми исключеніями.

Въ эти два вѣка нашего европейского и шпажнаго, такъ сказать, периода, честь и совѣсть, странно даже сказать, сохранилась наиболѣе и даже цѣликомъ въ нашемъ народѣ, до котораго почти и не коснулся шпажный периодъ нашей исторіи. Пусть народъ грязенъ, невѣжественъ, варварственъ, пусть смѣются надъ моимъ предположеніемъ безъ малѣйшаго снисхожденія, но во всю мою жизнь я вынесъ убѣженіе, что народъ нашъ несравненно чище сердцемъ высшихъ нашихъ сословій и что умъ его далеко не настолько раздвоенъ, чтобы рядомъ съ самою свѣтлою идею лѣзть тутъ же, подчасъ же, и самый гаденькій антitezъ ея, какъ сплошь да рядомъ въ интелигенціи нашей, да еще оставаться съ обѣими этими

идеями, не зная, которой изъ нихъ вѣровать и отдать преимущество на практикѣ, да еще называть это соетоліе ума и души своей — богатствомъ развитія, благами европейскаго просвѣщенія, и хоть и умирать при такомъ богатствѣ отъ скучи и отвращенія, но въ то же время изъ всѣхъ силъ смыться надъ простымъ, не тронутымъ еще чужою цивилизацией, народомъ нашимъ за наивность и прямодушіе его вѣрованій... Но тема эта обширна. Просто скажу: самый грубый изъ народа постыдится чужихъ мыслей и побужденій иного нашего „высшаго дѣятеля“, и увѣренъ въ томъ, и съ отвращеніемъ отвернется отъ большей части дѣлъ нашихъ интеллигентныхъ людей. Я увѣренъ, что онъ не понимаетъ и долго еще не пойметъ, что можно наединѣ, за дверями, когда никто не подглядываетъ, дѣлать про себя пакости и считать ихъ вполнѣ дозволительными, нравственно дозволенными, единственно потому, что нѣтъ свидѣтелей и никто не подглядываетъ,—а между тѣмъ эта черта до ужаса часто практикуется въ интеллигентномъ сословіи нашемъ, да еще безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, и даже, напротивъ, весьма часто съ высшимъ удовлетвореніемъ ума и высшихъ свойствъ просвѣщенаго духа. По понятіямъ народа, то, что пакостно на міру, пакостно и за дверями. Между тѣмъ мы на народѣ-то и смотримъ именно, какъ на пахабника, пакостника, обскурантнаго ругателя и находящаго лишь наслажденіе въ ругательствѣ. Кстати припомнить, тѣмъ болѣе, что это уже давно прошло и измѣнилось. Во времена моей юности было у военныхъ людей, въ огромномъ большинствѣ ихъ, убѣжденіе, что русскій солдатъ, какъ вышедший изъ народа, чрезвычайно любить говорить пахабности, ругатель и сквернословъ. А потому, чтобы быть популярными, иные командиры, на ученияхъ, напримѣръ, позволяли себѣ такъ ругаться, съ такими уточненностями и вывертами, что солдаты буквально краснѣли отъ этихъ ругательствъ, а потомъ, у себя въ казармахъ, старались забыть высказанное начальствомъ, и на того, который припоминалъ, вскрикивали всею артелью. Я бывалъ самъ лично тому свидѣтелемъ. А командиры-то какъ довольны были въ душѣ, что вотъ, дескать, какъ они поддѣлялись подъ духъ русскаго солдата. Да чего,—даже Гоголь въ „Перепискѣ съ друзьями“, совѣтовалъ пріятелю, распекая крѣпостнаго мужика всенародно, употреблять непремѣнно крѣпкія слова, и даже приводилъ какія именно, т.-е. именно тѣ

изъ нихъ, которыя садче, въ которыхъ какъ можно больше бы оказывалось, такъ сказать, нравственной пахабности, чѣмъ наружной, утонченности чтобъ въ ругательствѣ больше было. Между тѣмъ народъ русскій хоть и ругается, къ сожалѣнію, крѣпкими словами, но далеко не весь, далеко не весь, въ самой незначительной даже своей долѣ (повѣрять ли тому?), а главное (и безспорно), ругается онъ скорѣе машинально, чѣмъ съ нравственnoю утонченностью, скорѣе по привычкѣ, чѣмъ съ умысломъ, и вотъ это-то, послѣднее-то, т.-е. съ умысломъ, случается лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ экземплярахъ у бродягъ, пропоющъ и всякихъ стрюцкихъ, презираемыхъ народомъ. Народъ хоть и ругается по привычкѣ, но самъ знаетъ, что эта привычка скверная, и осуждаетъ ее. Такъ что отучить народъ отъ ругательствъ, по-моему, есть просто дѣло механической отвычки, а не нравственного усиленія. Вообще эта идея о народѣ нашемъ, какъ о любителѣ подлыхъ ругательствъ, по моему мнѣнію, укоренилась въ интеллигентномъ слоѣ нашемъ, главное, уже тогда, когда уже произошелъ окончательный, нравственный разрывъ его съ народомъ, кончившійся, какъ известно, со стороны интеллигентнаго слоя ...шего совершеннымъ непониманіемъ народа. Тогда-то явилось много и другихъ всякихъ ошибочныхъ идей о нашемъ народѣ. Пусть не повѣрять мнѣ и свидѣтельству моему, что народъ нашъ вовсе не такой ругатель, какъ до сихъ порь его представляли себѣ и описывали, пусть: я вѣдь убѣжденъ, что свидѣтельство мое оправдается. Тѣ же надежды, которыя возлагаю я на народъ, возлагаю я и на юное поколѣніе наше. Народъ и юное поколѣніе интеллигенціи нашей сойдутся вмѣстѣ вдругъ и во многомъ и гораздо ближе и успѣшище поймутъ другъ-друга, чѣмъ то было въ наше время и въ наше поколѣніе. Въ молодежи нашей есть серьезность и, дай только Богъ, чтобъ она была умнѣе направлена. Кстати о молодежи: одинъ весьма молодой человѣкъ прислалъ мнѣ недавно въ письмѣ весьма рѣзкое возраженіе на одну тему, на какую—умолчу, и подписался подъ своимъ рѣзкимъ (но отнюдь не невѣжливымъ) письмомъ en toutes lettres, да еще выставилъ адресъ. Я пригласилъ его къ себѣ объясниться. Онъ пришелъ и поразилъ меня горячностью и серьезностью своего отношенія къ дѣлу. Кой въ чемъ онъ со мной согласился и ушелъ въ раздумья. Замѣчу еще, что, какъ мнѣ кажется, юное поколѣніе

льніе наше гораздо лучше умѣеть спорить, чѣмъ старики, т.-е. собственно въ манерѣ спора: они выслушиваютъ и даютъ говорить — и это, именно, оттого, что для нихъ разъясненіе дѣла дороже ихъ самолюбія. Уходя, онъ пожалѣлъ о рѣзкости письма своего и все это вышло у него съ неподѣльнымъ достоинствомъ. Руководителей нѣть у нашей молодежи, вотъ что! А ужъ какъ она въ нихъ нуждается, какъ часто она устремлялась съ восторгомъ во слѣдъ людей, хотя и не стоившихъ того, но чуть-чуть если искреннихъ! И каковы или каковъ долженъ быть этотъ будущій руководитель — тамъ какъ бы онъ ни былъ? Да и пошлетъ ли еще намъ такихъ людей наша русская судьба — вотъ вопросы!

III.

Планъ обличительной повѣсти изъ современной жизни.

А вѣдь я обѣ анонимномъ ругателѣ еще не кончилъ. Дѣло въ томъ, что этакой человѣкѣ можетъ представить собою чрезвычайно серьезный литературный типъ, въ романѣ или повѣсти. Главное, тутъ можно и надо взглянуть съ иной уже точки зрѣнія, съ точки общей, гуманной, и согласить ее съ русскимъ характеромъ вообще и съ современною текущею причинностью появленія у насъ этого типа въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, чуть-чуть вы начнете работать надъ этимъ характеромъ, какъ тотчасъ сознаетесь, что у насъ безъ такихъ людей теперь и не можетъ быть, или еще ближе — что только подобнаго рода людей мы, скорѣе всего, и ожидать должны въ наше время, и что если ихъ сравнительно еще мало, то это именно по особой милости Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, все это народъ взрослій въ нашихъ недавнихъ шаткихъ семействахъ, у недовольныхъ скептическихъ отцовъ, передавшихъ дѣтямъ одно равнодушіе ко всему насущному и много-много что какое-то неопределеннное беспокойство насчетъ чего-то грядущаго, страшно фантастического, но во что, однажде, наклонны увѣровать даже эти, такъ называемые, готовые реалисты и холодные ненавистники нашего настоящаго. Да сверхъ того передавшихъ имъ, разумѣется, свой скептическій бессильный смѣхъ, хотя и мало сознательный, но всегда вседовольный. Мало ли взросло за послѣднія двадцать, двадцать пять лѣтъ дѣтей у этихъ гадкихъ завистниковъ, прожившихъ послѣднія выкупныя и оставившихъ дѣтямъ нищету и завѣтъ под-

лости—развѣ мало такихъ семействъ? И вотъ молодой человѣкъ вступаетъ, положимъ, на службу. Фигуры нѣть, „остроумія нѣть“, связей никакихъ. Есть природный умъ, который, вирочемъ, у всякаго есть, но такъ какъ онъ у него воспитанъ прежде всего на беззѣльномъ зубоскальствѣ, вотъ ужъ двадцать пять лѣтъ принимающемся у насъ за либерализмъ, то ужъ, конечно, нашъ герой свой умъ немедленно принимается за геній. О, Боже, какъ не оказаться безграницному самолюбію, когда человѣкъ выросъ безъ малѣйшей нравственной выдержки. И сначала онъ куражился ужасно, но такъ какъ въ немъ все-таки умъ (я для типа предпочитаю взять человѣка нѣсколько умнѣе средины людей чѣмъ глупѣе, ибо только въ этихъ двухъ случаяхъ и возможно появленіе такого типа), то онъ скоро догадывается, что зубоскальство все же вѣщь отрицательная и до положительнаго ни до чего не доведетъ. И что если довольствовался имъ его батюшка, то вѣдь потому, что тотъ былъ все же старый колпакъ, хоть и либеральный человѣкъ, ну а онъ, сынокъ, все же геній, и только вотъ покамѣстъ проявить себя затрудняется. О, онъ, конечно, готовъ на всякую самую положительную подлость въ душѣ, „ибо почему же не употребить подлость въ дѣло? Да и кто можетъ доказать въ нашъ вѣкъ, что подлость есть подлость“ и т. д., и т. д.— Однимъ словомъ, онъ вѣдь взросъ на этихъ готовыхъ вопросахъ. Но онъ скоро догадывается, что нынѣ, чтобы даже и подлость то употребить въ дѣло, надо ждать долгой вакансіи, да къ тому же отъ нравственной готовности на подлость до дѣла даже и ему пожалуй далеко, и надо предварительно еще, такъ сказать, практически выровняться. Ну, конечно, будь онъ поглупѣе, онъ бы мигомъ устроился: „высшія нополновенія долой и примоститься поскорѣе къ тому-то или къ такому-то, да ужъ и тянуть за нимъ лямку послушно и убѣжденно и—въ концѣ карьеры“. Но самолюбіе-то, убѣжденіе-то въ своей геніальности пока еще долго мѣшаетъ: не можетъ онъ даже и въ мысли своей слить столь славную предполагаемую судьбу свою съ судьбой такого-то иль такого-то: „Нѣть-съ, мы пока еще въ оппозиції, а если они захотятъ меня, то пусть сами придутъ—поклонятся“. И вотъ онъ ждетъ, пока кто-нибудь ему поклонится, и злится, злится и ждетъ, а между тѣмъ, подъ бокомъ у него какой-то уже шагнулъ выше его, другой уже примостился, а третій уже сѣлъ ему въ на-

чальники,—этот третій, которому онъ же, тамъ, въ ихъ „высшемъ училищѣ“, изобрѣлъ прозвище и пустилъ на него эпиграмму въ стихахъ, когда рукописный училищный журналъ издавалъ и слыль тамъ за генія. „Нѣтъ-сь, это обидно! Нѣтъ, зачѣмъ же не я, а онъ? И вездѣ-то, вездѣ-то все занято! Нѣтъ, думаетъ онъ, тутъ не моя карьера, да и что служить, служать мѣшкѣ, мое поприще литература—и вотъ онъ начинаетъ разсыпать по редакціямъ свои произведенія, сначала *incognito*, потомъ съ обозначеніемъ полнаго имени. Ему, разумѣется, не отвѣ чаютъ; въ нетерпѣніи онъ пускается лично обивать пороги редакцій. При случай, получая обратно рукопись, назволяетъ себѣ даже поострить, желчно позубоскальничать, такъ сказать, сердце сорвать, но все это не помогаетъ. „Нѣть, видно и тутъ все занято“, думаетъ онъ, скорбно усмѣхаясь. Главное, его все мучить роковая забота отыскивать всегда и вездѣ какъ можно больше людей хуже себя. О, онъ бы и понять никогда не могъ, какъ это можно радоваться тому, что есть и лучше его! Вотъ тогда-то онъ и натыкается въ первый разъ на мысль пустить въ какую-нибудь редакцію, изъ тѣхъ, гдѣ его наиболѣе обидѣли, злобное неподписанное письмо. Написалъ, пустилъ, повторилъ въ другой разъ—понравилось. Но послѣствій все-таки никакихъ, все попрежнему кругомъ его глухо, нѣмо и слѣпо. „Нѣть, что жъ это за карьера“, рѣшаетъ онъ окончательно и рѣшаетъ, наконецъ, „примоститься“. Онъ выбираетъ лицо—именно своего начальника—директора, тутъ, можетъ быть, какъ-нибудь помогаетъ ему и случай и связки. И Поприщина у Гоголя началъ вѣдь съ того, что отличился чинкою перьевъ и былъ вытребованъ для сей цѣли въ квартиру его пре восходительства, гдѣ и увидалъ директорскую дочку, для которой очинилъ два пера. Но время Поприщина прошло, да и перьевъ теперь не чинятъ, да и не можетъ измѣнить нашъ герой своему характеру: не перья въ его головѣ, а самая дерзкая мечты. Короче, въ самый корот кий срокъ, онъ уже убѣжденъ, что плѣнилъ директорскую дочку и что та по немъ изнываетъ. „Ну, вотъ и карьера, думаетъ онъ, — да и къ чemu бы годились женщины, если бъ нельзѧ было черезъ нихъ сдѣлать умному человѣку карьеру: въ этомъ, въ сущности, весь женскій вопросъ и заключается, если реально-то обсудить его. А главное, и не стыдно: мало ли кто выходилъ на дорогу

черезъ женщинъ?“ Но—но тутъ какъ разъ подвертывается, какъ и у Поприщина, адъютантъ! Поприщина поступилъ по своему характеру: онъ сошелъ съ ума на мечтѣ о томъ, что онъ Испанскій король. И какъ натурально! Чѣмъ могло оставаться приниженному Поприщину, безъ связей, безъ карьеры, безъ смѣлости и безъ всякой инициативы, да еще въ то петербургское время, какъ не броситься въ самое отчаянное мечтаніе и повѣрить ему? Но нашъ Поприщина, современный намъ Поприщина,— ни за что въ мірѣ не въ состояніи повѣрить, что онъ такой же самый Поприщина, какъ и первоначальный, только повторившійся тридцать лѣтъ спустя. Въ душѣ его громы и молнія, презрѣніе и сарказмы, и—и вотъ онъ бросается тоже въ мечту, но въ другую. Онъ вспоминаетъ, что на свѣтѣ могутъ быть анонимныя письма и что они уже разъ употреблены имъ, и—вотъ онъ рискуетъ свое письмо, но уже не въ журнальную редакцію, а почице-съ: онъ чувствуетъ, что вступаетъ въ новый практическій фазисъ. О, какъ онъ запирается въ своей каморкѣ отъ своей хозяйки, какъ трепещетъ, чтобы за нимъ не подглядѣли, но онъ строчитъ, строчитъ, измѣнная почеркъ, создаетъ четыре страницы клеветъ и ругательствъ, перечитывая съ наслажденіемъ и—просидѣвъ ночь, къ разсвѣту запечатываетъ письмо и адресуетъ—къ жениху адъютанту. Почекъ онъ измѣнилъ, онъ не боится. Вотъ онъ разсчитываетъ часы, вотъ теперь письмо должно дойти—это жениху обѣ его невѣстѣ,—о, тотъ, конечно, откажется, онъ испугается, вѣдь это же не письмо, а „шедѣвръ“! И молодой нашъ другъ изо всѣхъ силъ знаетъ, что онъ подлецкій негодяй; но онъ этому только радъ: „Нынѣ—де время раздвоенія мысли и широкости, нынѣ прямолинейной мыслью не проживешь“.

Разумѣется, письмо не оказалось дѣйствія, свадьба состоялась, но начало сдѣлано, и герой нашъ какъ бы попалъ на свою карьеру. Его обуялъ своего рода миражъ, какъ и Поприщина. Съ жаромъ бросается онъ въ новую дѣятельность, въ анонимныя письма. Онъ вывѣдываетъ про своего генерала, онъ соображаетъ, онъ изливаетъ все, чѣмъ накопилось въ немъ за цѣлые годы неудовлетворенной службы, раздраженного самолюбія, желчи, зависти. Онъ критикуетъ всѣ дѣйствія генерала, онъ осмѣиваетъ его самымъ беспощаднымъ образомъ, и это въ нѣсколькихъ письмахъ, въ цѣломъ рядѣ писемъ. И какъ

ему это сначала нравится? И поступки-то генерала, и жену-то его, и любовницу, и глупость всего ихъ вѣдомства—все, все изобразилъ онъ въ своихъ письмахъ. Мало-по-малу, онъ кидается даже въ государственные соображения, онъ компануетъ письмо къ министру, въ которомъ предлагаетъ измѣнить Россію, уже не церемонясь. „Нѣтъ, министръ не можетъ не поразиться, гений поразить его и письмо дойдетъ, пожалуй, до... До такого то-есть лица, что... Однимъ словомъ, куражъ, шооп *enfant*, и когда станутъ разыскивать автора, тутъ-то я разомъ и объявлюсь, такъ сказать уже безъ застѣнчивости“. Однимъ словомъ, онъ упивается своими произведеніями и поминутно воображаетъ, какъ распечатываются его письма и что затѣмъ происходит на лицахъ тѣхъ лицъ... Въ такомъ расположени духа онъ позволяетъ себѣ иногда даже и пошалить; для шутки пишетъ къ инымъ самимъ смѣшнымъ даже лицамъ, не пренебрегаетъ какимъ-нибудь даже Егоромъ Егоровичемъ, своимъ старишкомъ столонаачальникомъ, котораго и вправду чуть не сводить съ ума, анонимно увѣривъ его, что его супруга завела любовную связь съ мѣстнымъ частнымъ приставомъ (главное, что тутъ на половину могло быть и правды). Такъ проходитъ нѣкоторое время, но... но вдругъ странная идея осѣняетъ его,—именно: что вѣдь онъ Поприщинъ, не болѣе какъ Поприщипъ, тотъ же самый Поприщинъ, но только въ миллионъ разъ подлѣе, и что всѣ эти пасквили изъ-за угла, все это анонимное могущество его есть въ сущности миражъ и больше ничего, да еще самыи гаденькии миражъ, самый паскудненькии и позорный, хуже даже чѣмъ мечта обѣ испанскомъ престолѣ. А тутъ какъ разъ случилось обстоятельство уже серьезное,—не позорное какое-нибудь: „что позоръ, позоръ вздоръ, позора боятся теперь лишь аптекари“, а дѣйствительно страшное обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ страшное. Дѣло въ томъ, что хоть разсудокъ и былъ у него, но все же онъ не удержался и во время своего упоенія новой карьерой, именно послѣ-то письмѣца къ министру, сболтнуль о своихъ письмахъ—кому же? нѣмкѣ, хозяйкѣ своей,—ну, конечно, не все, она бы и не поняла всего, конечно чуть-чуть, такъ, отъ избытка лишь сердца; но каково же было его изумленіе, когда, черезъ мѣсяцъ, тихоня-чиновникъ другого вѣдомства, проживавшій у той же хозяйки въ отдаленной комнаткѣ, злобно-молчаливый человѣчекъ,

вдругъ, разсердившись на что-то, намекнуль ему, проходя мимо въ коридорѣ, на то, что онъ,—то-есть вотъ онъ, чиновникъ-тихоня,—есть „человѣкъ нравственный, и анонимныхъ писемъ, по примѣру нѣкоторыхъ господъ, не пишетъ“. Каково! Сначала онъ не такъ испугался, мало того, проѣзжавъ чиновника—а для того нарочно и даже унизительно помирившись съ нимъ,—онъ убѣдилсѧ, что тотъ ничего почти и не знаетъ. Но... ну, а если знаетъ? Къ тому же въ департаментѣ давно уже начался слухъ о томъ, что кто-то пишетъ начальству по городской почтѣ ругательства и что это непремѣнно кто-то изъ своихъ. Несчастный начинаетъ задумываться, даже не спить по ночамъ. Однимъ словомъ, можно особенно ярко выставить его душевныя муки, его мнительность, его промахи. Наконецъ, онъ почти уже совсѣмъ убѣжденъ, что всѣ все знаютъ, что ему только не говорятъ до времени; что же обѣ исключеніи его изъ службы, то это уже решено, что этимъ, конечно, не ограничится,—однимъ словомъ, онъ почти сходитъ съ ума. И вотъ разъ сидитъ онъ въ департаментѣ и почти беспредѣльное негодованіе подымаетъ его сердце на все и на всѣхъ: „О, злые, проклятые люди, думаетъ онъ,—ну, можно ли такъ притворяться! Вѣдь они знаютъ же, что это я, знаютъ всѣ до единаго, вѣдь они обѣ этомъ шопотомъ говорять другъ съ другомъ, когда я прохожу мимо, знаютъ и бумагу, которая обо мнѣ тамъ въ кабинетѣ приготовлена и... и всѣ притворяются! Всѣ скрываютъ отъ меня! Имъ хочется насладиться, увидѣть какъ меня поташутъ... Такъ нѣтъ же! Нѣтъ же!“ И вотъ онъ, часъ спустя, случайно относить какую-то бумагу въ кабинетъ его пре-восходительства. Онъ входитъ, кладетъ почтительно бумагу на столъ, генераль занять и не обращаетъ вниманія, онъ повертывается, чтобы неслышно выйти, берется за замокъ, и вдругъ, такъ, какъ падаютъ въ бездну, бросается къ ногамъ его пре-восходительства, за секунду и не подозрѣвая о томъ, что бросится: „Все равно погибать, лучше ужъ самъ сознаюсь!“ „Только потише, ваше пре-восходительство, только, пожалуйста, потише, ваше пре-восходительство! Чтобы тамъ не услыхалъ нась кто-нибудь, а я вамъ все расскажу, все расскажу!“—умоляетъ онъ, какъ безумный, изумленного его пре-восходительство, сложа передъ нимъ по-дурману руки. И вотъ, отрывочно, безсвязно, весь дрожа, глупо признается во всемъ, къ вящ-

шему изумлению его превосходительства, совсѣмъ ничего и не подозрѣвавшаго. Но вѣдь и тутъ герой нашъ выдержалъ характеръ вполнѣ,—ибо для чего онъ бросился къ ногамъ генерала? Конечно, отъ болѣзни, конечно отъ мнительности, но главное и отъ того, что онъ,—и страшившій, и униженный, и себя во всемъ обвиняющій,—а все же мечталъ попрежнему, какъ всеупоенный самомнѣніемъ дурачокъ, что, можетъ быть, его превосходительство, выслушавъ его, и все же, такъ сказать, пораженный его гениемъ,—раскроетъ обѣ руки свои, которыми онъ столь много подписываетъ на пользу отечества бумагъ, и заключитъ въ свои объятія: „Неужели, дескать, ты до того доведенъ былъ, несчастный, но даровитый молодой человѣкъ! О, это я, я во всемъ виноватъ, я просмотрѣлъ тебя! Беру всю вину на себя. О, Боже мой, вотъ до чего принуждена доходить наша талантливая молодежь изъ-за вины нашихъ старыхъ порядковъ и предразсудковъ! Но, приди, приди на грудь мою, и—вмѣстѣ со мною раздѣли посты мой, и мы... и мы перевернемъ департаментъ!“ Но такъ не случилось; и потомъ, долго спустя, въ позорѣ и въ униженіи, вспоминая о пинкѣ носкомъ генеральского сапога, пришедшагося ему прямо тогда въ лицо, онъ почти искренно обвинилъ судьбу и людей: „Разъ, дескать, въ жизни моей я раскрылъ людямъ мои объятія вполнѣ, и что же удостоился получить?“ Финаль ему можно придумать какой-нибудь самый натуральный и современный, напримѣръ, его, уже выгнанного изъ службы, нанимаютъ въ фиктивный бракъ за сто рублей, при чемъ послѣ вѣнца онъ въ одну сторону, а она въ другую, къ своему лабазнику: „и мило, и благородно“, какъ выражается частный приставъ у Щедрина о подобномъ же случаѣ.

Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что типъ анонимнаго ругателя—весьма недурная тема для повѣсти. И серьезная. Тутъ, конечно бы, нуженъ Гоголь, но... я радъ, по крайней мѣрѣ, что случайно набрелъ на идею. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ попробую вставить въ романъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Прежніе земледѣльцы—будущіе дипломаты.

Но куда я удалился отъ дѣла? Я началь съ того, что

я въ деревнѣ и радъ тому. Давиенъко-таки я не живалъ въ русской деревнѣ. Но о деревнѣ потомъ, а здѣсь лишь вставлю, что я уже потому, между прочимъ, радъ, что я въ деревнѣ, а не за границей, что не увижу за границей слоняющихся тамъ нашихъ русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ наше, столь народное, столь единительное и патріотическое время, когда именно всюду ищешь у себя дома русскихъ, ждешь русскихъ, желаешь и требуешь русскихъ, въ такое время слишкомъ тяжело видѣть за границей, куда, вотъ ужъ двадцать лѣтъ, ежегодно экспатриируется и гдѣ колонизируется наша интеллигенція, — претвореніе чисто русскаго, сырого и превосходнаго, можетъ-быть, материала въ жалкую, международную дрянь, обезличенную, безъ характера, безъ народности и безъ отечества. Я не про отцовъ говорю, — отцы неисправимы и Богъ съ ними, — а про ихъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ они губятъ за границей. Отцы же даже отъявленнымъ нашимъ русскимъ европейцамъ становятся, наконецъ, смѣши. Г. Буренинъ, отправившійся корреспондентомъ на войну, разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ забавную встрѣчу съ однимъ изъ нашихъ европейцевъ сороковыхъ годовъ, „въ сѣдыхъ почтенныхъ кудряхъ“, проживающимъ постоянно за границей, но пріѣхавшимъ нарочно на войну посмотретьъ на „зрѣлище борьбы“ (разумѣется, съ самаго почтительнаго разстоянія) и разострившимся въ вагонѣ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ вотъ ужъ сорокъ лѣтъ острять эти господа, т.-е. надъ русскимъ духомъ, надъ славянофилами и проч., и проч. Онъ потому-де живетъ за границей, что у насъ въ Россіи „все еще нечего дѣлать серьезному и порядочному человѣку“. (NB. Я привожу цитаты на память). Одна изъ удачнѣйшихъ остротъ его состояла въ томъ, что „уже сдѣлано распоряженіе по желѣзнымъ дорогамъ, привезти въ особомъ вагонѣ, въ виду вступленія нашихъ войскъ въ Болгарію и обновленія славянства — тѣнь Хомякова“. Но этому сѣдокудрому господину можно бы было замѣтить, что самъ онъ очень тоже похожъ на тѣнь какогонибудь, можетъ быть и весьма почтеннаго западно-либеральнаго говорильщика сороковыхъ годовъ, но который теперь, если бъ столько лѣтъ спустя и доживъ до сѣдыхъ кудрей, повторялъ бы то же самое, па чемъ остановился въ своихъ сороковыхъ годахъ, то ужъ, конечно, даже будь онъ хоть самъ Граповскій, казался бы непремѣнно точь-въ-точь такимъ же самымъ шутомъ, какъ и этотъ

господинъ, извѣщавшій о распоряженіи доставить по же-
лѣзной дорогѣ на театръ войны тѣнь Хомякова и о томъ,
что въ нашей Россіи все еще нечего дѣлать порядочному
человѣку.

Эмигрировали изъ Россіи (я удерживаю это слово) двад-
цать лѣтъ назадъ наиболѣе помѣщики и съ тѣхъ порь
эмиграція продолжается съ каждымъ годомъ. Конечно, въ
этомъ числѣ много и не помѣщиковъ, были всякие, но въ
огромномъ большинствѣ, если не всѣ, — болѣе или менѣе
ненавидящіе Россію, иные правственно, вслѣдствіе убѣ-
жденія, „что въ Россіи, такимъ порядочнымъ и умнымъ,
какъ они, людимъ, нечего дѣлать“, другие уже просто не-
навидя ее безо всякихъ убѣждений, такъ сказать, нату-
рально, физически: за климатъ, за поля, за лѣса, за по-
рядки, за освобожденного мужика, за русскую исторію,
однимъ словомъ, за все, за все ненавидя. Замѣчу, что
такая ненависть можетъ быть и весьма пассивная, очень
спокойная и до апатіи равнодушна. А тутъ, какъ разъ,
почувствовались въ рукахъ выкупныя и сверхъ того
ужасно многихъ озарило убѣженіе, что съ освобожденіемъ
крестьянъ все погибло — и деревня, и землевладѣніе, и
дворянство, и Россія. Правда и то, что съ освобожденіемъ
крестьянъ сельскій трудъ остался безъ достаточной орга-
низациіи и обезпеченія, и личное землевладѣніе натурально
струсило и сконфузилось такъ, какъ ни въ какой истори-
ческій переворотъ не могло бы случиться больше. Вотъ и
пустились помѣщики продавать и продавать, и часть ихъ
(слишкомъ не малая) бросилась за границу. Но что бы ни
выставляли они себѣ въ оправданіе, но не могутъ же они
утаить, и передъ согражданами, и передъ дѣтьми своими,
что главная причина ихъ эмигрированія была тоже и
приманка эгоистического „ничего-недѣланья“. И вотъ съ
тѣхъ порь русская личная поземельная собственность въ
полнѣйшемъ хаосѣ, продаются и покупаются, мѣняется
своихъ владѣтелей поминутно, мѣняется даже видъ свой,
обезлѣсивается, — и во чѣо обратится она, за кѣмъ оста-
нется она окончательно, изъ кого составится окончательно
обновленное русское землевладѣльческое сословіе, въ ка-
кую форму преобразится оно въ концѣ концовъ — все это
трудно предсказать, а между тѣмъ, если хотите, въ этомъ
главнѣйшей вопросѣ русской будущности. Это ужъ ка-
кой-то законъ природы, не только въ Россіи, но и во
всемъ свѣтѣ: кто въ странѣ владѣютъ землей, тѣ и хо-

зяева той страны, во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ бывало вездѣ и всегда. Но у насъ, скажутъ, сверхъ того община,— вотъ значитъ и хозяева. Но... вопросъ объ общинахъ развѣ изъ рѣшенныхыхъ у насъ окончательно? Развѣ пятнадцать лѣтъ назадъ онъ не вошелъ у насъ тоже въ новый фазисъ, какъ и все остальное? Но объ этомъ обо всемъ по-томъ, а заключу пока мою мысль голословно: если въ странѣ владѣніе землей *серъезное*, то и все въ этой странѣ будетъ серъезно, во всѣхъ то-есть отношеніяхъ, и въ самомъ общемъ, и въ частностяхъ. Хлопочутъ, напримѣръ, у насъ о просвѣщеніи, о народныхъ школахъ, а я вотъ вѣрю только тому, что школы тогда только примутся у насъ серъезно и основательно, когда землевладѣніе и земледѣліе наше организуются у насъ серъезно и основательно, и что скорѣе не отъ школы получится хорошее земледѣліе, а, напротивъ, отъ хорошаго лишь земледѣлія (т.-е. отъ правильнаго землевладѣнія) получится хорошая школа, но никакъ не раньше. Параллельно же съ этимъ примѣромъ и все: и порядки, и законы, и нравственность, и даже самый умъ націй, и все, наконецъ, всякое правильное отправленіе національнаго организма организуется лишь тогда, когда въ странѣ утвердится прочное землевладѣніе. То же самое можно сказать и о характерѣ землевладѣнія: будь характеръ аристократическій, будь демократическій, но каковъ характеръ землевладѣнія, таковъ и весь характеръ націи.

Но теперь пока наши бывшіе помѣщики гуляютъ за границей, по всѣмъ городамъ и водамъ Европы, набивая цѣны въ ресторанахъ, таская за собой, какъ богачи, губернантокъ и бонитъ при своихъ дѣтяхъ, которыхъ волятъ въ кружевахъ и въ англійскихъ костюмахъ, съ голыми ножками, напоказъ Европѣ. А Европа-то смотрить и дивится: „Вотъ вѣдь сколько у нихъ тамъ богатыхъ людей, и главное столь образованныхъ, столь жаждущихъ европейскаго просвѣщенія. Это вѣдь изъ-за деспотизма имъ до сихъ поръ не выдавали заграничныхъ паспортовъ, и вдругъ сколько у нихъ оказалось землевладѣтелей и капиталистовъ и удалившихся отъ дѣлъ рантьеровъ,— да больше чѣмъ даже во Франціи, гдѣ столько рантьеровъ“. И расскажите Европѣ, растолкуйте ей, что это чисто-русское явленіе, что никакого тутъ нѣтъ рантьерства, а напротивъ пожираніе основныхъ своихъ фондовъ, сжиганіе свѣчки съ обоихъ концовъ, то Европа, конечно, не повѣ-

рить этому, невозможному у ней, явленію, да и не пойметь его вовсе. И вѣдь, главное, эти сибариты, слоняющіеся по германскимъ водамъ и по берегамъ швейцарскихъ озеръ, эти Лукуллы, проживающіеся въ ресторанахъ Парижа — вѣдь они сами знаютъ и съ нѣкоторою даже болью все же предчувствуютъ, что вѣдь фонды-то они свои, наконецъ, проѣдятъ, и что дѣтямъ ихъ, вотъ этимъ самыми херувимчиками въ англійскихъ костюмчикахъ придется, можетъ-быть, просить по Европѣ милостыню (и будутъ просить милостыню!) или обратиться въ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ (и обратятся въ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ!). Но, думаютъ они, „*après nous le déluge*, да и кто виноватъ: виноваты все тѣ же наши русскіе порядки, наша неуклюжая Россія, въ которой по-рядочному человѣку до сихъ поръ еще ничего сдѣлать нельзя“. Вотъ какъ они думаютъ, а либеральнѣйшіе изъ нихъ, тѣ, которые могутъ называться высшими и чистѣйшими западниками сороковыхъ годовъ, тѣ прибавляютъ еще, можетъ-быть, про себя: „Ну, что жъ, что дѣти останутся безъ состоянія, зато унаслѣдуютъ идею, благородную закваску истиннаго и священнаго образа мыслей. Воспитанные вдали отъ Россіи, они не будутъ знать по-новъ и глупое слово: „Отечество“. Они поймутъ, что Отечество есть предразсудокъ и даже самый пагубнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ. Изъ нихъ выйдутъ благородные общечеловѣческие умы. Мы и только мы, русскіе, положимъ начало этимъ новымъ умамъ. Именно тѣмъ, что проживаемъ за границей наши выкунныя, мы полагаемъ основаніе новому грядущему международному гражданству, которое, рано ли, поздно ли, а обновить Европу, и вся честь за то намъ, потому что мы начали раньше всѣхъ“. Впрочемъ, такъ говорять лишь „сѣдокудрые“, т.-е. еще очень немногіе, ибо много ли передовыхъ-то? Больѣ же практическіе, и даже изъ „сѣдокудрыхъ“ не столь благородные, въ концѣ концовъ, все еще надѣются на „связишки“. Мы-то здѣсь проживаемъ, это правда, да вѣдь и наживаемъ же что-нибудь все-таки, ну, тамъ знакомства, связишки, которая потомъ въ „Отечество-то“, и пригодятся. Къ тому же хоть и въ либеральномъ духѣ воспитываемъ дѣтокъ, да вѣдь все жъ джентльменами,— а въ этомъ вѣдь и все главное. Будутъ они витать въ сферахъ исключительныхъ и высшихъ, а либерализмъ въ высшихъ сферахъ всегда обозначалъ и сопровождалъ

у насъ джентльменство, ибо джентльменскій либерализмъ для высшаго-то, такъ сказать, консерватизма и полезенъ, это всегда у насъ различать умѣли. И что жъ, мы дѣтей растимъ за границей и—какъ разъ, значитъ, готовимъ ихъ въ дипломаты. Чѣмъ за прелестъ здѣсь всѣ эти мѣста при посольствахъ, при консульствахъ и какая бездна-бездна этихъ милѣйшихъ мѣстечекъ, и какъ восхитительно дотированыхъ! Вотъ и хватить на нашихъ дѣтишекъ: и покойно, и хорошо, и дешево, и прочно, да и служба всегда на виду. Да и служба чистенькя, щегольская, джентльменская; а работа,—ну, а работа прелегкая: знай знакомыся съ русскими за границей, изъ тѣхъ, кто попорядочнѣе, а изъ тѣхъ, кто накуролесять да защитить себя консула просятъ—мы тѣхъ свысока обернемъ, поначальственнѣе, и слушать-то не станемъ: „не вѣримъ вамъ, дескать, беспорядки производите сами, все еще воображаете себя въ миломъ отечествѣ, тогда какъ здѣсь мѣсто чистое. Изъ-за васъ непрѣятности получай, да и стѣтъ еще изъ-за такого, какъ вы, иноземное начальство беспокоить; вы только посмотрите на себя въ зеркало, до чего вы дошли-сь!“ Вотъ и вся служба въ этомъ! Однимъ словомъ, сумѣютъ и наши дѣточки выйти въ люди: да-сь, были бы только связи—вотъ чѣмъ первѣе всего надо родительскому сердцу наблюсти, а прочее все приложится по востребованію.

Итакъ, всѣ не столь благородные изъ проживающихъ за границей болѣе или менѣе разсчитываютъ на связушки. Но вѣдь чѣмъ такое связи? Ну, хоть и значать что-нибудь, но вѣдь эта матерья ужасно скоро изнашивается. И далеко бы не мѣшало, кромѣ связей, запасти себѣ—ну хоть немножко знанія Россіи и собственнаго ума, хоть на всякий случай. Теперь же именно, въ эпоху реформъ и новыхъ началъ, у насъ какъ нарочно всѣ собственнымъ умомъ хотятъ жить, всѣ того захотѣли;—идея безспорно просвѣщенная, но то бѣда, что никогда еще у насъ не бывало столь мало собственнаго ума, какъ теперь, при общемъ желаніи имѣть его. Почему это такъ—рѣшать не возьмусь, да и трудно, но одну изъ причинъ, почему херувимчики наши безспорно будутъ дурачками — основательно знаю, и хоть она стара, но укажу на нее. А вирочемъ все то же самое, обѣ чѣмъ я говорилъ и въ прошломъ году. Причина — русскій языкъ, т.-е. недостатокъ русскаго, отечественнаго языка отъ воспитанія за грани-

цей, съ гувернантками и боннами иностранками. Это у насъ и всегда водилось, и прежде, т. е. недостатокъ этотъ, по никогда какъ теперь, когда столько херувимчиковъ взрастетъ за границей. Положимъ, они готовятся въ дипломаты, а дипломатический языкъ, извѣстно, французскій языкъ; русскій же языкъ довольно знать лишь и грамматически. Но такъ ли это? Вопросъ этотъ хоть и до пошлости старый, а между тѣмъ онъ до того еще нерѣшенный, что недавно даже въ печати о немъ опять заговорили, хоть и косвенно, по поводу сочиненій г. Тургенева на французскомъ языкѣ. Выражено было даже мнѣніе, что „не все ли равно г-ну Тургеневу сочинять на французскомъ или на русскомъ языке и что тутъ такого запрещеннаго?“ Запрещеннаго, конечно, нѣтъ ничего и особенно такому огромному писателю и знатоку русскаго языка, какъ Тургеневъ, и если у него такая фантазія, то почему же ему не писать на французскомъ, да и къ тому же если онъ французскій языкъ почти какъ русскій зваетъ. И потому о Тургеневѣ ни слова, но... но я вижу, что я рѣшительно повторлюсь и прошлаго года говорилъ рѣшительно то же самое, на ту же самую тему, и въ этихъ же заграницныхъ мѣсяцахъ, толкуя съ заграницно-русской маменькой о вредѣ французскаго языка для ея херувимчиковъ. Но маменька готовить теперь херувимчиковъ въ дипломаты и вотъ собственно лишь по поводу дипломатіи-то, хоть и непріятно повторяться, но рискну и еще ей словцо.

— Но вѣдь дипломатический языкъ французскій,—прерываетъ меня маменька на этотъ разъ, не давъ мнѣ даже и начать.

Увы, она съ прошлаго года приготовилась, она третираетъ меня свысока.

— Такъ, сударыня, отвѣщаю я,—возраженіе ваше сильное и я согласенъ съ вами безспорно. Но, во-первыхъ, вѣдь что я говорилъ о знаніи русскаго языка, надо приложить и къ французскому, вѣдь не правда ли? Вѣдь, чтобы выразить богатства своего организма на французскомъ языкѣ, надо и французскій языкъ усвоить себѣ богатѣйшимъ образомъ. Ну, такъ знайте же, есть такая тайна природы, законъ елъ, по которому только тѣмъ языккомъ можно владѣть въ совершенствѣ, съ какимъ родился, т.-е. какимъ говорить тотъ народъ, къ которому принадлежите вы. Вы морщитесь, я васъ обидѣлъ, вы смотрите

насмѣшило. Вы махаете ручкой и увѣряете меня, что слышали это еще прошлаго года и что я повторяюсь. Хорошо-съ, я вамъ уступаю, да и тема эта не *дамская*. Я вамъ просто-за-просто уступлю и соглашусь съ вами, что можно и русскому усвоить себѣ французскій языкъ въ совершенствѣ, но съ огромнымъ условиемъ: родиться во Франціи, вырасти въ ней и съ самаго первого часа своей жизни преобразиться въ француза. О, вы развеселились, вы уже улыбаетесь, но замѣтьте, однако, сударыня, что это даже и для васъ не совсѣмъ возможно будеть исполнить касательно вашего херувимчика, несмотря даже на всѣ удобства, т.-е. эмиграцію, выкупнныя, парижскую бонну и проч., и проч. Къ тому же, возьмите въ соображеніе и природные, такъ сказать, дары, потому что нельзя же вѣдь сравнить г. Тургенева и вашего, напримѣръ, херувимчика относительно этихъ даровъ. Много ль, скажите, родится Тургеневыхъ-то... Ахъ нѣть, нѣть, что я! Я опять ошибся, сболтнуль: изъ вашего херувимчика выйдетъ навѣрно Тургеневъ, или даже три Тургенева разомъ, оставимъ это, но... — „Но, прерываете вы вдругъ меня, — вѣдь дипломаты и безъ того всѣ умны, такъ зачѣмъ же ужъ такъ хлопотать объ умѣ? Повѣрьте, были бы только связи. *Mon mari...*“ — Вы совершенно правы, сударыня, перебиваю и я поскорѣе,—были бы связи, и оставляя вашего супруга какъ можно болѣе въ сторонѣ, все-таки прибавлю, что къ связямъ не худо бы хоть немного ума. И во-первыхъ, дипломаты вовсе не потому умны, что они дипломаты, а потому только, что они и до дипломатіи были умные люди, а повѣрьте, что есть даже чрезвычайно много дипломатовъ замѣчательно глупыхъ людей. — „Ахъ, нѣть, вотъ ужъ извините, прерываете вы меня въ петерпѣнїи,—дипломаты всѣ всегда умны, и всѣ на превосходныхъ мѣстахъ, и это самая благородная служба!“ — „Сударыня, сударыня, восклицаю я,—вы говорите: связи и знаніе языковъ, но вѣдь связи только мѣсто доставлять, а тамъ, потомъ... Ну, представьте себѣ: вашъ херувимчикъ взрастаетъ въ ресторанахъ Европы, кутить съ молодыми кокотками въ товариществѣ заграничныхъ виконтовъ и нашихъ русскихъ графовъ, но вѣдь потомъ... Вотъ онъ знаетъ всѣ языки и уже потому одному никакого. Не имѣя же своего языка, онъ естественно схватывается обрывки мыслей и чувствъ всѣхъ націй, умъ его, такъ сказать, сбалтывается еще съ молоду въ какую-то

бурду, изъ него выходитъ международный межеумокъ съ коротенькими, недоконченными идеиками, съ тупою прямолинейностью суждений. Онъ дипломатъ, но для него исторія націй слагается какъ-то по-шутовски. Онъ не видѣтъ, даже не подозрѣваетъ того, чѣмъ живутъ націи и народы, какіе законы въ организмѣ ихъ и есть ли въ этихъ законахъ цѣлое, усматривается ли общій международный законъ. Онъ готовъ выводить всѣ события міра изъ того только, что такая-то, напримѣръ, королева разсердила фаворитку такого-то короля, вотъ и произошла отъ этого война двухъ королевствъ. Позвольте, я буду съ вашей точки зрењія судить. Пусть связи... Но вѣдь для приобрѣтенія связей нуженъ характеръ, нужна, такъ сказать, любезность характера, мягкость, доброта и въ то же время твердость, настойчивость... Дипломатъ вѣдь долженъ быть плѣнителенъ, такъ сказать, плѣнять, побѣждать, не правда ли? Ну, такъ повѣрите ли вы или нѣтъ, когда я вамъ прямо и въ высшей степени опредѣленно скажу, что безъ знанія натурального своего языка, безъ обладанія имъ, нельзя даже выровнять себѣ и характера, особенно если херувимчикъ хорошо и богато одаренъ отъ природы. У него начнутъ же въ свое время рождаться мысли, идеи, чувства, его будутъ давить, такъ сказать, изнутри эти мысли и чувства, ища и требуя себѣ выраженія, а безъ богатыхъ, усвоенныхъ съ дѣтства, готовыхъ формъ выраженія, т.-е. безъ языка, безъ развитія его, безъ утонченостей его, безъ обладанія оттенками его — сынъ вашъ будетъ вѣчно недоволенъ собою; обрывки мыслей перестанутъ его удовлетворять, накопляющейся въ умѣ и въ сердцѣ материалъ потребуетъ основательнаго уже выраженія... Молодой человѣкъ станетъ озабоченъ, разсѣянъ, беспредметно задумчивъ, потомъ брюзгливъ, несносенъ, потомъ разстроить свое здоровье, даже желудокъ, можетъ-быть, вѣрите ли тому...“

Но вижу, вижу, вы покатились со смѣху, я опять увлекся, согласенъ (а вѣдь Боже какую я правду говорю!) но позвольте мнѣ закончить, позвольте мнѣ вамъ напомнить, что я давеча вамъ уступилъ, я съ вами согласился, для виду, что дипломаты все же умные люди, но вы меня до того довели, сударыня, что я принужденъ теперь не скрыть отъ васъ даже самую секретнейшую подкладку взгляда моего на этотъ предметъ. Именно, сударыня, мнѣ, какъ нарочно, нѣсколько уже разъ въ жизни приходило

на мысль, что въ дипломатії, т.-е. во всеобщей дипломатії, всѣхъ народовъ и всего девятнадцатаго столѣтія, чрезвычайно даже мало было умныхъ людей. Даже поражаетъ. Напротивъ, скудоуміе этого сословія въ исторіи Европы нынѣшняго столѣтія... то-есть, видите ли, всѣ они умны, болѣе или менѣе, это безспорно, всѣ остроумны, но умы-то это какіе! Проникалъ ли хоть одинъ изъ этихъ умовъ въ сущность вещей, понималъ ли, предчувствовалъ ли таинственные законы, ведущіе къ чему-то Европу, къ чему-то неизвѣстному, странному, страшному — по теперь уже очевидному, почти воочію совершающемуся въ глазахъ тѣхъ, которые чуть-чуть умѣютъ предчувствовать? Нѣть-съ, положительно можно изречь, что не было ни одного такого дипломата и ни одного такого ума въ этомъ столь почтенномъ и фаворизированномъ сословіи! (Я ужъ, конечно, говоря такъ, исключаю Россію и все отечественное, потому что мы, по самой сущности нашей, въ этомъ дѣлѣ „особъ статья“). Напротивъ, во все столѣтіе являлись дипломатические умы, положимъ, прехитрѣйшіе интриганы, съ претензіей на реальнѣйшее пониманіе вещей, а между тѣмъ дальше своего носу и текущихъ интересовъ (да еще самыхъ поверхностныхъ и ошибочныхъ) никто изъ нихъ ничего не усматривалъ! Порванная ниточки какъ бы тамъ связать, заплаточку на дырочку положить, „цѣну подбить, вызолотить, за новое сойдется“ — вотъ наше дѣло, вотъ наша работа! И всему тому есть причины — и главнѣйшая, по моему — разъединеніе началъ, разъединеніе съ народомъ и обособленіе дипломатическихъ умовъ въ слишкомъ ужъ, такъ сказать, великосвѣтской и отвлеченнѣй отъ человѣчества, сферѣ. Ну, возьмите, напримѣръ, графа Кавура — это лѣ былъ не умъ, это лѣ не дипломатъ? Я потому и беру его, что за нимъ уже рѣшена гениальность, да къ тому же и потому еще, что онъ умеръ. Но что жъ онъ сдѣлалъ, посмотрите: о, онъ достигъ своего, объединилъ Италію и что же вышло: 2000 лѣтъ носила въ себѣ Италія міровую и объединяющую міръ идею — не отвлеченную какую-нибудь, не спекуляцію кабинетнаго ума, а реальнную, органическую, плодъ жизни націи, плодъ міровой жизни; это было объединеніе всего міра — сначала древне-римское, потомъ папское. Народы, взраставшиe и преходившиe въ эти два съ половиной тысячелѣтія въ Италіи, понимали, что они носители міровой идеи, а не

понимавшие чувствовали и предчувствовали это. Наука, искусство—все облекалось и проникалось этимъ же міровымъ значеніемъ. О, положимъ, что міровая эта идея тамъ, подъ конецъ, сама собой износилась и вся истрастилась, вся вышла (хотя врядъ ли такъ?), но вѣдь что жъ, наконецъ, получилось вмѣсто нея, съ чѣмъ поздравить только-то Италію, чего достигла она лучшаго-то послѣ дипломатіи графа Кавура? А явилось объединенное второстепенное королевствыцио, потерявшее всякое міровое пополновеніе, промѣнявшее его на самое изношенное буржуазное начало,—(тридцатое повтореніе этого начала со времени первой французской революції) — королевство вседовольное своимъ единствомъ, ровно ничего не означающимъ, единствомъ механическимъ, а не духовнымъ (т. е. не прежнимъ міровымъ единствомъ), и сверхъ того въ неоплатныхъ долгахъ, и сверхъ того именно вседовольное своею второстепенностью. Вотъ что получилось, вотъ созданіе графа Кавура! Однимъ словомъ, современный дипломатъ есть именно „великій звѣрь на малыя дѣла!“ Князь Меттернихъ считался однимъ изъ самыхъ глубокихъ и тончайшихъ дипломатовъ въ мірѣ и ужъ безспорно имѣлъ всеевропейское вліяніе. А между тѣмъ въ чёмъ была его идея, какъ понялъ онъ свой вѣкъ, въ его время лишь начинавшійся, какъ предчувствовалъ онъ грядущее будущее? Увы, онъ со всѣми основными идеями начинавшагося столѣтія рѣшилъ спрятаться по-лицейскимъ порядкомъ и вполнѣ былъ увѣренъ въ успѣхѣ! Посмотрите теперь на князя Бисмарка, вотъ этотъ такъ ужъ безспорно гений, но...

— Finissons, monsieur, строго прерываетъ меня маменька съ видомъ глубоко и свысока оскорбленааго достоинства. Я, разумѣется, тотчасъ же и ужасно пугаюсь. Конечно, я не пойять, конечно, съ маменьками еще нельзя теперь заговаривать на такія темы и я даль страшнаго маху. Но съ чѣмъ можно-то теперь заговаривать о дипломатіи, вотъ вѣдь вопросъ? А вѣдь какая интереснѣйшая тема и какъ разъ въ паше время! Но...

II.

Дипломатія передъ міровыми вопросами.

И какая серьезная тема! Ибо что такое теперь паше время? Всѣ, кто одарены мудростью, говорятъ, что наше время есть время по преимуществу дипломатическое, время

рѣшенія всѣхъ міровыхъ судебъ одной лишь дипломатіей. Утверждаютъ, напримѣръ, что будто бы гдѣ-то теперь у насъ идетъ война. И я даже слышалъ о томъ, что идетъ войны, но мнѣ говорятъ, и я читаю вездѣ, что если и есть тамъ что-то и гдѣ-то въ родѣ войны, то все это навѣрно не такъ понимается... По крайней мѣрѣ, рѣшено, что эта война ничему ни помѣшаетъ, т. е. ни какимъ здравымъ отправлѣніямъ націи, совмѣщающимся, по послѣднимъ взглядаѣ всего того что называется вообще „премудростью“, преимущественно и даже единственно въ одной лишь дипломатіи; и что самыя даже эти военные прогулки, маневры и проч. всегда, впрочемъ, необходимы, — въ истинномъ смыслѣ вещей составляютъ не болѣе какъ лишь одинъ изъ фазисовъ высшей дипломатіи и ничего болѣе. Такъ и надо вѣровать. Съ моей стороны я очень наклоненъ этому вѣрить, ибо все это очень успо-коительно, но вотъ, однако, что любопытно и что ужасно какъ выдается: у насъ, напримѣръ, загорѣлся восточный вопросъ, загорѣлся онъ и во всей Европѣ тотчасъ же, какъ и у насъ, даже раньше, — и это ужасно понятно: всѣ и даже не дипломаты (и даже особенно если не дипломаты) — всѣ знаютъ давнымъ-давно, что восточный вопросъ — есть, такъ сказать, одинъ изъ міровыхъ вопросъ, одинъ изъ главнѣйшихъ отдельзовъ мірового и ближайшаго разрѣшенія судебъ человѣческихъ, новый грядущій фазисъ этихъ судебъ. Извѣстно, что тутъ дѣло не только одного Востока Европы касается, не только славянъ, русскихъ и турокъ, или тамъ специально болгаръ какихъ-нибудь, но тоже и всего Запада Европы, и вовсе не относительно только морей и проливовъ, входовъ и выходовъ, а гораздо глубже, основнѣе, стихійнѣе, пасущнѣе, существеннѣе, первоначальнѣе. А потому понятно, что Европа тревожится и что дипломатія такъ много дѣла. Но какое же, однако, дѣло у дипломатіи? — вотъ мой вопросъ! Чѣмъ она-то (по преимуществу теперь) въ восточномъ вопросѣ занята? Дѣло дипломатіи (а иначе она и дипломатіей бы не была), дѣло ея теперь — конфисковать восточный вопросъ во всѣхъ отношеніяхъ и поскорѣй увѣрить всѣхъ, кого слѣдуетъ и не слѣдуетъ, что никакого вопроса вовсе и не начиналось, что все это только такъ, маневрики и прогулочки — и даже, если только можно, то увѣрить, что восточный вопросъ не только не начинался, но и никогда его не бывало на

свѣтъ, не существовало, а только туману лѣть сто назадъ напустили, изъ видовъ, и тоже дипломатическихъ, такъ вотъ и лежитъ этотъ нерастолкованный туманъ до сихъ поръ. Откровенно скажу, что этому можно бы даже и повѣрить, если бъ тутъ какъ разъ не представлялась одна загадка, но уже не дипломатическая (вотъ бѣда!), ибо дипломатія никогда и ни за что не берется за такие загадки, мало того, отворачивается отъ нихъ съ презрѣніемъ, ибо считаетъ ихъ недостойными высшихъ умовъ фантазіями. Эту загадку можно бы формулировать въ такомъ видѣ: „почему это всегда такъ происходитъ, и особенно въ послѣднее время, съ половины, т. е., девятнадцатаго столѣтія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нагляднѣе и осозательнѣе, почему — чуть лишь дѣло коснется въ мірѣ до чего-нибудь мірового, всеобщаго, какъ тотчасъ же, рядомъ съ однимъ поднявшимся гдѣ-нибудь міровымъ вопросомъ, поднимаются параллельно тому и *всѣ остальные міровые вопросы*, такъ что мало, напримѣръ, теперь Европѣ одного поднявшагося мірового вопроса, восточного, пѣтъ, она рядомъ съ нимъ нежданно-негаданно, вдругъ поднимаеть во Франціи вопросъ, и тоже міровой, католической? И католический вопросъ не потому только, что вотъ-де умреть скоро папа, то Франція, какъ представительница католичества, должна позаботиться объ томъ, чтобы отнюдь не исчезло и не измѣнилось ничего въ установившейся вѣками организаціи католичества, а и потому еще, что католичество принято тутъ видимо за общее знамя соединенія всего стараго порядка вещей, за всѣ девятнадцать вѣковъ, — соединенія противъ чего-то новаго и грядущаго, насущнаго и рокового, противъ грозящаго вселенной обновленія новымъ порядкомъ вещей, противъ соціального, нравственнаго и коренного переворота во всей западноевропейской жизни, или, по крайней мѣрѣ, если и не совершился обновленіе это, то противъ страшнаго потрясенія и колоссальной революціи, которая несомнѣнно грозить потрясти всѣ царства буржуазіи во всемъ мірѣ, вездѣ, гдѣ они организовались и процвѣли, по шаблону французскому 1789 года, грозить сковырнуть ихъ прочь и стать на ихъ мѣсто. Кстати, на минутку отступлю отъ темы и сдѣлаю одно необходимое *Nota bene*, ибо предчувствуя, какъ емѣшно покажется инымъ мудрецамъ, особенно либеральнымъ, что я, въ самомъ разгарѣ девятнадцатаго столѣтія, называю Францію державою католи-

ческой, представительницей католичества! А потому въ разъясненіе моей мысли и объявлю пока голословно, что Франція есть именно такая страна, которая, если бъ въ ней не оставалось даже ни единаго человѣка вѣрящаго не только въ папу, но даже въ Бога, все-таки будетъ продолжать оставаться страной по преимуществу католической, представительницей, таъ сказать, всего католического организма, знаменемъ его, и это пребудетъ въ ней чрезвычайно долгое время, даже до невѣроятности, до того, можетъ быть, времени, когда Франція перестанетъ быть Франціей и обратится во что-нибудь другое. Мало того: и соціализмъ-то самый начнется въ ней по католическому шаблону, съ католической организаціей и закваской, не иначе,—до такой степени эта страна есть страна католическая! Ничего этого подробно теперь не стану доказывать, а покамѣстъ укажу лишь, напримѣръ, на то: почему это такъ вдругъ подтолкнуло маршала Макъ-Магона возбудить и поднять, ни съ того ни съ сего, именно католический вопросъ? Этотъ храбрый генералъ (впрочемъ, почти вездѣ побѣжденный, а въ дипломатіи отличившійся коротенькой фразой: „*j'y suis et j'y reste*“) — этотъ генералъ вовсе не изъ такихъ, кажется, дѣятелей, чтобы въ состояніи былъ *сознательно* поднять что-либо въ этомъ родѣ. А вотъ началъ же, поднялъ же самый капитальный изъ старо-европейскихъ вопросовъ, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ и должно было ему подняться — но главное: почему, почему именно какъ разъ въ ту минуту поднять, какъ на другомъ концѣ міра загорѣлся другой міровой вопросъ, восточный вопросъ? Почему вопросъ къ вопросу жмется, почему одинъ другой вызываетъ, тогда какъ, казалось бы, между ними и связи-то нѣть? Да и не одни эти два вопроса поднялись вмѣстѣ: съ восточными поднялись и еще вопросы, поднимутся и еще, и еще, если онъ правильно разовьется. Однимъ словомъ, всѣ главнѣйшие вопросы Европы и человѣчества въ нашъ вѣкъ начали подниматься всегда одновременно. И вотъ одновременность-то эта и поражаетъ. Условіе-то это непремѣнно всѣмъ вопросамъ явиться вмѣстѣ и составляетъ загадку! Но для чего я это все говорю. А вотъ именно въ виду того, что дипломатія на такіе именно вопросы и смотритъ съ презрѣніемъ. Она не только не признаетъ никакихъ подобныхъ совпаденій, но и думать-то о нихъ не желаетъ. Миражи, дескать, вздоръ и пустяки: „нѣть этого всего ничего, а

просто маршалу Макъ-Магону, а пуще его супругѣ чѣго-то захотѣлось, вотъ все и вышло". А потому, несмотря на то, что самъ же я провозгласилъ, начиная этотъ отдѣлъ главы, что время наше по преимуществу дипломатическое, а прочее все миражъ — самъ же я принужденъ этому не повѣрить первый. Нѣть, тутъ загадка! Нѣть, тутъ рѣшаетъ дѣло не одна дипломатія, а и еще что-то другое. И признаюсь, я чрезвычайно смущенъ этимъ выводомъ; я такъ наклоненъ былъ вѣрить въ дипломатію, а всѣ эти новые вопросы — все это только новыя хлопоты и больше ничего...

III.

Никогда Россія не была столь могущественною, какъ теперь, — рѣшеніе недипломатическое.

Въ самомъ дѣлѣ, я вотъ предложилъ одинъ вопросъ и пока лишь развилъ его голословно. Но всегда мнѣ представлялся, и еще задолго до этого теперешняго вопроса (т.-е. вопроса о совокупности появленія разомъ всѣхъ міровыхъ вопросовъ, чуть лишь одинъ изъ нихъ подымется), еще другой вопросъ, несравненно простѣйшій и естественнѣйшій, но на который, именно потому что онъ такъ простъ и естественъ, люди мудрости и не обращаются почти никакого вниманія. Вотъ этотъ другой вопросъ: Да, пусть дипломатія есть и была, всегда и вездѣ, рѣшительницей всѣхъ основныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ человѣчества, и будетъ впредь; но всегда ли окончательное рѣшеніе европейскихъ вопросовъ отъ нея зависитъ? Не бываетъ ли, напротивъ, такого фазиса, такой точки въ каждомъ вопросѣ, когда уже нельзя разрѣшить его всѣмъ извѣстнымъ успокоительнымъ способомъ, дипломатическимъ, т.-е. заплаточками. И хоть и безспорно, что всѣ міровые вопросы, съ точки зрењія дипломатического, а, стало-быть, и здраваго смысла, всегда объясняются не болѣе какъ тѣмъ, что такимъ-то вотъ державамъ захотѣлось расширенија границъ, или лично чѣго-то захотѣлось такому-то храброму генералу, или не понравилось что-нибудь какой-нибудь знатной дамѣ и проч., и проч. (пусть, это безспорно, я это ужъ уступлю, ибо здѣсь премудрость), — но все-таки не бываетъ ли въ извѣстный моментъ, даже вотъ и при этихъ-то самыхъ реальныхъ причинахъ и ихъ объясненіяхъ, такой точки въ ходѣ дѣлъ, такого фазиса, когда появляются вдругъ какія-то стран-

ные другія силы, положимъ, и непонятныя, и загадочныя, по которымъ овладѣваютъ вдругъ всѣмъ, захватываютъ все разомъ въ совокупности и влекутъ неотразимо, слѣпо, въ родѣ какъ бы подъ гору, а, пожалуй, такъ и въ бездну? Въ сущности я хотѣлъ бы только узнать: всегда ли такъ ужъ надѣется на себя и на средства свои дипломатія, что никакихъ подобныхъ силъ, и точекъ, и фазисовъ не боится вовсе, а, пожалуй, такъ и не предполагаетъ ихъ вовсе? Увы, кажется, что всегда, а потому: какъ я повѣрю ей и довѣрюсь ей, и могу ли принять ее за окончательную рѣшительницу судебъ столь блажнаго и безпутнаго еще человѣчества!

Увы, въ пространной исторіи Кайданова, есть одна величайшая изъ фразъ. Это именно когда онъ, въ Новой Исторіи, приступилъ къ изложенію французской революціи и появлению Наполеона I. Фраза эта есть начало главы и она осталась въ моей памяти на всю жизнь, вотъ она: „Глубокая тишина царствовала во всей Европѣ, когда Фридрихъ Великій закрывалъ навѣки глаза свои; но никогда подобная тишина не предшествовала такой великой бурѣ!“—Скажите, что знаете вы выше изъ фразъ? Въ самомъ дѣлѣ, кто тогда въ Европѣ, т.-е. когда Фридрихъ Великій закрывалъ навѣки глаза свои, могъ бы предузнать, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ, что произойдетъ съ людьми и съ Европой въ теченіе слѣдующаго тридцатилѣтія? Я не говорю про какихъ-нибудь тамъ обыкновенныхъ образованыхъ людей, или даже писателей, журналистовъ, профессоровъ. Всѣ они, какъ известно, сбились съ толку: Шиллеръ написалъ, напримѣръ, тогда, дифрамбъ на открытие національного собранія, путешествовавшій по Европѣ молодой Карамзинъ смотрѣлъ съ умилительнымъ дрожаніемъ сердца на то же событие, а въ Петербургѣ, у насъ, еще задолго передъ симъ красовался мраморный бюстъ Вольтера. Нѣтъ, я обращаюсь прямо къ самой высшей премудрости, прямо къ всерѣшителамъ судебъ человѣческихъ, т.-е. къ самимъ дипломатамъ, съ вопросомъ: предугадывали ли они тогда хоть что-нибудь изъ того, что въ слѣдующее тридцатилѣтіе произойдетъ?

Но вѣдь вотъ что ужасно: если бъ я спросилъ объ этомъ дипломатовъ (и замѣтьте, всѣ почти европейскіе дипломаты учились по „Кайдашѣ“)—и если бъ они удостоили меня выслушать, то навѣрно отвѣтили бы съ вы-

сокомърнымъ смѣхомъ, что „случайностей предвидѣть нельзя, и что вся мудрость состоить лишь въ томъ, чтобы ко всяkimъ случайностямъ быть готовымъ“.

Каково-сь! Нѣтъ, я вамъ скажу: это отвѣтъ типической, и хотя я самъ его выдумалъ, потому что ни одного дипломата не беспокоилъ вопросами (да и не смѣю), но весь ужасъ мой въ томъ, что я вѣдь увѣренъ, что мнѣ именно такъ отвѣтили бы, а потому я и назвалъ сей отвѣтъ типическимъ. Ибо что такое, скажите, были эти события конца прошлаго вѣка въ глазахъ дипломатовъ — какъ не случайности? Были и есть. А Наполеонъ, напримѣръ — такъ ужъ архи-случайность, и не явись Наполеонъ, умри онъ тамъ, въ Корсикѣ, трехъ лѣтъ отъ рода отъ скарлатины — и третье сословие человѣчества, буржуазія, не потекло бы съ новымъ своимъ знаменемъ въ рукахъ измѣнить весь ликъ всей Европы (что продолжается и до сихъ поръ), а такъ бы и осталось сидѣть тамъ у себя въ Парижѣ, да пожалуй и замерло бы въ самомъ началѣ!

Дѣло въ томъ, что мнѣ кажется, что и нынѣшній вѣкъ кончится въ Старой Европѣ чѣмъ-нибудь колоссальнымъ, т.-е., можетъ-быть, чѣмъ-нибудь хотя и не буквально похожимъ на то, чѣмъ кончилось восемнадцатое столѣтіе, но все же, настолько же колоссальнымъ — стихійнымъ, и страшнымъ, и тоже съ измѣненіемъ лика міра сего — по крайней мѣрѣ, на Западѣ Старой Европы. И вотъ, если наши премудрые будутъ утверждать, что нельзя же предугадать случайностей и т. д., мало того: если имъ даже и въ голову что-нибудь объ этомъ финалѣ не заходило, то...

Однимъ словомъ: заплаточки, заплаточки и заплаточки!

Ну, что же, будемъ благоразумны, будемъ ждать. Заплаточки, вѣдь, если хотите, вещь тоже необходимая и полезная, благоразумная и практическая. Тѣмъ болѣе, что заплаточками, напр., обмануть врага можно. Вотъ у насъ теперь война, и если бъ случилось, что Австрія повернулась бы къ намъ враждебно, то „заплаточкой“ ее какъ разъ можно ввести въ обманъ, въ который сама же она съ удовольствиемъ втюрится, ибо что такое Австрія? Сама-то она чуть не на ладанъ дышитъ, развалиться хочетъ, точно такой же „больной человѣкъ“ какъ и Турція, да, можетъ-быть, и еще того плоше. Это образецъ всевозможныхъ дуализмовъ, всевозможныхъ внутри себѣ враждебныхъ сведеній, народностей, идей, всевозмож-

ныхъ несогласій и противорѣчивыхъ направлений; тутъ и венгры, тутъ и славяне, тутъ и нѣмцы, тутъ и царство жидовъ... Ну, а теперь, благодаря ухаживанію за ней дипломатіи, она и впрямь, пожалуй, можетъ вздумать о себѣ, что она — могущество, которое и дѣйствительно много значитъ и многое можетъ сдѣлать въ общемъ рѣшеніи судебъ. Такой обманъ воображенія, возбужденный именно посредствомъ ухаживанія и заплаточекъ, для рѣшенія славянскихъ судебъ выгоденъ, ибо можетъ на время отвлечь врага, а къ моменту рѣшенія, когда онъ вдругъ увидитъ, что его никто не боится, и что онъ вовсе не могущество — можетъ поразить его упадкомъ духа, по-просту сконфузить. Другое дѣло Англія: это нѣчто по-серезнѣе, къ тому же теперь страшно озабоченное въ самыхъ основныхъ своихъ начинаніяхъ. Эту заплаточками и ухаживаніями не усыпишь. Что ни толкуй ей, а вѣдь она ни за что и никогда не повѣрить тому, чтобъ огромная, сильнейшая теперь нація въ мірѣ, вынувшая свой могучій мечъ и развернувшая знамя великой идеи и уже перешедшая черезъ Дунай, можетъ въ самомъ дѣлѣ пожелать разрѣшить тѣ задачи, за которыхъ взялась она, себѣ въ явный ущербъ, и единственно въ ея, Англіи, пользу. Ибо всякое улучшеніе судебъ славянскихъ племенъ, есть, *во всякомъ случаѣ*, явный для Англіи ущербъ, и заплаточками тутъ ни за что и никого не умаслишь: не повѣрять! Просто ничему въ Англіи не повѣрять. Да и какими аргументами убѣдить ее? „Я вотъ, дескать, немножко начну, но не кончу“. Но вѣдь въ политикѣ начало дѣла есть все, ибо начало, естественно, рано ли, поздно ли приведетъ къ концу. Чтѣ въ томъ, что окончаніе завершится не сегодня, все равно завершится завтра. Однимъ словомъ, они не повѣрять, а потому надо бы и намъ англичанамъ не вѣрить, или какъ можно меньше вѣрить, разумѣется, про себя. Хорошо бы намъ тоже догадаться, что Англія въ самомъ критическомъ теперь положеніи, въ которомъ когда-либо находилась. Это критическое ея положеніе можетъ быть формулировано точнѣйшимъ образомъ въ одномъ словѣ *удиненіе*, ибо никогда еще, можетъ быть, Англія не была въ такомъ страшномъ уединеніи, какъ теперь. О, какъ бы она рада была теперь найти въ Европѣ союзъ, какой-нибудь *entente cordiale*. Но бѣда ея въ томъ, что не было еще момента въ Европѣ, когда бы труднѣе было составить союзъ. Ибо именно теперь въ Европѣ все

поднялось одновременно, всѣ міровые вопросы разомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ міровыя противорѣчія, такъ что каждому народу и государству страшно мою собствен-
наго дѣла у себя дома. А такъ какъ англійскій интересъ не міровой, а давно уже отъ всего и всѣхъ отъединен-
ный и единственно касающійся одной только Англіи, то,
на время, по крайней мѣрѣ, она и останется въ чрезвы-
чайномъ уединеніи. О, разумѣется, ей можно бы было со-
гласиться даже и съ преслѣдующими другую цѣль изъ
взаимныхъ выгодъ: „Я, дескать, тебѣ то доставлю, а ты
мнѣ это“.—Но по характеру-то теперешнихъ заботъ европ-
ейскихъ трудно въ этомъ родѣ entente cordiale соста-
вить, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту, и придется
долго ждать, пока потомъ, въ будущемъ развитіи, най-
дется такой моментъ, что можно будетъ и ей куда-нибудь
съ своимъ союзомъ примазаться. Кроме того Англія прежде
всего надобенъ союзъ выгодный, т. е. такой, при которомъ
она возьметъ все, а сама отплатить по возможности ни-
чтъмъ. Ну, вотъ именно такого-то выгоднаго союза теперь
всего болѣе не предвидится, и Англія въ уединеніи. О,
если бъ этимъ уединеніемъ мы могли удачно воспользовать-
ся! Но тутъ другое восклицаніе: „О, если бъ мы были
менѣе скептиками и моглиувѣровать въ то, что есть
міровые вопросы и что не миражъ они! Главное то, что
у насъ въ Россіи очень большая часть интеллигенції
нашей всегда какъ-то видѣть и принимаетъ Европу не
реально, какъ она есть теперъ, а всегда какъ-то заднимъ
числомъ, съ запаздываніемъ. Въ будущность не загляды-
ваютъ, а наклонны судить болѣе по прошедшему, даже
по давно прошедшему.

А между тѣмъ міровые вопросы существуютъ дѣйстви-
тельно, и какъ бы это въ нихъ-то не вѣрить, да еще
намъ-то? Два изъ нихъ уже поднялись и влекутся уже
не человѣческою премудростью, а стихійною своею силою,
основною органическою своею потребностью, и не могутъ
уже оставаться безъ разрѣшенія, несмотря на всѣ расчеты
дипломатіи. Но есть и третій вопросъ, и тоже міровой, и
тоже подымается и почти уже поднялся. Вопросъ этотъ
въ частности можно назвать германскимъ, а въ сущности,
въ цѣломъ, какъ нельзя болѣе всеевропейскимъ, и какъ
нельзя сильнѣе слить онъ органически съ судьбой всей
Европы и всѣхъ остальныхъ міровыхъ вопросовъ. Каза-
лось бы, однако, па видѣ, что ничего не можетъ быть

спокойнѣе и безмятежнѣе, какъ теперь Германія: въ спо-
койствіи грозной силы своей она смотритъ, наблюдаетъ и
ждеть. Всѣ, болѣе или менѣе, въ ней нуждаются, всѣ,
болѣе или менѣе, отъ нея зависятъ. И однако... все это
миражъ! Вотъ то-то и есть, что у всѣхъ теперь въ Европѣ
свое дѣло, у каждого объявилось по собственному своему
самоважнѣйшему вопросу, по вопросу такой важности,
какъ само почти существованіе, какъ вопросъ о томъ,
быть иль не быть. Вотъ этакій самый вопросъ нашелся и
у Германіи, и какъ разъ въ ту минуту, какъ поднялись
и другіе міровые вопросы—и вотъ это-то состояніе Европы,
прибавлю забѣгая впередъ, какъ не надо болѣе выгодно
для Россіи въ данный моментъ! Ибо никогда она не была
столь нужна Европѣ и могущественѣе въ глазахъ ея, и
между тѣмъ столь отъединеннѣе отъ поднявшихся въ ней,
въ этой старой Европѣ, самыхъ капитальныхъ и страш-
ныхъ, но *своихъ*, ей только, старой Европѣ, а не Россіи
свойственныхъ вопросовъ. И никогда союзъ Россіи не цѣ-
нился бы выше, какъ теперь въ Европѣ, никогда еще
она не могла себя съ большею радостью поздравить съ тѣмъ,
что она не старая Европа, а новая, что она сама по
себѣ, свой особый и могучій міръ, для котораго именно
теперь наступилъ мометъ вступить въ новый и выстїп
фазисъ своего могущества, и болѣе чѣмъ когда-нибудь
стать независимою отъ прочихъ, *ихнихъ*, роковыхъ вопро-
совъ, которыми старая, дряхлая Европа связала себя!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Германскій міровой вопросъ. Германія страна протестующая.

Но мы заговорили про Германію, про теперешнюю за-
дачу ея, теперешній ея роковой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мі-
ровой вопросъ. Какая же это задача? И почему эта за-
дача лишь теперь обращается для Германіи въ столь хло-
потливый вопросъ, а не прежде, не недавно, не годъ на-
задъ, или даже не два мѣсяца назадъ?

Задача Германіи одна, и прежде была и всегда. Это
ея *протестантизмъ*,—не та единственno формула этого
протестантства, которая опредѣлилась при Лютерѣ, а
всегдашнее ея протестантство, всегдашній *протестъ* ея—
противъ римскаго міра, начиная съ Арминія, противъ
всего, что было Римомъ и римской задачей, и потомъ

противъ всего, что отъ древніаго Рима перешло къ новому Риму и ко всѣмъ тѣмъ народамъ, которые восприняли отъ Рима его идею, его формулу и стихію, къ наслѣдникамъ Рима и ко всему, что составляетъ это наслѣдство. Я убѣжденъ, что нѣкоторые изъ читателей, прочтя это, вскинутъ плечами и засмѣются: „ну, можно ли, дескать, въ девятнадцатомъ столѣтіи, въ вѣкъ новыхъ идей и науки, толковать о католичествѣ и протестантствѣ, какъ будто мы еще въ среднихъ вѣкахъ! И если еще есть, пожалуй, религіозные люди и даже фанатики, то сохранились какъ археологическая рѣдкость, сидѣть по опредѣленнымъ мѣстамъ и угламъ, осужденные и всѣми осмѣянныя, а, главное, въ самомъ маломъ числѣ, въ видѣ ничтожной мизерной кучки отсталыхъ людей. И такъ, можно ли ихъ считать за что-нибудь въ такомъ высшемъ дѣлѣ, какъ міровая политика?“

Но я не религіозный протестъ разумѣю, я не останавливаюсь на временныхъ формулахъ идеи древне-римской, равно какъ и вѣковѣчнаго германскаго противъ нея протеста. Я беру лишь основную идею, начавшуюся еще двѣ тысячи лѣтъ тому и которая съ тѣхъ поръ не умерла, хотя постоянно перевоплощалась въ разные виды и формулы. Теперь именно весь этотъ крайній западно-европейскій міръ,—именно унаследовавшій римское наслѣдство, мучится родами новаго перевоплощенія этой унаследованной древней идеи, и это для тѣхъ, кто умѣеть смотрѣть, до того наглядно, что и объясненій не просить.

Древній Римъ первый родилъ идею всемірнаго единенія людей, и первый думалъ (и твердо вѣрилъ) практически ее выполнить въ формѣ всемірной монархіи. Но эта формула пала предъ христіанствомъ,—формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейскаго человѣчества, изъ нея составилась его цивилизациѣ, для нея одной лишь оно и живетъ. Пала лишь идея всемірной римской монархіи и замѣнилась новымъ идеаломъ всемірнаго же единенія во Христѣ. Этотъ новый идеалъ раздвоился на восточный, то-есть идеалъ совершенно духовнаго единенія людей, и на западно-европейскій, римско-католіческій, папскій, совершенно обратный восточному. Это западное римско-католическое воплощеніе идеи и совершилось по-своему, не утративъ свое христіанско-духовное начало и подѣлившись имъ съ древне-римскимъ наслѣдствомъ. Римскимъ папствомъ было провозглашено, что христіан-

ство и идея его, безъ всемірного владѣнія землями и народами,—не духовно, а государственно,—другими словами, безъ осуществленія на землѣ новой всемірной римской монархіи, во главѣ которой будетъ уже не римскій императоръ, а папа,—осуществимо быть не можетъ. И вотъ началась опять попытка всемірной монархіи совершенно въ духѣ древне-римского міра, но уже въ другой формѣ. Такимъ образомъ на восточномъ идеалѣ—сначала духовное единеніе человѣчества во Христѣ, а потомъ ужъ, въ силу этого духовнаго соединенія всѣхъ во Христѣ, и несомнѣнно вытекающее изъ него правильное государственное и соціальное единеніе, тогда какъ по римскому толкованію наоборотъ: сначала заручиться прочнымъ государственнымъ единеніемъ въ видѣ всемірной монархіи, а потомъ ужъ, пожалуй, и духовное единеніе подъ началомъ папы, какъ владыки міра сего.

Съ тѣхъ поръ эта попытка въ римскомъ мірѣ шла впередъ и измѣнялась безпрерывно. Съ развитіемъ этой попытки самая существенная часть христіанскаго начала почти утратилась вовсе. Отвергнувъ, наконецъ, христіанство духовно, наследники древне-римского міра отвергли и папство. Программа страшная французская революція, которая въ сущности была не болѣе какъ послѣднимъ видоизмененіемъ и перевоплощеніемъ той же древне-римской формулы всемірного единенія. Но новая формула оказалась недостаточною, новая идея не завершилась. Былъ даже моментъ, когда для всѣхъ націй, унаследовавшихъ древне-римское призваніе, наступило почти отчаяніе. О, разумѣется, та часть общества, которая выиграла для себя съ 1789 года политическое главенство, т. е. буржуазія—восторжествовала и объявила, что далѣе и не надо идти. Но зато всѣ тѣ умы, которые по вѣковѣчнымъ законамъ природы обречены на вѣчное міровое беспокойство, на исканіе новыхъ формулъ идеала и нового слова, необходимыхъ для развитія человѣческаго организма,—всѣ тѣ бросились ко всѣмъ униженнымъ и обойденнымъ, ко всѣмъ не получившимъ доли въ новой формулѣ всечеловѣческаго единенія, провозглашенной французской революціей 1789 года. Они провозгласили свое уже новое слово, именно необходимость всеединенія людей уже не въ виду распределенія равенства и правъ жизни для какой-нибудь одной четверти человѣчества, оставляя остальныхъ лишь сырымъ материаломъ и эксплуатируемымъ сред-

ствомъ для счастья этой четверти человѣчества, а напротивъ: всеединенія людей на основаніяхъ всеобщаго уже равенства, при участіи всѣхъ и каждого въ пользованіи благами міра сего, какія бы они тамъ ни оказались. Осуществить же это рѣшеніе положили *всякими* средствами, т. е. отнюдь уже не средствами христіанской цивилизациі, и не останавливалась ни передъ чѣмъ.

При чѣмъ же тутъ все это время, всѣ эти двѣ тысячи лѣтъ была Германія? Характернѣйшая, существеннѣйшая черта этого великаго, гордаго и особаго народа, съ самой первой минуты его появленія въ историческомъ мірѣ, состояла въ томъ, что онъ никогда не хотѣлъ соединиться, въ призваніи своемъ и въ началахъ своихъ, съ крайне западнымъ европейскимъ міромъ, т.-е. со всѣми преемниками древне-римскаго призванія. Онъ *протестовалъ* противъ этого міра всѣ двѣ тысячи лѣтъ, и хоть и не представилъ (и никогда не представлялъ еще) своего слова, своего строго формулированного идеала взамѣнъ древнеримской идеи, но, кажется, всегда былъ убѣждены, внутри себя, что въ состояніи представить это новое слово и повести за собою человѣчество. Онъ бился съ римскимъ міромъ еще во времена Арминія, затѣмъ во времена римскаго христіанства онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь бился за верховную власть съ новымъ Римомъ. Наконецъ, протестовалъ самымъ сильнымъ и могучимъ образомъ, выводя новую формулу протеста уже изъ самыхъ духовныхъ, стихійныхъ основъ германскаго міра: онъ провозгласилъ свободу изслѣдованія и воздвигъ знамя Лютера. Разрывъ былъ страшный и міровой, формула протеста нашлась и восполнилась,—хотя все еще отрицательная, хотя все еще новое и *положительное* слово сказано еще не было.

И вотъ германскій духъ, сказавъ это новое слово протesta—на время какъ бы замеръ, и произошло это совершенно параллельно съ такимъ же ослабленiemъ прежняго строго формулированного единства силъ и въ его противнике. Крайне западный міръ подъ вліяніемъ открытия Америки, новой науки и новыхъ началь искалъ переродиться въ новую истину, въ новый фазисъ. Когда наступила первая попытка этого перевоплощенія во время французской революціи, германскій духъ былъ въ большомъ смущеніи и на время потерялъ было самость свою и вѣру въ себя. Онъ ничего не могъ сказать противъ новыхъ идей крайне-западнаго европейскаго міра. Лютерово

протестантство уже отжило свое время давно, идея же свободного изслѣдованія давно уже принятая была всемирной наукой. Огромный организмъ Германіи почувствовалъ болѣе чѣмъ кто-нибудь, что онъ не имѣть, такъ сказать, плоти и формы для своего выраженія. Вотъ тогда-то въ немъ родилась настоятельная потребность хотя бы сплотиться только наружно въ единый стройный организмъ, въ виду новыхъ грядущихъ фазисовъ его вѣчной борьбы съ крайне-западнымъ міромъ Европы. Тутъ надо замѣтить весьма любопытное совпаденіе: оба всегдашніе враждебные лагеря, оба противника старой Европы за главенство въ ней, въ одно и то же время (или почти), схватываются и исполняютъ очень схожую между собою задачу. Новая, еще мечтательная грядущая формула крайне-западнаго міра, т.-е. обновленіе человѣческаго общества на новыхъ соціальныхъ началахъ—эта формула почти все наше столѣтіе провозглашавшаяся лишь мечтателями, научными представителями ея, всякими идеалистами и фантазерами, вдругъ въ послѣдніе годы измѣняетъ свой видъ и ходъ своего развитія и рѣшаетъ: оставить пока теоретическое опредѣленіе и возсозданіе своей задачи и приступить прямо, прежде всякихъ мечтаній, къ практическому шагу задачи, т.-е. прямо начать борьбу: а для того—положить начало соединенію во единую организацію всѣхъ будущихъ бойцовъ новой идеи, т.-е. всему четвертому, обойденному въ 1789 году сословію людей, всѣмъ неимущимъ, всѣмъ рабочимъ, всѣмъ нищимъ, и, уже устроивъ это соединеніе, поднять знамя новой и неслыханной еще всемирной революціи. Явились интернаціоналка, международныя сношенія всѣхъ нищихъ міра сего, сходки, конгрессы, новые порядки, законы,— однимъ словомъ, положено *по всей старой Западной Европѣ* основаніе новому *status in statu*, грядущему иоглотить собою старый, владычествующій въ крайне-западной Европѣ, порядокъ міра сего. И вотъ, въ то время какъ это совершалось у противника, геній Германіи понялъ, что и германская задача, прежде всякаго дѣла и начинанія, прежде всякой попытки погнаго слова противъ перевоплотившагося изъ старой дреинекатолической идеи противника — закончить собственное политическое единеніе, завершить возсозданіе собственного политического организма, и возсоздавъ его, тогда только стать лицомъ къ лицу съ вѣковѣчнымъ врагомъ своимъ. Такъ и случилось: завершивъ свое объединеніе, Германія

бросилась на противника и вступила съ нимъ въ новый періодъ борьбы, начавъ ее желѣзомъ и кровью. Дѣло же лѣзомъ, конечно, теперь предстоитъ его кончить духовно, существенно. И вотъ, вдругъ, теперь для Германіи является новая забота, новый неожиданный поворотъ дѣла, страшно усложняющей задачу. Какая же это задача и въ чёмъ этотъ новый поворотъ дѣла?

II.

Одинъ геніально-мнительный человѣкъ.

Эта задача, это новая *внезапная* забота Германіи, если хотите, давно уже просилась наружу, а теперь все дѣло въ томъ, что она слишкомъ ужъ вдругъ выскочила всѣмъ на видъ вслѣдствіе внезапнаго клерикальнаго переворота во Франціи. Формулировать ее можно отчасти въ видѣ такого сомнѣнія: „Да объединился ли полно германскій организмъ въ одно цѣлое, не раздробленъ ли онъ, напротивъ, попрежнему, несмотря на геніальныя усиія предводителей Германіи за послѣднія двадцать пять лѣтъ, — мало того: объединился ли онъ хотя бы только лишь политически, не миражъ ли и это, несмотря на франко-прусскую войну и привозглашенную послѣ нея новую неслыханную прежде Германскую имперію?“ Вотъ этотъ мудреный вопросъ.

Вся мудреность этого вопроса заключается, главное, въ томъ, что его, почти до самаго послѣдняго времени, не предполагали даже и существующимъ, по крайней мѣрѣ, среди огромнѣйшаго большинства германцевъ. Самоупоеніе, гордость и совершенная вѣра въ свое необъятное могущество чуть не опьянили всѣхъ нѣмцевъ поголовно послѣ франко-германской войны. Народъ, необыкновенно рѣдко побѣждавшій, по зато до странности часто побѣждаемый,—этотъ народъ вдругъ побѣдилъ такого врага, который почти всѣхъ всегда побѣждалъ! А такъ какъ ясно было, что онъ и не могъ не побѣдить вслѣдствіе образцового устройства своей безчисленной арміи и своеобразнаго пересозданія ея на совершенно новыхъ началахъ, и, кромѣ того, имѣя столь геніальныхъ предводителей во главѣ, то, разумѣется, германецъ и не могъ не возгордиться этимъ до опьянѣнія. Тутъ ужъ нечего брать въ соображеніе всегдашнюю самодовольную хвастливость всякаго нѣмца—исковнную черту нѣмецкаго характера. Съ другой стороны, изъ такъ недавно еще раздробленнаго

политического организма вдругъ появилось такое стройное цѣлое, что германецъ не могъ и тутъ усомниться и вполнѣ повѣрилъ, что объединеніе завершилось, и что для германского организма наступилъ новый, блестящій и великий фазисъ развитія. И такъ, не только явилась гордость и шовинизмъ, но явилось почти легкомысліе; и ужъ какіе тутъ могли быть вопросы, — не только для какого-нибудь воинственного лавочника или сапожника, но даже для профессора или ministra? Но, однажды, все-таки оставалась кучка нѣмцевъ, очень скоро, почти сейчасъ же послѣ франко-пруссской войны, начавшихъ сомнѣваться и задумываться. Во главѣ замѣчательнѣйшихъ членовъ этой кучки безспорно стоялъ князь Бисмаркъ.

Еще не успѣли выйти германскія войска изъ Франціи, какъ онъ уже ясно увидѣлъ, что слишкомъ мало было сдѣлано „кровью и желѣзомъ“, и что надо было, имѣя передъ собою такихъ размѣровъ цѣль, сдѣлать, по крайней мѣрѣ, вдвое больше пользуясь случаемъ. Правда, военныхъ выгода осталось все же безмѣрно больше на сторонѣ Германіи, и это еще надолго. Франція, послѣ уступки Эльзаса и Лотарингіи, стала такой маленькой, по земельному объему, страной для великой державы, что одно или два удачныхъ для Германіи сраженія, въ случаѣ новой войны, и германскія войска тотчасъ же будутъ въ центрѣ Франціи и въ стратегическомъ отношеніи Франція пропала. Но однако вѣрны ли побѣды, можно ли надѣяться на эти два победоносныхъ сраженія навѣрно? Въ франко-прусскую войну нѣмцы побѣдили-то собственно вѣдь не французовъ, а только Наполеона и его порядки. Не всегда же во Франціи будутъ войска столь плохо устроенные и командуемыя, не всегда же будутъ и узурпаторы, которые, нуждаясь въ своихъ генералахъ и чиновникахъ изъ династическихъ интересовъ, принуждены будутъ допускать у себя такія плачевныя упущенія, при которыхъ не можетъ существовать правильное войско. Не всегда же будетъ повторяться и Седанъ, ибо Седанъ въ сущности только случай и вышелъ лишь потому, что Наполеону нельзя уже было воротиться въ Парижъ императоромъ иначе какъ по милости короля прусскаго. Не всегда тоже будутъ и столь мало даровитые генералы, какъ Макъ-Магонъ, или такие измѣнники, какъ Базенъ. Опьяненные столь неслыханнымъ для нихъ торжествомъ, нѣмцы, конечно, всѣ до единаго, могли увѣровать въ то, что это

все они сдѣлали, одними своими талантами, но въ сомнѣвающейся кучкѣ могли думать иное, особенно послѣ того, когда побѣжденный врагъ, еще столь разстроенный и потрясенный, вдругъ уплатилъ три миллиарда контрибуціи разомъ и не поморщился. Это ужъ, конечно, очень огорчило князя Бисмарка.

Съ другой стороны, для сомнѣвающейся кучки предстоялъ и другой вопросъ, можетъ-быть, еще важнѣйшій: совсѣмъ ли завершилось политическое и гражданское объединеніе внутри организма? Для всѣхъ почти въ Европѣ, и, кажется, въ особенности у насъ въ Россіи, въ этомъ доселѣ еще никто не сомнѣвался. Вообще мы, русскіе, приняли все то, что приключилось въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ Германіи, за нѣчто уже окончательное, въ высшей степени не случайное, а натуральное, за такое, что уже и не должно измѣниться. Совершившіеся факты намъ внущили необыкновенное почтеніе. А между тѣмъ, въ глазахъ столь геніальныхъ людей, какъ князь Бисмаркъ, врядъ ли все, чemu слѣдовало, приняло свою окончательную прочность. То, что можетъ казаться теперь прочнымъ, то, можетъ-быть, всего только еще фантазія. Трудно предположить, чтобы столь долгая привычка къ политическому разъединенію исчезла у немцевъ такъ, вдругъ, какъ выпитый стаканъ воды. Немецъ упоренъ уже по своей природѣ. Нынѣшнее поколѣніе немцевъ къ тому же было подкуплено успѣхами, опьянено гордостью и сдержано желѣзной рукой предводителей. Но въ весьма, можетъ, недалекомъ будущемъ, когда эти предводители отойдутъ въ другой міръ и уступятъ място другимъ, поднимутся можетъ-быть прижатые на время вопросы и инстинкты. Весьма тоже вѣроятно, что тогда утратится энергія первого порыва соединенія, напротивъ, возродится вновь энергія оппозиціи, которая и пошатнетъ то, чѣдѣ было сдѣлано. Явится стремленіе къ распаденію, къ обособленію, и именно тогда, когда на Западѣ ужъ совсѣмъ оправится отъ удара страшный врагъ, который и теперь уже не спить и не дремлетъ, и даже извѣстно съ чего начнетъ. А тутъ, вдобавокъ, и самый, такъ сказать, законъ природы: Германія вѣдь все-таки въ Европѣ страна *серединная*: какъ бы она ни была сильна — съ одной стороны Франція, съ другой Россія. Правда, русскіе пока вѣжливы. Но, что если они вдругъ догадаются, что не они нуждаются въ союзѣ съ Германіей, а что Германія нуждается

въ союзѣ съ Россіей, мало того: что зависимость отъ союза съ Россіей есть, повидимому, роковое назначение Германіи, съ франко-прусскої войны особенно. То-то и есть, что въ слишкомъ сильную почтительность Россіи даже и такой убѣжденный въ своей силѣ человѣкъ, какъ князь Бисмаркъ, не въ состояніи вѣрить. Правда, до послѣдняго внезапнаго приключенія во Франціи, измѣнившаго вдругъ весь видъ дѣла, князь Бисмаркъ все еще надѣялся, что чрезвычайнал вѣжливость Россіи еще надолго непоколебима, и вотъ вдругъ это приключение! Однимъ словомъ, случилось нечто необычайное.

Необычайное для всѣхъ, но не для князя Бисмарка! Теперь оказалось, что геній его все это „приключение“ предвидѣлъ заранѣе. Не геній ли его, скажите, не геніальный ли глазъ его подмѣтилъ главнаго врага столь задолго? Почему именно онъ такъ возненавидѣлъ католицизмъ, почему онъ такъ гналъ и преслѣдовалъ все, что исходило изъ Рима (т.-е. отъ папы), — вотъ уже столько лѣтъ? Почему онъ такъ дальновидно озабочился заручиться итальянскимъ союзомъ (такъ можно выразиться), — какъ не для того, чтобы съ помощью итальянскаго правительства раздавить папское начало въ мірѣ, когда придется срокъ выбирать новаго папу. Не католическую вѣру онъ гналъ, а римское начало этой вѣры. О, безъ сомнѣнія, онъ дѣйствовалъ какъ иѣменецъ, какъ протестантъ, онъ дѣйствовалъ противъ основной стихіи крайне-западнаго, всегда враждебнаго Германіи міра, но все же очень и очень многіе изъ геніальнѣйшихъ и либеральныхъ мыслителей Европы смотрѣли на этотъ походъ великаго Бисмарка противъ столь ничтожнаго папы, какъ на борьбу слона съ мухой. Иные объясняли все это даже странностью генія, капризами геніального человѣка. Но дѣло въ томъ, что геніальный политикъ сумѣлъ оцѣнить, можетъ-быть, единий въ мірѣ изъ политиковъ, какъ сильно еще римское начало само въ себѣ и среди враговъ Германіи, и какимъ страшнымъ цементомъ можетъ оно послужить въ будущемъ для соединенія всѣхъ этихъ враговъ воедино. Онъ сумѣлъ догадаться, что, можетъ-быть, у одной лишь римской идеи можетъ найтись такое знамя, которое въ роковую (а въ глазахъ Бисмарка и неизбѣжную) минуту сплотить всѣхъ уже раздавленныхъ имъ враговъ Германіи опять въ одно страшное цѣлое. И вотъ геніальная догадка вдругъ оправдалась: всѣ партіи въ

побѣжденной Франціи, изъ тѣхъ, которыхъ могли начать движение противъ Германіи,— всѣ эти партіи были раздроблены, ни одна изъ нихъ не могла восторжествовать и захватить во Франціи власть. Соединиться тоже они никакъ не могли, имѣя каждая въ виду противоположный цѣли задачъ своихъ,— и вотъ знамя папы и іезуитовъ соединяетъ все. Врагъ возсталъ и врагъ этотъ уже не Франція, а самъ папа. Это папа, предводительствующій всѣмъ и всѣми, кому завѣщана римская идея, и идущій броситься на Германію. Но, чтобы яснѣе изложить случившееся, взглянемъ пристальнѣе въ лагерь противниковъ Германіи.

III.

И сердиты и сильны.

Папа умираетъ. Онъ очень скоро умретъ. Все католичество, принимающее Христа въ образѣ римской идеи— давно уже въ страшномъ волненіи. Подходитъ роковая минута. Оплошать нельзя, ибо тогда уже смерть римской идеи. Можетъ именно случиться, что новый папа, подъ давлениемъ правительства всей Европы, будетъ избранъ, „не свободно“, и провозглашенный папой согласится отказаться навѣки, и въ принципѣ, отъ земного владѣнія, отъ сана земного государя, отъ котораго не отказался Пій IX (напротивъ, въ самую роковую минуту, когда отъ него отнимали и Римъ и послѣдній кусокъ земли и оставляли ему въ собственность лишь одинъ Ватиканъ, въ эту самую минуту онъ, какъ нарочно, провозгласилъ свою непогрѣшимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тезисъ: что безъ земного владѣнія христіанство не можетъ уцѣлѣть на землѣ, — т.-е. въ сущности провозгласилъ себя владыкой міра, а предъ католичествомъ поставилъ, уже догматически, прямую цѣль всемірной монархіи, къ которой и повелѣлъ стремиться во славу Божію и Христа на землѣ). О, конечно, онъ ужасно насытился тогда всѣхъ остроумныхъ людей: „сердитъ да не силенъ—Хлестакову братъ“. И вотъ, вдругъ, если новоизбранный папа будетъ подкупленъ, если даже самъ конклавъ, подъ давлениемъ всей Европы, принужденъ будетъ войти въ соглашеніе съ противниками римской идеи,— ну, тогда ей и смерть! Ибо разъ, правильно избранный, а, стало-быть, непогрѣшимый папа, откажется въ принципѣ отъ сана земного государя,—то, стало-быть, и вирѣдъ навѣки такъ и останется.

Съ другой стороны, если новоизбранный конклавомъ папа твердо и на всю вселенную объявить, что онъ ни отъ чего не хочетъ отказываться, а пребудеть въ прежней идеѣ вполнѣ, и начнетъ съ апачемы на всѣхъ враговъ Рима и римского католичества, то тогда правительства Европы могутъ его не признать, а, стало-быть, и въ этомъ случаѣ можетъ произойти такое роковое потрясеніе въ Римской Церкви, послѣдствія котораго могутъ быть неисчислимы и непредвидимы.

О, неправда ли, что для политиковъ и дипломатовъ почти всей Европы—все это весьма смѣшно и ничтожно! Папа, поверженный и заключенный въ Ватиканѣ, представлялъ собою, въ послѣдніе годы, въ ихъ глазахъ такое ничтожество, которымъ стыдно было и заниматься. Такъ размышляли чрезвычайно многіе передовыя люди Европы, особенно изъ остроумныхъ и либеральнѣйшихъ. Папа, издающій аллокуціи и силлабусы, принимающій богомольцевъ, проклинающій и умирающій — въ глазахъ ихъ похожъ былъ на шута для ихъ увеселенія. Мысль о томъ, что огромнѣйшая идея міра, идея, вышедшая изъ главы діавола во время искушенія Христова въ пустынѣ, идея, живущая въ мірѣ уже органически тысячу лѣтъ — эта идея такъ-таки возьметъ и умретъ въ одну минуту — эта мысль принималась за несомнѣнную. Ошибка, конечно, тутъ заключалась въ религіозномъ значеніи этой идеи, въ томъ, что два значенія были перемѣшаны вмѣстѣ: „Такъ какъ-де рѣдко кто теперь вѣритъ на свѣтѣ въ Бога, особенно по римскому толкованію, а во Франціи такъ даже не вѣритъ въ него и народъ, а развѣ одно только высшее сословіе, да и то не вѣритъ, а только ломается,—то, стало-быть, какую же силу могутъ имѣть, въ нашъ образованнѣй вѣкъ, папа и римское католичество? — вотъ въ чёмъ увѣрены даже и теперь остроумные люди. Но идея религіозная и идея папская въ сущности различны. Вотъ эта-то папская идея вдругъ въ наши дни, всего только два мѣсяца назадъ, разомъ проявила такую живучесть, такую силу, что произвела во Франціи радикальнѣйшій политическій переворотъ, надѣла на всю Францію узду и рабски повлекла ее за собой.

Во Франціи за послѣдніе годы образовалось парламентское большинство изъ республиканцевъ, и вели они свои дѣла порядочно, чисто, спокойно, безъ потрясеній. Улучшили армію, дали для нея громадныя суммы не споря,

но и не думали о войнѣ, и всѣ понимали, и во Франціи, и въ Европѣ, что если есть вполнѣ миролюбивая партія, то ужъ, конечно, это они, республиканцы. Предводители ихъ отличались сдержанностью и необычнымъ еще у нихъ благоразуміемъ. Въ сущности, однако, все это люди отвлеченные и идеалисты. Это давно уже отпѣтые и ужасно бессильные люди. Это либеральные, сѣдые, по молодящіеся старички, воображающіе себя все еще молодыми. Они остановились на идеяхъ первой французской революції, т.-е. на торжествѣ третьаго сословія, и въполнѣ смыслъ слова суть воплощеніе буржуазіи. Это совершенно та же юльская монархія, но съ тою лишь разницей, что она называется республикой и что нѣтъ короля (т.-е. ужъ, разумѣется, „тирана“). Все, что они внесли новаго—это провозглашеніе въ 1848 году всеобщей подачи голосовъ, котораго такъ боялось юльское королевское правительство и изъ котораго не только не вышло ничего опаснаго, а, напротивъ, очень даже много, для буржуазіи, полезнаго. Очень тоже пригодилась потомъ эта идея правительству Наполеона III. Но старички удовлетворены были ею въ высшей степени, и ихъ, какъ дѣтей, тѣшить, что они республиканцы. Слово „республика“ у нихъ что-то комически-идеальное. Казалось бы, эта невинная партія могла вполнѣ удовлетворить Францію, т.-е. городскую буржуазію и землевладѣльцевъ. Но оказалось напротивъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему республика всегда казалась во Франціи правительствомъ неблагонадежнымъ. И если республиканцы не были всегда ненавидимы, то всегда были презираемы за безсиліе ихъ огромнымъ большинствомъ буржуазіи. Если не прямо презираемы, то всегда неуважаемы. Народъ тоже въ нихъ почти никогда не вѣрилъ. Дѣло въ томъ, что каждый разъ, съ воцареніемъ во Франціи республики, все во Франціи какъ бы теряло свою прочность и самоувѣренность. Всегда до сихъ поръ республика была лишь какой-то временной срединой—между соціальными попытками самого страшнаго размѣра и какимъ-нибудь, иногда самымъ наглымъ, узурпаторомъ. И такъ какъ это почти всегда случалось, то такъ и привыло на нее смотрѣть общество, и чуть лишь наступала республика, то всегда всѣ начинали чувствовать себя какъ бы въ междуцарствіи, и какъ бы благоразумно ни правили республиканцы, но буржуазія всегда при нихъ вѣрена, что рано ли, поздно ли, а грянетъ красный

бунтъ или опять наступить какая-нибудь монархія. Кончилось тѣмъ, что монархическое правленіе буржуазія полюбила гораздо больше, чѣмъ республику, несмотря даже на то, что монархія, какъ напримѣръ Наполеона III, выражала даже какъ бы попытки войти въ соглашеніе съ соціалистами, тогда какъ ужъ никто на свѣтѣ не можетъ быть враждебнѣ соціалистамъ, какъ чистые республиканцы: для республиканцевъ было бы только слово республика, а соціалисты ищутъ не слова, а одного лишь дѣла. По принципамъ соціалистовъ все равно—республика, монархія ли, французы ли они будутъ, или станутъ нѣмцами, и право даже, если бъ вышло какъ-нибудь такъ, что имъ могъ бы пригодиться самъ папа, то они провозгласили бы и папу. Они прежде всего ищутъ *своего дѣла*, т.-е. торжества четвертаго сословія и равенства въ распределеніи правъ въ пользованіи благами жизни, а подъ какимъ знаменемъ—это ужъ какъ тамъ придется, все равно, хоть подъ самымъ деспотическимъ.

Замѣчательно, что князь Бисмаркъ ненавидитъ соціализмъ не менѣе папства, и что германское правительство, въ самое послѣднее время особенно, стало какъ-то слишкомъ бояться соціалистической пропаганды. Безъ сомнѣнія, это потому, что соціализмъ обезличиваетъ национальное начало и подѣлаетъ национальность въ самомъ корнѣ, а принципъ национальности есть основная, есть главная идея всего германского объединенія, всего того, что совершилось въ Германіи въ послѣдніе годы. Но очень можетъ быть, что князь Бисмаркъ смотритъ еще глубже, а именно: соціализмъ есть сила грядущая для всей Западной Европы, и если папство когда-нибудь будетъ покинуто и отброшено правительствами міра сего, то весьма и весьма можетъ случиться, что оно бросится въ объятія соціализма и соединится съ нимъ воедино. Папа выйдетъ ко всѣмъ нищимъ пѣши и босы, и скажетъ, что все, чemu они учать и чего хотятъ, давно уже есть въ Евангеліи, что до сихъ поръ лишь время не наступало имъ про это узнать, а теперь наступило, и что онъ, папа, отдаетъ имъ Христа и вѣрить въ муравейникъ. Римскому католичеству (слишкомъ ужъ ясно это) нуженъ не Христосъ, а всемирное владычество: „Вамъ-де надо единеніе противъ врага—соединитесь подъ мою властью, ибо я одинъ *всемиренъ* изъ всѣхъ властей и властителей міра, и пойдемъ вмѣстѣ“. Эту картину, вѣро-

ятно, предвидеть князь Бисмаркъ, ибо лишь онъ одинъ изъ всѣхъ дипломатовъ возымѣлъ настолько зоркій взглядъ, чтобы прорицать живучесть римской идеи и всю ту эпопею, съ которой она готова себя отстоять, не различая уже средствъ. Жить ей хочется адски, а убить ее трудно, это змѣя! — Вотъ что понимаетъ во всей силѣ одинъ лишь князь Бисмаркъ,—главный врагъ папства и римской идеи!

Но молодящіеся старички, французскіе республиканцы, этого не въ состояніи были понять. Клерикаловъ они ненавидѣли изъ одного уже либерализма, но считали папу бессильнымъ и презрѣннымъ, а римскую идею совсѣмъ отжившую. Они не догадались даже ужиться съ страшною клерикальною партіею, хотя бы только политически, чтобы придать себѣ большие крѣпости. По крайней мѣрѣ, они могли бы не раздражать пока клерикаловъ, не затрогивать ихъ, съ такимъ нарочнымъ задоромъ, и даже могли бы пообѣщать нѣкоторое содѣйствіе въ ближайшемъ будущемъ при выборѣ новаго папы. Но они именно сдѣлали все противоположное — или отъ идеальной честности своихъ убѣждений, или просто по легкомыслію. Послѣднее время они особенно стали гнать клерикаловъ, и какъ разъ въ ту минуту, когда папству лишь только и оставалась, что одна Франція какъ поддержка, иначе выходилъ страшный шансъ умереть папству вмѣсть съ Піемъ IX-мъ. Ибо кто, въ случаѣ нужды, могъ бы въ Европѣ обнажить мечъ за „свободу“ избрания папы и за свободу избраннаго папы? Да и мечъ этотъ долженъ быть сильный и могучій. Другого выбора не оставалось, кромѣ Франціи и ея миллионной арміи. И вотъ Франція-то и во главѣ враговъ! Правда, маршаль Макъ-Магонъ послуженъ, но онъ въ тискахъ и выпутаться самъ не умѣеть: большинство палаты республиканское и либеральное, и ни одна изъ партій не въ силахъ замѣстить его. Однимъ словомъ, сковырнуть республиканское большинство невозможно, и вотъ вдругъ клерикалы,—эти презираемые и бессильные клерикалы, выручаютъ маршала Макъ-Магона и проявляютъ на весь міръ такое могущество, какого никто отъ нихъ не ожидалъ болѣе. Они даютъ знать партіямъ, что имъ можно соединиться лишь подъ клерикальнымъ знаменемъ, и тѣ, пораженные очевидностью, разомъ съ ними соглашаются. Въ самомъ дѣлѣ: и у легитимистовъ, и у бонапартистовъ

самый главный и ближайший врагъ ихъ—все это же республиканское большинство. Если каждая изъ этихъ партій будетъ работать для себя порознь, то ничего не достигнетъ, а соединившись вмѣстѣ, эти партіи могутъ составить силу и все побороть и республиканцевъ разогнать. А тамъ уже, когда раздавятъ республику, можно будетъ каждой партіи позаботиться о себѣ, и ужъ, разумѣется, каждая изъ нихъ тѣмъ больше будетъ имѣть шансовъ на успѣхъ, чѣмъ больше она угодитъ клерикаламъ. Клерикалы все это разсчитали математически, соединеніе произошло и клерикальное большинство сената разрѣшило Макъ-Магону разогнать республиканцевъ.

IV.

Черное войско.—Мнѣніе легіоновъ какъ новый элементъ цивилизациіи.

Проявивъ такую внезапную силу и ловкость, клерикалы несомнѣнно пойдутъ далѣе. Они объявятъ въ рѣшительную для себя минуту войну Германіи—и вотъ что немедленно понялъ князь Бисмаркъ! Главное они уже сдѣлали: Макъ-Магонъ уже согласился бросить Францію въ политику приключений. Имъ ли остановиться передъ дальнѣйшимъ? Не жалѣть же имъ Францію; Франція, какъ и все на свѣтѣ, имъ нужна пока лишь можетъ приносить имъ пользу. О, они бы могли ее пожалѣть: это страна—единственная ихъ надежда и служила имъ столько вѣковъ! Но теперь именно пришла для нихъ самая роковая минута въ цѣлое тысячелѣтие, и колѣ подвернулась Франція,—то отчего же не высосать и ея соки, хоть бы до убіенія ея, и не рискнуть самымъ ея существованіемъ? Надо взять у нея все, что она можетъ дать, а, главное, нельзя мѣшкать ни минуту: немного позже и для нихъ будетъ несомнѣнно поздно. Такъ что именно теперь необходимо попробовать отбить Бисмарка, ибо если кто будетъ вредить при избраніи папы, то ужъ, конечно, онъ. А вдѣбавокъ, Бисмаркъ именно въ эту минуту какъ нарочно одинъ, безъ союзниковъ: Россія (вся надежда его)—занята теперь на Востокѣ. Наконецъ, если удастся смирить Бисмарка, хотя бы даже на время, то надо какъ можно скорѣй и заранѣе положить основаніе будущему: надо воспользоваться удавшимся моментомъ и, разъ навсегда, создать изъ Франціи уже прочную для себя союзницу, на все готовую и послушную, а для того произве-

сти въ ней переворотъ уже *серъезный*, радикальный и вѣковой. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ много риску, но колебаться могутъ другіе, а не отцы іезуиты. Главное въ томъ, что имъ и нѣтъ другого выбора въ данный моментъ, какъ рисковать и рисковать... Ограничиться однимъ совершившимся во Франціи клерикальнымъ переворотомъ, безъ войны съ Германіей и безъ *серъезной* революціи во Франціи, имъ положительно невозможно. Дѣла ихъ именно дошли до такого положенія. Имъ надо все или ничего, если же взять мало, ограничиться какимъ-нибудь тамъ вліяніемъ въ правительствѣ, то все равно это не принесло бы имъ ни малѣйшей пользы, ибо нужды-то ихъ теперь большія! А потому они и должны рѣшиться на самый открытый и наглый рискъ, ибо имъ надо взять *va-banque*. Если, на случай, рискъ не удастся и Францію, напримѣръ, нѣмцы побѣдятъ и раздавятъ опять, то вѣдь все равно,—имъ, клерикаламъ, хуже того, какъ теперь (т.-е. если бъ они сидѣли смиро и не начинали переворота) не будетъ: они останутся при томъ же, при чемъ были до начала „приключенія“, т.-е. въ состояніи сквернѣшемъ, но которое ухудшиться уже не можетъ. Франція другое дѣло: если побѣждена будетъ опять, то несомнѣнно погибнетъ. Но таковъ ли іезуиты народъ, чтобы предъ этимъ остановиться: они знаютъ, что если побѣдить Франція, то они получатъ *все*, и ужъ до того укрѣпятся во Франціи, что ихъ и не выведешь. А для этого у нихъ есть свои особыя средства, во Франціи еще неслыханныя.

Всякіе другіе революціонеры, даже изъ самыхъ ярыхъ или красныхъ, производя переворотъ, все же сообразуются, хоть отчасти, съ чѣмъ-то общимъ, прежде даннымъ и даже законнымъ. Революціонеры же іезуиты не могутъ дѣйствовать законно, а именно *необычайно*. Эта черная армія стоитъ вѣтъ человѣчества, вѣтъ гражданства, вѣтъ цивилизаціи и исходить вся изъ одной себя. Это *status in statu*, это армія папы, ей надо лишь торжества *одной своей* идеи,—а затѣмъ пусть гибнетъ все, что на пути ей мѣшаетъ, пусть гибнутъ и вянуть всѣ остальные силы, пусть умираетъ все несогласное съ ними — цивилизациія, общество, наука! Имъ несомнѣнно необходимо обработать Францію въ новомъ и уже окончательномъ видѣ, если случай будетъ на ихъ сторонѣ, и вымести изъ нея весь *соръ* ужъ такимъ помеломъ, о какомъ

до сихъ поръ никто и не слыхивалъ, съ тѣмъ, чтобы и не пахло больши никакимъ сопротивленіемъ, и дать странѣ новый организмъ, подъ строжайшей опекой іезуитовъ, на вѣки вѣчные.

Все это съ первого взгляда можетъ показаться весьма нелѣпымъ. Во французскихъ газетахъ (и въ нашихъ) всѣ благонамѣренныи люди сильно увѣрены, что клерикалы непремѣнно сломаютъ себѣ ногу на слѣдующихъ выборахъ во французскую палату. Французскіе республиканцы, въ невинности душевной, совершенно тоже убѣждены, что вся *activit  de vorante* новоразосланныхъ префектовъ и мэрівъ ровно ничего не добьется, а будутъ выбраны все прежніе республиканцы, которые и составятъ прежнее большинство и немедленно скажутъ *veto* всѣмъ замысламъ Макъ-Магона; затѣмъ клерикалы будутъ выгнаны, а, можетъ-быть, и самъ Макъ-Магонъ вмѣстѣ съ ними. Но увѣренность эта весьма неосновательна и навѣрно клерикалы на этотъ счетъ не слишкомъ-то озабочены. Дѣло именно въ томъ, что наивные и чистые сердцемъ старички все еще, несмотря на долгій опытъ, не понимаютъ, кажется, въ полной силѣ, съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло. Ибо чуть-чуть выборы окажутся для клерикаловъ невыгодными, то они разгонять и новую палату, несмотря на всѣ конституціонныи и законныи права ея. Возразить мнѣ, что это будетъ не законно, а потому невозможно. Это такъ, но вѣдь что имъ законы, этой черной армії? Они навѣрно (и есть уже факты о томъ свидѣтельствующіе) внушать столь послушному маршалу Макъ-Магону отчаянную рѣшимость употребить въ дѣло одно средство такое, которое и во Франціи еще ни разу не было употреблено, именно: *военный деспотизмъ*. Воскликнутъ, что это старое средство, что его уже нѣсколько разъ употребляли, напримѣръ, Наполеоны! И однако я осмѣлюсь замѣтить, что все это было не то: это средство, *во всей его откровенности, дѣйствительно* не употреблялось во Франціи еще ни разу. Маршаль Макъ-Магонъ, заручившись преданностью арміи, можетъ разогнать новое грядущее собраніе представителей Франціи, если оно пойдетъ *противъ него*, просто штыками, а затѣмъ прямо объявить всей странѣ, что *такъ захотѣла армія*. Какъ римскій императоръ упадка имперіи, онъ можетъ затѣмъ объявить, что отнынѣ „будетъ сообразоваться лишь съ мнѣніемъ легіоновъ“. Тогда настанетъ всеобщее осадное положеніе и военный

деспотизмъ, — и вотъ увидите, увидите, что это ужасно многимъ во Франціи понравицца! И повѣрьте, что если будетъ надобность, то явятся и плебисциты, которые большинствомъ голосовъ всей Франціи дозволять войну и дадутъ потребныя деньги. Въ недавней рѣчи своей къ войскамъ маршалъ Макъ-Магонъ говорилъ именно въ этомъ смыслѣ, и войска приняли его весьма сочувственно. Сомнѣній нѣтъ, что армія больше на его сторонѣ. Къ тому же теперь онъ уже такъ далеко зашелъ, что ему и нельзя остановиться, иначе онъ никакъ не останется на своемъ мѣстѣ, тогда какъ вся его политика и весь онъ выражаются въ одномъ словѣ: „J'y suis et j'y reste“, то-есть: „Сѣль и не сойду“. Дальше этой фразы онъ, какъ известно, не пошелъ и, ужъ конечно, для торжества этого тезиса рискнетъ, пожалуй, даже существованіемъ Франціи. Готовность къ подобному риску онъ уже разъ доказалъ въ франко-пруссскую войну, когда, подъ вліяніемъ бонапартистовъ, рѣшился сознательно лишить Францію ея арміи изъ преданности къ династіи Наполеона. Клерикалы же навѣрно обезпечили ему его: „J'y suis et j'y reste“. Разъ соединивъ партіи подъ своимъ знаменемъ, т.-е. бонапартистовъ и легитимистовъ, они навѣрно уже сумѣли ловко указать Макъ-Магону, что вѣдь въ случаѣ нужды можно и совсѣмъ обойтись безъ Шамбора и безъ Бонапарта, и вовсе не надо будеть ихъ призываѣть, ни въ какомъ даже случаѣ, а просто бы самому ему, маршалу Макъ-Магону, остаться диктаторомъ и безсмѣннымъ правителемъ, то-есть ужъ не на семь лѣтъ, а навсегда. Вотъ такимъ образомъ и осуществится тезисъ: „J'y suis et j'y reste“, —было бы только согласіе арміи; согласіе же Франціи впослѣдствіи неминуемо, ибо твердая диктаторская рука, во главѣ власти, очень и очень многимъ придется по вкусу“. Подобныя льстивыя указанія навѣрно уже были произнесены. Можетъ-быть, усомнится въ томъ, что такой человѣкъ, какъ Макъ-Магонъ, можетъ все это предпринять и исполнить. Но, во-первыхъ, онъ первую половину дѣла предпринялъ и исполнилъ, и половину, нисколько не легчайшую относительно проявленія рѣшимости, чѣмъ вторая будуща. А во-вторыхъ, —вотъ такіе-то именно люди, сами по себѣ вовсе не предпримчивые, если вдругъ подпадутъ подъ чье-нибудь верховное и рѣшительное вліяніе, то могутъ обнаружить огромную и роковую рѣшимость, —и не то чтобы отъ большого генія,

а именно отъ противоположной причины. Главное, тутъ не соображеніе, а просто толчокъ, и если ужъ ихъ разъ хорошенъко толкнуть, то они и пруть въ одну точку до тѣхъ поръ, пока или пробьютъ лбомъ стѣну или сломаютъ себѣ рога.

V.

Довольно непріятный секретъ.

Все это совершенно понимаютъ въ Германіи. По крайней мѣрѣ, всѣ офиціозные органы печати, находящіеся подъ вліяніемъ князя Бисмарка, прямо увѣрены въ неминуемой войнѣ. Кто на кого бросится первый, и когда именно,—неизвѣстно, но война очень и очень можетъ загорѣться. Конечно, гроза можетъ еще пройти мимо. Вся надежда, если маршалъ Макъ-Магонъ вдругъ испугается всего, что взялъ на себя, и остановится, какъ нѣкогда Аяксъ, въ недоумѣніи среди дороги. Но тогда онъ самъ рискуетъ погибнуть, и невѣроятно, чтобы онъ не понималъ этого. А шансъ недоумѣнія среди дороги хоть и возможенъ, но врядъ ли на него можно твердо понадѣяться. Пока князь Бисмаркъ слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ во Франціи, съ лихорадочнымъ вниманіемъ; онъ наблюдаетъ и ждетъ. Для него гроза именно въ томъ, что не въ тотъ моментъ началось это дѣло, какъ онъ ожидалъ. Теперь же связаны руки. Всего же хлопотливѣе то, что открылись болѣчки, которыхъ до сихъ поръ тщательно прятались. Про главную болѣчку всѣхъ нѣмцевъ я уже говорилъ, — это боязнь, что Россія вдругъ догадается о томъ, какъ она могущественна и какую силу можетъ имѣть теперь, именно въ настоящій моментъ, ея рѣщающее слово, а главное—что „зависимость отъ союза съ Россіей есть, повидимому, роковое назначеніе Германіи, особенно съ франко-пруссской войны“. Этотъ нѣмецкій секретъ можетъ вдругъ теперь обнаружиться—и для нѣмцевъ будетъ это конфузно. Какъ ни искренно пріязненна къ намъ была политика Германіи за послѣдніе годы, но секретъ-то все-таки соблюдался всѣми нѣмцами. Особенно печать дѣйствовала въ этомъ смыслѣ. До сихъ поръ нѣмцы всегда имѣли спокойный и гордый видъ, прямо свойственный могуществу, не нуждающемуся ни въ чьей помощи. Но теперь, конечно, слабое мѣсто должно выйти наружу. Ибо если клерикальная Франція рѣшился на роковую

борьбу, то Францію мало уже просто побѣдить, или лишь отбить ея нападеніе, если она первая бросится, а надо ужъ навѣки ее обезсилить, такъ-таки придавить, пользуясь случаемъ—вотъ задача! А такъ какъ у Франціи къ тому же миллионъ слишкомъ войска, то чтобы дѣло это покончить навѣрно, надо несомнѣнно обезпечить его, иначе нечего и приниматься. А обеспеченія другого нѣтъ, какъ заручиться рѣщающимъ словомъ Россіи. Однимъ словомъ, непріятнѣе всего, что все это выходитъ такъ внезапно. Всѣ прежніе расчеты спутались и теперь уже события командуютъ расценами, а не расчеты властствуютъ надъ событиями. Франція можетъ начать сегодня-завтра, лишь чуть-чуть управится у себя внутри. Она бросилась въ политику приключений, что для всѣхъ очевидно, а если такъ, то гдѣ приключенія остановятся, гдѣ ихъ стѣна и граница? Это очень непріятно; такъ еще недавно нѣмцы имѣли такой независимый видъ, и особенно въ послѣдній годъ. Вспомнимъ, что въ этотъ годъ и Россія старалась разсмотрѣть въ Европѣ друзей своихъ, и нѣмцы знали про заботы Россіи и имѣли самый приличный случаю торжественный видъ. Конечно, всякое славянское движение всегда нѣсколько Германію беспокоило, но можно даже прямо сказать, что въ объявленіи Россіей войны два мѣсяца назадъ, даже, можетъ-быть, заключалось для Германіи нѣчто почти пріятное: „Нѣть ужъ теперь-то они никакъ не догадаются—думали въ Германіи два мѣсяца назадъ—что это мы въ нихъ нуждаемся, теперь они, на-противъ, стоя передъ Дунаемъ—„нѣмецкой рѣкой“, вполнѣ убѣждены, что сами они ужасно въ насъ нуждаются, и что въ концѣ войны не обойдется безъ нашего вѣскаго слова. И это хорошо, что русскіе такъ думаютъ, это намъ въ будущемъ пригодится“. Сомнѣній нѣть, что навѣрно обѣ насъ такъ думали весьма многіе тонкіе нѣмцы; вся печать ея такъ думала и писала и — вдругъ теперь это клерикальное настроеніе все переворотило на другую сторону: „О, теперь они догадаются, теперь обо всемъ догадаются! А кроме того надо, чтобы Россія какъ можно скорѣе кончила на Востокѣ и освободилась. Но оказаться на нее давленіе весьма невыгодно. Развѣ сама искугается Англіи и Австріи, но врядъ ли. Соединиться же съ Англіей и Австріей для давленія на Россію—нечего и думать: они потомъ не помогутъ, а Россія разсердится. Странное положеніе! Ужъ не помочь ли Россіи, чтобы она кончила

поскорѣе? Это можно сдѣлать и не обнажая меча, а лишь давленіемъ политическимъ, на Австрію, напримѣръ...” — вотъ какъ раздумываютъ теперь тѣ же политики, и очень, очень можетъ случиться, что все это такъ именно и есть въ самомъ дѣлѣ.

Однимъ словомъ, мнѣ хотѣлось высказать лишь мое убѣженіе, мою вѣру, что Россія не только сильна и могущественна, какъ всегда была, но теперь, особенно теперь, она самая сильная изъ всѣхъ странъ Европы, и что никогда ея рѣшающее слово не могло цѣниться въ Европѣ такъ вѣско, какъ въ данный моментъ. Пусть Россія сама занята на Востокѣ, но одно лишь рѣшающее слово ея на всѣхъ европейской политики можетъ покачнуть теперь всѣы по еи волѣ и желанию. Конечно, и сама Англія теперь понимаетъ, что, въ виду *возможности* весьма хлопотливыхъ новыхъ событій въ крайне-западной Европѣ,— и она, пожалуй, потеряетъ въ глазахъ русскихъ двѣ трети своего престижа, и что поймутъ же, наконецъ, даже самые мнительные изъ русскихъ, что она отнюдь не рискнетъ на войну въ случаѣ сильной рѣшимости Россіи продолжать свое дѣло, и скорѣе станеть разсчитывать на дѣлежъ наслѣдства послѣ „большого человѣка“, чѣмъ рѣшился начать открытую войну за него въ такую и безъ того хлопотливую минуту въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, случись такъ, что и впрямь разыграется въ Западной Европѣ неожиданное и роковое, то никогда Англія не рѣшиится слишкомъ всецѣло ввязаться въ такое хлопотливое дѣло, столь несходное съ обычнымъ характеромъ ея интересовъ, и ужъ навѣрно приметъ лишь зорко наблюдательное положеніе, выжидая, по обычаю своему, удобный моментъ, когда можно будетъ пронюхать гдѣ-нибудь какой-нибудь дѣлежъ добычи, чтобы немедленно къ нему примазаться. Затѣвать же теперь (т.-е. до окончанія разъясненій крайне-западныхъ событій) съ Россіею что-нибудь слишкомъ серьезное, будетъ ужъ слишкомъ для нея неразсчетливо. Съ другой стороны, Австрія, оставшись *одна* — что можетъ сдѣлать? Да и невѣроятно, чтобы клемрикальное усложненіе дѣла въ крайне-западной Европѣ не смущило и ее хоть отчасти. И она, конечно, ждетъ, какъ и всѣ, дальнѣйшей развязки событій, такъ что и у ней, какъ у всѣхъ, отчасти связаны руки. У всѣхъ связаны, а у одной Россіи только распутаны. Вотъ ужъ и разыгралось, значитъ, нѣчто *непредвидѣнное* въ нашу

пользу. Ну, какъ не разсчитывать на *непредвидѣнное* въ рѣшении судебнѣхъ человѣческихъ?

Міромъ управляетъ Богъ и законы его, и если и впрямь разразится надъ Европой что-либо новое и усложненное, то, значитъ, рано ли, поздно ли, а тому непремѣнно надо было совершиться. Но дай Богъ, чтобы я ошибся, дай Богъ, чтобы новая грядущая туча разсѣялась и всѣ предчувствія мои оказались лишь „пылкими“ моими же фантазіями—фантазіями ничего не понимающаго въ политикѣ человѣка. Все дѣло въ томъ: правы ли всѣ офиціозные органы печати въ Германіи, ожидающіе и пророчашіе войну? Съ другой стороны, министры Макъ-Магона изо всѣхъ силъ, прежде всякихъ обвиненій, увѣряютъ французовъ и весь свѣтъ, что Франція не начнетъ войны. Согласитесь, что все это, по крайней мѣрѣ, подозрительно и что разрѣшеніе сомнѣній можетъ послѣдовать, уже по самому ходу дѣла, весьма и весьма въ непродолжительномъ времени. Но что если такъ много теперь зависитъ отъ „мнѣнія легіоновъ“? Худо, если до того дойдетъ; тогда конецъ Франціи. Впрочемъ, съ ней только съ одной это и можетъ случиться, и ни съ кѣмъ больше въ цѣломъ мірѣ. Но дай Богъ, чтобы и съ ней не случилось: начинъ нехорошъ, примѣръ будетъ очень ужъ нехорошъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Любители турокъ.

А вѣдь у насъ теперь объявилось довольно много любителей турокъ,—конечно, по поводу войны съ ними. Прежде я не помню ни разу во всю мою жизнь, чтобы кто-нибудь начинать разговоръ съ тѣмъ, чтобы восхищаться турками. Теперь же очень часто слышу про ихъ защитниковъ и даже самъ встрѣчался съ такими, и очень даже горячатся. Тутъ, разумѣется, потребность отличиться оригинальностью. Но вотъ, однакоже, любители ученые, учителя, профессора.

— Мусульманскій міръ внесъ въ христіанскій науку. Христіанскій міръ потопалъ во мракѣ невѣжества, когда у арабовъ уже сіяла наука.

Тутъ, видите ли, причиною невѣжества христіанство. Тутъ Бокль, тутъ даже Дреперь. Выходитъ, стало-быть, обратно, что мусульманство есть свѣтъ, а христіанство

начало тьмы. Какая уединенная логика! Оттого-то, въ-
роятно, магометанство такъ и просвѣщено въ настоящее
время сравнительно съ христіанствомъ. Что жъ они свой
свѣточь-то потушили такъ рано!

— Да, но у нихъ, однако, монотеизмъ, а у христіанъ...

Это превознесеніе мусульманъ за монотеизмъ, т.-е. за
чистоту ученія о единствѣ Божіемъ, будто бы высшую
сравнительно съ ученіемъ христіанскимъ, — это конекъ
очень многихъ любителей турокъ. Но тутъ главное въ
томъ, что эти любители порвали съ народомъ и не пони-
маютъ его. Разорвавъ съ народомъ, они успѣли уже со-
ставить себѣ иныхъ удивительныхъ понятій о томъ, что у
русскаго простолюдина происходит въ головѣ. Между
тѣмъ у русскаго простолюдина „ничего не смыслящаго
въ дѣлѣ вѣры и не знающаго молитвъ“ — какъ привыкли
говорить о немъ, — весьма часто, если не всегда, соста-
вляется, однако, въ умѣ и въ душѣ весьма своеобразное, но
вѣрюое и строгое и вполнѣ удовлетворяющее его убѣждѣ-
ніе о томъ, во что онъ вѣруетъ, хотя въ то же время,
конечно, рѣдкій изъ простолюдиновъ сумѣеть изложить
свои вѣрованія словами отчетливо и въ послѣдовательно-
сти. Этому, порвавшему съ народомъ „интеллигентному“
русскому удивительно было бы услышать, что этотъ без-
грамотный мужикъ вполнѣ и незыблемо вѣруетъ въ Бо-
жіе единство, въ то, что Богъ единъ и нѣть другого Бога,
такого какъ Онъ. Въ то же время русскій мужикъ знаетъ
и благоговѣйно вѣруетъ (всякій русскій мужикъ это
знаетъ), что Христосъ, истинный Богъ его, родился отъ
Бога Отца и воплотился отъ Дѣвы Маріи. Прежде всего
интеллигентный русскій, порвавшій съ народомъ, не захо-
четь допустить даже возможности того, чтобы русскій му-
жикъ, ничему не учившійся, могъ имѣть такія знанія:
„Онъ такъ необразованъ, такъ теменъ, его ничему не
учать, гдѣ его учитель?“ Онъ не пойметъ никогда, что
учитель мужика, „въ дѣлѣ вѣры его“ — это сама почва,
это вся земля русская, что вѣрованія эти какъ бы ро-
ждаются вмѣстѣ съ нимъ и укрѣпляются въ сердцѣ его
вмѣстѣ съ жизнью. Но всего невѣроятнѣе иному русскому
мыслителю то, какъ можетъ русскій простолюдинъ не
сбиться въ своихъ понятіяхъ! Самъ давно уже утративъ
всякое понятіе о томъ, что такое непосредственная вели-
кая теплая вѣра народа, онъ уже не можетъ допустить,
чтобы благоговѣйно вѣруя въ великую христіанскую тайну

воплощений Сына Божия, простолюдинъ могъ въ то же время оставаться при самомъ строжайшемъ монотеизмѣ. Скорѣе же онъ припишетъ эту твердость столь *непосредственныхъ* убѣжденій русскаго простолюдина—непривычкѣ размышлять, привычкѣ къ путаницѣ понятій отъ лѣнности и отупленія мысли, отъ отсутствія всякой критики въ умѣ его; „плачевное“ же состояніе ума его припишетъ забитости, нуждѣ, разврату, крѣпостному состоянію и проч. На томъ и стоитъ русскій ученый, *изучающій* русскій народъ. Совершенно тѣмъ же процессомъ могло произойти и осужденіе православныхъ русскихъ за поклоненіе, напримѣръ, иконамъ. Иной лютеранскій пасторъ ни за что не можетъ понять, какъ можно, вѣруя въ истиннаго Бога, поклоняться въ то же время „доскѣ“, изображенію святого, и допустить, чтобы изъ этого не вышло идолопоклонства. Русскій интеллигентный человѣкъ всего чаще согласенъ въ этомъ сужденіи съ пасторомъ. Между тѣмъ нѣтъ ни одного русскаго мужика, или бабы, которые, поклоняясь иконѣ, въ то же время хотѣ сколько-нибудь смѣшивали „доску“ съ самимъ Богомъ, несмотря на то, что православный народъ въ то же время вѣруетъ въ чудотворность иныхъ иконъ. Но нѣтъ ни *одного русскаго*, который чудотворную силу иконы приискалъ бы самой иконѣ, а не соизволенію Божію. А это уже совсѣмъ другое. Вотъ этого-то воззрѣнія русскаго простолюдина ни пасторъ, ни разорвавшій съ народомъ русскій ни за что не допустятъ, да и не повѣрятъ, что такъ оно есть.

Вспомнили бы, однако, Магометовъ рай, чтобы уже совсѣмъ восполнить свое убѣженіе о чистотѣ турецкихъ понятій о единствѣ Божіемъ. Все это я, разумѣется, говорю не затѣмъ, чтобы затѣять съ почитателями турецкаго монотеизма богословскій споръ, и ужъ, конечно, не затѣвалъ его. Вѣдь почитатели эти хлопочутъ больше о *здравыхъ* понятіяхъ народа, а самимъ-то имъ, пожалуй, и все равно, кто бы какъ ни вѣрилъ. Вотъ потому-то я и свѣль этотъ вопросъ лишь на народное о немъ понятіе.

II.

Золотые фраки. Прямолинейные.

Кромѣ любителей турокъ объявились очень много людей съ потребностью *особливаго мнѣнія*: „Все вздоръ, нѣтъ никакого движения; адресы вздоръ, это не по-русски; санитарные отряды вздоръ, это не по-русски. Сентимен-

тальничаніе славянъ выдумали, болгаръ выдумали, турки лучше болгаръ, все вздоръ. Я люблю турокъ..."

Это не то, чтобы изъ какихъ-нибудь злоказненно-тонкихъ видовъ высшей политики. „Высшая политика“ у насть есть, это безспорно, но эти — эти просто самолюбие. Самолюбіе въ двухъ видахъ: или до крайности придѣленное, а вслѣдствіе того и непремѣнная потребность по-оригинальничать, чтобы отличиться и чѣмъ-нибудь заявить себя, или 2) самолюбіе отъ необыкновеннааго величія. Русскій „великій человѣкъ“ всего чаще не выноситъ своего величія. Право, если бъ можно было надѣть золотой фракъ, изъ парчи, напримѣръ, чтобы ужъ не походить на всѣхъ прочихъ и низшихъ, то онъ бы откровенно надѣлъ его и не постыдился. Я увѣренъ въ томъ, и если до сихъ поръ еще не видалъ ни одного изъ нашихъ „великихъ“ въ золотомъ фракѣ, то, вѣроятно, потому, что портные шить не согласны. „Я всѣхъ умнѣе, я великъ. Всѣ они объ войнѣ такъ думаютъ, такъ я не хочу такъ, какъ они, думать. Докажу, что великъ..."

Объ золотомъ фракѣ, объ характерно-русскихъ соціальныхъ и психологическихъ основаніяхъ происхожденія его, о наглядныхъ примѣрахъ и проч., и проч., мнѣ хочется особо поговорить, тема милая и я, можетъ быть, о ней не забуду. Теперь же, оставивъ пока золотой фракъ въ покое, скажу словечко о „прямолинейныхъ“. Прямолинейные бываютъ всякие,—люди добрые и злые, умные и глупые, честные и нечестные и т. д. Ихъ у насть очень много. Эти бываютъ въ одну точку и ихъ ни за что не собьешь съ этой точки: „J'y suis et j'y reste“. Это наши Макѣ-Магоны.

Изъ армії доносятся извѣстія о геройствѣ, о самоотверженности русскихъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ. Тутъ молодежь. Еще недавно было такое безвѣріе въ молодежь — въ надежду нашу: многіе видѣли въ ней лишь цинизмъ, обвиняли ее въ тупомъ отрицаніи, въ холодности, въ равнодушіи, въ тупомъ самоубійствѣ, а теперь вдругъ какъ бы прочистился воздухъ: та же молодежь проявляетъ великодушіе, жажду геройскаго порыва, долга, чести, жертвы. Они идутъ впереди солдатъ, они бросаются первые въ опасность...

— Да, но этакъ сознательно бросаться на вѣрную смерть можетъ только пьяный или сумасшедшій. Другого объясненія нельзѧ найти.

— Какъ? Неужели вы не предполагаете въ немъ великодушного сознанія, что онъ жертвує собою для Россіи, служить ей...

— Кулакомъ.

— То-есть какъ же? Въ войнѣ надо драться. Чѣмъ же бы онъ могъ принести пользу?

— Гм! Напримѣръ, школы.

— Школы въ свое время. Въ школы онъ принесетъ по-томъ сознаніе исполненнаго долга, великодушное воспоми-наніе, сближеніе съ народомъ.

— Какое сближеніе съ народомъ?

— Въ общей солидарности для общаго дѣла. Солдатъ и его офицеръ живутъ теперь тамъ единымъ духомъ и единымъ чувствомъ. Интеллигентія родится съ народомъ, возвращается къ нему опять, и уже дѣломъ, а не теоріей, научается уважать народъ, изъ которого вышелъ этотъ солдатъ, и научаетъ народъ уважать себя и уже не какъ начальника или господина, а какъ человѣка, душевно. Недавній разсказъ о простолюдинѣ, обнявшемъ въ слезахъ въ Успенскомъ соборѣ Чернилева, имѣеть значеніе. Вы хотите образовать народъ, но вы скорѣе его образуете, заставивъ его уважать ваши идеи, ваши дѣла и привлеч-кая къ себѣ народъ сердцемъ. Чѣмъ больше народъ будетъ уважать людей образованныхъ лично, тѣмъ вѣрнѣе пойдетъ и образованіе народное. Такимъ образомъ, за-служивая уваженіе народа, вы служите уже дѣлу образованія народнаго, тѣмъ же школамъ, о которыхъ вы такъ хлопочете.

— Заслужить уваженіе черезъ кулакъ; заставить народъ уважать кулакъ?

— Тутъ не одинъ кулакъ, тутъ прежде всего великодушіе, тутъ жертва собственною жизнью на виду. На виду и смерть красна. Вы вотъ спрашиваете, чѣмъ можетъ за-ставить человѣка, въ цвѣтѣ жизни, жертвовать почти на-вѣрно жизнью, и недоумѣваете,—иначе вѣдь нельзя объяснить вашихъ словъ о пьяномъ и сумасшедшемъ: они только аллегорія, способъ выраженія. Но чѣмъ можетъ за-ставить? Жажда славы, честнаго дѣла, жажда заслужить добрую извѣстность, похвалу всѣхъ согражданъ, которые всѣ теперь слѣдятъ за ихъ дѣлами, проявить личность, прославить имя.

— Ага, сдѣлать карьеру!

— Но всѣ эти чувства и побужденія великолѣдущны. Ихъ

тысячи и все вмѣстъ. Человѣкъ не изъ одного какого-нибудь побужденія состоитъ, человѣкъ—цѣлый міръ, было бы только основное побужденіе въ немъ благородно. Пролитая же собственная кровь и готовность пролить ее благородятъ даже и неблагороднаго до тѣхъ поръ человѣка, налагаются па него обязанность чести на всю потомъ жизнь. У насъ уже появились въ печати опасенія, что эти люди потому возьмутъ верхъ, явится самоудовлетвореніе, гордость, будутъ презирать образованіе, штафирокъ, будутъ буйствовать и что въ общество проникнутъ эти идеи. Но напрасные страхи. Улита Ѣдетъ, когда-то будетъ. Какъ не появиться Кошѣйкинымъ, „такъ сказать, кровь проливавшимъ“, это правда, но вѣдь они только людей насмѣшать и себѣ повредятъ. Выгода же нравственная будетъ неисчислимая. Развѣется тоска цинизма, явится уваженіе къ честному подвигу...

— И къ кулаку.

— Тутъ не одни кулачные бойцы, тутъ есть почти еще дѣти, чистая сердцемъ дѣти. Онъ только что произведенъ, онъ бросается впередъ на подвигъ, съ мыслію о томъ, чтѣ скажеть о немъ тамъ, далеко, его мать, сестра, съ которыми онъ только что простился... Неужели это только смѣшно и сентиментально? Наконецъ, почему не допустить въ этихъ герояхъ высшаго сознанія. Онъ понимаетъ, что Россія взяла задачу трудную, что задача эта можетъ и еще усложниться. Они всѣ видятъ теперь, что Россія не съ одной ужъ Турцией ведетъ войну, что турецкими арміями руководятъ англійскіе генералы, что англійскіе офицеры воздвигаютъ многочисленнѣйшія укрѣпленія на англійскія деньги, что флотъ англійской ободряетъ Турciю продолжать войну, что, наконецъ, чуть ли не явились (въ Азіатской Турciї) уже англійскія войска... Они знаютъ все это и бросаются почти на смерть, понимая, что пришло время сослужить Россіи вѣрную службу. Я уже не говорю про болгаръ, про угнетенныхъ „братьевъ славянъ“, мучимыхъ, обижаемыхъ. Къ стыду нашему, эта тема уже устарѣла... но не въ ихъ сердцахъ. Неужели вы не предполагаете во многихъ изъ нихъ высшаго сознанія, что они идутъ служить человѣчеству, угнетеннымъ, оскорблennымъ...

— Служить человѣчеству кулакомъ!

— Позвольте, кстати, вамъ разсказать одинъ анекдотъ. Я уже передавалъ однажды, что въ Москвѣ, въ одномъ

изъ пріютовъ, гдѣ наблюдаютъ маленькихъ болгарскихъ дѣтей сиротокъ, привезенныхъ къ намъ въ Россію послѣ тамошняго разгрома, есть одна больная дѣвочка, лѣтъ 10, которая видѣла (и не можетъ забыть), какъ турки, при ней, содрали кожу съ ея живого отца. Ну, такъ въ этомъ же пріютѣ есть и другая больная болгарка, тоже лѣтъ десяти, и мнѣ обѣ ней недавно разсказали. У ней странная болѣзнь: постепенный, все болѣшій и болѣшій упадокъ силъ и безпрерывный позывъ ко сну. Она все спитъ, но сонъ никакъ ее не укрепляетъ, а даже напротивъ. Болѣзнь очень серьезная. Теперь эта дѣвочка, можетъ быть, уже умерла. У ней тоже одно воспоминаніе, котораго она не можетъ выносить. Турки взяли ея маленькаго брата, ребенка двухъ-трехъ лѣтъ, сначала выкололи ему иголкой глаза, а потомъ посадили на колъ. Ребеночекъ страшно и долго кричалъ, пока умеръ,—фактъ этотъ совершенно вѣрный. Ну, вотъ этого и не можетъ забыть дѣвочка, все это они сдѣлали при ней, на ея глазахъ. Природа, можетъ быть, и послаетъ такимъ, пораженнымъ сердечно, сонъ, потому что они не могли бы долго оставаться наяву съ такимъ безпрерывнымъ воспоминаніемъ предъ собою.—Теперь представьте себѣ, что вы бы тамъ были сами въ ту минуту, какъ они прокалывали ребенку глаза. Скажите, неужели вы бы не бросились остановить ихъ, даже и кулакомъ?

— Да, но все же кулакъ.

— Да вы не бейте ихъ, если хотите, вы только ятаганы-то у нихъ отнимите! Неужели и этого нельзя сдѣлать силой?

А кстати, неужели есть у насъ даже такие любители турокъ, которые и ятагановъ-то у нихъ не желали бы отобрать? Не думаю и не вѣрю, чтобъ были.

ЮЛЬ — АВГУСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Разговоръ мой съ однимъ московскимъ знакомымъ.—Замѣтка
по поводу новой книжки.

Выдавъ въ Петербургъ мой запоздавшій май-юньскій выпускъ „Дневника“ и возвращаясь затѣмъ въ Курскую губернію, я, проѣздомъ черезъ Москву, поговорилъ кой о чёмъ съ однимъ изъ моихъ давнихъ московскихъ знакомыхъ, съ которымъ вижусь рѣдко, но мнѣніе котораго глубоко цѣню. Разговара я въ цѣломъ не привожу, хотя я узналъ при этомъ кое-что весьма любопытное изъ тѣкущаго, чего и не подозрѣвалъ. Но разставался съ моимъ собесѣдникомъ, я, между прочимъ, упомянулъ, что хочу сдѣлать, пользуясь случаемъ, маленький крюкъ по дорогѣ, изъ Москвы полтораста верстъ въ сторону, чтобы посѣтить мѣста первого моего дѣтства и отрочества,—деревню, принадлежавшую когда-то моимъ родителямъ, но давно уже передвшую во владѣніе одной изъ нашихъ родственницъ. Сорокъ лѣтъ я тамъ не былъ и столько разъ хотѣлъ туда сѣѣздить, но все никакъ не могъ, несмотря на то, что это маленькое и незамѣчательное мѣсто остало во мнѣ самое глубокое и сильное впечатлѣніе на всю потомъ жизнь и гдѣ все полно для меня самыми дорогими воспоминаніями.

— Вотъ у васъ есть такія воспоминанія и такія мѣста, и у всѣхъ насы были. Любопытно: что у ныпѣшней молодежи, у нынѣшнихъ дѣтей и подростковъ будетъ дра-

годънаго въ ихъ воспоминаніяхъ и будеть ли? Главное, что именно? Какого рода?

Что святныя воспоминанія будуть и у нынѣшнихъ дѣтей, сомнѣнія, конечно, быть не можетъ, иначе прекратилась бы живая жизнь. Безъ святого и драгоценнаго, унесеннаго въ жизнь изъ воспоминаній дѣтства, не можетъ и жить человѣкъ. Иной, повидимому, о томъ и не думаетъ, а все-таки эти воспоминанія безсознательно да сохраняется. Воспоминанія эти могутъ быть даже тяжелыя, горькія, но вѣдь и прожитое страданіе можетъ обратиться впослѣдствіи въ святыню для души. Человѣкъ и вообще такъ созданъ, что любить свое прожитое страданіе. Человѣкъ, кромѣ того, уже по самой необходимости наклоненъ отмѣтить какъ бы точки въ своемъ прошедшемъ, чтобы по нимъ потомъ ориентироваться въ дальнѣйшемъ и выводить по нимъ хотя бы нѣчто цѣлое, для порядка и собственного назиданія. При этомъ самая сильнѣйшая и вліяющія воспоминанія почти всегда тѣ, которыя остаются изъ дѣтства. А потому и сомнѣнія нѣтъ, что воспоминанія и впечатлѣнія, и, можетъ быть, самыя сильныя и святыя, унесутся и нынѣшними дѣтьми въ жизнь. Но что именно будетъ въ этихъ воспоминаніяхъ, что именно унесутъ они съ собою въ жизнь, какъ именно оформируется для нихъ этотъ дорогой запасъ — все это, конечно, и любопытный и серьезный вопросъ. Если бъ можно было хоть сколько-нибудь предугадать на него отвѣтъ, то можно бы было утолить много современныхъ тревожныхъ сомнѣній, и, можетъ быть, многіе бы радостно увѣровали въ русскую молодежь; главное же — можно бы было хоть сколько-нибудь почувствовать наше будущее, наше русское столь загадочное будущее. Но бѣда въ томъ, что никогда еще не было эпохи въ нашей русской жизни, которая столь менѣе представляла бы данныхъ для предчувствованія и предзнанія всегда загадочнаго нашего будущаго, какъ теперешняя эпоха. Да и никогда семейство русское не было болѣе расшатано, разложено, болѣе неразсортовано и неоформлено, какъ теперЬ. Гдѣ вы найдете теперЬ такія „Дѣтства и Отрочества“, которыхъ бы могли быть возсозданы въ такомъ стройномъ и отчетливомъ изложеніи, въ какомъ представилъ, напримѣръ, намъ свою эпоху и свое семейство графъ Левъ Толстой, или какъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ его же? Всѣ эти поэмы теперЬ не болѣе лишь, какъ историческія картины давно прошедшаго. О, я вовсе

не желаю сказать, что это были такие прекрасные картины, отнюдь я не желаю ихъ повторения въ наше время, и совсѣмъ не про то говорю. Я говорю лишь объ ихъ характерѣ, о законченности, точности и опредѣленности ихъ характера,— качества, благодаря которымъ и могло появиться такое ясное и отчетливое изображеніе эпохи, какъ въ обѣихъ поэмахъ графа Толстого. Нынѣ этого нѣтъ, нѣтъ опредѣленности, нѣтъ ясности. Современное русское семейство становится все болѣе и болѣе *случайнымъ* семействомъ. Именно *случайное семейство* — вотъ опредѣленіе современной русской семьи. Старый обликъ свой она какъ-то вдругъ потеряла, какъ-то внезапно даже, а новый... въ силахъ ли она будетъ создать себѣ новый, желанный и удовлетворяющій русское сердце обликъ? Иные, и столь серьезные даже люди, говорятъ прямо, что русского семейства теперь „вовсе нѣтъ“. Разумѣется, все это говорится лишь о русскомъ интеллигентномъ семействѣ, т. е., высшихъ сословій, не народномъ. Но, однако, народное-то семейство,— развѣ теперь оно не вопросъ тоже?

— Вотъ что безспорно, — сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ,—безспорно то, что въ весьма непродолжительномъ времени въ народѣ явятся новые вопросы, да и явились—уже куча вопросовъ, страшная масса все новыхъ, никогда не бывавшихъ, до сихъ поръ въ народѣ неслыханныхъ, и все это естественно. Но кто отвѣтить на эти вопросы народу? Кто готовъ у насъ отвѣтить на нихъ, и кто первый выйдетъ, кто ждетъ уже и готовится? Вотъ вопросъ, нашъ вопросъ, да еще самой первой важности.

И ужъ, конечно, первой важности. Столь крутой переломъ жизни, какъ реформа 19-го февраля, какъ всѣ потомъ реформы, а, главное, грамотность (хотя бы даже самое малое соприкосновеніе съ нею), все это безспорно родитъ и родило уже вопросы, потомъ, пожалуй, сформируетъ ихъ, объединитъ, дастъ имъ устойчивость и—въ самомъ дѣлѣ, кто отвѣтить на эти вопросы? Ну, кто всего ближе стоитъ къ народу? Духовенство? Но духовенство наше не отвѣтчаетъ на вопросы народа давно уже. Кромѣ иныхъ, еще горящихъ огнемъ ревности о Христѣ священниковъ, часто незамѣтныхъ, никому неизвѣстныхъ, именно потому, что ничего не ищутъ для себя, а живутъ лишь для паствы,—кромѣ этихъ, и увы, весьма, кажется, немногихъ, остальные, если ужъ очень потребуются отъ

нихъ отвѣты—отвѣтять на вопросы, пожалуй, еще доносомъ на нихъ. Другіе до того отдаляютъ отъ себя паству несоразмѣрными ни съ чѣмъ поборами, что къ нимъ и не придетъ никто спрашивать. На эту тему можно бы и много прибавить, но прибавимъ потомъ. Затѣмъ, одни изъ ближайшихъ къ народу—это сельскіе учителя. Но къ чему годятся и къ чему готовы наши сельскіе учителя? Что представила до сихъ порь эта, лишь начинающаяся, впрочемъ, но столь важная по значенію въ будущемъ, новая корпорація, и на что она въ состояніи отвѣтить? На это лучше не отвѣтать. Остаются, стало быть, отвѣты случайные,—по городамъ, на станціяхъ, на дорогахъ, на улицахъ, на рынкахъ, отъ прохожихъ, отъ бродягъ и, наконецъ, отъ прежнихъ помѣщиковъ (объ начальствѣ само собою не упоминаю). О, отвѣтовъ, конечно, будетъ множество, пожалуй, еще больше чѣмъ вопросовъ,—отвѣтовъ добрыхъ и злыхъ, глупыхъ и премудрыхъ, но главный характеръ ихъ, кажется, будетъ тотъ, что каждый отвѣтъ родить еще по три новыхъ вопроса, и пойдетъ это все crescendo. Въ результатѣ хаосъ, но хаосъ бы еще хорошо: скоро спѣлья разрѣшенія задачъ хуже хаоса.

— А главное,—нечего и говорить объ этомъ. Вынесутъ. Конечно, вынесутъ, и безъ насъ вынесутъ, и безъ отвѣтчиковъ и при отвѣтчикахъ. Могуча Русь и не то еще выносила. Да и не таково назначеніе и цѣль ея, чтобы зря повернулась она съ вѣковой своей дороги, да и размѣры ея не тѣ. Кто вѣритъ въ Русь, тотъ знаетъ, что вынесетъ она все рѣшительно, даже и вопросы, и останется въ сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью, какъ и была до сихъ порь, и, сколь ни измѣнился бы, пожалуй, обликъ ея, но измѣненія облика бояться нечего, и задерживать, отдалить вопросы вовсе не надо: кто вѣритъ въ Русь, тому даже стыдно это. Ея назначеніе столь высоко, и ея внутреннее предчувствіе этого назначенія столь ясно (особенно теперь, въ нашу эпоху, въ теперешнюю минуту главное), что тотъ, кто вѣрюетъ въ это назначеніе, долженъ стоять выше всѣхъ сомнѣній и опасеній. „Здѣсь терпѣніе и вѣра святыхъ“, какъ говорится въ священной книгѣ.

Въ то утро я только что увидалъ, въ первый разъ, объявление въ газетахъ о выходѣ отдѣльно восьмой и послѣдней части Аны Карениной, отвергнутой редакціей

Русского Вестника, въ которомъ печатался весь романъ, съ самой первой части. Всѣмъ извѣстно было тоже, что отвергнута эта послѣдняя, восьмая часть за разногласіе съ направленіемъ журнала и убѣжденіями редакторовъ, и именно по поводу взгляда автора на восточный вопросъ и прошлогоднюю войну. Книгу я немедленно положилъ купить и, прощаясь съ моимъ собесѣдникомъ, спросилъ его о ней, зная, что ему давно уже извѣстно ея содержаніе. Онъ засмѣялся.

— Самая невиннѣйшая вещь, какая только можетъ быть! отвѣчалъ онъ.—Вовсе не понимаю, зачѣмъ *Русский Вестникъ* не помѣстилъ ее. Притомъ же авторъ представлялъ имъ право на какія угодно оговорки и выноски, если они съ нимъ не согласны... А потому прямо и сдѣлали бы выноску, что вотъ, дескать, авторъ...

Я, впрочемъ, не впишу сюда содержанія этой выноски, предлагавшейся моимъ собесѣдникомъ, тѣмъ болѣе, что и высказалъ онъ ее, все еще продолжая смѣяться. Но въ концѣ онъ прибавилъ уже серьезно:

— Авторъ Анны Карениной, несмотря на свой огромный художественный талантъ, есть одинъ изъ тѣхъ русскихъ умовъ, которые видятъ ясно лишь то, что стоитъ прямо передъ ихъ глазами, а потому и прутъ въ эту точку. Повернуть же шею направо иль налево, чтобы разглядѣть и то, что стоитъ въ сторонѣ, они, очевидно, не имѣютъ способности: имъ нужно для того повернуться всѣмъ тѣломъ, всѣмъ корпусомъ. Вотъ тогда они, пожалуй, заговорятъ совершенно противоположное, такъ какъ во всякомъ случаѣ они всегда строго искренни. Этотъ перевернуть можетъ и совсѣмъ не совершившись, но можетъ совершившись и черезъ мѣсяцъ, и тогда почтенный авторъ съ такимъ же задоромъ закричитъ, что и добровольцевъ надо посыпать и корней щипать, и будетъ говорить все, чѣмъ мы говоримъ...

Книжку эту я купилъ и потомъ прочелъ, и нашелъ ее вовсе не столь „невинно“. И такъ какъ я, несмотря на все мое отвращеніе пускаться въ критику современныхъ мнѣ литераторовъ и ихъ произведеній — рѣшилъ непремѣнно поговорить объ ней въ „Дневникѣ“ (даже, можетъ быть, въ этомъ же выпускѣ) — то и счелъ не лишнимъ вписать сюда и мой разговоръ о ней съ моимъ собесѣдникомъ, у котораго и прошу потому извиненія за мою нескромность.

II.

Жажда слуховъ и того, что «скрываютъ». — Слово: скрываютъ можетъ имѣть будущность, а потому и надобно принять мѣры заранѣе. — Опять о случайному семействѣ.

Эти „мѣста моего дѣтства“, куда я собирался съѣздить, — отъ Москвы всего полтораста верстъ, изъ коихъ сто сорокъ по желѣзной дорогѣ; но употребить на эти полтораста верстъ пришлось почти десять часовъ. Множество остановокъ, пересаживаний, а на одной станціи приходится ждать этого пересаживанія три часа. И все это при всѣхъ непріятностяхъ русской желѣзной дороги, при небрежнѣйшемъ и почти высокомѣрномъ отношеніи къ вамъ и къ нуждамъ вашимъ кондукторовъ и „начальства“. Всѣмъ давно извѣстна формула русской желѣзной дороги: „не дорога создана для публики, а публика для дороги“. Нѣтъ такого желѣзнодорожника, съ кондуктора до директора всключительно, который бы сомнѣвался въ этой аксиомѣ, и не посмотрѣлъ бы на васъ съ насмѣшливымъ удивленіемъ, если бъ вы стали утверждать передъ нимъ, что дорога создана для публики. А главное и слушать не будутъ.

Кстати въ это лѣто я изѣздилъ до четырехъ тысячъ верстъ, по крайней мѣрѣ, и вездѣ по дорогѣ меня особенно поражалъ этотъ разъ народъ; вездѣ народъ говорилъ про войну. Ничто не могло сравниться съ тѣмъ интересомъ и съ тѣмъ жаднымъ любопытствомъ, съ которыми простонародье выслушивало и разспрашивало про войну. Въ вагонахъ я замѣтилъ даже иѣсколькихъ мужиковъ, читавшихъ газеты, большею частью вслухъ. Случалось садиться рядомъ съ ними: какой-нибудь мѣщанинъ оглядитъ васъ осторожно сначала, и особенно колъ увидѣть у васъ, или подлѣ вѣдь вѣдь вѣдомится: откуда вы? И колъ отвѣтите, что изъ Москвы, или изъ Петербурга (а еще интереснѣе для него, если съ юга, изъ Одессы, напримѣръ), то непремѣнно спроситъ: „Что слышно про войну?“ Затѣмъ чуть-чуть вы вселите въ него довѣрчивость вашимъ отвѣтомъ и готовностью отвѣтить ему, онъ тотчасъ, впрочемъ, опять-таки съ осторожностью, мѣняетъ любопытный видъ на таинственный, приближается къ вамъ и спрашиваетъ, уже понижая голосъ: „А нѣтъ-ли, дескать, чего особеннаго?“ то-есть поособеннѣе чѣмъ въ газетахъ, того,

дескать, что скрывают? При этомъ прибавлю, что недовольныхъ на правительство за объявление войны въ народѣ нѣтъ никого, даже въ самыхъ злорадныхъ типахъ, а злорадные есть, но тутъ особенного рода злорадство: Проходишь, напримѣръ, во время остановки по платформѣ станціи и вдругъ услышишь: „семнадцать тысячъ нашихъ легло, только что сейчасъ была телеграмма!“ Смотришь, ораторствуетъ какой-нибудь паренекъ, лицо у него выражаетъ какое-то зловѣщее упоеніе, и вовсе не то, чтобы онъ былъ радъ, что нашихъ легло семнадцать тысячъ, нѣтъ, тутъ другое, тутъ въ родѣ того, какъ если бъ вдругъ погорѣлъ человѣкъ, все сгорѣло — изба, деньги, скотъ: „смотрите, дескать, на меня, православные христіане, все пропало, въ лохмотьяхъ, одинъ какъ перстъ!“ Въ эти минуты тоже бываетъ у этакого какая-то сладость злораднаго самоупоенія въ лицѣ. Но насчетъ „семнадцати тысячъ“ было и другое: „телеграмма, дескать, такая есть, только ее задерживаютъ, скрываютъ, еще не пущаютъ... видѣли, сами читали...“ — вотъ смысьль. Я не утерпѣлъ, вдругъ подошелъ къ кучкѣ и сказалъ, что все вздоръ, слухи глупые, не могли побить семнадцати тысячъ нашихъ, все благополучно. Паренекъ (какъ будто изъ мѣщанства, а то и мужикъ, пожалуй) нѣсколько хотя и сконфузился, но не очень: „мы, дескать, люди темные, не свои слова говоримъ, такъ слышали“; толпа быстро разошлась, къ тому же зазвенѣлъ и звонокъ. Любопытно мнѣ теперь потому, что происходило это девятнадцатаго іюля, часовъ въ пять пополудни. Наканунѣ же, восемнадцатаго, было Плевненское дѣло. Какая тутъ могла быть еще телеграмма, даже кому бы то ни было, а не то что среди поѣзда желѣзной дороги? Конечно, случайное совпаденіе. Не думаю, впрочемъ, чтобы парень былъ самъ расpusкателъ и выдумщикъ ложныхъ слуховъ, вѣрнѣе всего, что онъ въ самомъ дѣлѣ отъ кого-нибудь слышалъ. Надо думать, что фабрикантовъ ложныхъ слуховъ, и уже, конечно, злыхъ слуховъ, обѣ неудачахъ и несчастьяхъ, развелось по Россіи въ это лѣто чрезвычайное множество и ужъ, конечно, съ цѣлями, а не то что изъ одного простого вранья.

Въ виду горячаго патріотического настроенія народа въ эту войну, въ виду той *сознательности* о значеніи и задачахъ этой войны, которая обнаружилась въ народѣ нашемъ еще съ прошлаго года, въ виду пламенной и бла-

головной вѣры народа въ своего царя, — всѣ эти задержки и секреты въ извѣстіяхъ съ театра войны не только не полезны, но положительно вредны. Никто не можетъ, конечно, ни требовать, ни желать, чтобъ сообщались стратегические планы, цифры войскъ раньше дѣла, военные секреты и проч., но, по крайней мѣрѣ, то, что узнаютъ вѣнскія газеты раньше нашихъ, можно бы знать и памъ раньше ихъ *).

Сидя на станціи, на которой приходилось ждать три часа для пересадки на другой поѣздъ, я былъ въ предурномъ расположениіи духа и на все досадовалъ. Отъ нечего дѣлать мнѣ пришло вдругъ на мысль изслѣдоватъ: почему я досадую, и не было ли тутъ, кромѣ общихъ причинъ, какой-нибудь случайной, ближайшей? Я не долго искалъ и вдругъ засмѣялся, найдя эту причину. Дѣло заключалось въ одной недавней встрѣчѣ моей, въ вагонѣ, за двѣ станціи передъ этой. Въ вагонѣ вдругъ вошелъ одинъ джентльменъ, совершенный джентльменъ, очень похожий на типъ русскихъ джентльменовъ, скитающихся за границей. Онъ вошелъ ведя съ собой маленькаго своего сына, мальчика лѣтъ восьми, никакъ не болѣе, даже, можетъ быть, менѣе. Мальчикъ былъ премило одѣтъ въ самый модный европейскій дѣтскій костюмчикъ, въ прелестную курточку, изящно обутъ, бѣлье батистовое. Отецъ видимо о немъ заботился. Вдругъ мальчикъ, только что сѣли, говоритъ отцу: „папа, дай папироску?“ Папа тотчасъ же идетъ въ карманъ, вынимаетъ перламутровую папиросочницу, вынимаетъ двѣ папироски, одну для себя, другую для мальчика, и оба, съ самымъ обыкновеннымъ видомъ, прямо свидѣтельствующимъ, что между ними ужъ и давно такъ, закуриваются. Джентльменъ погружается въ какую-то думу, а мальчикъ смотритъ въ окошко вагона, курить и затягивается. Онъ выкурилъ свою папироску очень скоро, затѣмъ, не прошло и четверти часа, вдругъ опять: „папа, дай папироску?“ — и опять оба вновь закуриваютъ и, въ продолженіе двухъ станцій, которыхъ они просидѣли со мною въ одномъ вагонѣ, мальчикъ выкурилъ, по крайней мѣрѣ, четыре папироски. Никогда я еще не видалъ ничего подобнаго и былъ очень удивленъ. Слабая, нѣжненькая, совсѣмъ не сформировавшаяся грудка

*) Теперь все это, въ самомъ важномъ, поправлено: почти ни одного дня не остается публика безъ депешъ главнокомандующаго.

такого маленькаго ребенка пріучена уже къ такому ужасу. И откуда могла явиться такая неестественно-ранняя привычка? Разумѣется, глядя на отца: дѣти такъ переимчивы; но развѣ отецъ можетъ допустить своего младенца къ такой отравѣ? Чахотка, катарръ дыхательныхъ путей, кашерны въ легкихъ — вотъ что неотразимо ожидаетъ несчастного мальчика — тутъ девять изъ десяти шансовъ, это ясно, это всѣмъ извѣстно, и именно отецъ-то и развиваетъ въ своемъ младенцѣ неестественно-преждевременную привычку! Чѣмъ хотѣть доказать этимъ этотъ джентльменъ, — я не могу себѣ и представить: пренебреженіе ли къ предразсудкамъ, новую ли идею провести, что все, чѣмъ прежде запрещалось — вздоръ, а, напротивъ, все дозволено? — Понять не могу. Случай этотъ такъ и остался для меня неразъясненнымъ, почти чудеснымъ. Никогда въ жизни я не встрѣчалъ такого отца и, вѣроятно, не встрѣчу. Удивительные въ наше время попадаются отцы! Я, впрочемъ, тотчасъ пересталъ смеяться. Разсмѣялся я тому только, что такъ скоро отыскалъ причину моего сквернаго расположенія духа. Тутъ, хоть, впрочемъ, безъ прямой связи съ событиемъ, припомнился мнѣ вчерашній мой разговоръ съ моимъ собесѣдникомъ о томъ, что унесутъ дорогого и святого изъ своего дѣтства въ жизнь современныхъ дѣти, потомъ напомнилась моя мысль о случайности современного семейства... и вотъ я вновь погрузился въ весьма непрѣятныя соображенія.

Спросить: чѣмъ такое эта *случайность* и чѣмъ я подъ этимъ словомъ подразумѣваю? Отвѣчаю: случайность современного русскаго семейства, по-моему, состоить въ утратѣ современными отцами всякой общей идеи, въ отношеніи къ своимъ семействамъ, общей для всѣхъ отцовъ, связующей ихъ между собою, въ которую бы они сами вѣрили и научили бы такъ вѣрить дѣтей своихъ, передали бы имъ эту вѣру въ жизнь. Замѣтьте еще: эта идея, эта вѣра — можетъ-быть, даже, пожалуй, ошибочная, такъ что лучшія изъ дѣтей впослѣдствіи сами бы отъ нея отказались, по крайней мѣрѣ, исправили бы ее для своихъ уже дѣтей, но все же самое присутствіе этой общей, связующей общество и семейство идеи, — есть уже начало порядка, т.-е. нравственнаго порядка, конечно, подверженаго измѣненію, прогрессу, поправкѣ, положимъ такъ — но порядка. Тогда какъ въ наше время этого-то порядка и нѣть, ибо нѣть ничего общаго и связующаго во чѣмъ бы

всѣ отцы вѣрили, а есть на мѣсто того или: во-1-хъ, по-головное и сплошное отрицаніе прежняго (но зато лишь отрицаніе и ничего положительного); во-2-хъ, попытки сказать положительное, но не общее и связующее, а сколько головъ, столько умовъ,—попытки, раздробившіяся на единицы и лица, безъ опыта, безъ практики, даже безъ полной вѣры въ нихъ ихъ изобрѣтателей. Попытки эти иногда даже и съ прекраснымъ началомъ, но невыдержаныя, незаконченныя, а иногда такъ и совсѣмъ безобразныя, въ родѣ огульного допущенія всего того, что прежде запрещалось, на основаніи принципа, что все старое глупо, и это даже до самыхъ глупѣйшихъ выходокъ, до позволенія, напримѣръ, курить табакъ семилѣтнимъ дѣтямъ. Наконецъ, въ-3-хъ, лѣнивое отношеніе къ дѣлу, вялые и лѣнивые отцы, эгоисты: „э, пусть будетъ что будетъ, чего намъ заботиться, пойдутъ дѣти, какъ и всѣ, во что-нибудь выровняются, надоѣдаются только они очень, хоть бы ихъ вовсе и не было!“ Такимъ образомъ въ результатѣ — беспорядокъ, раздробленность и случайность русского семейства, — а надежда — почти что на одного Бога: „авось, дескать, пошлетъ намъ какую-нибудь общую идею и мы вновь соединимся!“

Такой порядокъ, конечно, родить безотрадность, а безотрадность еще пуще родить лѣнъ, а у горячихъ—циническую, озлобленную лѣнъ. Но есть и теперь много совсѣмъ не лѣнивыхъ, а, напротивъ, очень даже прилежныхъ отцовъ. Большею частью эти отцы съ идеями. Одинъ, наслушавшись, положимъ, весьма даже не глупыхъ вещей и прочтя двѣ-три умныя книги, вдругъ сводить все воспитаніе и всѣ обязанности свои къ семейству на одинъ бифштексъ: „Бифштексъ съ кровью и конечно, Либихъ, дескать“ и т. д. Другой, пречестнѣйший человѣкъ самъ по себѣ, въ свое время даже блиставшій остроумiemъ, уже согналъ три нянки отъ своихъ младенцевъ: „невозможно съ этими шельмами, запретилъ настрого, вдругъ вхожу вчера въ дѣтскую и что же, представьте себѣ, слышу: Лизочки укладываетъ въ люльку, а сама ее Богородицѣ учить и крестить: помилуй, дескать, Господи, папу, маму... вѣдь настрого запретилъ! Рѣшаюсь на англичанку, да выйдетъ ли лучше-то?“ Третій, едва пятнадцатилѣтнему своему мальчишкѣ, самъ подыскиваетъ уже любовницу: „а то, знаете, эти дѣтскія ужасныя привычки разовьются, али пойдетъ какъ-нибудь на улицу, да бо-

лѣзнь скверную схватить... нѣть, ужъ лучше обезпечить ему этотъ пунктъ заранѣ...” Четвертый доводъ свое-го семнадцатилѣтняго мальчика до самыхъ передовыхъ „идей”, а тотъ самимъ естественнымъ образомъ (ибо чѣмъ можетъ выйти изъ иныхъ познаній раньше жизни и опыта?) сводитъ эти передовыя мысли (нерѣдко очень хорошия) на то, что „если нѣть ничего святого, то, стало-быть, можно дѣлать всякую пакость”. Положимъ, въ этомъ случаѣ отцы горячи, но вѣдь у многихъ ли изъ нихъ эта горячка оправдывается чѣмъ-нибудь серьезнымъ, мыслю, страданіемъ? Много ль у насъ такихъ-то? Боль-шую вѣдь частью одно либеральное подхихикиваніе съ чужого голоса, и вотъ, ребенокъ уносить въ жизнь, сверхъ всего, и комическое воспоминаніе объ отцѣ, комическій образъ его.

Но это „прилежные” и ихъ не такъ много; несравненно больше лѣнивыхъ. Всякое переходное и разлагающееся состояніе общества порождаетъ лѣнность и апатію, потому что лишь очень немногіе, въ такія эпохи, могутъ ясно видѣть передъ собою и не сбиваться съ дороги. Боль-шинство же путается, теряетъ нитку, и, наконецъ, ма-хаетъ рукой: „э, чтобъ васъ! Какія тамъ еще обязанности, когда и сами-то никто ничего толкомъ не умѣемъ ска-зать! Прожить бы только какъ-нибудь самому-то, а то что тутъ еще обязанности”. И вотъ эти лѣнивые, если только богаты, исполняютъ даже все *какъ слѣдуетъ*: одѣ-ваютъ дѣтей хорошо, кормятъ хорошо, нанимаютъ гувер-нантокъ, потомъ учителей; дѣти ихъ, наконецъ, вступаютъ, пожалуй, въ университеты, но... отца тутъ не было, се-мейства не было, юноша вступаетъ въ жизнь одинъ какъ перстъ, сердцемъ онъ не жилъ, сердце его ничѣмъ не связано съ его прошедшими, съ семействомъ, съ дѣт-ствомъ. И еще вотъ что: вѣдь это только богатенькие, у нихъ былъ достатокъ, а много ли достаточныхъ-то? Боль-шинство, страшное большинство—вѣдь все бѣдные, а по-тому, при лѣнности отцовъ къ семейству, дѣтки уже въ высшей степени оставлены на случайность! Нужда, забота отцовъ отражаются въ ихъ сердцахъ съ дѣтства мрач-ными картинами, воспоминаніями иногда самаго отравляю-щаго свойства. Дѣти вспоминаютъ до глубокой старости малодушіе отцовъ, ссоры въ семействахъ, споры, обвине-нія, горькіе попреки и даже проклятія на нихъ, на лиши-ніе рты, и, чѣмъ хуже всего, вспоминаютъ иногда подлость

отцовъ, низкіе поступки изъ-за достиженія мѣстъ, денегъ, гадкія интриги и гнусное раболѣпство. И долго потомъ въ жизни, можетъ, всю жизнь, человѣкъ склоненъ слѣпо обвинять этихъ прежнихъ людей, ничего не вынеся изъ своего дѣтства, чѣмъ бы могъ онъ смягчить эту грязь воспоминаній и правдиво, реально, а, стало-быть, и *оправдательно* взглянуть на тѣхъ прошлыхъ, старыхъ людей, около которыхъ такъ уныло протянулись его первые годы. Но это еще лучшія изъ дѣтей, а вѣдь большинство-то ихъ уноситъ съ собою въ жизнь не одну лишь грязь *воспоминаній*, а и самую грязь, запасется ею даже нарочно, карманы полные набьетъ себѣ этой грязью въ дорогу, чтобы употребить ее потомъ въ дѣло и уже не со скрежетомъ страданія, какъ его родители, а съ легкимъ сердцемъ: „Всѣ, дескать, ходятъ въ грязи, обѣ идеалахъ бредятъ только одни фантазеры, а съ грязнотцой-то и лучше...”

„Но что же вы хотите? Какія это такія воспоминанія должны бы были они унести изъ дѣтства для очистки грязи своихъ семействъ и для *оправдательного*, какъ вы говорите, взгляда на отцовъ своихъ?“ Отвѣчаю: Что же я могу сказать одинъ, если въ пѣломъ обществѣ нѣть на это отвѣта? Общаго нѣть ничего у современныхъ отцовъ, сказалъ я, связующаго ихъ самихъ нѣть ничего. Великой мысли нѣть (утратилась она), великой вѣры нѣть въ ихъ сердцахъ въ такую мысль. А только подобная великая вѣра и въ состояніи породить *прекрасное* въ воспоминаніяхъ дѣтей,—и даже какъ: несмотря даже на самую лютую обстановку ихъ дѣтства, бѣдность и даже самую нравственную грязь, окружавшую ихъ колыбели! О, есть такие случаи, что даже самый падшій изъ отцовъ, но еще сохранившій въ душѣ своей хотя бы только отдаленный прежній образъ великой мысли и великой вѣры въ нее, могъ и успѣвалъ пересаждать въ воспріимчивыя и жаждущія души своихъ жалкихъ дѣтей это сѣмя великой мысли и великаго чувства, и былъ прощенъ потомъ своими дѣтьми всѣмъ сердцемъ за одно это благодѣяніе, несмотря ни на что остальное. Безъ зачатковъ положительного и прекраснаго нельзя выходить человѣку въ жизнь изъ дѣтства; безъ зачатковъ положительного и прекраснаго нельзя пускать поколѣніе въ путь. Посмотрите, развѣ современные отцы, изъ горячихъ и прилежныхъ, не вѣрятъ въ это? О, они вполнѣ вѣрятъ, что безъ связующей, общей, нравственной и гражданской идеи нельзѧ

взрастить поколѣніе и пустить его въ жизнь! Но са-
ми-то они всѣ вмѣстѣ утратили цѣлое, потеряли общее,
разбились по частямъ; соединились лишь въ отрицатель-
номъ, да и то кое-какъ, и раздѣлились всѣ въ положи-
тельномъ, а въ сущности и сами даже не вѣрятъ себѣ
ни въ чемъ, ибо говорять съ чужого голоса, примкнули
къ чуждой жизни и къ чуждой идеѣ и потеряли всякую
связь съ родной русской жизнью.

Впрочемъ, повторяю, этихъ горячихъ немногого, лѣни-
выхъ безконечно больше. Кстати, помните ли вы про-
цессъ Джунковскихъ? Этотъ процессъ очень недавній и
разматривался въ Калужскомъ окружномъ судѣ всего
лишь 10-го іюня текущаго года. На него, среди грома
текущихъ событий, весьма можетъ быть немногое и обрати-
ли вниманіе. Я прочелъ его въ газетѣ *Новое Время* и
не знаю, былъ ли онъ перепечатанъ еще гдѣ-нибудь.
Это — дѣло о перемышльскихъ землевладѣльцахъ маорѣ
Александрѣ Аѳанасьевѣ Джунковскомъ, 50 лѣтъ, и женѣ
его Екатеринѣ Петровой Джунковской, 40 лѣтъ, обвиняе-
мыхъ въ жестокомъ обращеніи съ малолѣтними дѣтьми ихъ
Николаемъ, Александромъ и Ольгою... Здѣсь своевременно
будетъ замѣтить, что дѣти, о которыхъ идетъ рѣчь, были
въ слѣдующемъ возрастѣ: Николай—тринацдцати лѣтъ, Оль-
га—двѣнадцати лѣтъ и Александръ—11 лѣтъ. Прибавлю
еще, забѣгая впередъ, что судъ оправдалъ подсудимыхъ.

Въ этомъ процессѣ весьма, по-моему, рѣзко выступаетъ
многое типичное изъ нашей дѣйствительности, а между
тѣмъ, что всего больше въ немъ поразительно—это чрезвы-
чайная обыкновенность, обыденность его. Чувствуешь, что
именно такихъ русскихъ семействъ необыкновенное тѣ-
перь множество,—конечно, не въ этомъ самомъ видѣ, ко-
нечно, не вездѣ такія случайности, какъ чесаніе пятокъ
(о чёмъ будетъ ниже), но суть-то дѣла, основная-то черта
множества подобныхъ семействъ одна и та же. Это именно
типъ „лѣниваго семейства“, о которомъ я сейчасъ только
говорилъ. Если не цѣлый, не правильный очень типъ
(особенно судя по инымъ весьма исключительнымъ и ха-
рактернымъ подробностямъ), то все-таки замѣчательная
особь этого типа. Но пусть читатели судятъ сами. Под-
судимые были преданы суду по опредѣленію московской
судебной палаты; припомнимъ же это обвиненіе. Перепе-
чатываю изъ *Нового Времени* такъ, какъ оно тамъ было
изложено, т.-е. въ скжатомъ видѣ.

III.

Дѣло родителей Джунковскихъ съ родными дѣтьми.

Обвиняемые Джунковские, обладая известнымъ достаткомъ и имъя надлежащее число прислуги, поставили дѣтей своихъ: Николая, Александра и Ольгу, въ совершенно иныхъ отношенія къ себѣ, чѣмъ другихъ дѣтей. Они не только не держали себя съ ними и не ласкали ихъ какъ родители, но, оставивъ безъ присмотра, давали имъ плохое содержаніе, помѣщеніе, одежду, постели и столъ, принуждали къ занятіямъ въ родѣ чесанія пятокъ и т. п., возбуждая и поддерживая такимъ образомъ въ нихъ неудовольствіе и раздраженіе, доведшее ихъ до поступка съ умершою сестрою, о чемъ будетъ сказано ниже. Все это не могло не имѣть дурного вліянія на здоровье дѣтей. Такъ, напримѣрь, изъ дѣла видно, что Ольга страдаетъ падучею болѣзнию, кромѣ того, не способствуя ни надзоромъ, ни попеченіями своимъ нравственному развитію дѣтей, подсудимые прибѣгали къ мѣрамъ, которыя нельзя признать кроткими мѣрами исправленія родителями своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Такъ, обвиняемые запирали дѣтей на продолжительное время въ сортиръ, оставляли дома въ холодной комнатѣ и почти безъ пищи, или посыпали обѣдать и спать въ комнатѣ прислуги, ставя ихъ такимъ образомъ въ общество лицъ, мало способныхъ содѣйствовать ихъ исправленію, наконецъ, часто били чѣмъ попало, даже кулаками, сѣкли розгами, хворостиною, плетью, назначенней для лошадей, и съ такою жестокостью, что страшно было смотрѣть и что (по показанію мальчика Александра) спина ребенка болѣла пять дней отъ одной изъ такихъ экзекуцій. Подобные побои были послѣдствиемъ не всегда какой-нибудь, хотя бы маловажной шалости, но и просто такъ себѣ—по желанію. Служившая прачкою у Джунковскихъ солдатка Сергѣева, между прочимъ, объяснила, что обвиняемые не любили дѣтей Николая, Александра и Ольгу, которые спали отдельно отъ другихъ дѣтей, внизу, въ одной комнатѣ, на полу, на войлокѣ, одѣвались чѣмъ попало (было одно рваное одѣяло); ли людское кушанье, такъ что всегда были голодны. Одѣвали ихъ плохо: лѣтомъ въ разныя рубашки, а зимою въ полушибки. Джунковская была для этихъ дѣтей хуже мачихи; она била ихъ, особенно Александра, чѣмъ попало, а то такъ просто кулаками. Когда сѣкла Николая, то страшно было глядѣть. Дѣти хотя и были шаловливы, но какъ дѣти. Имъ доставалось больше всего по вечерамъ, когда они чесали матери пятки, чтѣ продолжалось по часу и болѣе—пока мать не уснѣть. Это дѣлала раньше прислуга, въ томъ числѣ и Сергѣева, которая, наконецъ, отказалась, потому что рука отекала! Изъ показанія Усачковой оказывается, что Александръ и Ольга валялись на полу, на грязныхъ подушкахъ, «вообще ихъ держали грязно—въ свиномъ логовищѣ чище, чѣмъ у нихъ». Жившій у Джунковскихъ, въ качествѣ учителя, по августъ 1875 года, дворянинъ Любимовъ утверждалъ, что Николая, Ольгу и Александра содержали плохо и имъ иногда приходилось ходить босикомъ. Въ показаніи дѣвицы Шишовой (кандидатка Николаевскаго института), бывшей у дѣтей подсудимыхъ гувернанткою, по августъ 1874 года, которое было прочитано на судѣ вслѣдствіе неявки свидѣтельницы,—значится, что Джунковская—женщина эгоистичная, не ласкавшая никогда, равно какъ и мужъ ея, дѣтей Александра и Николая. Отсутствие вообще порядка въ домѣ подсудимыхъ и равнодушное отно-

шение къ дѣтямъ Шишова объясняетъ какою-то небрежностью обвиняемыхъ ко всему и даже въ отношеніи себя; дѣла ихъ были постоянно запутаны и они жили постоянно въ хлопотахъ и не умѣли хозяйствничать. Джунковская, старавшаяся, чтобы есъ ничего не беспокоило, поручала мужу наказывать дѣтей, что имъ и было исполнено, и хотя при экзекуціяхъ свидѣтельница не присутствовала, но тѣмъ не менѣе удостовѣряеть, что «никакой жестокости въ наказаніяхъ не было». «Случалось, продолжаетъ педагогичка Шишова,—что Джунковская или я даже, за шалости запирала дѣтей въ комнату, гдѣ стоять ватерклозетъ, но эта комната не холоднѣе другихъ въ квартирѣ и отапливалаась». Шишова и сама наказывала дѣтей ременною плеткою, «но только она была маленькая». При свидѣтельницѣ никогда не случалось, чтобы дѣтамъ не давали есть по нѣсколько дней.

Затѣмъ мальчики Николай и Александръ дали слѣдователю сдержаннныя показанія, изъ которыхъ, однако, видно, что ихъ сѣкли розгами, ременною плетью, которую гоняютъ лошадь, а также и хворостиною, употреблявшееся въ дѣло и учителемъ Любимовымъ. Однажды у Александра пять дней болѣла спина послѣ того, какъ мать высыпала его за то, что онъ изъ кухни принесъ сестрѣ Ольгѣ картофель для завтрака.

Джунковскій въ оправданіе свое ссылался на полнѣшую испорченность своихъ дѣтей, въ подтвержденіе чего привелъ слѣдующій случай: когда умерла его старшая дочь Екатерина, мальчики Николай и Александръ въ то время, когда сестра ихъ лежала на столѣ,—нарѣзавъ въ саду прутьевъ, били мертвую по лицу, приговаривая: теперь-то натѣшимся падь тобою за то, что ты на насъ жаловалась.

На судѣ обвиняемые не признали себя виновными.

Подсудимый увѣрять, что тратить на воспитаніе своихъ дѣтей болѣе, чѣмъ позволяютъ его средства, но что онъ такъ несчастливъ, что не достигъ своей цѣли и что дѣти дѣлаются все хуже и хуже.

Старшій сынъ (Николай) до отдачи въ гимназію былъ хорошимъ мальчикомъ, но, побывъ въ гимназіи, выучился тамъ воровать; до поступленія въ гимназію онъ зналъ молитвы, но потомъ забылъ ихъ по той причинѣ, что объявилъ себя католикомъ и вслѣдствіе этого не учился совсѣмъ Закону Божію, между тѣмъ было представлено метрическое свидѣтельство, въ которомъ сказано, что Николай—православнаго вѣроисповѣданія.

Въ послѣднѣмъ своемъ словѣ Джунковская высказала, что она нанимала къ дѣтямъ нѣсколько гувернантокъ, но, къ несчастью, все ошибалась въ нихъ, такъ же какъ и въ учителей, но что въ настоящее время отецъ самъ занимается съ дѣтьми, и она надѣется, что дѣти совершенно поправятся.

Вотъ этотъ процессъ. Подсудимые, какъ сказано выше, были оправданы. Еще бы нѣтъ? И замѣчательно не то, что ихъ оправдали, а то, что ихъ предали подъ судъ и судили. Кто и какой судъ можетъ обвинить ихъ и за что? О, конечно, есть такой судъ, который можетъ ихъ обвинить и ясно указать за что, но не уголовный же судъ съ присяжными засѣдателями, судящій по написанному закону. А въ написанныхъ законахъ нигдѣ нѣтъ статьи, ставящей преступленіемъ лѣнивое, неумѣлое и

безсердечное отношение отцовъ къ дѣтямъ. Иначе пришлось бы осудить пол-Россіи,—куды, гораздо больше. Да и что такое безсердечное отношеніе? Вотъ если бы жестокія истязанія, какія-нибудь ужасныя, безчеловѣчныя. Но мнѣ помнится, какъ адвокатъ въ процессѣ Кронеберга, обвинявшагося въ безчеловѣчномъ обращеніи съ своимъ младенцемъ, раскрылъ сводъ законовъ и прочель статью о жестокомъ обращеніи, жестокихъ истязаніяхъ и проч., имѣя въ виду доказать, что клиентъ его не подходитъ ни подъ одну изъ этихъ статей, въ которыхъ ясно и точно опредѣлено, что надо считать жестокими и безчеловѣчными истязаніями. И, помню, эти опредѣленія жестокихъ истязаній были до того жестоки, что рѣшительно похожи были на истязанія болгаръ бashi-бузуками, и если не сажаніе на колъ и ремни изъ спины, то разломанныя ребра, руки, ноги и не знаю еще что, такъ что какая-нибудь ременная плетка, да еще маленькая, по показанію дѣвицы Шишовой—рѣшительно не можетъ подойти къ статьѣ свода законовъ и составить пунктъ обвиненія. „Сѣкли, дескать, розгой“. Да кто-жъ не сѣчетъ дѣтей розгой? девять десятыхъ Россіи сѣчтъ. Подъ уголовный-то законъ уже никакъ нельзя подвести. „Сѣкли, дескать, ни за что, ни про что, за картофель“. Нѣть-съ, не за картофель, отвѣтилъ бы г. Джунковскій, а тутъ ужъ все вмѣстѣ сошлось, за развратъ, за то, что они, изверги, сѣкли умершую dochь Екатерину по лицу.— „Въ сортиръ, дескать, запирали“. Да вѣдь сортиръ топленый, такъ чего же вамъ больше, карцерь—всегда карцерь. „За то, дескать, что людской пищей кормили и посыпали спать чуть не въ свиной хлѣвъ, на какой-то подстилкѣ, съ однимъ рванымъ одѣяломъ“? „А это тоже за наказаніе-съ, и притомъ, рваное—не рваное, а я и безъ того трачу на обученіе дѣтей свыше моихъ средствъ и надѣюсь, что закону нечего считать въ моемъ карманѣ средства мои“. „За то, дескать, что вы не ласкали дѣтей“? Но позвольте, покажите мнѣ такую статью свода законовъ, которая повелѣвала бы мнѣ, подъ страхомъ уголовнаго наказанія, ласкать дѣтей, да еще шалуновъ, безсердечныхъ, дрянныхъ воришекъ и изверговъ... „За то, наконецъ, что вы избрали не ту систему воспитанія вашихъ дѣтей“? А какую систему воспитанія предписываетъ уголовный законъ подъ страхомъ уголовнаго наказанія? Да и вовсе это не дѣло закона...

Однимъ словомъ, я хочу сказать, что тащить это дѣло Джунковскихъ въ уголовный судъ было невозможно. Да такъ и случилось: они были оправданы, изъ обвиненія ихъ ничего не вышло. А между тѣмъ, читатель чувствуетъ, что изъ этого дѣла можетъ выйти, а, можетъ быть, ужъ и вышла цѣлая трагедія. О, тутъ дѣло другого суда, но какого же?

Какого? Да вотъ хоть бы, напримѣръ, дѣвица Шишова, педагогичка,—она даетъ свое показаніе и уже произносить въ немъ приговоръ. Замѣтимъ, что эта г-жа Шишова хоть и сѣкла сама дѣтей ременной плеткой („только она была маленькая“), но кажется весьма умная женщина. Невозможно опредѣлить точнѣе и умнѣе характеръ Джунковскихъ, какъ она его опредѣляетъ. Г-жа Джунковская—женщина эгоистичная, говоритъ она. Домъ Джунковскихъ *въ беспорядкѣ... по небрежности обвиняемыхъ ко всему и даже въ отношении себя.* Дѣла ихъ постоянно запутаны, живутъ они постоянно въ хлопотахъ; не умѣютъ хозяйничать, мучаются, а между тѣмъ всего болѣе ищутъ покоя: Джунковская, безпрерывно *стараявшаяся, чтобы ее ничто не беспокоило*, даже дѣтей поручала наказывать мужу... Однимъ словомъ, г-жа Шишова унесла съ собой изъ дома Джунковскихъ то мнѣніе, что эти люди—безсердечные эгоисты, а главное—лѣнивые эгоисты. Все отъ лѣни, и сердца у нихъ лѣнивыя. Отъ лѣни, конечно, и вѣчный беспорядокъ въ домѣ, беспорядокъ и въ дѣлахъ, а между тѣмъ ничего они такъ не ищутъ, какъ покоя: „Э, чтобы васъ, только бы прожить!“ Отчего же ихъ лѣнность, отчего ихъ апатія—Богъ знаетъ! Тяжело ли имъ среди современаго хаоса жизни, въ которомъ такъ трудно что-нибудь понять? Или такъ мало отвѣтила современная жизнь на ихъ духовныя стремленія, на ихъ желанія, вопросы? Или, наконецъ, отъ непониманія кругомъ происходящаго разложились и ихъ понятія и уже больше не собирались, и наступило разочарованіе? Не знаю, не знаю; но, повидимому, это люди, имѣющіе образованіе, можетъ быть, нѣкогда, да и теперь, пожалуй, любившіе прекрасное и высокое. Чесаніе пятокъ тутъ ничему не могло бы противорѣчить. Чесаніе пятокъ — это именно что-то въ родѣ какъ бы лѣниваго, апатичнаго разочарованія, лѣнивое дорлоторство, жажды уединенія, покоя, теплоты. Тутъ нервы, — и именно не столько лѣнь, сколько та жажды покоя и уединенія, т.-е. скорѣе отъединенія отъ

всѣхъ долговъ и обязанностей. Да, тутъ, конечно, эгоизмъ, а эгоисты капризны и трусливы передъ долгомъ: въ нихъ вѣчное, трусливое отвращеніе связать себя какимъ-нибудь долгомъ. Замѣтьте, что вѣчное и страстное желаніе этого освобожденія себя отъ всякаго долга почти всегда рождаетъ и развиваетъ въ эгоистѣ, наоборотъ, убѣжденіе, что всѣ, кто бы ни сталкивался съ нимъ, ему должны что-то, какъ бы обложены относительно его какимъ-то долгомъ, данью, податью. Какъ ни безсмысленно это мечтаніе, но оно, наконецъ, укореняется и переходитъ въ раздражительное недовольство всѣмъ міромъ и въ горькое, нерѣдко озлобленное чувство ко всему и всѣмъ. Неисполненіе этихъ фантастическихъ долговъ принимается, наконецъ, сердцемъ какъ обида — такъ что вы иногда во всю жизнь не вообразите, за что иной такой эгоистъ постоянно на васъ сердится и злобится. Это озлобленное чувство рождается даже и къ собственнымъ дѣтямъ, — о, къ дѣтямъ даже по преимуществу. Дѣти — это именно предназначенные жертвы этого капризного эгоизма, къ тому же они всѣхъ ближе подъ рукою, а всего пуще то, что никакого контроля: „мои, дескать, дѣти, собственны!“ Не удивляйтесь же, что это ненавистное чувство, вѣчно раздражаемое напоминаніемъ неисполненного относительно дѣтей долга, раздражаемое вѣчнымъ торчаніемъ передъ вами этихъ маленькихъ, новыхъ личностей, требующихъ отъ васъ всего и дерзко (увы, не дерзко, а по-дѣтски!) не понимающихъ, что вамъ такъ нуженъ вашъ покой и считающихъ этуть покой ни во чѣмъ, — не удивляйтесь, говорю я, что это ненавистное чувство даже къ собственнымъ дѣтямъ можетъ переродиться, наконецъ, въ настоящую месть, а подъ поощреніемъ и подстреканіемъ безнаказанности — даже въ звѣрство. Да, лѣнность и всегда порождающее звѣрство, заканчивается звѣрствомъ. И звѣрство это не отъ жестокости, а именно отъ лѣни. Сердца эти не жестокія, а именно лѣнивыя сердца. И вотъ эта, столь любящая покой дама, даже до чесанія пятокъ возлюбившая его, озлобившаяся, наконецъ, на то, что лишь у ней, у ней лишь одной нѣтъ никогда покоя, потому что все кругомъ нея въ беспорядкѣ и требуетъ ея безпрерывнаго присутствія и вниманія, — эта дама вскаиваетъ, наконецъ, съ постели, хватаетъ хворостину и сѣчетъ, сѣчетъ собственнаго ребенка, неутолимо, ненасытно, злорадно, такъ что „страшно было глядѣть“, какъ показываетъ прислуга,

и за что, изъ-за чего: за то, что мальчикъ принесъ голодной маленькой сестрѣ (страдающей падучей болѣзнію) изъ кухни немногого картофелью, — т.-е. съчетъ его за хорошее чувство, за то, что не развратилось и не очерствѣло еще сердце ребенка. „Все равно, дескать, я запретила, а ты принесъ, такъ же, не дѣлай свое хорошее, а дѣлай мое дурное“. Нѣть-съ, вѣдь это истерика. Дѣти спать въ грязи, „въ свиномъ логовищѣ чище“, съ однимъ прорванымъ одѣяломъ на троихъ: „пусты, такъ имъ и надо, думаетъ родная мать, не даютъ они мнѣ покоя!“ И не потому думаетъ она такъ, что сердце у ней жестокое, нѣть, сердце у ней, можетъ-быть, весьма доброе и хорошее отъ природы, да вотъ покоя-то ей никакъ не даютъ, достигнуть-то его она всю жизнь не можетъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, а тутъ эти дѣти („зачѣмъ они! зачѣмъ они появились!“) растутъ, шалятъ и требуютъ каждодневно все больше и больше труда и вниманія! Нѣть, если уже тутъ и истерика, то цѣлыми годами накопленная. Рядомъ съ этою болѣзненною (доведеною до болѣзниности) матерью семейства стоитъ предъ судомъ отецъ, г. Джунковскій. Что жъ, можетъ-быть, онъ и очень хороший человѣкъ, кажется, человѣкъ образованный, вовсе не циникъ, напротивъ, сознающій отцовскій долгъ свой, до огорченія сердца его сознающій. Вотъ онъ чуть не со слезами жалуется въ судѣ на малолѣтнихъ дѣтей, онъ простираетъ руки: „я сдѣлалъ для нихъ все, все, я напиналъ учителей, гувернантокъ, я тратилъ на нихъ болѣе чѣмъ позволяли мнѣ средства, но они изверги, они стали воровать, они сѣкли мертвую сестру по лицу!“ Однимъ словомъ, онъ считаетъ себя вполнѣ правымъ. Дѣти стоятъ тутъ же, подлѣ; замѣчательно, что они дали „показанія сдержанныя, осторожныя“, т.-е. мало жаловались и чуть-чуть лишь защищались, и не думаю, чтобъ это отъ одного лишь страха родителей, къ которымъ все-таки придется воротиться. Напротивъ, казалось бы, тотъ фактъ, что ихъ отца уже судятъ за жестокое обращеніе съ ними, долженъ бы ихъ былъ ободрить. Просто имъ неловко было судиться съ отцомъ, стоять подлѣ него и свидѣтельствовать противъ него, тогда какъ онъ, не думая о будущемъ и о томъ, какія чувства останутся въ сердцѣ этихъ дѣтей отъ этого дня, не подозрѣвая даже о томъ, что они унесутъ въ свое будущее изъ этого дня,— онъ обвиняетъ ихъ и разоблачаетъ все ихъ дурное, всѣ

постыдные поступки ихъ, жалуется суду, публикѣ, обществу. Но онъ вѣритъ, что онъ правъ, а г-жа Джунковская вѣритъ даже и въ будущность, и вполнѣ, вполнѣ! Она объявляетъ суду, что все отъ дурныхъ учителей и гувернантокъ, что она разочаровалась въ нихъ, а что теперь, когда вотъ мужъ ея самъ примется за обученіе и воспитаніе дѣтей, то дѣти „совершенно исправятся“ (такъ! такъ!). Дай имъ Богъ, однако.

Кстати, замѣтимъ кое-что объ этихъ шалостяхъ маленькихъ Джунковскихъ.

То, что они сѣкли розгами по лицу мертвую сестру за то, что она когда-то на нихъ жаловалась, конечно, возмутительно и омерзительно. Но постараемся быть безпристрастнѣе, и, клянусь вамъ, увидимъ, что даже и это лишь дѣтская шалость, именно,—это дѣтская „фантастичность“. Тутъ что-нибудь отъ воображенія дѣтей, а не отъ развращеннаго сердца. Дѣтское воображеніе даже по природѣ своей, и особенно въ извѣстномъ возрастѣ, чрезвычайно воспріимчиво и наклонно къ фантастическому. И особенно въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ хоть и тѣсно живутъ люди, такъ что каждый торчитъ у другого на виду, но дѣти все-таки отъединены въ особую кучу—заботами, вѣчнымъ недосугомъ отцовъ: „учиться, за книгу, не шалить!“ только и слышать они и сидѣть за своими книжонками, по опредѣленнымъ угламъ, не смѣя даже болтнуть ногой. Въ свиномъ своемъ хлѣвѣ, по ночамъ, засыпая, или сидя за скучными уроками, или запертые въ сортиръ, маленькие Джунковскіе могли пріучить себя къ страннымъ мечтаніямъ—и къ добрымъ и сердечнымъ, и къ озлобленнымъ, или просто, по-дѣтски, къ сказочнымъ, фантастическимъ: „вотъ, дескать, былъ бы я побольше, пошелъ бы на войну, а тамъ бы пріѣхалъ сюда; учительшка спросилъ бы, гдѣ вы были? какъ смѣли уѣхать изъ класса? А я бы вынулъ изъ кармана Георгій и повѣсила въ петлицу, тутъ бы онъ испугался и бросился на колѣни!“ Когдѣ умерла сестра, кто-нибудь изъ нихъ троихъ, грѣясь подъ уголкомъ своего рванаго одѣяла, могъ, засыпал, придумать: „а знаешь, Николя, Богъ-то ее нарочно наказалъ за то, что она злая была, жаловалась. Она теперь видѣть сверху, хотѣла бы пожаловаться, да нельзѧ уже. Давайте ее завтра розгами сѣчь, пусть она смотрѣть сверху, видѣть и злится, что нельзѧ пожаловаться!“ Клянусь вамъ, что ребятишки, можетъ-быть, черезъ пѣсколько

дней раскаялись въ сердцахъ своихъ въ томъ, что они сдѣлали такую гнусную глупость. Дѣтскія сердца мягки. На этотъ счетъ я знаю вотъ какой маленький случай: умерла одна мать у семерыхъ дѣтей. Одинъ ребенокъ, дѣвочка лѣтъ семи или восьми, увида мертвую маму, стала ужасно рыдать. Она такъ плакала, что ее унесли въ дѣтскую почти въ истерику, и не знали чѣмъ утѣшить. Дура-приживалка, случившаяся тутъ, вдругъ сказала ей, утѣшая: „не плачь, что ты ужъ такъ плачешь-то, вѣдь она тебя не любила, она тебя, помнишь, наказала, въ углу-то ты стояла, помнишь!“ Дурѣ думалось сдѣлать лучше: вотъ, дескать, перестанетъ и успокоится ребенокъ — и достигла вѣдь цѣли: дѣвочка вдругъ перестала плакать. Мало того, и на другой день, и на похоронахъ имѣла какой-то холодный, подобранный, обиженный видъ: „она, дескать, меня не любила“. Ей понравилась мысль, что она была обиженная, загнанная, не любимая. Ей-Богу, это случилось съ ребенкомъ по восьмому году. Но дѣтская „фантастичность“ не продержалась долго: черезъ нѣсколько дней ребенокъ такъ опять затосковалъ о матери, что сдѣлался боленъ, и никогда потомъ, во всю жизнь, эта дочь не могла вспомнить о своей матери безъ благоговѣйного чувства. За проступокъ маленькихъ Джунковскихъ съ мертвою сестрою, ихъ, безъ сомнѣнія, слѣдовало наказать, и строго, но поступокъ этотъ — дѣтский, глупый, фантастический, именно дѣтскій и вовсе не означаетъ развращенія сердецъ. Шалость же мальчика Николая въ гимназіи, объявившаго себя католикомъ, чтобы не учиться Закону Божію, есть въ высшей степени лишь дѣтская шалость: это классный вывертъ передъ товарищами: „вотъ, дескать, вы учитесь Закону, а я избавился, надулъ ихъ всѣхъ, благо фамилія моя похожа на польскую“. Тутъ рѣшительно одно только *школьничество* — глупое, скверное, за которое слѣдуетъ строжайше наказать, но не слѣдуетъ отчаиваться за мальчика, не слѣдуетъ вѣрить, что онъ уже до того развращенъ, что сталъ мошенникомъ. Но Джунковскій-отецъ, кажется, вѣрить тому: не жаловался бы онъ такъ плачевно на судѣ, если бы не вѣрилъ.

У насъ въ судахъ случается, что когда подсудимые бываютъ оправданы (и особенно, когда они, очевидно, виновны, но отпущены лишь милосердіемъ суда), то предсѣдатель суда, объявляя подсудимому свободу, говорить

ему иногда при этомъ назиданіе на тему: какъ именно ему слѣдуетъ принять это оправданіе, чтò вынести изъ всего этого въ жизнь, какъ избѣжать въ дальнѣйшемъ повторенія бѣды. Предсѣдатель суда говоритъ въ такомъ случаѣ отъ лица какъ бы всего общества, государства; слова эти важныя, назиданіе верховное. Можетъ быть, подсудимымъ Джунковскимъ объявлено было ихъ оправданіе безъ всякаго особаго, въ такомъ родѣ, внушенія,— этого я не знаю, но я просто самъ воображаю себѣ: что могъ бы имъ сказать предсѣдатель суда отпуская ихъ. И вотъ что, мнѣ кажется, онъ бы могъ имъ сказать:

IV.

Фантастическая рѣчь предсѣдателя суда.

Подсудимые, вы оправданы, но вспомните, что кромѣ этого суда есть другой судъ,— судъ собственной вашей совѣсти. Сдѣлайте же такъ, чтобы и этотъ судъ оправдалъ васъ, хотя бы впослѣдствіи. Вы объявили, что намѣрены теперь сами заняться воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей вашихъ: если бъ вы раньше взялись за это, то не было бы, вѣроятно, и сегодняшняго суда вашего здѣсь съ дѣтьми вашими. Но боюсь: имѣете ли вы достаточно силъ въ себѣ для исполненія доброго намѣренія вашего? Не достаточно лишь рѣшиться на такое дѣло, надо спросить себя: достанетъ ли ревности и терпѣнія на исполненіе его? Не хочу и не смѣю сказать про васъ, что вы родители безсердечные, ненавистники дѣтей вашихъ. Да и ненавидѣть дѣтей своихъ вещь, въ сущности, почти неестественная, а потому невозможна. Ненавидѣть же столь малыхъ еще дѣтей,— вещь безразсудная и даже смѣшная. Но лѣнность, но равнодушіе, но лѣнивая отвычка отъ исполненія такой первѣйшей естественной и высшей гражданской обязанности, какъ воспитаніе собственныхъ дѣтей, дѣйствительно могутъ породить даже нелюбовь къ нимъ, почти ненависть, почти чувство личной какой-то мести къ нимъ, особенно по мѣрѣ ихъ возрастанія, по мѣрѣ все возрастающихъ природныхъ требованій ихъ, по мѣрѣ вашего сознанія о томъ, что для нихъ многое надо сдѣлать, многое потруиться, а, стало быть, многое имъ пожертвовать изъ собственного вседовольного отъединенія и покоя. Къ тому же все возрастающія шалости оставленныхъ въ пренебреженіи дѣтей и укорененіе въ нихъ дурныхъ привычекъ, видимое извращеніе умовъ и сердецъ

ихъ могутъ вселить наконецъ прямое отвращеніе къ нимъ даже и въ родительскихъ сердцахъ. Въ горячихъ, слезныхъ жалобахъ вашихъ на пороки вашихъ дѣтей мы все услышали здѣсь и увидѣли глубокую ненодѣльную горесть вашу, горесть несчастнаго и оскорблennаго своими дѣтьми отца. Но подумайте, однако, немнogo и разсудите: изъ чего имъ было и сдѣлаться лучше? Выяснилось, напримѣръ, на судѣ, что за лѣнность ихъ и за шалости вы ихъ запирали на нѣсколько иногда часовъ въ сортиръ. Конечно, карцеръ есть карцеръ, да и сортиръ вашъ отапливался, стало быть, не было тутъ жестокаго истязанія, но вѣдь такъ ли однако? Сидя тамъ, чувствуя унизительное и срамное положеніе свое, ребенокъ могъ ожесточаться, въ головѣ его могли проходить самыя фантастическія извращенные и циническія мечты; онъ могъ окончательно потерять любовь, любовь къ родному гнѣзду и къ вамъ даже, родителямъ его, ибо ему могло казаться, что вы уже совершенно не дорожите ни чувствами его къ вамъ, ни человѣческимъ его достоинствомъ, а у ребенка, даже у самого малаго, есть тоже и уже сформированное человѣческое достоинство, замѣтьте это себѣ. О томъ, что эти мысли, а главное—сильныя, хотя и дѣтскія впечатлѣнія эти онъ унесетъ потомъ въ жизнь и проносить ихъ въ сердцѣ своемъ, можетъ быть, до самой могилы, вы, кажется, совсѣмъ не подумали. Да и сдѣлали ли вы сами-то хоть что-нибудь предварительно, чтобы избѣжать этой, обижающей ребенка необходимости сажать его въ такое мѣсто, и тѣмъ позорить его и издѣлываться надъ нимъ? Вѣдь впослѣдствіи, въ жизни, онъ этотъ вопросъ непремѣнно подниметъ и поставитъ передъ собой. Вы утверждаете, что вы сдѣлали для дѣтей своихъ *все*, и какъ будто сами убѣждены въ этомъ, но я не вѣрю тому, что вы сдѣлали все, и когда вы съ такимъ огорченнымъ чувствомъ произносили это, я убѣженъ былъ, что въ васъ самихъ было уже большое сомнѣніе насчетъ этого самого пункта. Вы увѣряете, что нанимали учителей и тратили свыше средствъ вашихъ. Безъ сомнѣнія, учитель необходимъ для дѣтей и, пригласивъ учителя, вы поступили, конечно, какъ ревностный отецъ; но нанять учителя для преподаванія дѣтямъ наукъ не значитъ, конечно, *сдать* ему дѣтей, такъ сказать, съ плечъ долой, чтобы отвязаться отъ нихъ и чтобы они больше ужъ въасъ не беспокоили. А вы, кажется, именно это-то и сдѣлали, и думали, что, заплативъ

деньги, уже совершенно все сдѣлали, и даже болѣе чѣмъ все — „свыше средствъ“. Между тѣмъ, увѣряю васъ, что вы сдѣлали лишь наименьшее изъ того, что могли бы сдѣлать для нихъ; вы лишь откупились отъ долга и отъ обязанности родительской деньгами, а думали, что уже все совершили. Вы забыли, что ихъ маленькия, дѣтскія души требуютъ безпрерывнаго и неустаннаго соприкосновенія съ вашими родительскими душами, требуютъ, чтобы вы были для нихъ, такъ сказать, всегда духовно на горѣ, какъ предметъ любви, великаго нелицемѣрнаго уваженія и прекраснаго подражанія. Наука наукой, а отецъ передъ дѣтьми всегда долженъ быть какъ бы добрымъ, нагляднымъ примѣромъ всего того нравственнаго вывода, который умы и сердца ихъ могутъ почерпнуть изъ науки. Сердечнаѧ, всегда наглядная для нихъ забота ваша о нихъ, любовь ваша къ нимъ согрѣли бы какъ теплымъ лучомъ все посѣянное въ ихъ душахъ и плодъ вышелъ бы, конечно, обильный и добрый. Но, кажется, ничего не посѣявъ сами, и сдавъ ихъ чужому семью вашей сѣятелю, — вы потребовали уже жатвы и, непривычные къ этому дѣлу, потребовали этой жатвы слишкомъ рано; не получивъ же ее, озлобились и ожесточились... на малютокъ, на собственныхъ дѣтей вашихъ, и тоже рано, слишкомъ рано!

Все оттого, что воспитаніе дѣтей есть трудъ и долгъ, — для иныхъ родителей сладкій, несмотря на гнетущія даже заботы, на слабость средствъ, на бѣдность даже, для другихъ же, и даже для очень многихъ достаточныхъ родителей, — это самый гнетущій трудъ и самый тяжелый долгъ. Вотъ потому и стремятся они откупиться отъ него деньгами, если есть деньги. Если же и деньги не помогаютъ, или, какъ у многихъ, ихъ и вовсе нѣть, то прибѣгаютъ обыкновенно къ строгости, къ жестокости, къ истязанію, къ розгѣ. Я вамъ скажу, что такое розга. Розга въ семействѣ есть продуктъ лѣни родительской, неизбѣжный результатъ этой лѣни. Все, что можно бы сдѣлать трудомъ и любовью, неустанной работой надъ дѣтьми и съ дѣтьми, все, чего можно бы было достигнуть разсудкомъ, разъясненіемъ, внушеніемъ, терпѣніемъ, воспитаніемъ и примѣромъ, — всего того слабые, лѣнивые, но нетерпѣливые отцы полагаютъ всего чаще достигнуть розгой: „не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю“. Каковъ же результатъ выходить? Ребенокъ хитрый, скрыт-

ный, непремѣнно покорится и обманетъ васъ и розга ваша не исправить, а только развратить его. Ребенка слабаго, трусливаго и сердцемъ нѣжнаго — вы забьете. Наконецъ, ребенка доброго, простодушнаго, съ сердцемъ прямымъ и открытымъ — вы сначала измучаете, а потомъ ожесточите и потеряете его сердце. Трудно, часто очень трудно дѣтскому сердцу отрываться отъ тѣхъ, кого оно любить; но если оно уже оторвется, то въ немъ зарождается страшный, неестественно-ранній динизмъ, ожесточеніе и извращается чувство справедливости. Все это, конечно, въ томъ только случай, если жестокость происходит отъ эгоизма родителей, и если хозяинъ нивы, не посыпавъ самъ, потребуетъ съ нея доброй жатвы. Въ такихъ случаяхъ, жестокость и несправедливость идутъ со стороны отцовъ усиливаясь, безъ удержу, и это всего чаще. „Не дѣлай свое хорошее, а дѣлай мое дурное!“ — вотъ, наконецъ, что становится девизомъ, и ребенка наказываютъ даже за доброе дѣло, за картофель, который онъ принесъ сестрѣ изъ кухни: какъ же не ожесточиться сердцу и какъ не извратиться понятіямъ? Не будучи жестокими и даже любя ихъ, вы наказывали ихъ вашимъ пренебреженіемъ къ нимъ, униженіемъ ихъ: они спали въ нечистой комнатѣ, на какой-то подстилкѣ, щли пищу не съ вашего стола, а со слугами. И, конечно, вы думали, что они, наконецъ, почувствуютъ вину свою и исправятся. Въ противномъ случаѣ, надо бы было предположить, что вы дѣлали такъ отъ ненависти къ нимъ, отъ мести къ нимъ, чтобы имъ сдѣлать зло? Но судъ не захотѣлъ такъ заключить и приписалъ поступки ваши ошибочному расчету воспитателя. Но вотъ теперь вы сами собираетесь воспитывать и учить ихъ: трудное это дѣло, несмотря на то, что супругъ вашей кажется оно легкимъ.

Дѣтей вашихъ нѣть въ залѣ, я приказалъ ихъ вывести, а потому я могу коснуться до самаго главнаго въ этомъ предстоящемъ вамъ трудномъ дѣлѣ. Самое главное въ немъ то, что предстоитъ многое простить съ обѣихъ сторонъ. Они должны простить вамъ горькія, тяжелая впечатлѣнія ихъ дѣтскихъ сердецъ, ожесточеніе свое, пороки свои. Вы же должны простить имъ вашъ эгоизмъ, ваше пренебреженіе къ нимъ, извращеніе чувствъ вашихъ къ нимъ, жестокость вашу и то, наконецъ, что вы сидѣли здѣсь и судились за нихъ. Говорю такъ потому, что не себя обвините вы во всемъ этомъ, выйдя изъ залы суда, а непре-

мѣнио ихъ, я увѣренъ въ этомъ! И такъ, начиная ваше трудное дѣло воспитанія дѣтей вашихъ, спросите сами себя: можете ли вы обвинить за всѣ эти проступки и преступленія ваши, не ихъ, а именно себя? Если можете, о, тогда вы успѣете въ трудѣ вашемъ? Значить, Богъ очистилъ взглядъ вашъ и просвѣтилъ вашу совѣсть. Если же не можете, то лучше и не принимайтесь за ваше на-мѣреніе.

Второе, что предстоитъ вамъ тяжелаго въ вашемъ трудѣ, это побороть, истребить въ ихъ сердцахъ и измѣнить въ нихъ слишкомъ многія и прежнія впечатлѣнія и воспоминанія. Но тутъ надо столь много заставить забыть и столь многое вновь создать, что недоумѣваю: какимъ путемъ этого достигнете? О, если научитесь любить ихъ, то, конечно, всего достигнете. Но вѣдь даже и любовь есть трудъ, даже и любви надобно учиться, вѣрите ли вы тому? Вѣрите ли вы, наконецъ, убѣждены ли вы, что васъ не остановятъ и не побѣдятъ, въ прекрасномъ предпріятіи вашемъ, иная самая мелкія, самая первоначальная, самая пошлая обыденная заботы, о которыхъ вы, можетъ быть, теперь и не думаете, но которыя, однако, могутъ составить наиважнѣйшее препятствіе добрымъ начинаніямъ вашимъ. Всякій ревностный и разумный отецъ знаетъ, напримѣръ, сколь важно воздерживаться передъ дѣтьми своими въ обыденной семейной жизни отъ извѣстной, такъ сказать, халатности семейныхъ отношеній, отъ извѣстной распущенности ихъ и разнузданности, воздерживать себя отъ дурныхъ и безобразныхъ привычекъ, а главное—отъ невниманія и пренебреженія къ дѣтскому ихъ мнѣнію о васъ самихъ, къ непріятному, безобразному и комическому впечатлѣнію, которое можетъ зародиться въ нихъ столь часто при созерцаніи нашей безшабашности въ семейномъ быту. Вѣрите ли вы, что ревностный отецъ даже долженъ иногда совсѣмъ перевоспитать себя для дѣтей своихъ. О, если родители добры, если любовь ихъ къ дѣтямъ ревностна и горяча, то дѣти многое про-стятъ имъ и многое забудутъ потому не только изъ комического и безобразнаго, но даже не осудять ихъ без-апелляціонно за иная совсѣмъ уже дурная дѣла ихъ; на-противъ, сердца ихъ непремѣнно найдутъ смягчающія обстоятельства. Но совсѣмъ другое можетъ случиться въ семействахъ несогласныхъ и ожесточенныхъ. Ваша супруга, какъ оказалось на судѣ, имѣть болѣзниенную привычку

заставлять чесать себѣ передъ сномъ ноги. Служанка за-
свидѣтельствовала, что эта обязанность была для нея
даже мучительна, что „затекали руки“. Представьте же
себѣ этого мальчика, вашего сына, котораго вмѣсто слу-
жанки заставляютъ чесать? О, если бъ мать любила его
искренно и сердечно, и онъ бы увѣренъ былъ въ томъ,
то онъ бы и теперь, да и всегда потомъ, вспоминаль объ
этой немощи дорогого ему человѣка съ добродушною
улыбкою, хотя, можетъ быть, злился бы и досадовалъ въ
тѣ минуты, когда его заставляли чесать. Но воображаю,
какъ онъ смотрѣлъ и что онъ чувствовалъ, что заходило
ему въ голову, когда онъ сидѣлъ, по часу и болѣе, надъ
смѣшнымъ занятіемъ, передъ существомъ, не любившимъ
его, которое вотъ-вотъ вскочить и начнетъ сѣчь его ни
за что, ни про что. Тогда требование отъ него этой услуги
несомнѣнно должно было казаться ему унижающимъ его,
пренебрежительнымъ къ нему и презрительнымъ. Не могъ
не сознавать онъ, или, лучше сказать, не почувствовать,
что матери своей онъ не нуженъ какъ сынъ, что какъ
сына она его презираетъ, забываетъ, посылаетъ спать на
какую-то подстилку, а если вспоминаетъ о немъ, то для
того лишь, чтобы бить его, но что онъ нуженъ, стало
быть, ей, не какъ сынъ, а всего только какъ какая-то че-
салка! И вы же жалуетесь послѣ того, что они разврати-
лись, что они безсердечные изверги, „что научились во-
ровать!“ Напрягите немного ваше воображеніе, вообразите
сына вашего въ будущемъ уже тридцати, положимъ, лѣтъ
и подумайте, съ какимъ отвращеніемъ, съ какимъ озло-
бленнымъ чувствомъ и презрѣніемъ припомнитъ онъ этотъ
эпизодъ своего дѣтства... Что онъ будетъ помнить о немъ
до могилы, въ томъ нѣть сомнѣнія. Онъ не простить,
онъ возненавидѣтъ свои воспоминанія, свое дѣтство, про-
клянетъ свое бывшее родное гнѣздо и тѣхъ, кто былъ съ
нимъ въ этомъ гнѣздѣ! Эти воспоминанія предстоитъ вамъ
теперь непремѣнно искоренить, непремѣнно пересоздать,
надо заглушить ихъ иными новыми сильными и святыми
впечатлѣніями,—какой огромный трудъ! Страшно поду-
мать! Нѣть: дѣло, предпринимаемое вами, гораздо, гораздо
труднѣе, чѣмъ кажется вашей супругѣ!

Не сердитесь, не обижайтесь словами моими. Говоря
вамъ, я исполняю непремѣнную обязанность. Я говорю
отъ лица общества, государства, отечества. Вы отцы, они
ваши дѣти, вы современная Россія, они будущая: что же

будеть съ Россіей, если русскіе отцы будуть уклоняться отъ своего гражданскаго долга и станутъ искать уединенія, или, лучше сказать, отъединенія, лѣниваго и циническаго, отъ общества, народа своего и самыхъ первѣйшихъ къ нимъ облзанностей. Всего ужаснѣе то, что это такъ распространено: вы не одни такие, хотя другіе впадаютъ въ тѣ же ошибки, какъ вы, можетъ быть, и подъ другими формулами. Но внушительнѣе всего то, что вы, не только еще не худшіе, но даже многихъ лучшіе изъ современныхъ отцовъ, ибо все же въ сердцахъ вашихъ не умерло сознаніе вашего долга, хотя вы и не исполняли его. Абсолютнаго отрицанія долга въ вѣсль нѣтъ. Вы не холодные эгоисты, а, напротивъ, раздраженные—на себя ли, на дѣтей ли вашихъ, не стану опредѣлять того,—но вы оказались способными принять къ сердцу вашъ неуспѣхъ и глубоко огорчиться имъ! И такъ, да поможетъ вамъ Богъ въ рѣшеніи вашемъ исправить вашъ неуспѣхъ. Ищите же любви и копите любовь въ сердцахъ вашихъ. Любовь столь всесильна, что перерождаетъ и насть самихъ. Любовью лишь купимъ сердца дѣтей нашихъ, а не однимъ лишь естественнымъ правомъ надъ ними. Да и самая природа изъ всѣхъ облзанностей нашихъ наиболѣе помогаетъ намъ въ обязанностяхъ передъ дѣтьми, сдѣлавъ такъ, что дѣтей нельзя не любить. Да и какъ не любить ихъ? Если уже перестанемъ дѣтей любить, то кого же послѣ того мы сможемъ полюбить, и что станется тогда съ нами самими? Вспомните тоже, что лишь для дѣтей и для ихъ золотыхъ головокъ Спаситель нашъ обѣщалъ намъ „сократить времена и сроки“. Ради нихъ сократится мученіе перерожденія человѣческаго общества въ совереннѣйшее. Да совершится же это совершенство и да закончатся, наконецъ, страданія и недоумѣнія цивилизациіи нашей!

А теперь ступайте, вы оправданы...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Опять обособленіе. Восьмая часть Анны Карениной.

У насъ очень многіе теперь изъ интеллигентныхъ русскихъ повадились говорить: „какой народъ? я самъ народъ“. Въ восьмой части Анны Карениной, Левинъ, излюбленный герой автора романа, говоритъ про себя, что

онъ самъ народъ. Этого Левина я какъ-то прежде, говоря объ Аннѣ Карениной, назвалъ „чистый сердцемъ Левинъ“. Продолжая вѣрить въ чистоту его сердца попрежнему, я не вѣрю, что онъ — народъ; напротивъ, вижу теперь, что и онъ съ любовью норовить въ обособленіе. Убѣдился я въ этомъ, прочитавъ вотъ ту самую восьмую часть Анны Карениной, о которой я заговорилъ въ началѣ этого іюль-августовскаго дневника моего. Левинъ, какъ фактъ, есть, конечно, не дѣйствительно существующее лицо, а лишь вымыселъ романиста. Тѣмъ не менѣе, этотъ романистъ — огромный талантъ, значительный умъ и весьма уважаемый интеллигентною Россіею человѣкъ,—этотъ романистъ изображаетъ въ этомъ идеальномъ, т. е. придуманномъ лицѣ, частью и собственный взглядъ свой на современную нашу русскую дѣйствительность, чтѣ ясно каждому, прочитавшему его замѣчательное произведеніе. Такимъ образомъ, судя объ несуществующемъ Левинѣ, мы будемъ судить и о дѣйствительномъ уже взглядѣ одного изъ самыхъ значительныхъ современныхъ русскихъ людей на текущую русскую дѣятельность. А это уже предметъ для сужденія серьезнѣй даже и въ наше столь гремучее время, столь полное огромныхъ, потрясающихъ и быстро смѣняющихся дѣйствительныхъ фактовъ. Взглядъ этотъ столь значительного русского писателя, и именно на столь интересное для всѣхъ русскихъ дѣло, какъ всеобщее национальное движение всѣхъ русскихъ людей за послѣдніе два года по „восточному вопросу“, выразился точно и окончательно именно въ этой восьмой и послѣдней части его произведенія, отвергнутой редакціей *Русскаго Вѣстника* по несходству убѣжденій автора съ ея собственными и появившейся весьма недавно отдѣльной книжкой. Сущность этого взгляда, насколько я его понялъ, заключается главное въ томъ, что, во-первыхъ, все это такъ-называемое национальное движение нашимъ народомъ отнюдь не раздѣляется, и народъ вовсе даже не понимаетъ его; во-вторыхъ, что все это нарочно поддѣлано, сперва извѣстными лицами, а потомъ поддержано журналистами изъ выгоды, чтобы заставить болѣе читать ихъ изданія; въ-третьихъ, что всѣ добровольцы были или потерянные и пьяные люди или просто глупцы; въ-четвертыхъ, что весь этотъ такъ-называемый подъемъ русскаго национального духа за славянъ, былъ не только поддѣланъ извѣстными лицами и поддержанъ продажными журналистами, но и

поддѣланъ вопреки, такъ сказать, самыx основъ... И, наконецъ, въ-пятыхъ, что всѣ варварства и неслыханныя истязанія, совершенныя надъ славянами, не могутъ возбуждать въ насъ, русскихъ, непосредственнаго чувства жалости и что „такого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть“. Послѣднее выражено окончательно и категорически.

Такимъ образомъ, „чистый сердцемъ Левинъ“ ударился въ обособленіе и разошелся съ огромнымъ большинствомъ русскихъ людей. Взглядъ его, впрочемъ, вовсе не новъ и не оригиналъ. Онъ слишкомъ бы пригодился и пришелся по вкусу многимъ, почти такъ же думавшимъ людямъ прошлую зимою у насъ въ Петербургѣ и людямъ далеко не послѣднимъ по общественному положенію, а потому и жаль, что книжка нѣсколько запоздала. Отчего произошло столь мрачное обособленіе Левина и столь угрюмое отъединеніе въ сторону — не могу опредѣлить. Правда, это человѣкъ горячій, „безпокойный“, все анализирующей, и, если строго судить, ни въ чемъ себѣ не вѣрующій. Но все-таки человѣкъ этотъ „сердцемъ чистый“ и я стою на томъ, хотя трудно и представить себѣ какими таинственными, а подчась и смѣшными путями можетъ проникнуть иной разъ самое неестественное, самое выдѣланное, и самое безобразное чувство въ иное въ высшей степени искреннее и чистое сердце. Впрочемъ, замѣчу еще, что хотя и утверждаютъ многіе, и даже я самъ ясно вижу (какъ и сообщилъ выше), что въ лицѣ Левина авторъ во многомъ выражаетъ свои собственныя убѣжденія и взгляды, влагая ихъ въ уста Левина чуть не насилино и даже явно жертвуя иногда притомъ художественностью, но лицо самого Левина, такъ, какъ изобразилъ его авторъ, я все же съ лицомъ самого автора отнюдь не смѣшиваю. Говорю это, находясь въ нѣкоторомъ горькомъ недоумѣніи, потому что хотя очень многое изъ выраженного авторомъ, въ лицѣ Левина, очевидно, касается собственно одного Левина, какъ художественно изображенаго типа, но все же не того ожидалъ я отъ такого автора!

II.

Признанія славянофила.

Да, не того. Здѣсь я принужденъ выразить нѣкоторыя чувства мои, хотя и положилъ было, начиная прошлаго

года издавать мой „Дневникъ“, что литературной критики у меня не будетъ. Но чувства не критика, хотя бы и вы-
сказалъ я ихъ по поводу литературного произведения. Въ самомъ дѣлѣ, я пишу мой „Дневникъ“, т.-е. записываю мои впечатлѣнія по поводу всего, что наиболѣе пора-
жаетъ меня въ текущихъ событияхъ,— и вотъ я, почему-
то, намѣренно предписываю самъ себѣ придуманную обя-
занность непремѣнно скрывать и, можетъ-быть, самыя сильнѣйшія изъ переживаемыхъ мною впечатлѣній, лишь потому только, что они касаются русской литературы. Конечно, въ основѣ этого рѣшенія была и вѣрная мысль, но буквенное исполненіе этого рѣшенія не вѣрно, я вижу это, уже потому только, что тутъ буква. Да и литературное-то произведеніе, о которомъ я умолчалъ до сихъ поръ, для меня уже не просто литературное произведеніе, а цѣлый фактъ уже иного значенія. Я, можетъ-быть, вы-
ражусь слишкомъ наивно, но однакоже рѣщаюсь сказать вотъ что: этотъ фактъ впечатлѣнія отъ романа, отъ вы-
думки, отъ поэмы совпалъ въ душѣ моей, нынѣшней весною, съ огромнымъ фактомъ объявленія теперь идущей войны, и оба факта, оба впечатлѣнія, нашли въ умѣ моемъ дѣйствительную связь между собою и поразитель-
ную для меня точку обоюднаго соприкосновенія. Вместо того, чтобы смѣяться надо мною, выслушайте меня лучше.

Я во многомъ убѣждений чисто славянофильскихъ, хотя, можетъ-быть, и не вполнѣ славянофиль. Славянофилы до сихъ поръ понимаются различно. Для иныхъ, даже и теперь, славянофильство, какъ въ старину, напримѣръ, для Бѣлинского, означаетъ лишь квасъ и рѣдьку. Бѣлинскій дѣйствительно дальше не заходилъ въ пониманіи славя-
нофильства. Для другихъ (и, замѣтимъ, для весьма многихъ, чуть не для большинства даже самихъ славянофи-
ловъ) славянофильство означаетъ стремленіе къ осво-
божденію и объединенію всѣхъ славянъ подъ верховнымъ началомъ Россіи — началомъ, которое можетъ быть даже и не строго-политическимъ. И, наконецъ, для третьихъ, славянофильство, кромѣ этого объединенія славянъ подъ началомъ Россіи, означаетъ и заключаетъ въ себѣ духов-
ный союзъ всѣхъ вѣрующихъ въ то, что великая наша Россія, во главѣ объединенныхъ славянъ, скажетъ всему миру, всему европейскому человѣчеству и цивилизаціи его свое новое здоровое и еще неслыханное міромъ слово.
Слово это будетъ сказано во благо и воистину уже въ

соединеніе всего человѣчества новымъ, братскимъ, всемирнымъ союзомъ, начала котораго лежать въ гени славянъ, а преимущественно въ духѣ великаго народа русскаго, столь долго страдавшаго, столь много вѣковъ обреченаго на молчаніе, но всегда заключавшаго въ себѣ великия силы для будущаго разъясненія и разрѣшенія многихъ горькихъ и самыхъ роковыхъ недоразумѣній западно-европейской цивилизаціи. Вотъ къ этому-то отдалу убѣжденныхъ и вѣрующихъ принадлежу и я.

Тутъ трунить и смѣяться опять-таки нечего: слова эти старыя, вѣра эта давнишняя, и уже одно то, что не умираетъ эта вѣра и не умолкаютъ эти слова, а, напротивъ, все больше и больше крѣпнутъ, расширяютъ кругъ свой и приобрѣтаютъ себѣ новыхъ адептовъ, новыхъ убѣжденныхъ дѣятелей—ужъ одно это могло бы заставить, наконецъ, противниковъ и пересмѣшниковъ этого ученія взглянуть на него хоть немного серьезнѣе, и выйти изъ пустой, закаменѣвшей въ себѣ, враждебности къ нему. Но объ этомъ пока довольно. Дѣло въ томъ, что весною поднялась наша великая война для великаго подвига, который, рано ли, поздно ли, несмотря на всѣ временные неудачи, отдаляющія разрѣшеніе дѣла, а будетъ-таки доведенъ до конца, хотя бы даже и не удалось его довести до полнаго и вожделѣннаго конца именно въ теперешнюю войну. Подвигъ этотъ столь великъ, цѣль войны столь невѣроятна для Европы, что Европа, конечно, должна быть возмущена противъ нашего *коварства*, должна не вѣрить тому, о чёмъ объявили мы ей начиная войну, и всячески, всѣми силами должна вредить намъ, и, соединившись съ врагомъ нашимъ, хотя и не явнымъ, не формальнымъ политическимъ союзомъ,—враждовать съ нами и воевать съ нами, хотя бы тайно, въ ожиданіи явной войны. И все, конечно, отъ объявленныхъ намѣреній и цѣлей нашихъ! „Великій восточный орель взлетѣлъ надъ міромъ, сверкая двумя крылами на вершинахъ христіанства“; не покорять, не приобрѣтать, не расширять границы онъ хочетъ, а освободить, восстановить угнетенныхъ и забитыхъ, дать имъ новую жизнь для блага ихъ и человѣчества. Вѣдь какъ ни считай, какимъ скептическимъ взглядомъ ни смотри на это дѣло, а въ сущности цѣль вѣдь эта, эта самая, и вотъ этому-то и не хочетъ повѣрить Европа! И повѣрьте, что не столько пугаетъ ее предполагаемое усиленіе Россіи, какъ именно то, что

Россія способна предпринимать такія задачи и цѣли. Замѣтите это особенно. Предпринимать что-нибудь не для прямой своей выгоды кажется Европѣ столь непривычнымъ, столь вышедшімъ изъ международныхъ обычаевъ, что поступокъ Россіи естественно принимается Европой не только какъ за варварство „отставшей, звѣрской и не просвѣщенной“ націи, способной *на низость и глупость* затѣять въ напѣ вѣка крестовыхъ походовъ, но даже и за безнравственный фактъ, опасный Европѣ и угрожающей будто бы ея великой цивилизаціи. Взгляните, кто настѣ любить въ Европѣ теперь особенно? Даже друзья наши, отъявленные, форменные, такъ сказать, друзья, и тѣ откровенно объявляютъ, что *рады нашимъ неудачамъ*. Пораженіе русскихъ милѣе имъ собственныхъ ихнихъ побѣдъ, веселить ихъ, льстить имъ. Въ случаѣ же удачъ нашихъ эти друзья давно уже согласились между собою употребить всѣ силы, чтобы изъ удачъ Россіи извлечь себѣ выгодъ еще больше, чѣмъ извлечетъ ихъ для себя сама Россія...

Но и обѣ этомъ послѣ. Заговорилъ я, главное, о впечатлѣніи, которое должны были ощутить въ себѣ всѣ вѣрующіе въ будущее великое, общечеловѣческое значеніе Россіи, нынѣшнею весною, послѣ объявленія этой войны. Эта неслыханная война, за слабыхъ и угнетенныхъ, для того чтобы дать жизнь и свободу, а не отнять ихъ,—эта давно уже теперь неслыханная въ мірѣ цѣль войны, для всѣхъ нашихъ вѣрующихъ явилась вдругъ, какъ фактъ, торжественно и знаменательно подтверждавшій вѣру ихъ. Это была уже не мечта, не гаданіе, а дѣйствительность, начавшая совершаться. „Если уже начало совершаться, то дойдетъ и до конца, до того великаго нового слова, которое Россія, во главѣ союза славянъ, скажетъ Европѣ. И даже самое слово это уже начало сказываться, хотя Европа еще далеко не понимаетъ его и долго будетъ не вѣрить ему“. Вотъ какъ думали „вѣрующіе“. Да, впечатлѣніе было торжественное и знаменательное и, разумѣется, вѣра вѣрующихъ должна была еще больше закалиться и окрѣпнуть. Но однакоже начиналось дѣло столь важное, что и для нихъ настали тревожные вопросы: „Россія и Европа! Россія обнажаетъ мечъ противъ турокъ, но кто знаетъ, можетъ-быть, столкнется и съ Европой—не рано ли это? Столкновеніе съ Европой—не

то что съ турками и должно совершиться не однимъ ме-
чомъ, такъ всегда понимали вѣрующіе. Но готовы ли мы
къ другому-то столкновенію? Правда, слово уже начало
сказываться, но не то что Европа, а и у насъ-то пони-
маютъ ли всѣ его? Вотъ мы, вѣрующіе, пророчествуемъ,
напримѣръ, что лишь Россія заключаетъ въ себѣ начала
разрѣшить всеевропейскій роковой вопросъ низшей братыи,
безъ боя и безъ крови, безъ ненависти и зла, но что скажетъ
она это слово, когда уже Европа будетъ залита своею
кровью, такъ какъ раньше никто не услышалъ бы въ Европѣ
наше слово, а и услышалъ бы, то не понялъ бы его вовсе.
Да, мы вѣрующіе въ это вѣримъ, но однако что пока от-
вѣчаютъ намъ у насъ же, наши же русскіе? Намъ отвѣ-
чаютъ они, что все это лишь изступленныя гаданія, кон-
вульсьонерство, бѣшенія мечты, припадки, и спрашиваютъ
отъ насъ доказательствъ, твердыхъ указаний и совер-
шившихся уже фактовъ. Чѣмъ же укажемъ мы имъ, пока,
для подтвержденія нашихъ пророчествъ? Освобожденіе ли
крестьянъ,—фактъ, который еще столь мало понять у
насъ въ смыслѣ степени проявленія русской духовной
силы? Прирожденность ли и естественность братства на-
шего, все яснѣе и яснѣе выходящаго въ наше время на-
ружу изъ-подъ всего, что давило его вѣками и несмотря
на сорь и грязь, которая встрѣчаетъ его теперь, грязнить
и искашаетъ черты его до неузнаваемости? Но пусть мы
укажемъ это; намъ опять отвѣтятъ, что всѣ эти факты
опять-таки наше конвульсьонерство, бѣшеная мечта, а
не факты; и что толкуются они многоразлично и сбивчиво
и доказательствомъ ничему, покамѣстъ, служить не въ
силахъ. Вотъ что отвѣтятъ намъ чуть не всѣ, а между
тѣмъ мы, столь непонимающіе самихъ себя и столь мало
вѣрующіе въ себя, мы—сталкиваемся съ Европой! Евро-
па—но вѣдь это страшная и святая вещь, Европа! О,
знаете ли вы, господа, какъ дорога намъ, мечтателямъ—
славянофиламъ, по вашему ненавистникамъ Европы—эта
самая Европа, эта „страна святыхъ чудесъ!“ Знаете ли
вы, какъ дороги намъ эти „чудеса“ и какъ любимъ и
чтимъ, болѣе чѣмъ братски любимъ и чтимъ мы великия
племена, населяющія ее и все великое и прекрасное со-
вершенное ими. Знаете ли, до какихъ слезъ и сжатій
сердца мучаютъ и волнуютъ насъ судьбы этой дорогой и
родной намъ страны, какъ пугаютъ насъ эти мрачныя
тучи, все болѣе и болѣе заволакивающія ея небосклонъ?

Никогда вы, господа, паши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы, мечтатели-славянофилы, по-вашему, исконные враги ея! Нѣтъ, намъ дорога эта страна—будущая мирная побѣда великаго христіанскаго духа, сохранившагося на Востокѣ... И въ опасеніи столкнуться съ нею въ текущей войнѣ, мы всего болѣе боимся, что Европа не пойметъ насть, и попрежнему, по-всегдашнему встрѣтить насть высокомѣріемъ, презрѣніемъ и ме-чомъ своимъ, все еще какъ дикихъ варваровъ, недостойныхъ говорить передъ нею. Да, спрашивали мы сами себя, что же мы скажемъ или покажемъ ей, чтобы она насть поняла? У насть, повидимому, еще такъ мало чего-нибудь, что могло бы быть ей понятно и за что бы она насть уважала? Основной, главной идеи нашей, нашего зачинающагося „новаго слова“ она долго, слишкомъ долго еще не пойметъ. Ей надо фактовъ *теперь* понятныхъ, понятныхъ на ея *теперешній* взглядъ. Она спросить насть: „гдѣ ваша цивилизаци? Усматривается ли строй экономическихъ силъ вашихъ въ томъ хаосѣ, который видимъ мы всѣ у васъ. Гдѣ ваша наука, ваше искусство, ваша литература?“

III.

Анна Каренина, какъ фактъ особаго значенія.

И вотъ тогда же, т.-е. нынѣшней же весною, разъ вечеромъ, мнѣ случилось встрѣтиться на улицѣ съ однимъ изъ любимѣйшихъ мною нашихъ писателей. Встрѣчаемся мы съ нимъ очень рѣдко, въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ, и всегда случайно, все какъ-нибудь на улицѣ. Это одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ тѣхъ пяти или шести нашихъ беллетристовъ, которыхъ принято, всѣхъ вмѣстѣ, называть, почему-то, „плеядою“. По крайней мѣрѣ, критика, вслѣдъ за публикой, отдѣлила ихъ особо, передъ всѣми остальными беллетристами, и такъ это пребываетъ уже довольно давно,—все тотъ же пятокъ, „плеяда“, не расширяется. Я люблю встрѣчаться съ этимъ милымъ и любимымъ моимъ романистомъ, и люблю ему доказывать, между прочимъ, что не вѣрю и не хочу ни за что повѣрить, что онъ устарѣлъ, какъ онъ говоритъ, и болѣе уже ничего не напишетъ. Изъ краткаго разговора съ нимъ я всегда уношу какое-нибудь тонкое и дальновидное его слово. Въ этотъ разъ было о чёмъ говорить, война уже начиналась. Но онъ тотчасъ же и прямо заговорилъ объ Аннѣ Карени-

ной. Я тоже только что успѣлъ прочитать седьмую часть, которою закончился романъ въ *Русскомъ Вѣстнике*. Собесѣдникъ мой на видъ человѣкъ не восторженный. На этотъ разъ, однако, онъ поразилъ меня твердостью и горячею настойчивостью своего мнѣнія объ Аннѣ Карениной.

— Это вещь неслыханная, это вещь первая. Кто у насъ, изъ писателей, можетъ поравняться съ этимъ? А въ Европѣ—кто представить хоть что-нибудь подобное? Было ли у нихъ, во всѣхъ ихъ литературахъ, за всѣ послѣдніе годы, и далеко раньше того, произведеніе, которое бы могло стать рядомъ?

Меня поразило главное то въ этомъ приговорѣ, который я и самъ вполнѣ раздѣляль, что это указаніе на Европу какъ разъ пришлось къ тѣмъ вопросамъ и недорѣмъ, которые столь многимъ представлялись тогда сами собой. Книга эта прямо приняла въ глазахъ моихъ размѣръ факта, который бы могъ отвѣтить за насъ Европѣ, того искомаго факта, на который мы могли бы указать Европѣ. Разумѣется, возопять смѣясь, что это—всего лишь только литература, какой-то романъ, что смѣшно такъ преувеличивать и съ романомъ явиться въ Европу. Я знаю, что возопять и засмѣются, но не беспокойтесь, я не преувеличиваю и трезво смотрю: я самъ знаю, что это пока всего лишь только романъ, что это одна только капля того, чего нужно, но главное тутъ дѣло для меня въ томъ, что эта капля уже есть, дана, дѣйствительно существуетъ, взаправду, а, стало-быть, если она уже есть, если гений русскій могъ родить этотъ фактъ, то, стало-быть, онъ не обреченъ на бессиліе, можетъ творить, можетъ давать свое, можетъ начать свое собственное слово и договорить его, когда придуть времена и сроки. Притомъ это далеко не капля только. О, я и тутъ не преувеличиваю: я очень знаю, что не только въ одномъ какомъ-нибудь членѣ этой плеяды, но и во всей-то плеядѣ не найдете того, строго говоря, что называется геніальностью, творящею силою. Безспорныхъ геніевъ, съ безспорнымъ „новымъ словомъ“ во всей литературѣ нашей было всего только три: Ломоносовъ, Пушкинъ и частью Гоголь. Вся же плеяда эта (и авторъ Анны Карениной въ томъ числѣ) вышла прямо изъ Пушкина, одного изъ величайшихъ русскихъ людей, но далеко еще не понятаго и не растолкованнаго. Въ Пушкинѣ двѣ главныя мысли—и обѣ

заключаютъ въ себѣ прообразъ всего будущаго назначенія и всей будущей цѣли Россіи, а, стало-быть, и всей будущей судьбы нашей. Первая мысль—всемірность Россіи, ея отзывчивость и дѣйствительное, бесспорное и глубочайшее родство ея генія съ геніями всѣхъ временъ и народовъ міра. Мысль эта выражена Пушкинымъ не какъ однотолько указаніе, ученіе, или теорія, не какъ мечтаніе или пророчество, но исполнена имъ на дѣлѣ, заключена вѣбѣчно въ геніальныхъ созданіяхъ его и доказана ими. Онъ человѣкъ древняго міра, онъ и германецъ, онъ и англичанинъ глубоко сознающій геній свой, тоску своего стремленія (Пиръ во время чумы), онъ и поэтъ Востока. Всѣмъ этимъ народамъ онъ сказалъ и заявилъ, что русскій геній знаетъ ихъ, понялъ ихъ, соприкоснулся имъ каѣть родной, что онъ можетъ перевоплощаться въ нихъ во всей полнотѣ, что лишь одному только русскому духу дана всемірность, дано назначеніе въ будущемъ постигнуть и объединить все многоразличіе національностей и снять всѣ противорѣчія ихъ. Другая мысль Пушкина, это поворотъ его къ народу и упованіе, единственно, на силу его, завѣтъ того, что лишь въ народѣ и въ одномъ только народѣ обрѣтемъ мы всецѣло весь нашъ русскій геній и сознаніе назначенія его. И это, опять-таки, Пушкинъ не только указалъ, но и совершилъ первый, на дѣлѣ. Съ него только начался у насъ настоящій сознательный поворотъ къ народу, немыслимый еще до него съ самой реформы Петра. Вся теперешняя *плегада* наша работала лишь по его указаніямъ, *новаго послѣ* Пушкина ничего не сказала. Всѣ зачатки ея были въ немъ, указаны имъ. Да къ тому же она разработала лишь самую малую часть имъ указанного. Но зато, то что они сдѣлали, разработано ими съ такимъ богатствомъ силъ, съ такою глубиною и отчетливостью, что Пушкинъ, конечно, призналъ бы ихъ. Анна Карелина — вещь, конечно, не новая по идеѣ своей, не неслыханная у насъ доселѣ. Вместо нея мы, конечно, могли бы указать Европѣ прямо на источникъ, т.-е. на самого Пушкина, какъ на самое яркое, твердое и неоспоримое доказательство самостоятельности русскаго генія и права его на величайшее міровое, общечеловѣческое и всеединяющее значеніе въ будущемъ (увы, сколько бы мы ни указывали, а нашихъ долго еще не будутъ читать въ Европѣ, а и станутъ читать, то долго еще не поймутъ и не оцѣнятъ. Да и оцѣнить

еще они совсѣмъ не въ силахъ, не по скучности способностей, а потому, что мы для нихъ совсѣмъ другой міръ, точно съ луны сошли, такъ что имъ даже самое существованіе наше допустить трудно. Все это я знаю, и объ „указаніи Европѣ“ говорю лишь въ смыслѣ нашего собственного убѣжденія въ нашемъ правѣ передъ Европой на самостоятельность нашу). Тѣмъ не менѣе, Анна Каренина есть совершенство какъ художественное произведение, подвернувшееся какъ разъ кстати, и такое, съ которымъ ничто подобное изъ европейскихъ литературъ въ настоящую эпоху не можетъ сравняться, а во-вторыхъ и по идеѣ своей это уже нечто наше, наше *свое* родное, и именно то самое, что составляетъ нашу особенность передъ европейскимъ міромъ, что составляетъ уже наше национальное „новое слово“ или, по крайней мѣре, начало его,—такое слово, котораго именно не слыхать въ Европѣ и которое, однако, столь необходимо ей, несмотря на всю ея гордость. Я не могу пуститься здѣсь въ литературную критику и скажу лишь небольшое слово. Въ Аннѣ Карениной проведенъ взглядъ на виновность и преступность человѣческую. Взяты люди въ ненормальныхъ условіяхъ. Зло существуетъ прежде нихъ. Захваченные въ круговоротъ лжи, люди совершаютъ преступленіе и гибнутъ неотразимо: какъ видно, мысль на любимѣшую и стариннѣшую изъ европейскихъ темъ. Но какъ, однакоже, рѣшается такой вопросъ въ Европѣ? Рѣшается онъ тамъ повсемѣстно двоякимъ образомъ. Первое рѣшеніе: законъ данъ, написанъ, формулированъ, составлялся тысячелѣтіями. Зло и добро опредѣлено, взвѣшено, размѣры и степени опредѣлялись исторически мудрецами человѣчества, неустанной работой надъ душой человѣка и высшей научной разработкой надъ степенью единительной силы человѣчества въ общежитіи. Этому выработанному кодексу повелѣвается слѣдоватъ слѣпо. Кто не послѣдуетъ, кто преступить его,— тотъ платить свободою, имуществомъ, жизнью, платить буквально и безчеловѣчно. „Я знаю“, говоритъ сама ихъ цивилизaciя, „что это и слѣпо, и безчеловѣчно, и невозможно, такъ какъ нельзя выработать окончательную формулу человѣчества въ серединѣ пути его, но такъ какъ другого исхода нѣтъ, то и слѣдуетъ держаться того что написано, и держаться буквально и безчеловѣчно; не будь этого—будетъ хуже. Съ тѣмъ вмѣстѣ, несмотря на всю ненormalность и нелѣпость устройства

того, что называемъ мы нашей великой европейской цивилизаціей, тѣмъ не менѣе пусть силы человѣческаго духа пребываютъ здравы и невредимы, пусть общество не колеблется въ вѣрѣ, что оно идетъ, къ совершенству, пусть не смѣеть думать, что затемнился идеалъ прекраснаго и высокаго, что извращается и коверкается понятіе о добрѣ и злѣ, что нормальность безпрерывно смѣняется условностью, что простота и естественность гибнутъ, подавляемыя безпрерывно накопляющеся ложью! Другое рѣшеніе обратное: такъ какъ общество устроено нормально, то и нельзя спрашивать отвѣта съ единицъ людскихъ за послѣдствія. Стало быть, преступникъ безответственный, и преступленія пока не существуетъ. Чтобы покончить съ преступленіями и людскою виновностью, надо покончить съ ненормальностью общества и склада его. Такъ какъ лѣчить существующій порядокъ вещей долго и безнадежно, да и лѣкарствъ не оказалось, то слѣдуетъ разрушить все общество и снести старый порядокъ какъ бы метлой. Затѣмъ начать все новое, на иныхъ началахъ, еще неизвѣстныхъ, но которыхъ все же не могутъ быть хуже теперешняго порядка, напротивъ, заключаютъ въ себѣ много шансовъ успѣха. Главная надежда на науку⁴. И такъ вотъ это второе рѣшеніе: ждутъ будущаго муравейника, а пока зальютъ міръ кровью. Другихъ рѣшеній о виновности и преступности людской западно-европейскій міръ не представляетъ.

Во взглядѣ же русскаго автора на виновность и преступность людей ясно усматривается, что никакой муравейникъ, никакое торжество „четвертаго сословія“, никакое уничтоженіе бѣдности, никакая организація труда не спасутъ человѣчество отъ ненормальности, а слѣдственно и отъ виновности и преступности. Выражено это въ огромной психологической разработкѣ души человѣческой, съ страшной глубиною и силою, съ небывалымъ доселъ у настъ реализмомъ художественнаго изображенія. Ясно и понятно до очевидности, что зло таится въ человѣчествѣ глубже, чѣмъ предполагаютъ лѣкаря-соціалисты, что ни въ какомъ устройствѣ общества не избѣгнете зла, что душа человѣческая останется та же, что ненормальность и грѣхъ исходятъ изъ нея самой, и что, наконецъ, законы духа человѣческаго столь еще неизвѣстны, столь невѣдомы наукѣ, столь неопределены и столь таинственны, что нѣть и не можетъ быть еще ни лѣкарей,

ни даже судей окончательныхъ, а есть Тотъ, который говорить: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“. Ему одному лишь известна вся тайна міра сего и окончательная судьба человѣка. Человѣкъ же пока не можетъ браться рѣшать ничего съ гордостью своей непогрѣшимости, не пришли еще времена и сроки. Самъ судья человѣческій долженъ знать о себѣ, что онъ не судья окончательный, что онъ грызникъ самъ, что вѣсы и мѣра въ рукахъ его будутъ нелѣпостью, если самъ онъ, держа въ рукахъ мѣру и вѣсы, не преклонится передъ закономъ неразрѣшимой еще тайны и не прибѣгнетъ къ единственному выходу — къ милосердію и любви. А чтобы не погибнуть въ отчаяніи отъ непониманія путей и судебъ своихъ, отъ убѣженія въ таинственной и роковой неизбѣжности зла, человѣку именно указанъ исходъ. Онъ геніально намѣченъ ноэтомъ въ геніальной сценѣ романа еще въ предпослѣдней части его, въ сценѣ смертельной болѣзни героини романа, когда преступники и враги вдругъ преображаются въ существа высшія, въ братьевъ все простившихъ другъ другу, въ существа, которыхъ сами, взаимнымъ всирощеніемъ сняли съ себя ложь, вину и преступность, и тѣмъ разомъ сами оправдали себя съ полнымъ сознаніемъ, что получили право на то. Но потомъ, въ концѣ романа, въ мрачной и страшной картинѣ паденія человѣческаго духа, прослѣженаго шагъ за шагомъ, въ изображеніи того неотразимаго состоянія, когда зло, овладѣвъ существомъ человѣка, связываетъ каждое движение его, парализуетъ всякую силу сопротивленія, всякую мысль, всякую охоту борьбы съ мракомъ, падающимъ на душу и сознательно, излюбленно, со страстью отмщенія принимаемымъ душой вмѣсто свѣта, — въ этой картинѣ — столько назиданія для судьи человѣческаго, для держащаго мѣру и вѣсь, что, конечно; онъ воскликнетъ, въ страхѣ и недоумѣніи: „Нѣть, не всегда мнѣ отмщеніе и не всегда азъ воздамъ“, и не поставить безчеловѣчно въ вину мрачно павшему преступнику того, что онъ пренебрегъ указаннымъ вѣковѣчно свѣтомъ исхода и уже сознательно отвергъ его. Къ буквѣ, по крайней мѣрѣ, не прибѣгнетъ...

Если у насть есть литературныи произведенія такой силы мысли и исполненія, то почему у насть не можетъ быть впослѣствии и своей науки, и своихъ рѣшеній экономическихъ, соціальныхъ, почему намъ отказывается Европа въ самостоятельности, въ нашемъ своемъ собствен-

номъ словѣ, — вотъ вопросъ, который рождается самъ собою. Нельзя же предположить смѣшную мысль, что природа одарила насъ лишь однѣми литературными способностями. Все остальное есть вопросъ исторіи, обстоятельствъ, условій времени. Такъ могли бы разсудить наши, по крайней мѣрѣ, европейцы, въ ожиданіи пока разсудятъ европейскіе европейцы...

IV.

Помѣщикъ добывающій вѣру въ Бога отъ мужика.

Теперь, когда я выразилъ мои чувства, можетъ быть, поймутъ, какъ подѣйствовало на меня отпаденіе такого автора, отъединеніе его отъ русскаго всеобщаго и великаго дѣла, и парадоксальная неправда, возведенная имъ на народъ въ его несчастной восьмой части, изданной имъ отдельно. Онъ просто отнимаетъ у народа все его драгоцѣннѣйшее, лишаетъ его главнаго смысла его жизни. Ему бы несравненно пріятнѣе было, если бъ народъ нашъ не подымался повсемѣстно сердцемъ своимъ за терпящихъ за вѣру братій своихъ. Въ этомъ только смыслъ онъ и отрицаетъ явленіе, несмотря на очевидность его. Конечно, все это выражено лишь въ фиктивныхъ лицахъ героевъ романа, но, повторяю это, слишкомъ видно рядомъ съ ними и самого автора. Правда, книжка эта искренняя, говоритъ авторъ отъ души. Даже самыя щекотливыя вещи (а тамъ есть щекотливыя вещи) улеглись въ ней совсѣмъ какъ бы невзначай, такъ что, несмотря на всю ихъ щекотливость, вы ихъ принимаете лишь за прямое слово и не допускаете ни малѣйшей кривизны. Тѣмъ не менѣе книжку эту я все-таки считаю воине не столь невинною. Теперь она, разумѣется, не имѣеть и не можетъ имѣть никакого влиянія, кромѣ какъ развѣ поддакнетъ еще разъ нѣкоторой отмежеванной кучкѣ. Но такой фактъ, что такой авторъ такъ пишетъ, очень грустенъ. Это для будущаго грустно. А, впрочемъ, примусь лучше за дѣло: мнѣ хочется возразить, укажу на то, что меня особенно поразило.

Прежде, впрочемъ, расскажу про Левина, — очевидно, главнаго героя романа; въ немъ выражено положительное, какъ бы въ противоположность тѣхъ ненормальностей, отъ которыхъ погибли или пострадали другія лица романа, и онъ, видимо, къ тому и предназначался авторомъ, чтобы все это въ немъ выразить. И однако же Левинъ все еще

не совершененъ, все еще чего-то недостаетъ ему и этимъ надо было заняться и разрѣшить, чтобы ужъ никакихъ сомнѣній и вопросовъ Левинъ болѣе собою не представлялъ. Читатель вноследствіи пойметъ причину, почему я на этомъ останавливаюсь, не переходя прямо къ главному дѣлу.

Левинъ счастливъ, романъ кончился къ пущей славѣ его, но ему недостаетъ еще внутренняго духовнаго мира. Онъ мучается вѣковѣчными вопросами человѣчества: о Богѣ, о вѣчной жизни, о добрѣ и злѣ и проч. Онъ мучается тѣмъ, что онъ не вѣрующій и что не можетъ успокоиться на томъ, на чемъ всѣ успокаиваются, т. е. на интересѣ, на обожаніи собственной личности или собственныхъ идоловъ, на самолюбіи и проч. Признакъ великодушія, не правда ли? Но отъ Левина и ожидать нельзя было меныше. Оказывается кстати, что Левинъ много прочиталъ. Ему знакомы и философы, и позитивисты, и просто естественники. Но ничто не удовлетворяетъ его, а, напротивъ, еще больше запутываетъ, такъ что онъ, въ свободное по хозяйству время, убѣгаєтъ въ лѣса и рощи, сердится, даже не столь цѣнитъ свою Кити, сколько бы надо цѣнить. И вотъ вдругъ онъ встрѣчаетъ мужика, который, передавая ему о двухъ, различныхъ нравственною стороною своею мужикахъ, Митюхѣ и Фоканычѣ, выражается такъ:

«Митюхѣ какъ не выручить! Этаотъ нажметъ да свое выберетъ. Онъ христианина не пожалѣть, а дядя Фоканычъ развѣ станетъ дратъ шкуру съ человѣка? Гдѣ въ долгъ, гдѣ и спустить. Анъ и не добереть, тоже человѣкомъ.

— Да зачѣмъ же онъ будеть спускать?

— Да такъ, значить — люди разные, одинъ человѣкъ только для нужды своей живеть, хоть бы Митюха, только брюхо набиваеть, — а Фоканычъ — правдивый старикъ. Онъ для души живеть, Бога помнить.

— Какъ Бога помнить? Какъ для души живеть? почти вскрикнулъ Левинъ.

— Извѣстно какъ, по правдѣ, по Божью. Вѣдь люди разные. Вотъ хоть вѣсь взять, тоже не обидите человѣка.

— Да, да, прощай! проговорилъ Левинъ, задыхалсь отъ волненія, и, повернувшись, взялъ свою палку и быстро пошелъ прочь къ дому.»

Онъ, впрочемъ, нобѣжалъ оиять въ лѣсъ, легъ подъ осинами и началъ думать почти въ какомъ-то восторгѣ. Слово было найдено, всѣ вѣковѣчныя загадки разрѣшены и это однимъ простымъ словомъ мужика: „Жить для

души, Бога помнить". Мужикъ, разумѣется, не сказаль ему ничего новаго, все это онъ давно уже самъ зналъ; но мужикъ все же навелъ его на мысль и подсказалъ ему рѣшеніе въ самый щекотливый моментъ. Засимъ наступаетъ рядъ разсужденій Левина, весьма вѣрныхъ и мѣтко выраженныхъ. Мысль Левина та: къ чему искать умомъ того, что уже дано самою жизнью, съ чѣмъ рождается каждый человѣкъ и чому (поневолѣ даже) долженъ слѣдоватъ и слѣдуетъ каждый человѣкъ. Съ совѣстью, съ понятіемъ о добрѣ и злѣ каждый человѣкъ рождается, стало-быть, рождается прямо и съ цѣлью жизни: жить для добра и не любить зла. Рождается съ этимъ и мужикъ и баринъ, и французъ и русскій и турокъ — всѣ чутъ добро (NB. хоть многіе ужасно по-своему). И же, говоритъ Левинъ, хотѣлъ это все познать математикой, наукой, разумомъ, или ждалъ чуда, между тѣмъ это дано мнѣ даромъ, рождено со мною. А что оно дано даромъ, то этому есть прямые доказательства: всѣ на свѣтѣ понимаютъ, или могутъ понять, что надо любить ближняго какъ самого себя. Въ этомъ знаніи въ сущности и заключается весь законъ человѣческій, какъ и объявлено намъ самимъ Христомъ. Между тѣмъ это знаніе прирожденно, стало-быть, послано даромъ, ибо разумъ ни за чѣмъ не могъ бы дать такое знаніе, — почему? Да потому, что „любить ближняго“, если судить по разуму, выйдетъ неразумно.

— Откуда взялъ я это? (спрашиваетъ Левинъ). Разумомъ, что ли, дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣствѣ, и я радостно поспѣхъ, потому что мнѣ сказали то, чѣмъ было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, требующій того, чтобы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовлетворенію моихъ желаній. Это выводъ разума. А любить другого не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно.

Далѣе представилась Левину недавняя сцена съ дѣтьми. Дѣти стали жарить малину въ чашкахъ на свѣчахъ и лить себѣ молоко фонтаномъ въ ротъ. Мать, заставить ихъ на дѣлѣ, стала имъ внушать, что если они испортятъ посуду и разольютъ молоко, то не будетъ у нихъ ни посуды, ни молока. Но дѣти, очевидно, не повѣрили, потому что не могли себѣ и представить „всего объема того, чѣмъ они пользуются, а потому не могли представить себѣ, что то, что они разрушаютъ, есть то самое, чѣмъ они живутъ“.

«Это все само собой», думали они, «интереснаго и важнаго въ

этомъ ничего нѣтъ, потому что это всегда было и будеътъ. И всегда все одно и то же. Объ этомъ намъ думать нечего, это готово; а намъ хочется выдумать что-нибудь свое и новенькое. Вотъ мы выдумали въ чашку положить малину и жарить ее на свѣчкѣ, а молоко лить фонтаномъ прямо въ ротъ другъ другу. Это весело и ново, и ничѣмъ не хуже, чѣмъ пить изъ чашекъ.»

«Развѣ не то же самое дѣлаемъ мы, дѣлалъ я, разумомъ отыскавая значеніе силъ природы и смыслъ жизни человѣка?» продолжалъ Левинъ.

«И развѣ не то же дѣлаютъ всѣ теоріи философскія, путемъ мысли страннымъ, не свойственнымъ человѣку, приводя его къ знанію того, чтѣ онъ давно знаетъ, и такъ вѣрно знаетъ, что безъ того и жить бы не могъ. Развѣ не видно ясно въ развитіи теоріи каждого философа, что онъ впередѣ знаетъ такъ же несомнѣнно, какъ и мужикъ Феодоръ, и ничуть не яснѣе его, главный смыслъ жизни, и только сомнительнымъ умственнымъ путемъ хочетъ вернуться къ тому, что всѣмъ извѣстно.

«Ну-ка, пустить однихъ дѣтей, чтобы они сами пріобрѣли, сдѣлали посуду, подоили молоко и т. д. Стали бы они шалить? Они бы съ голову померли. Ну-ка, пустите нась съ нашими страстьюми, мыслями, безъ понятія о единомъ Богѣ и Творцѣ! Или безъ понятія того, что есть добро, безъ объясненія зла нравственнаго.

«Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что-нибудь!

«Мы только разрушаемъ, потому что духовно сыты. Именно дѣти!»

Однимъ словомъ, сомнѣнія кончились и Левинъ увѣровалъ,—во чѣ? Онъ еще этого строго не опредѣлилъ, но онъ уже вѣруетъ. Но вѣра ли это? Онъ самъ себѣ радостно задаетъ этотъ вопросъ: „Неужели эта вѣра?“ Надобно полагать, что еще нѣтъ. Мало того: врядъ ли у такихъ, какъ Левинъ, и можетъ быть окончательная вѣра. Левинъ любить себя называть народомъ, но это баричъ, московскій баричъ средне-высшаго круга, историкомъ котораго и былъ по преимуществу графъ Л. Толстой. Хоть мужикъ и не сказалъ Левину ничего новаго, но все же онъ его натолкнулъ на идею, а съ этой идеи и началась вѣра. Ужъ въ этомъ-то одномъ Левинъ могъ бы увидать, что онъ не совсѣмъ народъ и что нельзя ему говорить про себя: я самъ народъ. Но объ этомъ послѣ. Я хочу только сказать, что вотъ эти, какъ Левинъ, сколько бы ни прожили съ народомъ или подлѣ народа, но народомъ вполнѣ не сдѣлаются, мало того — во многихъ пунктахъ такъ и не поймутъ его никогда вовсе. Мало одного само-омнѣнія, или акта воли, да еще столь причудливой, чтобы захотѣть и стать народомъ. Пусть онъ помѣщикъ, и работягъ помѣщикъ, и работы мужицкія знаетъ, и самъ косить и телѣгу запрячь умѣеть, и знаетъ, что къ сото-вому меду огурцы свѣжіе подаются. Все-таки въ душѣ

его, какъ онъ ни старайся, останется оттѣнокъ чего-то, чѣмъ можно, я думаю, назвать *праздношатайствомъ*—тѣмъ самымъ праздношатайствомъ, физическимъ и духовнымъ, которое, какъ онъ ни крѣпись, а все же досталось ему по наслѣдству и которое ужъ, конечно, видитъ во всякомъ баринѣ народъ, благо не нашими глазами смотрить. Но и объ этомъ потомъ. А вѣру свою онъ разрушить опять, разрушить самъ, долго не продержится: выйдетъ какой-нибудь новый сучокъ и разомъ все рухнетъ. Кити пошла и споткнулась, такъ вотъ зачѣмъ она споткнулась? Если споткнулась, значитъ и не могла не споткнуться; слишкомъ ясно видно, что она споткнулась потому-то и потому-то. Ясно, что все тутъ зависѣло отъ законовъ, которые могутъ быть строжайше опредѣлены. А если такъ, то значитъ всюду наука. Гдѣ же Промыселъ? Гдѣ же роль его? Гдѣ же ответственность человѣческая? А если нѣтъ Промысла, то какъ же я могу вѣрить въ Бога и т. д., и т. д.“. Берите прямую линію и пустите въ бесконечность. Однимъ словомъ, эта честная душа есть самая праздно-хаотическая душа, иначе онъ не былъ бы современнымъ русскимъ интеллигентнымъ бариномъ, да еще средне-высшаго дворянскаго круга.

Онъ доказываетъ это блистательно всего какой-нибудь часъ спустя по пріобрѣтеніи вѣры; онъ доказываетъ, что русскій народъ вовсе не чувствуетъ того, чтѣ могутъ чувствовать вообще люди, онъ разрушаетъ душу народа самымъ всевластнымъ образомъ, мало того,—объявляетъ, что самъ не чувствуетъ никакой жалости къ человѣческому страданію. Онъ объявляетъ, что „непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть“—т.-е. не только у него, но и у всѣхъ русскихъ не можетъ быть: я, дескать, самъ народъ. Слишкомъ уже они дешево цѣнять русскій народъ. Старые, впрочемъ, оѣнщики. Не прошло и часу по пріобрѣтеніи вѣры, какъ пошла опять жариться малина на свѣчкѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Раздражительность самолюбія.

Приѣзжали дѣти и объявляютъ Левину, что прїѣхали гости;—„одинъ вотъ такъ размахиваетъ руками“. Оказывается, что гости изъ Москвы. Левинъ сажаетъ ихъ подъ

деревьями, приносить имъ сотоваго меду съ свѣжими огурцами и гости тотчась же принимаются за медъ и за восточный вопросъ. Все происходитъ, видите ли, прошлого года,—помните: Черныевъ, добровольцы, пожертвованія. Разговоръ быстро разгорается, потому что всѣ неудержимо стремятся къ главному. Собесѣдники, кроме дамъ, во-первыхъ одинъ изъ Москвы профессорчикъ, человѣкъ милый, но глуповатый. Затѣмъ слѣдуетъ человѣкъ (съ тѣмъ онъ и выставленъ) огромнаго ума и познаній, Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ, единоутробный братъ Левина. Характеръ этотъ проведенъ въ романѣ искусно, и подъ конецъ понятенъ (сороковыхъ годовъ человѣкъ). Сергѣй Ивановичъ только что бросился, всецѣло и съ азартомъ, въ славянскую дѣятельность и комитетомъ на него много возложено, такъ что трудно и представить себѣ, вспоминая прошлое лѣто, какъ онъ могъ бросить дѣло и прїѣхать на цѣлнѧя двѣ недѣли въ деревню. Правда, въ такомъ случаѣ не было бы и разговора на пчельникѣ о народномъ движениіи, а, стало-быть, и всей восьмой части романа, которая для одного этого разговора и написана. Видите ли, этотъ Сергѣй Ивановичъ, мѣсяца два или три передъ тѣмъ, издалъ въ Москвѣ какую-то ученую книгу о Россіи, которую давно готовилъ и на которую возлагалъ большія надежды, но книга вдругъ лопнула, и лопнула со срамомъ, никто-то обѣ ней ничего не сказалъ, прошла не замѣченная. И вотъ тутъ-то Сергѣй Ивановичъ и бросился въ славянскую дѣятельность, и съ такимъ жаромъ, какого отъ него ожидать нельзя было. Выходитъ, стало-быть, что бросился не натурально; весь его жаръ къ славянамъ—ambition rentrée, не болѣе, и вы ясно предчувствуете, что Левинъ уже и не можетъ не остаться надъ такимъ побѣдителемъ. Сергѣй Ивановичъ и въ прежнихъ частяхъ проведенъ былъ въ комическомъ видѣ весьма искусно; въ восьмой же части становится уже окончательно яснымъ, что онъ и задуманъ-то былъ единственно для того, чтобы въ концѣ романа послужить пьедесталомъ для величія Левина. Но лицо очень удачное.

Зато изъ неудачнѣйшихъ лицъ — это старый князь. Онъ тутъ же сидѣть и толкнуть о восточномъ вопросѣ. Неудачный и во всемъ романѣ, а не то что въ одномъ восточномъ вопросѣ. Это одно изъ положительныхъ лицъ романа, предназначенныхъ выразить собою положительную

красоту, — ну, разумѣется, не грѣша противъ реализма: онъ и съ слабостями, и чуть ли не съ смѣшными сторонами, но зато почтенный, почтенный. Онъ и добросердѣ романа, онъ и здравомыслъ, но не фонвизинскій какой-нибудь здравомыслъ, который какъ уже заладитъ, такъ точно оселъ ученый: одно здравомысліе и ничего болѣе. Нѣть, тутъ и юморъ, и вообще человѣческія стороны. Завѣбное же въ томъ, что этотъ старый человѣкъ предна-значенъ выражать собою остроуміе. Пройдя школу жизни, отецъ многочисленныхъ, хотя уже и пристроенныхъ дѣтей, онъ, подъ старость, взираетъ на все кругомъ него съ тихою улыбкою мудреца, но съ улыбкою, далеко, однако, не столь кроткою и безобидною. Онъ дасть совѣтъ, но берегитесь игры ума его: отбреетъ. И вотъ, вдругъ, тутъ случилось одно несчастье: предназначенный къ остроумію здравомыслъ Богъ знаетъ отчего вышелъ вовсе не остро-умень, а напротивъ, даже и пошловатъ. Правда, онъ все порывается, равно какъ и во весь романъ, сказать что-нибудь остроумное, но такъ и остается при одномъ же-ланіи, ровнешенько ничего не выходитъ. Читатель изъ деликатности готовъ, наконецъ, зачесть ему эти попытки и, такъ сказать, потуги остроумія за самое остроуміе, но гораздо хуже то, что это же самое лицо, въ восьмой, от-дѣльно вышедшей, части романа, предназначено выразить вещи, положимъ, опять-таки неостроумныя (въ этомъ ста-рый князь твердо выдерживаетъ свой характеръ), но зато вещи циническія и хульныя на часть нашего общества и на народъ нашъ. Вместо добросерда является какой-то клубный отрицатель какъ русскаго народа, такъ и всего, что въ немъ есть хорошаго. Слышится клубное раздра-женіе, старииковская желчь. Впрочемъ, политическая теорія старого князя нисколько не нова. Это стотысячное повторе-ніе того, что мы и безъ него поминутно слышимъ:

— Вотъ и я, сказалъ князь. Я жиль за границей, читаль газеты и, признаюсь, еще до болгарскихъ ужасовъ никакъ не понималъ, по-чому всѣ russkie такъ вдругъ полюбили братьевъ славянъ, а я никакой къ нимъ любви не чувствую? Я очень огорчался, думалъ, что я уродъ (это, видите ли, онъ острѣть: вообразить только, что онъ думаетъ про себя, что онъ уродъ!), или что такъ Карлсбадъ на меня дѣйству-етъ (сугубая острота). Но, прѣхавъ сюда, я успокоился (еще бы!), я вижу, что и кромѣ меня есть люди, интересующіеся только Россіей, а не братьями славянами...

Вотъ она гдѣ глубина-то! Надо интересоваться только Россіей. Такъ что вспоможеніе славянамъ прямо признается

не русскимъ дѣломъ; признавалъ бы онъ его русскимъ дѣломъ—не говорилъ бы онъ, что надо интересоваться только Россіей, такъ какъ интересоваться славянами само собою означало бы тогда интересоваться самой Россіей и назначеніемъ ея. Характеръ воззрѣнія князя состоитъ, стало быть, въ уности пониманія русскихъ интересовъ. Этого какъ не слыхать, это тысячу разъ услышишь, а въ иныхъ сферахъ такъ только это и слышишь. Но вотъ, однажды, иѣчто, гораздо злоказтвеннѣе: это разговоръ, который былъ за нѣсколько минутъ прежде. Старый князь спрашиваетъ Сергія Ивановича:

... ради Христа, объясните мнѣ, Сергій Ивановичъ, куда ёдутъ всѣ эти добровольцы, съ кѣмъ они воюютъ?..

— Съ турками, спокойно улыбаясь отвѣчалъ Сергій Ивановичъ...

— Да кто же объявилъ войну туркамъ? Иванъ Ивановичъ Рагозовъ и графиня Лидія Ивановна съ мадамъ Шталь?

Вотъ и проговорился. Вы понимаете, что онъ къ тому и вель, и для этого, можетъ быть, и пріѣхалъ поскорѣе изъ Карлсбада. Но это вопросъ уже другого сорта, и то, что князь обѣ этомъ говорилъ, какъ будто даже и не хорошо. Конечно, и это идея не новая, но зачѣмъ же она опять повторяется? Прошлой зимой и очень даже многіе, кому надо было, утверждали, что кѣ-то въ Россіи объявилъ войну туркамъ. Это выставляли; но идейка походила, погуляла и назадъ воротилась къ изобрѣтателямъ. Потому что ровно никто въ Россіи прошлаго года не объявлялъ войны туркамъ и утверждать это — по меньшей мѣрѣ *преувеличеніе*. Правда, Сергій Ивановичъ далѣе отшучивается, но наивный и честный Левинъ, какъ настоящій *enfant terrible*, прямо высказываетъ то, что у князя на умѣ.

— Никто не объявлялъ войны, а люди сочувствуютъ страданіямъ близкихъ и желають помочь имъ, сказалъ Сергій Ивановичъ.

— Но князь говорить не о помощи, сказалъ Левинъ, заступаясь за тестя,—а обѣ войны. Князь говорить, что частные люди не могутъ принимать участія въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства.

Видите ли теперь, о чемъ заботится Левинъ? Дѣло становится уже совсѣмъ прямо, разъяснено сверхъ того глупой выходкой Катафасова. Вотъ что говорить Левинъ далѣе:

— Да моя теорія та: война, съ одной стороны, есть такое животное, жестокое и ужасное дѣло, что ни одинъ человѣкъ, не говорю уже христіанинъ, не можетъ лично взять на свою отвѣтственность начало войны, а можетъ только правительство, которое призвано къ этому и приводится къ войнѣ неизбѣжно. Съ другой стороны, и по наукѣ, и по здравому смыслу, въ государственныхъ дѣлахъ, въ осо-

бенности въ дѣлѣ войны, граждане отрекаются отъ своей личной воли.

Сергѣй Ивановичъ и Катавасовъ съ готовыми возраженіями заговорили въ одно время.

— Въ томъ-то и штука, батюшка, что могутъ быть случаи, когда правительство не исполняетъ воли гражданъ, и тогда общество заявляетъ свою волю, сказалъ Катавасовъ.

Но Сергѣй Ивановичъ, очевидно, не одобрялъ этого возраженія...

Однимъ словомъ, указывается и поддерживается, что дѣйствительно кѣмъ-то была въ Россіи объявлена война туркамъ прошлаго года, мимо правительства. Съ его умомъ Левинъ могъ бы догадаться, что Катавасовъ дурачокъ, что Катавасовыхъ вездѣ найдешь, что прошлогоднее движение было, именно, противоположно идеямъ Катавасовыхъ, потому что было русское, національное, настоящее наше, а не игра въ какую-то оппозицію. Но Левинъ стоитъ на своемъ, онъ ведеть свое обвиненіе до конца; дорога ему не истина, а то, что онъ придумалъ. Вотъ какими разсужденіями заканчиваетъ онъ свои мысли на этотъ счетъ:

...Онъ (Левинъ) говорилъ вмѣстѣ съ Михайловичемъ и народомъ, выразившимъ свою мысль въ преданіи о призваніи варяговъ: «Княжите и владѣйте нами. Мы радостно обѣщаемъ полную покорность. Весь трудъ, всѣ униженія, всѣ жертвы мы беремъ на себя; но не мы судимъ и решаемъ». А теперь народъ, по словамъ Сергѣя Иванычей, отрекался отъ этого, купленного такой дорогой цѣнной, права.

Ему хотѣлось еще сказать, что если общественное мнѣніе есть непогрѣшимый судья, то почему революція, коммуна не такъ же законны, какъ и движеніе въ пользу славянъ?..

Слышите? И никакія соображенія не сбиваютъ этихъ господъ съ толку, никакіе самые очевидные факты. Я сказалъ уже, что лучше если бъ князь и Левинъ такихъ обвиненій совсѣмъ не дѣлали; но кто же не видить, что одинъ—оскорблѣнное самолюбіе, а другой парадоксалистъ. Впрочемъ, можетъ-быть, и Левинъ оскорблѣнное самолюбіе, потому что неизвѣстно чѣмъ можетъ вдругъ оскорблаться самолюбіе людей! А между тѣмъ дѣло ясное, обвиненіе вздорное, да и не можетъ быть такого обвиненія, потому что оно вовсе не можетъ существовать. Не тѣ были вовсе факты.

II.

Tout ce qui n'est pas expressement permis est défendu!

Война была объявлена Турціи, въ прошломъ году, не Россіей, и не въ Россіи, а въ славянскихъ земляхъ, славянскими владѣтельными князьями, т.-е. государствами, княземъ Миланомъ сербскимъ и княземъ Николаемъ черно-

горскимъ, ополчившимся на Турцію за неслыханныя притѣсненія, звѣрства, грабежи и избіенія подвластныхъ ей славянъ, въ томъ числѣ герцеговинцевъ, вынужденныхъ, наконецъ, этими самыми звѣрствами возстать противъ притѣснителей. Неслыханныя истязанія и избіенія, которыми подверглись герцеговинцы, стали извѣстны всей Европѣ. Извѣстія объ этихъ ужасахъ проникли и къ намъ въ Россію, въ интеллигентную публику и, наконецъ, въ народъ. По неслыханности своей они проникли всюду. Получались свѣдѣнія, что сотни тысячъ людей, старики, беременные женщины, оставленные на произволъ дѣти, бросили свои жилища и устремились вонъ изъ Турціи, въ сосѣднія земли, куда попало, безъ хлѣба, безъ кровя, безъ одеждъ, въ послѣднемъ животномъ страхѣ самосохраненія. Князья, Церковь, представители Церкви, возвысили за несчастныхъ голосъ и стали сбирать для нихъ подаяніе. Началь подавать имъ и нашъ народъ, жертвы стекались въ опредѣленный мѣста, въ редакціи журналовъ, въ отдѣлы бывшихъ славянскихъ комитетовъ—и въ этомъ вовсе ничего не было незаконнаго, противъ-правительственного или безнравственнаго. Напротивъ, смѣло можно сказать, что было лишь одно хорошее. Что же до славянскихъ князей, затѣявшихъ войну съ Турциею, то ни Россія и никто въ Россіи въ этомъ не были виноваты. Правда, одинъ изъ этихъ владѣтелей, именно, князь Миланъ сербскій, былъ владѣтелемъ не вполнѣ независимымъ; напротивъ, обязанъ быть султану нѣкоторой вассальной подчиненностью, такъ что въ одной изъ русскихъ газетъ его горько упрекали за то, что онъ, такъ сказать, бунтовщикъ, и чтобы ужъ совершенно сконфузить и пристыдить его, написали, что онъ возсталъ противъ своего „сюзерена“. Но все это опять-таки было собственнымъ дѣломъ князя Милана, за которое ему одному и слѣдуетъ отвѣтить. Россія же и никто въ Россіи войны прошлаго года не объявлялъ, а, стало быть, ровно ничѣмъ передъ султаномъ не согрѣшили. А пожертвованія между тѣмъ все стекались, да стекались, но это уже совсѣмъ другое. Но вотъ вдругъ одинъ изъ русскихъ генераловъ, на то время безъ занятій, человѣкъ еще не старый, всего только генераль-маиръ, но уже нѣсколько извѣстный по прежнимъ, довольно успѣшнымъ дѣйствіямъ своимъ въ Средней Азіи, отправился, по своей собственной охотѣ, въ Сербію и предложилъ князю Милану свои услуги. На службу онъ былъ

принять и зачисленъ, но вовсе не главнокомандующимъ сербскою арміей, какъ пронесся было у насъ о томъ слухъ въ Россіи, долго державшійся. Вотъ тутъ-то и начались русские добровольцы, которые, впрочемъ, несомнѣнно и прежде были, т. е. до Черниева; вмѣстѣ съ тѣмъ усилились сборы пожертвованій, на которых поднялась вся Россія. Всѣхъ добровольцевъ за весь прошлый годъ было не Богъ знаетъ сколько, очень не много тысячъ, и провожала ихъ въ Сербію рѣшительно вся Россія, и особенно народъ, настоящій народъ, а не стрюцкіе, какъ особенно настаиваетъ на томъ озлобленный Левинъ; стрюцкими онъ считаетъ и добровольцевъ. Но это было не такъ, дѣло это не въ углу происходило, дѣло это всѣмъ известно, всѣ могли видѣть и убѣдиться и всѣ, т. е. вся Россія, рѣшили, что дѣло это—хорошее дѣло. Со стороны народа объявилось столько благородного, умилительного и сознательного, что все прошлогоднее движеніе это, русскаго народа въ пользу славянъ, несомнѣнно останется одною изъ лучшихъ страницъ въ его исторіи. Впрочемъ, защищать народъ противъ Левиныхъ, доказывать Левинамъ, что это были не стрюцкіе и не воздыхатели, а, напротивъ, сознающіе свое дѣло люди—доказывать все это, по-моему, совершенно лишнее и не нужное, мало того — даже для народа и унизительное. Главное же въ томъ, что все это происходило открыто, у всѣхъ на виду: объявлялись факты поражающіе, характерные, которые записались, запомнились и не забудутся, и оспорены быть уже не могутъ. Но о народѣ потомъ, что же до добровольцевъ, то какъ не случиться въ ихъ числѣ, рядомъ съ высочайшимъ самоотверженіемъ въ пользу ближняго (NB. Кирѣевъ), и просто удальству, прыти, гульбѣ и пр., и пр. Все произошло, какъ всегда и вездѣ происходитъ. Правда, не сочтено еще, сколько и изъ этихъ гулякъ-пьяницъ, заболтившихся людей, если только такие были въ числѣ добровольцевъ, положили тамъ далеко животъ свой за великодушное дѣло, а потому и на нихъ нечего бы было столь порицательно и даже ругательно возставать. Но утверждать, что прошлогодніе добровольцы были сплошь гуляки, пьяницы и люди потерянные—по меньшей мѣрѣ не имѣть смысла, ибо, опять-таки повторяю, дѣло это не въ углу происходило и всѣ могли видѣть. Но во всякомъ случаѣ объявленія войны, въ прошломъ году, сосѣдней державѣ, кѣмъ-нибудь изъ русскихъ, помимо правитель-

ства, положительно не было. Иванъ Ивановичъ Рагозовъ и графиня Лидія Ивановна и не могли бы объявить войну туркамъ, если бъ даже и хотѣли. Мало того, они даже добровольцевъ не подымали, никого не заманивали, не нанимали, а всякий шелъ добровольно вполни, что рѣшительно всѣмъ извѣстно. Но что помогали они добровольцамъ и сверхъ того посыпали въ славянскія земли деньги для помощи несчастнымъ, измученнымъ и изувѣченнымъ, и сверхъ того помогали деньгами же возставшимъ ихъ защищать,—это было, о, это было, и даже вмѣстѣ съ самыми ревностными пожеланіемъ, чтобы кровопийцы турки сломали себѣ шею,—да, это въ высшей степени было! Но весь вопросъ въ томъ: объявленіе ли это войны? Если же нѣтъ, то запрещено все это или нѣтъ правительствомъ, т. е. запрещено ли помогать сражающимся за христіанъ деньгами и желать, чтобы турки сломали себѣ шею? Опять-таки никакъ не думаю, чтобы было запрещено, ибо дѣло это было открытое, всѣ видѣли, всѣ участвовали, а добровольцы получали свои заграничные паспорты отъ правительства же. Я не знаю, впрочемъ, можетъ быть, и есть такой законъ, „что частные люди не могутъ принимать участія въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства“, т. е. не могутъ вступать безъ особаго разрѣшенія своего правительства въ службу къ иноземнымъ государямъ. Можетъ быть, дѣйствительно существуетъ какой-нибудь такій законъ, очень старый, но еще не отмѣненный; но правительство всегда могло бы и само воспользоваться этимъ закономъ, чего же тутъ Левину-то? Ему-то что во всемъ этомъ? Между тѣмъ онъ именно этимъ-то и волнуется...

— Pardon, monsieur, mais il me semble, que tout ce qui n'est pas expressement dÃ©fendu est permis.

— Au contraire, m-r: tout ce qui n'est pas expressement permis est dÃ©fendu.

То-есть по-русски:

— Да, но мнѣ кажется, что все, что не особенно настойчиво запрещено, то можно бы считать дозволеннымъ.

— Совсѣмъ напротивъ-сь: все то, что не особенно настойчиво дозволено, надо несомнѣнно считать уже запрещеннымъ.

Это краткій комическій разговоръ человѣка порядка съ человѣкомъ безпорядка, происходившій во Франціи. Но вѣдь этотъ толковникъ порядка и поставленъ у порядка, онъ объяснитель и защитникъ его, онъ уже такое лицо.

А Левину-то что? Что онъ-то за специалистъ въ этомъ родѣ? Онъ все боится, чтобы не потерялось какое-то право. А между тѣмъ весь народъ, сочувствуя угнетеннымъ христианамъ, совершенно зналъ, что онъ правъ, что онъ ничего не дѣлаетъ противъ воли Царя своего, и сердцемъ своимъ былъ заодно съ Царемъ своимъ. Да, онъ зналъ это. Такъ точно думали и тѣ, которые снаряжали добровольцевъ. Ни одинъ не утѣшалъ себя, хотя бы втайне, смѣшною мыслью, что онъ ведеть дѣло противъ воли правительства. Царскаго слова ждали съ нетерпѣнiemъ и съ великою надеждою и всѣ предчувствовали его впередъ и въ немъ не ошиблись. Обвиненіе въ объявлениіи войны есть, однимъ словомъ, обвиненіе фантастическое, которое пало само собою и которое нельзѧ поддерживать.

Но Левинъ и князь отъ этого обвиненія сами выгораживаютъ народъ. Они прямо отрицаютъ участіе народа въ прошлогоднемъ движениі, но зато прямо утверждаютъ, что народъ не понималъ ничего, да и не могъ понимать, что все было искусственно возбуждено журналистами для пріобрѣтенія подписчиковъ и нарочно поддѣлано Рагозовыми и проч., и проч.

— Личныхъ мнѣній тутъ ничего не значать, сказалъ Сергій Ивановичъ. — Нѣть дѣла до личныхъ мнѣній, когда вся Россія—народъ выразилъ свою волю.

— Да, извините меня. Я этого не вижу. Народъ *и знать не знаетъ*, сказалъ князь.

— Нѣть, папа... Какъ же нѣть? А въ воскресенье въ церкви? сказала Долли, прислушавшаяся къ разговору...

— Да что же въ воскресенье въ церкви? Священнику *велѣли* прощать. Онь прочелъ. Они *ничего не поняли*, вздыхали, какъ при всякой проповѣди, продолжалъ князь.—Потомъ имъ сказали, что вотъ собираются на душеспасительное дѣло въ церкви, ну, они *вынули по копейки* и дали. А на что, они *сами не знаютъ*.

Это мнѣніе нельзѧ, идущее прямо противъ факта и въ устахъ князя оно легко объясняется: оно исходить отъ одного изъ прежнихъ опекуновъ народа, отъ прежняго крѣпостника, который не могъ, какъ бы ни былъ онъ добръ, не презирать своихъ рабовъ и не считать себя безмѣрно выше ихъ пониманіемъ; „повздыхали, дескать, и ничего не поняли“. Но вотъ мнѣніе Левина, онъ, по крайней мѣрѣ, выставленъ не прежнимъ крѣпостникомъ.

— Мнѣ не нужно спрашивать, сказалъ Сергій Ивановичъ,—мы видѣли и видимъ сотни и сотни людей, которые бросаются все, чтобы послужить правому дѣлу, приходить со всѣхъ концовъ Россіи, и прямо и ясно выражаютъ свою мысль и цѣль. Они приносятъ свои

гроши, или сами идуть, и прямо говорять зачёмъ. Что же это значить?

— Значить, по-моему, сказалъ начинавшій горячиться Левинъ, — что въ восьмидесятимилліонномъ народѣ всегда найдутся не сотни, какъ теперь, а десятки тысячъ людей, потерявшихъ общественное положеніе, безшабашныхъ людей, которые всегда готовы — въ шайку Пугачева, въ Хиву, въ Сербію...

— Я тебѣ говорю, что не сотни и не люди безшабашные, а лучшіе представители народа! сказалъ Сергій Ивановичъ съ такимъ раздраженіемъ, какъ будто онъ защищалъ послѣднее свое достояніе. — А пожертвованія? Тутъ ужъ прямо весь народъ выражаетъ свою волю.

— Это слово «народъ» такъ неопределенно, сказалъ Левинъ. — Писаря волостные, учителя, и изъ мужиковъ одинъ на тысячу, можетъ быть, знаютъ о чёмъ идеть дѣло. Остальные же 80 миллионовъ, какъ Михайлычъ, не только не выражаютъ своей воли, но не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о чёмъ надо бы выражать свою волю. Какое же мы имѣемъ право говорить, что это воля народа?

Да и вообще надо бы здѣсь замѣтить, разъ навсегда, что слово: „воля народа“ въ прошлогоднемъ движениіе его, вовсе неумѣстно, да и ровно ни къ чему не служить, потому что ничего точно не обозначаетъ. Прошлаго года не воля народа обозначилась, а великое состраданіе его, во-первыхъ; во-вторыхъ, ревность о Христѣ, а въ-третьихъ, собственное какъ бы покаяніе его въ родѣ какъ бы го-вѣнія — право этакъ можно бы выразиться. Я это поясню ниже, но теперь прибавлю, что весьма радъ, въ устахъ Левина, такимъ выраженіямъ про прошлогоднихъ добровольцевъ, какъ *пойти въ шайку Пугачева* и проч. По крайней мѣрѣ, эти мысли я уже никакъ теперь не могу приписать автору, чому и радъ ужасно, ибо ясно понимаю, что авторъ вступилъ въ свои права художника; онъ слишкомъ почувствовалъ, что разгорячившійся ипохондрикъ Левинъ, какъ имъ же созданное художественное лицо, и не могъ въ данный моментъ спора не выдержать свой характеръ, т. е. не закончить оскорбительнѣйшимъ ругательствомъ свой отзывъ какъ о добровольцахъ, такъ и объ русскомъ народѣ, ихъ провожавшемъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ обвиненіе народа, за прошлогоднее движениіе его, въ глупости и въ тупости дѣйствительно существовало и ходило, а намекъ насчетъ шаекъ Пугачева дѣйствительно тоже наклевывался, то я здѣсь, кстати, и рѣшаюсь, по возможности въ самыхъ краткихъ словахъ, попробовать разъяснить: какимъ образомъ надобно понимать загадку *сознательности* прошлогодняго всенароднаго движениія нашего на помощь

славянамъ? Ибо изъ этого дѣйствительно составили цѣлую загадку въ извѣстныхъ кружкахъ: „Какъ, дескать, народъ только вчера услыхалъ о славянахъ, ничего-то онъ не знаетъ, ни географіи, ни исторіи, и на-вотъ—вдругъ полѣзъ на стѣну за славянъ, полюбились они ему такъ вдругъ очень!“ За эту тему, кромѣ извѣстныхъ кружковъ, ухватились и сѣдые старички, какъ старый князь, въ клубахъ, и вотъ обрадовался ей, какъ видно, и Левинъ, такъ какъ ю очень можно поддержать и предлагаемое имъ объясненіе объ искусственной поддѣлкѣ движенія извѣстными людьми для извѣстныхъ пѣлей. Правда, выставляется Сергій Ивановичъ какъ бы защитникомъ противъ Левина сознательности народнаго движенія, но защищаетъ онъ дѣло свое плохо, тоже горячится, и вообще, какъ я уже и сказалъ, выставленъ въ комическомъ видѣ. Между тѣмъ, дѣло это о сознательности и толковости народнаго чувства въ пользу угнетенныхъ христіанъ до того ясно, до того точно можетъ быть определено, что я не могъ не соблазниться, чтобы не выставить на видѣ: какъ надо, по-моему, понимать это дѣло для избѣжанія путаницы и, въ особенности, загадокъ?

III.

О безошибочномъ знаніи необразованнымъ и безграмотнымъ русскимъ народомъ главнѣйшей сущности восточного вопроса.

Съ самаго начала народа русскаго и его государства, съ самаго крещенія земли русской, начали устремляться изъ нея паломники во святыя земли, ко Гробу Господню, на Аeonъ и проч. Еще во время крестовыхъ походовъ ходилъ въ Іерусалимъ одинъ игуменъ русскій и былъ ласково принятъ королемъ Іерусалимскимъ „Балдиномъ“, чтобъ прекрасно описаль въ хожденіи своеемъ. Затѣмъ паломничество на Востокъ, ко святымъ мѣстамъ, не прекращалось и до нашихъ дней. Изъ русскихъ же монаховъ есть и теперь въ Россіи весьма многіе, живавшіе на Аeonѣ. Такимъ образомъ, темный и совершенно необразованный русскій народъ, т.-е. самые даже простые деревенскіе мужики, совершенно не зная исторіи и географіи, знаютъ, однако же, отлично, и уже очень давно, что святыми мѣстами и всѣми тамошними восточными христіанами овладѣли нечестивые агаряне, магометане, турки, и что жить христіанамъ по всему Востоку чрезвычайно трудно и тяжело. Знаеть объ этомъ русскій на-

родъ съ сокрушеніемъ сердца; а такова уже русская народная черта, историческая, что покаянныя подвиги хожденія ко святымъ мѣстамъ онъ издревле еще высоко цѣнилъ. Сердцемъ его всегда влекло туда,—черта историческая. Люди безъ гроша, старики, отставные солдаты, старыя бабы, совершенно не зная географіи, уходили изъ селеній своихъ съ нищенскими котомками своими за племенами, и дѣйствительно, иногда, послѣ безчисленныхъ бѣдствій, достигали святыхъ земель. Когда же возвращались на родину, то рассказы ихъ объ ихъ странствованіяхъ благоговѣйно выслушивались. Да и вообще рассказы про „божественное“ очень любить русскій народъ. Мужики, дѣти ихъ, въ городахъ мѣщане, купцы даже, этихъ разсказовъ заслушиваются, съ умиленіемъ и вздоханіемъ. Напримѣръ, вопросъ: кто читалъ Четыи-Миней? Въ монастырѣ кто-нибудь, изъ свѣтскихъ профессоровъ какой-нибудь по обязанности, или какой-нибудь старишка-чудакъ, который постится и ходить ко всенощной. Да и достать ихъ трудно: надо купить, а попробуйте, попросите почитать на время въ приходѣ—не дадутъ. И вотъ, вѣрите ли вы тому, что по всей землѣ русской чрезвычайно распространено знаніе Четыи-Миней—о, не всей, конечно, книги,—но распространенъ духъ ея, по крайней мѣрѣ,—почему же такъ? А потому, что есть чрезвычайно много разсказчиковъ и рассказчицъ о Житіяхъ Святыхъ. Разсказываютъ они изъ Четыи-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единаго лишняго слова отъ себя, и ихъ заслушиваются. Я самъ въ дѣствѣ слышалъ такие разсказы прежде еще, чѣмъ научился читать. Слышалъ я потомъ эти разсказы даже въ острогахъ у разбойниковъ, и разбойники слушали и вздохали. Эти разсказы передаются не по книгамъ, а заучились изустно. Въ этихъ разсказахъ, и въ разсказахъ про святыя мѣста, заключается для русского народа, такъ сказать, нѣчто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди, барышники и притѣснители, получали нерѣдко странное и неудержимое желаніе идти странствовать, очиститься трудомъ, подвигомъ, исполнить давно данное обѣщаніе. Если не на Востокъ, не въ Іерусалимъ, то устремлялись ко святымъ мѣстамъ русскимъ, въ Кіевъ, къ Соловецкимъ чудотворцамъ. Некрасовъ, создавая своего великаго „Власа“, какъ великій художникъ, не могъ и вообразить его себѣ иначе, какъ въ веригахъ, въ покаянномъ скиталь-

чествъ. Черта эта въ жизни народа нашего—историческая, на которую невозможно не обратить вниманія, даже и потому только, что ея нѣтъ болѣе ни въ одномъ европейскомъ народѣ. Чтѣ изъ нея выйдетъ—сказать трудно, тѣмъ болѣе, что и къ нашему народу надвигаются, чрезъ школы и грамотность, просвѣщеніе и несомнѣнно новые вопросы, которые могутъ многое измѣнить. Но пока ею, и только ею одною, то-есть этою только чертою и возможно объяснить всю загадку сознательности прошлогодняго движенія народа нашего въ пользу „братьевъ-славянъ“, какъ выражались прошлаго года официально, а теперь какъ выражаются почти въ насыщку. Про славянъ дѣйствительно народъ нашъ почти ничего не зналъ, и не только одинъ на тысячу, какъ выражается Левинъ, но на много тысячъ одинъ какой-нибудь, можетъ быть, слышалъ, какъ-нибудь мелькомъ, что есть тамъ какіе-то сербы, черногорцы, болгары, единовѣрцы наши. Но зато народъ нашъ, почти весь, или въ чрезвычайномъ большинствѣ, слышалъ и знаетъ, что есть православные христиане подъ игомъ Магометовыемъ, страдаютъ, мучаются, и что даже самыя святыя мѣста, Іерусалимъ, Аенонъ, принадлежатъ иновѣрцамъ. Онъ даже двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ могъ слышать объ истязуемыхъ восточныхъ христіанахъ и о порабощенныхъ святыхъ мѣстахъ, когда покойный государь начинать свою войну съ Турцией, а потомъ съ Европой, кончившуюся Севастополемъ. Тогда тоже, въ началѣ войны, пронеслось сверху слово о святыхъ мѣстахъ, которое народъ могъ тоже съ тѣхъ поръ запомнить. Кромѣ того, еще задолго до прошлогодняго подъема нашего въ пользу славянъ, начались истязанія этихъ славянъ, и почти годъ какъ обѣ этомъ уже говорили и писали въ Россіи, и я самъ слышалъ, какъ въ народѣ уже спрашивали даже тогда еще: „правда ли, что турокъ опять подымается?“ Кромѣ того (хотя это и отдаленное соображеніе), но мнѣ кажется, что и время какъ бы всему этому способствовало, т.-е. прошлогоднему движенію. Довольно давно уже, относительно говоря, какъ послѣдовало у насъ освобожденіе крестьянъ, и вотъ прошли эти годы—и что же увидѣлъ въ средѣ своей народъ? Увидѣлъ онъ, между прочимъ, увеличившееся пьянство, умножившихся и усилившихся кулаковъ, кругомъ себя нищету, на себѣ нерѣдко звѣриный образъ,—многихъ, о, многихъ, можетъ быть, брала уже за сердце

какая-то скорбь, покаянная скорбь, скорбь самообвинения, исканія лучшаго, святого... И вотъ вдругъ раздается голосъ обѣ угнетеніи христіанъ, обѣ мученіяхъ за Церковь, за вѣру, о христіанахъ, полагающихъ голову за Христа и идущихъ на крестъ—(такъ какъ если бы они согласились отречься отъ Креста и принять магометанство, то были бы всѣ пощажены и награждены,—это-то уже, конечно, народу было извѣстно). Поднялись воззванія къ пожертвованіямъ, затѣмъ пронесся слухъ про русскаго генерала, поѣхавшаго помочь христіанамъ, затѣмъ начались добровольцы,—все это потрясло народъ. Именно потрясло, какъ я выразился выше, какъ бы *призывомъ къ покаянію, къ говѣнью*. Кто не могъ идти самъ, принесъ свои гроши, но добровольцевъ всѣ провожали, всѣ, вся Россія. Старый князь, сидя въ Карлсбадѣ, не могъ понять этого движенія и воротился въ самый разгаръ его съ юморомъ на устахъ. Но вѣдь что же могъ понять въ Россіи и въ русскомъ человѣкѣ этотъ клубный старичокъ? Умный Левинъ могъ бы понять гораздо болѣе его, но его сбило съ толку соображеніе, что народъ не знаетъ исторіи и географіи, а главное досада на то, что какіе-то Гагозовы объявляютъ войну даже не спросясь его. Но объявленія войны не было, а со стороны народа было какъ бы всеобщее умиленное покаяніе, жажда принять участіе въ чемъ-то святымъ, въ дѣлѣ Христовомъ, за ревнующихъ о крестѣ его,—вотъ все, чѣмъ было. Такъ что движеніе-то было и покаянное, и въ то же время историческое. Замѣтите себѣ, что, говоря про эту историческую черту русскаго народа, т.-е. про ревность его къ „дѣлу Божію“, ко святымъ мѣстамъ, къ угнетенному христіанству и вообще ко всему *покаянному, божественному*, я вѣдь вовсе не думаю хвалить за это русскій народъ: я не хвалю и не хулю, я только констатирую фактъ, *которымъ многое объяснить можно*. Чѣмъ дѣлать, что у насъ есть такая *историческая* черта? Я не знаю, что изъ нея выйдетъ, но очень можетъ быть что-нибудь и выйдетъ. Въ жизни народовъ все важнѣйшее слагается всегда сообразно съ ихъ важнѣйшими и характернѣйшими національными особенностями. Пока, напримѣръ, у насъ, изъ вышеуказанной исторической черты народа нашего, выходитъ, можетъ-быть, *каждый разъ*, въ войну Россіи съ султаномъ,—сознательно-національное отношеніе народа нашего ко всякой такой войнѣ,

такъ что нечего дивиться горячemu участю народа къ такой войнѣ собственно потому только, что онъ не знаетъ исторіи и географіи. Что надо знать ему—онъ знаетъ. О, нашъ народъ безграмотный невѣжда, это бесспорно, и ему даже въ нравственномъ отношеніи можно бы насказать множество превосходныхъ и просвѣщеннѣйшихъ вѣщей насчетъ столь застарѣлой въ немъ древней исторической черты его. Этимъ русскимъ людямъ можно бы было разъяснить, что всѣ ихъ странствованія, паломничества—суть только узкое пониманіе ихъ долга и обязанностей; что нечего ходить за хорошимъ такъ далеко, что лучше было бы, если бъ онъ бросилъ пьянство, обратилъ вниманіе на умноженіе своего благосостоянія, на прикопленіе экономическихъ силъ, не биль жену, обратилъ вниманіе на школы, на шоссейные дороги и проч., однимъ словомъ, хоть чѣмъ бы нибудь способствовалъ, чтобъ Россія, его отчество, стала, наконецъ, походить на другія „просвѣщенные европейскія государства“. Можно бы внушить, наконецъ, паломнику, что хожденія его по святымъ мѣстамъ Богу вовсе ненадобны, потому главное, что ни ему самому, ни семейству его и никому пользы никакой не приносятъ, а что, напротивъ, приносятъ даже вредъ, ибо странствующій, уходя надолго, оставляетъ свой домъ, родину, въ сущности для цѣли эгоистической, для спасенія души своей, тогда какъ Богу несравненно было бы приятнѣе, если бъ онъ употребилъ свой праздный досугъ на какую-нибудь пользу ближнему: посидѣлъ бы на огородѣ, присмотрѣлъ бы за телятами и проч., и проч. Однимъ словомъ, можно бы наговорить много прекраснаго; но что же, однако, дѣлать, если такъ именно сложилась эта историческая черта и исканіе доброго приняло въ народѣ нашемъ почти что одну эту форму, то-есть форму покаянную въ паломническомъ или жертвенномъ видѣ? По крайней мѣрѣ, въ ожиданіи „просвѣщенія“, умный Левинъ могъ бы зачесть народу эту историческую черту его. Онъ могъ бы понять, по крайней мѣрѣ, что многіе добровольцы и народъ, провожавшій ихъ, дѣйствовали изъ побужденія хорошаго, думали дѣло сдѣлать доброе (въ этомъ нельзя же не согласиться!), а, стало-быть, во всякомъ случаѣ, это были хорошиe представители народа, конечно, не „блеставшіе просвѣщеніемъ“, но и не потерянные же люди, не безшабашные, не стрюцкіе, не заболтавшіеся, а, напротивъ, даже, можетъ-быть, лучшіе

люди изъ народа. Дѣло это было ведено прямо, какъ Христово дѣло, а у многихъ, у очень многихъ въ тайникахъ души ихъ — именно какъ очистительное и покаянное дѣло. И не одинъ-то изъ всего этого народа не чувствовалъ себя, за это дѣло, виноватымъ передъ Царемъ своимъ! Напротивъ, зналъ, что милосердымъ сердцемъ своимъ Царь-Освободитель заодно съ народомъ своимъ. Воли Царевої, слова его, всѣ ждали въ умиленіи и надеждѣ, а мы, мы, сидя по угламъ нашимъ, радовались еще про себя, что великій народъ русскій оправдалъ великую и вѣчную надежду нашу на него. А потому могло ли быть, хоть съ какой-нибудь стороны, примѣнено къ нему и къ его благородному и кроткому движению — сравненіе съ шайкой Пугачева, съ коммуной и проч.! Именно только раздраженный до сотрясенія ипохондрикъ Левинъ могъ провозгласить это. Вотъ что значитъ обидчивость!

IV.

Сотрясеніе Левина. Вопросъ: Имѣеть ли разстояніе вліяніе на человѣколюбіе? Можно ли согласиться съ мнѣніемъ одного плѣннаго турка о гуманности нѣкоторыхъ нашихъ дамъ? Чему же, наконецъ, насть учать наши учители?

Но сотрясеніе идетъ еще далѣе: Левинъ прямо и назойливо провозглашаетъ, что состраданія къ мученіямъ славянъ, что „*непосредственною чувства къ угнетенію славянъ нѣть, и не можетъ быть*“. Сергій Ивановичъ говоритъ:

...Тутъ нѣть объявленія войны, а просто выраженіе человѣческаго, христіанскаго чувства. Убиваются братьевъ, единокровныхъ и единовѣрцевъ. Ну, положимъ, даже не братьевъ, не единовѣрцевъ, а просто дѣтей, женщинъ, стариковъ: чувство возмущается и русскіе люди бѣгутъ, чтобы помочь прекратить эти ужасы. Представь себѣ, что ты бы шелъ по улицѣ и увидѣлъ бы, что пьяные бываютъ женщины или ребёнка; я думаю, ты не сталъ бы спрашивать, объявлена или не объявлена война этому человѣку, а ты бы бросился на него и защитилъ бы обижаемаго.

— Но не убиль бы, сказаъ Левинъ.

— Нѣть, ты бы убиль.

— Я не знаю. Если бы я увидалъ это, я бы отдался своему чувству непосредственному, но впередъ сказать я не могу. И такого непосредственного чувства къ угнетенію славянъ нѣть, и не можетъ быть.

— Можетъ-быть, для тебя нѣть. Но для другихъ оно есть, недовольно хмурясь, сказалъ Сергій Ивановичъ.— Въ народѣ живы преданія о православныхъ людяхъ, страдающихъ подъ игомъ «нечестивыхъ Агарянъ». Народъ услыхалъ о страданіяхъ своихъ братій и заговорилъ.

— Можетъ быть, уклончиво сказаъ Левинъ, — но я не вижу; я самъ народъ, и я не чувствую этого.

И опять: „я самъ народъ“. Повторяю еще разъ: всего только два часа тому, какъ этотъ Левинъ и вѣру-то свою получилъ отъ мужика, по крайней мѣрѣ, тотъ надоумилъ его какъ вѣрить. Я не восхваляю мужика и не унижаю Левина, да и судить не берусь теперь, кто изъ нихъ лучше вѣрилъ и чье состояніе души было выше и развитѣе, ну, и проч., и проч. Но вѣдь согласитесь сами, повторяю это, что ужъ изъ одного этого факта Левинъ могъ бы догадаться, что есть же нѣкоторая *существенная* разница между нимъ и народомъ. И вотъ онъ говоритъ: „Я самъ народъ“. А почему онъ такъ увѣренъ въ томъ, что онъ самъ народъ? А потому, что запрячь телѣгу умѣеть и знаетъ, что огурцы съ медомъ бѣть хорошо. Вотъ вѣдь люди! И какое самомнѣніе, какая гордость, какая заносчивость!

Но все же не въ томъ главное. Левинъ увѣряетъ, что непосредственного чувства къ угнетенію славянъ *нельзя* и не можетъ быть. Ему возражаютъ, что „народъ услыхалъ о страданіяхъ своихъ братій и заговорилъ, а онъ отвѣчаетъ: Можетъ-быть, но я не вижу; я самъ народъ, и я не чувствую этого“!

То-есть состраданія? Замѣтьте, что споръ Левина съ Сергеемъ Ивановичемъ о состраданіи и о непосредственномъ чувствѣ къ угнетенію славянъ ведется уклончиво и какъ бы съ намѣреніемъ, чтобы кончить побѣдою Левина. Сергей Ивановичъ спорить, напримѣръ, изо всѣхъ силъ, что если бъ Левинъ шелъ и увидѣлъ, что пьяные бьютъ женщину, то онъ бы бросился освободить ее! „Но не убиль бы!“ возражаетъ Левинъ.—Нѣть, ты бы убиль, настаиваетъ Сергей Ивановичъ, и ужъ, конечно, говорить вздоръ, потому что кто жъ, помогал женщинѣ, которую бьютъ пьяные, убить пьяныхъ? Можно освободить и не убивая. А главное, дѣло вовсе идетъ не о дракѣ на улицѣ, сравненіе невѣрно и не однородно. Говорятъ о славянахъ, объ истязаніяхъ, пыткахъ и убийствахъ, которымъ они подвергаются, и Левинъ слишкомъ знаетъ, что онъ говоритъ о славянахъ. Стало-быть, когда онъ говоритъ, что онъ не знаетъ, помогъ ли бы онъ, что онъ не видитъ и *ничего не чувствуетъ* и проч., и проч., то именно заявляетъ, что не чувствуетъ состраданія къ мученіямъ славянъ (а не къ мученіямъ прибитой пьяными женщины)

и настаиваетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ неѣть и не можетъ быть, а не къ угнетенію пьяной женщины. Да такъ онъ буквально и выражается.

Здѣсь довольно любопытный психологический фактъ. Книга вышла всего $2\frac{1}{2}$ мѣсяца назадъ, а $2\frac{1}{2}$ мѣсяца назадъ уже совершенно извѣстно было, что всѣ безчисленные разсказы о безчисленныхъ мученіяхъ и истязаніяхъ славянъ—совершенная истина,—истина, засвидѣтельствованная теперь тысячью свидѣтелей и очевидцевъ всѣхъ націй. То, что мы узнали въ эти полтора года объ истязаніяхъ славянъ, пересиливаетъ фантазію всякаго, самаго болѣзnenнаго и изступленного воображенія. Извѣстно, во-первыхъ, что убийства эти не случайны, а систематическія, нарочно возбуждаемыя и всячески поощряемыя. Истребленія людей производятся тысячами и десятками тысячъ. Утонченности въ мученіяхъ таковы, что мы не читали и не слыхивали ни о чёмъ еще подобномъ прежде. Съ живыхъ людей сдирается кожа въ глазахъ ихъ дѣтей; въ глазахъ матерей подбрасываютъ и ловятъ на штыкъ ихъ младенцевъ, производится насилиchanье женщинъ и въ моментъ насилия онъ прокалываетъ ее кинжаломъ, а главное мучать въ пыткахъ младенцевъ и ругаются надъ ними. Левинъ говорить, что онъ не чувствуетъ *ничего* (!), и азартно утверждаетъ, что непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ неѣть и не можетъ быть. Но смѣю увѣрить г. Левина, что оно можетъ быть и что я самъ былъ тому уже неоднократно свидѣтелемъ. Я видѣлъ, напримѣръ, одного господина, который о своихъ чувствахъ говорить не любить, но который, услышавъ какъ одному двухлѣтнему мальчику, въ глазахъ его сестры, прокололи иголкой глаза и потомъ посадили на колъ, такъ что ребенокъ все-таки не скоро умеръ и еще долго кричалъ,—услышавъ про это, этотъ господинъ чуть не сдѣлался боленъ, всю ту ночь не спалъ и два дня послѣ того находился въ тяжеломъ и разбитомъ состояніи духа, мѣшившемъ его занятіямъ. Смѣю увѣрить при этомъ г. Левина, что господинъ этотъ человѣкъ честный и бесспорно-порядочный, далеко не стрюцкій и ужъ отнюдь не членъ шайки Пугачева. Я хотѣлъ только заявить, что непосредственное чувство къ истязаніямъ славянъ существовать можетъ, и даже самое сильное, и даже во всѣхъ классахъ общества. Но Левинъ настаиваетъ, что его *не можетъ и быть* и что самъ онъ *ничего* не чувствуетъ. Это

для меня загадка. Конечно, есть просто безчувственные люди, грубые, съ развитиемъ извращеннымъ. Но вѣдь Левинъ, кажется, не таковъ, онъ выставленъ человѣкомъ вполнѣ чувствительнымъ. Не дѣйствуетъ ли здѣсь просто разстояніе? Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли въ иныхъ натурахъ этой *психологической особенности*: „Самъ, дескать, не вижу, происходитъ далеко, ну, вотъ ничего и не чувствую“. Бромъ шутокъ, представьте, что на планетѣ Марсъ есть люди, и что тамъ выкалываютъ глаза младенцамъ. Вѣдь, можетъ-быть, и не было бы намъ на землѣ жалко, по крайней мѣрѣ, такъ ужъ очень жалко? То же самое, пожалуй, можетъ быть и на землѣ при очень большихъ разстояніяхъ: „Э, дескать, въ другомъ полушаріи, не у насъ!“ То-есть, хоть онъ и не выговариваетъ это прямо, но такъ чувствуетъ, т.-е. *ничего* не чувствуетъ. Въ такомъ случаѣ, если разстояніе дѣйствительно такъ вліяетъ на гуманность, то рождается самъ собою новый вопросъ: на какомъ разстояніи кончается человѣколюбіе? А Левинъ дѣйствительно представляетъ большую загадку въ человѣколюбіи. Онъ прямо утверждаетъ, что онъ *не знаетъ*, убилъ ли бы онъ.

— Если бы я увидалъ это, я бы отдался своему чувству непосредственному, но впередъ сказать я не могу.

Значитъ, не знаетъ что бы онъ сдѣлалъ. А между тѣмъ это человѣкъ чувствительный, и вотъ, какъ чувствительный-то человѣкъ, онъ и боится убить... турку. Представимъ себѣ такую сцену: стоитъ Левинъ уже на мѣстѣ, тамъ, съ ружьемъ и со штыкомъ, а въ двухъ шагахъ отъ него турокъ сладострастно приготовляется выколоть иголкой глазки ребенку, который уже у него въ рукахъ. Семилѣтняя сестренка мальчика кричитъ и какъ безумная бросается вырвать его у турка. И вотъ, Левинъ стоитъ въ раздумыи и колеблется:

— Не знаю, что сдѣлать. Я ничего не чувствую. Я самъ народъ. Непосредственного чувства къ угнетенію славянъ нѣть, и не можетъ быть.

Нѣть серьезно, что бы опъ сдѣлалъ, послѣ всего того, что намъ высказалъ? Ну, какъ бы не освободить ребенка? Неужели дать замучить его, неужели не вырвать, сейчасъ же, изъ рукъ злодѣя турка?

— Да, вырвать, но, вѣдь, пожалуй, придется болно толкнуть турка?

— Ну и толкни!

— Толки! А какъ онъ не захочеть отдать ребенка и выхватить саблю? Вѣдь придется, можетъ-быть, убить турку?

— Ну и убей!

— Нѣтъ, какъ можно убить! Нѣтъ, нельзя убить турку. Нѣтъ, ужъ пусть онъ лучше выколеть глазки ребенку и замучаетъ его, а я уйду къ Кити.

Вотъ какъ долженъ поступить Левинъ, это прямо выходитъ изъ его уображеній и изъ всего того, что онъ говоритъ. Онъ прямо говоритъ, что *не знаетъ*, помогъ ли бы онъ женщинѣ или ребенку, если бы приходилось убить при этомъ турку. А турокъ ему жаль ужасно.

— Двадцать лѣтъ тому назадъ мы бы молчали (говорить Сергѣй Ивановичъ), а теперь слышимъ голосъ русскаго народа, который готовъ встать, какъ одинъ человѣкъ, и готовъ жертвовать собой для угнетенныхъ братьевъ; это великий шагъ и задатокъ силы.

— Но, вѣдь, не жертвовать только, а убивать турокъ, робко сказалъ Левинъ.—Народъ жертвуетъ и готовъ жертвовать для своей души, а не для убийства...

То есть, другими словами: „возьми дѣвочки деньги, жертву для души нашей, а ужъ братишкѣ пусть выколютъ глазки. Нельзя же турку убивать...“

И потомъ дальше уже говорить самъ авторъ про Левина:

... Онъ не могъ согласиться съ тѣмъ, чтобы десятки людей, въ числѣ которыхъ и братъ его, имѣли право, на основаніи того, что имъ разсказали сотни приходившихъ изъ столицы краснобаевъ-добропольцевъ, говорить, что они съ газетами выражаютъ волю и мысль народа, и такую мысль, которая выражается въ *мишеніи и убийствѣ*.

Это несправедливо: *мишенія* нѣтъ никакого. У насъ и теперь ведется война съ этими кровопопѣцами и мы слышимъ только о самыхъ гуманныхъ фактахъ со стороны русскихъ. Смѣло можно сказать, что немногія изъ европейскихъ армій поступили бы съ такимъ непріятелемъ такъ, какъ поступаетъ теперь наша. Недавно только, въ двухъ или трехъ изъ нашихъ газетъ, была проведена мысль, что не полезнѣе ли бы было, и именно для уменьшения звѣрства, ввести репрессалии съ отъявленно-уличенными въ звѣрствахъ и мучительствахъ турками? Они убиваютъ плѣнныхъ и раненыхъ послѣ неслыханныхъ истязаній, въ родѣ отрѣзыванія носовъ и другихъ членовъ. У нихъ объявились специалисты истребленія грудныхъ младенцевъ, мастера, которые, схвативъ грудного ребенка за обѣ ножки, разрываютъ его сразу пополамъ, на потѣху и хохотъ своихъ товарищей башибузуковъ. Эта изолгавшаяся и изподлившаяся нація отирается отъ

звѣрствъ, совершенныхъ єю. Министры султана увѣряютъ, что не можетъ быть умерщвленія плѣнныхъ, ибо „коранъ запрещаетъ это“. Еще недавно человѣколюбивый императоръ германскій съ негодованіемъ отвергъ официальную и лживую, повсемѣстную жалобу турокъ на русскія, будто бы, жестокости и объявилъ, что не вѣрить имъ. Съ этой подлой націей нельзя бы, кажется, поступать по-человѣчески, но мы поступаемъ по-человѣчески. Осмѣлюсь выразить даже мое личное мнѣніе, что къ репрессаліямъ противъ турокъ, уличенныхыхъ въ убийствѣ плѣнныхъ и раненыхъ, лучше бы не прибѣгать. Врядъ ли это уменьшило бы ихъ жестокости. Говорять, они и теперь, когда ихъ берутъ въ плѣнъ, смотрѣть испуганно и недовѣрчиво, твердо убѣжденные, что имъ сейчасъ станутъ отрѣзать головы. Пусть уже лучше великодушное и человѣколюбивое веденіе этой войны русскими не омрачится репрессаліями. Но выкалывать глаза младенцамъ нельзя допускать, а для того, чтобы пресечь навсегда злодѣйство, надо освободить угнетенныхъ накрѣпко, а у тирановъ вырвать оружіе разъ навсегда. Не беспокойтесь, когда ихъ обезоружатъ, они будутъ дѣлать и продавать халаты и мыло, какъ наши казанскіе татары, обѣ чемъ уже я и говорилъ, но чтобы вырвать изъ рукъ ихъ оружіе, надо вырвать его въ бою. Но бой не мщеніе, Левинъ можетъ быть за турка спокоенъ.

Левинъ могъ бы быть и прошлаго года за турку спокоенъ. Развѣ онъ не знаетъ русскаго человѣка, русскаго солдата? Вотъ пишутъ, что солдатъ хоть и колеть изверга турку въ бою, но что видѣли, какъ съ плѣннымъ туркой онъ уже не разъ дѣлился своимъ солдатскимъ раціономъ, кормилъ его, жалѣль его. И повѣрьте, что солдатикъ зналъ все про турка, зналъ, что попался бы онъ самъ къ нему въ плѣнъ, то этотъ же самый плѣнныи турокъ отрѣзалъ бы ему голову и вмѣстѣ съ другими головами сложилъ бы изъ нихъ полумѣсяцъ, а въ срединѣ полумѣсяца сложилъ бы срамную звѣзду изъ другихъ частей тѣла. Все это знаетъ солдатикъ и все-таки кормитъ измученнаго въ бою и захваченнаго въ плѣнъ турку: „человѣкъ тоже, хоть и не християнинъ“. Корреспондентъ англійской газеты, видя подобные случаи, выразился: „это армія джентльменовъ“. И Левинъ лучше многихъ другихъ могъ бы знать, что это дѣйствительно армія джентльменовъ. Когда болгары въ иныхъ городахъ спрашивали Его Вы-

сочество главнокомандующаго, какъ имъ поступать съ имуществомъ бѣжавшихъ турокъ, то онъ отвѣталъ имъ: „имущество собрать и сохранить до ихъ возвращенія, пола ихъ убрать и хлѣбъ сохранить, взявъ третью въ вознагражденіе за трудъ“. Это тоже слова джентльмена, и, повторю, Левинъ могъ бы быть спокоенъ за турокъ: гдѣ тутъ мщеніе, гдѣ репрессаліи? Сверхъ того, Левинъ, столь тонко знающій русское общество, могъ бы тоже сообразить, что турокъ спасеть еще нашъ ложный европеизмъ и наше нелѣпое, выдѣланное и прямолинейное сентиментальничанье, столь нерѣдкое въ нашемъ образованномъ обществѣ. Слыхалъ ли Левинъ про нашихъ дамъ, которые провозимыемъ въ вагонахъ плѣнными туркамъ бросаютъ цвѣты, выносятъ дорогого табаку и конфетъ? Писали, что одинъ турокъ, когда тронулся опять поѣздъ, громко харкнулъ и энергически плюнула въ самую группу гуманныхъ русскихъ дамъ, махавшихъ отходящему поѣзду вслѣдъ платочками. Конечно, трудно согласиться вполнѣ съ мнѣніемъ этого безчувственного турка, и Левинъ можетъ разсудить, что тутъ со стороны ласковыхъ турокъ дамъ нашихъ—лишь истерическое сентиментальничаніе и ложный либеральный европеизмъ: „вотъ, дескать, какъ мы гуманны и какъ мы европейски развиты, и какъ мы умѣемъ это выказать!“ Но, однако, самъ-то Левинъ: развѣ не туже прямолинейность, не то же сентиментальное европейничанье онъ самъ проповѣдуетъ и высказываетъ? Убиваютъ турокъ въ войнѣ, въ честномъ бою, не мстя имъ, а единственно потому, что иначе никакъ нельзя вырвать у нихъ изъ рукъ ихъ безчестное оружіе. Такъ было и прошлаго года. А если не вырвать у нихъ оружіе и—чтобъ не убивать ихъ—уйти, то опи вѣдь тотчасъ же опять станутъ вырѣзывать груди у женщинъ и прокалывать младенцамъ глаза. Какъ же быть? Дать лучше прокалывать глаза, чтобъ только не убить какъ-нибудь турку? Но вѣдь это извращеніе понятій, это тупѣйшее и грубоѣйшее сентиментальничаніе, это изступленная прямолинейность; это самое полное извращеніе природы. Къ тому же, принужденный убивать турку солдатъ, самъ несетъ жизнь свою въ жертву, да еще терпитъ мученія и истязанія. Для мщенія ли, для убийства ли одного только поднялся русскій народъ? И когда бывало это, чтобъ помочь убиваемымъ, истребляемымъ цѣлыми областями, насилияемъ женщинамъ и дѣтямъ и за которыхъ уже въ

цѣломъ свѣтѣ совершенно некому заступиться—считалась бы дѣломъ грубымъ, смѣшнымъ, почти безнравственнымъ, жаждой мщепія и кровопійства! И что за безчувственность рядомъ съ сентиментальностью! Вѣдь у Левина у самого есть ребенокъ, мальчикъ, вѣдь онъ же любить его, вѣдь когда моютъ въ ваннѣ этого ребенка такъ вѣдь это въ домѣ въ родѣ событий; какъ же не искровенить ему сердце свое, слушая и читая обѣ избѣніяхъ массами, обѣ дѣтяхъ съ ироломанными головами, ползающихъ около изнасилованныхъ своихъ матерей, убитыхъ, съ вырѣзанными грудями. Такъ было въ одной болгарской церкви, гдѣ нашли двѣсти такихъ труповъ, послѣ разграбленія города. Левинъ читаетъ все это, и стоить въ задумчивости:

— Кити весела и съ аппетитомъ сегодня кушала; мальчика вымыли въ ваннѣ и онъ сталъ меня узнавать: какое мнѣ дѣло, что тамъ въ другомъ полушаріи происходитъ; непосредственного чувства къ учиненію славянъ нѣть и не можетъ быть,—потому что я ничего не чувствую.

Этимъ ли закончилъ Левинъ свою эпопею? Его ли хочетъ выставить намъ авторъ, какъ примѣръ правдиваго и честнаго человѣка? Такіе люди, какъ авторъ Анны Ка-рениной—суть учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики ихъ. Чему жъ они насъ учатъ?

20,-

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

198280

Biblioteka WSP Kielce

0162431